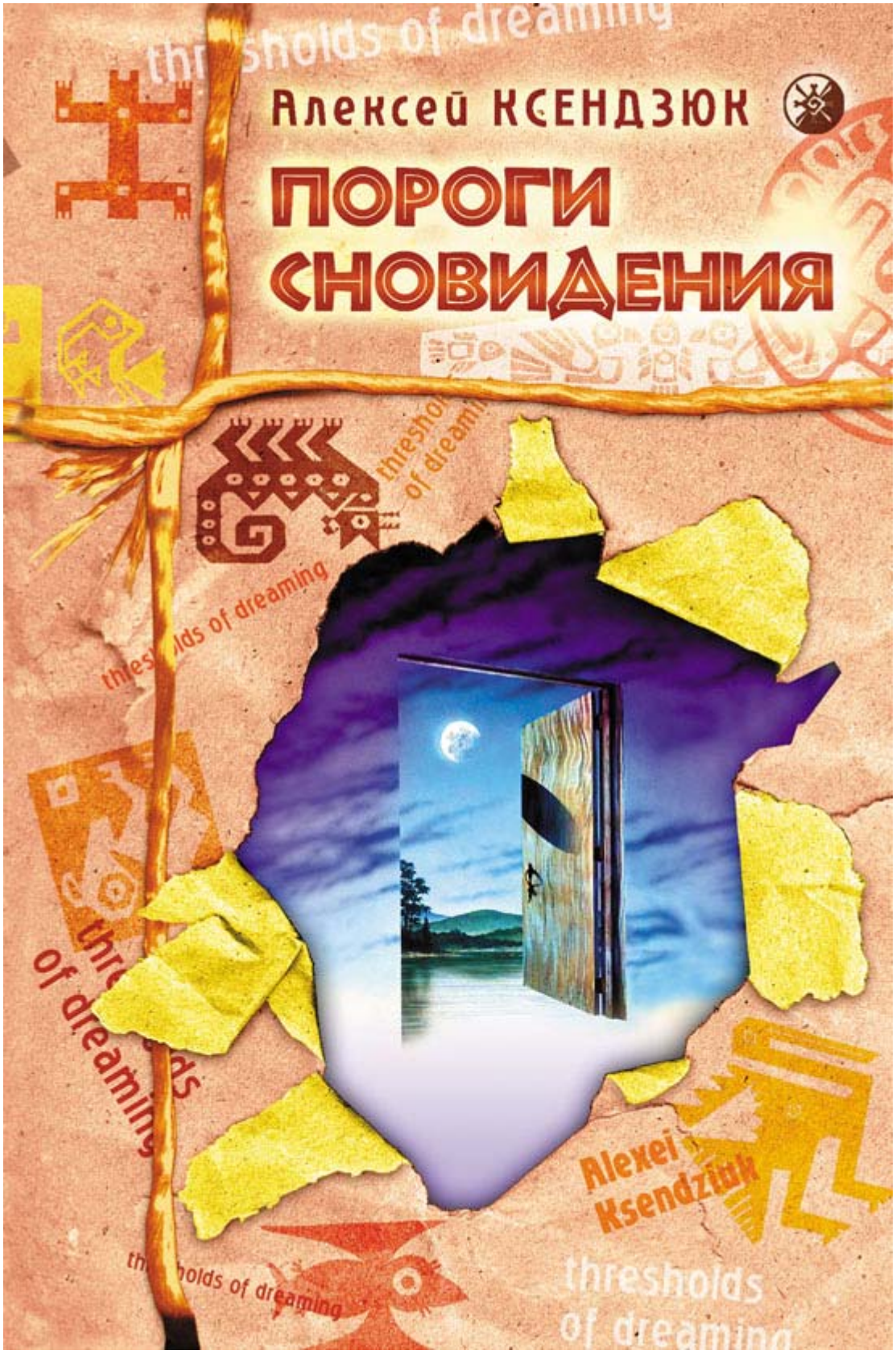

thresholds of dreaming
Алексей КСЕНДЗЮК
ПОРОГИ СНОВИДЕНИЯ
Alexei Ksendzuk
thresholds of dreaming

АЛЕКСЕЙ КСЕНДЗЮК. ПОРОГИ СНОВИДЕНИЙ 4

СНОВИДЕНИЕ КАК ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ТЕЛА 5

Отношение к сну и сновидению. Подходы и интерпретации 5
Роль энергетического сновидения в Трансформации 9
Философия энергетической Реальности. Аксиомы нагуализма 13
Чистота тоналя – фундамент трансформирующего сновидения. Вопрос веры 17
Позиция сновидящего на пути осознания себя в Реальности 22

ПОРОГ ПЕРВЫЙ. ВНИМАНИЕ СНОВИДЕНИЯ 26

Внимание сновидения в системе полей первого, второго и третьего внимания 26
Что такое внимание? 26
Внимание как сборка. Точка сборки 32
Первое, второе и третье внимание 34
[Первое внимание] 34
[Второе внимание] 36
[Третье внимание] 38
Внимание сновидения как максимальное «противостояние природе» 39
Образ жизни и практика сновидящего 41
Безупречность в практике сновидения 43
Сталкинг в практике сновидения 48
Инструменты ежедневной практики сновидящего 51
Практика в течение дня. Первое внимание как трамплин 55
Темп и динамика индивидуального прогресса сновидящего 57
Предостережения: деформация намерения, волевые сновидения и энергетические кризисы 59
Не-делание и два способа вхождения в сновидение 60
Вхождение в сновидение через семантический вакуум 64
Перцептивное не-делание 65
Методы перцептивного не-делания 66
Аудиальное и кинестетическое не-делание 71
Два способа вхождения в сновидение 73
Зоны концентрации 73
Процедуры вхождения в сновидение 75
Прямой сдвиг точки сборки – «прорыв» ко второму телу 76
Продукция тонального аппарата при прямом сдвиге точки сборки 81
Уровни тональной продукции при прямом сдвиге точки сборки 83
Эффекты прямого сдвига точки сборки и усиление осознания 86
(1) [Сверхвозбуждение] 88
(2) Активизация центров фронтальной пластины 89
(3) Психоэмоциональная лабильность 91
(4) Восприятие энергетических полей и потоков в теле 92
(5) Сенсорные и ментальные конструкты 94
(6) Фрагменты внешней перцепции как результат сборки сигналов, поступающих с поверхности энергетического тела. Ясновидение, яснослышание, предвидение и психокинез 95
Достижение внимания сновидения 96
Приостановка делания и «первые врата» 97
Перешагивая порог «первых врат сновидения» 99
Внимание сновидения и второе внимание 101
Сущность сталкинга и внимание сновидения. Проблема равновесия 103
«Прозрение» сталкера 104
Инерция психоэнергетической системы и ее преодоление. Фактор новизны 107

ПОРОГ ВТОРОЙ. ТЕЛО СНОВИДЕНИЯ 110

Что такое тело сновидения? 110
Тело сновидения – дубль – телепортация. Тело сновидения как переход от внимания сновидения ко второму вниманию. 110
1) Мифология и метафизика тела сновидения 112
2) Второе внимание в Едином поле Бытия 113
3) Энергетическое тело и тело сновидения. Влияние тела сновидения на окружающий мир 116
4) Сборка тела как фактор стабилизации внимания и усиления осознания 118
5) Формирование тела сновидения 119
6) Спонтанный «выход» тела сновидения 122
7) Что такое «дубль»? Какова его природа? Превращение тела сновидения в энергетического «двойника» 124
8) Телепортация энергетической целостности – кульминация Пути толтекского сновидения 126
9) Сновидение способно исцелять 128
Методы формирования тела 129
«Делание» тела и обретение Силы. Тело сновидения как модель и поле Трансформации 129
1) «Делание» тела сновидения 131
2) «Делание» тела сновидения и перцептивно-энергетические паттерны 132

3) Тело сновидения как перцептивно-энергетическое поле. Перцептивные эффекты «телесных» паттернов 144

ПОРОГ ТРЕТИЙ. СИЛА СНОВИДЕНИЯ 149

Мир сновидения 149
«Проекция места» и второе внимание 152
От «проекции места» к мирам второго внимания 155
Психонавтика vs. астронавтика 158
Миры второго внимания и безупречность 163
Внимание сновидения и Познание 165
Перцептивные феномены и встречи с энергетическими сущностями 166
Предметы силы и другие объекты в сновидении 166
Сталкеры и сновидящие: контакты с неорганическими существами в сновидении 169
Неорганические сущности – провокаторы смещения точки сборки 170
«Ангелы» и «бесы» 170
«Учителя» и «собеседники» 171
«Лазутчики» и «союзники» в сновидении 172
«Хранители Порога» 175
Защита от «сущностей» в сновидении 176
«Предметы силы» в сновидении 177
Видение и странствие сновидящего 179
О понимании и постижении иных миров восприятия 181
Видение и его роль в сновидческой практике 182
Видение, языковая модель и Знание 186
Странствие по мирам второго внимания 189
«Пробуждение», целостность и Трансформация 192
«Пробуждение» 193
Что такое человек? 194
Трансформация. Шанс на успех 195
Целостность и Свобода 195
Духовное и научное Знание 197
Три внимания и три тела. Итоги 198

ПОСТСКРИПТУМ 202

ЭПИЛОГ 203

«Опыты светоносные» (Experimenta lucifera) 203

ПРИМЕЧАНИЯ 209

ДРУГИЕ КНИГИ АЛЕКСЕЯ КСЕНДЗЮКА 214

После Кастанеды: дальнейшее исследование 214
Тайна Карлоса Кастанеды 214
Анализ магического знания дона Хуана: теория и практика 214
Видение нагуаля 214
Человек неведомый 215
Толтекский путь усиления осознания 215

АЛЕКСЕЙ КСЕНДЗЮК. ПОРОГИ СНОВИДЕНИЙ

1. СНОВИДЕНИЕ КАК ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ТЕЛА
2. ПОРОГ ПЕРВЫЙ. ВНИМАНИЕ СНОВИДЕНИЯ
3. ПОРОГ ВТОРОЙ. ТЕЛО СНОВИДЕНИЯ
4. ПОРОГ ТРЕТИЙ. СИЛА СНОВИДЕНИЯ
5. ПОСТСКРИПТУМ
6. ЭПИЛОГ
7. ПРИМЕЧАНИЯ

СНОВИДЕНИЕ КАК ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ТЕЛА

1. Отношение к сну и сновидению. Подходы и интерпретации
2. Роль энергетического сновидения в Трансформации
3. Философия энергетической Реальности. Аксиомы нагуализма
4. Чистота тоналя – фундамент трансформирующего сновидения. Вопрос веры
5. Позиция сновидящего на пути осознания себя в Реальности

ОТНОШЕНИЕ К СНУ И СНОВИДЕНИЮ. ПОДХОДЫ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Способ понимания человеческого сновидения на протяжении веков и даже тысячелетий является проекцией борьбы двух мировоззренческих установок – рационализма и иррационализма. Причем конкретный «способ говорить» о сновидении может быть каким угодно. Любой описательный механизм годен для использования как рационалистами, так и поклонниками иррационального. Эти описания можно свести к трем типам: а) скептический, б) символический, в) буквальный.

Скептики полагают, что сновидение – психический феномен, по сути, лишенный познавательной ценности. Часто говорят о каком-то «побочном продукте» психической активности наяву. Иными словами, спящий мозг перестраивает полученную за день информацию, происходит разрядка накопившегося напряжения, перемещение этого напряжения и т. п. процессы. Дневные размышления, эмоции, впечатления, незавершенные гештальты – все это продолжается в период сна, развивается в соответствии с накопленным за день импульсом и в конечном счете приходит к новому психоэнергетическому равновесию. Это и отдых, и поведение итогов мозговой деятельности. Все перечисленные выше процессы вызывают некий галлюцинаторный эффект, что и воспринимается нами как «сновидение». Скептики могут допускать, что в отдельных случаях (интенсивная концентрация внимания, мыслительная активность) сновидение может предоставить человеку итог, результат начатой наяву интеллектуальной деятельности. Приводят в пример знаменитый сон Менделеева, где он увидел свою таблицу элементов, и подобные случаи. С точки зрения скептиков, это максимум того, что может дать сновидение человеку.

Сторонники «символического подхода» считают, что сновидение дает нам доступ либо к вытесненной части собственной психики, либо к некой области внешнего знания, которому они могут приписывать самые разные источники – от «здешних», но сверхслабых сенсорных сигналов до Космического Разума, ангелов и бесов. В любом случае, информация, «знание» транслируется в сновидении с помощью объемного набора символов. Символы можно расшифровать. Возможности расшифровки «символисты» оценивают по-разному. Одни считают, что есть универсальные символы, другие полагают, что сами символы индивидуальны, но законы шифровки можно разгадать методами анализа, третьи настаивают, что каждый сновидец пользуется собственным символическим языком, который никто не может разгадать, кроме него самого.

Наконец, третий подход сегодня кажется самым смелым, хотя несколько тысяч лет назад был наиболее распространенным и тривиальным. Буквальный подход декларирует, что есть некая область (мир или совокупность миров), куда отправляется сознающая часть психики (душа, астральное тело и т. п.), когда физическое тело спит. Сновидение – это память о приключениях этой «части» в иной реальности. Неудивительно, что сторонниками буквального подхода чаще всего являются мистики, оккультисты и маги, а также авторы экзотических теорий из области психоэнергетики и экстрасенсорики.

Три перечисленных подхода далеко не исчерпывают многообразия концепций и представлений, касающихся сна и сновидения. Сегодня, когда границы рационального все более размываются, когда модернистские и архаические идеи все более обнаруживают элементы фундаментального подобия, мы сталкиваемся с гипотезами, где современные интерпретации функций сновидения сплавлены с древнейшим страхом перед любым вторжением сознания в сон. При этом страх оправдывается как псевдонаучными, так и откровенно мистическими аргументами.

«Псевдонаучные» аргументы опираются на факты, свидетельствующие, что сновидение каким-то образом участвует в обработке бессознательных содержаний и информации. Ни один психолог, ни один психофизиолог не знает, в чем именно заключается роль сновидческих образов и приключений – то ли

они сами по себе обрабатывают бессознательный материал (что сомнительно), то ли просто предоставляют сознанию иллюстрации к этим процессам. Конечно, нам проще поверить в «наивную» интерпретацию – например, что сновидение обеспечивает сортировку, кодировку полученной днем информации, что есть некий «общий банк данных», к которому наяву доступа нет, а во сне есть. Вообще, сегодня слишком злоупотребляют компьютерными аналогиями, рассуждая о человеческой психике, и это вновь доказывает механистичность нашего тоналя. Приравнивая сновидение к компьютерной программе, форматирующей, организующей и чистящей жесткий диск сознания, мы, с одной стороны, упрощаем и искажаем положение вещей, с другой – мистифицируем значение сна.

Ибо, если во сне включается программа, которая обеспечивает нашу адаптацию, формирует поведение, предупреждает об энергетических угрозах, лечит и даже «обучает» (иногда встречаются и такие гипотезы), то сон – воплощенная мудрость тела, интегрирующая бессознательное и сверхсознательное. От наличия или отсутствия сна, от степени осознанности сновидений полностью и однозначно зависит вся наша биологическая и психическая жизнь. Стало быть, любое вмешательство осознания в сновидение чревато сбоем в работе естественных механизмов, что может привести как к психическим, так и к соматическим расстройствам.

Это, конечно же, изрядное преувеличение. Человек обладает мощным потенциалом саморегуляции и целым комплексом дублирующих, «страховочных» систем в области психики и психофизиологии. Пресловутая сортировка информации, адаптация, неосознаваемое обучение и корректировка, даже опережающая готовность к угрозам (граничащая с предвидением) – все это происходит не только во сне, но и наяву.

Человек – весьма гибкое существо. Если мы нуждаемся в снятии накопившихся психических возбуждений, в том типе перераспределения нервной энергии, что происходит только во сне, организм всегда находит выход. Депривация сна это прекрасно иллюстрирует. Так, мозг может спать «частично», когда сонное торможение охватывает лишь ту часть коры, где истощение достигло критического порога, мы способны погружаться в состояние кратковременного или даже мгновенного сна и т. д.

Не менее гибко человеческий организм реагирует на произвольные вторжения в порядок и длительность разных фаз сна. Если сегодня вам удалось растянуть фазу сна со сновидениями в ущерб «темному» периоду, то на следующую ночь организм исправит образовавшийся перекос. Это, разумеется, не значит, что тело может справиться с длительной ситуацией *внешнего* давления. Если вас насильственно будить, лишая нормального перехода в избранную фазу сна (такие эксперименты проводились), длительное время препятствовать механизму саморегуляции, то нервное и психическое истощение будет нарастать. Во всех иных ситуациях тело пользуется малейшей лазейкой для восстановления гомеостазиса. Оно справляется даже с химическими агентами, нарушающими структуру сна (например, барбитуратами), выстраивая барьер психофизиологической толерантности.

Все вышесказанное не означает, что работа с вниманием в сновидении совершенно безопасна. Усиливая осознанность и этим меняя качество и содержание сновидения, мы рискуем не рассчитать свои силы, совершить ошибку, проникнуть в области, к контакту с которыми еще не готовы. Поэтому мы нуждаемся в технике безопасности, и о ней будет много сказано в этой книге. Однако, *опасность заключена не в самом факте проникновения осознания* в таинственную область сновидческой активности, *а в неверном подходе*, пренебрежении целостным комплексом методов работы с вниманием и восприятием, в легкомыслии, которым грешат экспериментаторы. Путь сновидения предполагает необходимость усилить чувствительность наяву, способность слушать собственное тело, а не насиловать его, не «брать сновидение штурмом».

Ни рационалистское, ни символическое понимание сновидения нас не устраивают. Эти толкования страдают неполнотой и оставляют ряд подозрительных неясностей. Мистика же открывает бесконечное поле для фантазий, которые могут дорого обойтись верующему.

Поэтому нагуализм рассматривает сновидение особым образом, вытекающим из прагматической установки учения. По сути, игнорируя метафизику, мы говорим о сновидении в терминах восприятия и энергетической модели. И этот подход оказывается наиболее конструктивным, поскольку избегает многих обусловленностей материалистического или идеалистического описания. Если мы перестанем рассуждать о метафизике сна, а внимательно рассмотрим сам феномен сновидения, то получим только то, что *на самом деле* имеем в опыте, – то есть некоторое *восприятие*.

Поскольку мы не можем говорить об источнике восприятия наяву, это тем более непостижимо для состояния сновидения. Что остается несомненным? Когда тело погружается в сон, наше внимание и восприятие вдруг начинают работать. Эта работа, как правило, затруднена и хаотична, однако особенности сновидческого опыта сами по себе не доказывают абсолютную иллюзорность воспринимаемого. Ведь и наяву мы иногда сталкиваемся с состояниями расстройства или замешательства перцептивного аппарата. Их причины могут быть совершенно банальны или экзотичны – дезориентация, психическое перенапряжение, аффект или стресс, различные интоксикации (от алкоголя до галлюциногенов).

При всей своей стабильности восприятие, его качество, его характер и полнота, зависит от множества факторов. И в этом смысле восприятие – хрупкая вещь. Погрузиться в помрачение и даже хаос несложно. Достаточно изменить некоторые условия – внешние либо внутренние. Тем не менее, учитывая иногда крайне мощные деформации, мы не заявляем, что в ситуации подобного перцептивного кризиса наяву имели дело исключительно с иллюзиями. И только метафизическая предубежденность тоналя, поделившего получаемый опыт на «явь» и «сновидение», заставляет нас относиться к содержаниям сновидческого опыта *принципиально иначе*, чем к содержаниям бодрствования.

Конечно, каждый из перечисленных подходов (скептический, символический и буквальный) содержит в себе некое зерно истины. Мы находим в сновидении и переработку дневных впечатлений, и разрядку психологического напряжения, возникшего от эмоциональной жизни в бодрствующем состоянии, и продолжение интеллектуальной активности. Иногда мы наблюдаем довольно прозрачную трансляцию этих процессов через образы и символы. Тем более очевидно, что символика сновидения регулярно демонстрирует вытесненные конфликты и неразрешенные проблемы, волнующие нас на заднем плане подсознательного или бессознательного, и язык символов действительно имеет универсальные, глубинные компоненты, понимаемые как «архетипы» в юнгианском или пост-юнгианском смысле. Наконец, относительно редкие (но несомненные) случаи специфического предвидения, ясновидения и даже непостижимого влияния на других людей через такой, казалось бы, субъективный и внутренний мир сновидений – не позволяют считать древнее и наивное представление о реальном «странствии» во сне пустой фантазией примитивного человека.

Объединить все феномены сновидческой активности мы можем в том случае, если примем состояние сновидения как *ситуацию восприятия* со всеми присущими восприятию особенностями. Другой вопрос – восприятия чего? Когда психологи называют сновидение «следовой активностью бодрствующего сознания», «побочным продуктом», «переработкой бессознательного материала», они уводят нас от сути проблемы. Ибо в первую очередь мы имеем активизацию внимания и восприятия, происходящего в измененных условиях и собирающего некие пучки сигналов. Такими пучками могут быть фрагменты дневной памяти, впечатлений, эмоций и мыслей, активность бессознательной сферы, но и – наравне с ними – *внешних* процессов и явлений.

Понятно, что сновидящего не могут не занимать вопросы: какой объем воспринимаемого в этой позиции относится к внешнему? всегда внешнее присутствует в сновидении или только от случая к случаю? возможно ли увеличить объем внешних сигналов, и если возможно, то как именно? И наконец, главное – имея в виду, что восприятие искажено, может быть перешифровано особым символическим языком и т. д., – *как отличить внешние сигналы от внутренних!*

Опыт показывает, что методы и практики нагуализма способны дать ответы на каждый из поставленных вопросов. Некоторые разрешаются относительно быстро и легко, иные требуют длительной и исключительно сосредоточенной работы. В этой книге я постараюсь разъяснить все, что доступно описанию. Только не следует забывать, что никакое, даже самое внятное и исчерпывающее описание ни в малейшей степени не заменяет опыт.

Описание – это *модель и руководство*. Оно не должно гипнотизировать, вызывать обусловленные впечатления и, таким образом, искажать обретаемый опыт. Как уже было сказано, восприятие легко поддается установкам, инспирациям, эмоциональным порывам и чувствам, которые могут возникать от вдохновляющих идей либо метафорических преданий. В мою задачу не входит навевание увлекательных грез – поэтому я сознательно избегаю возбуждать романтическое воображение читателя и придерживаюсь «технологического» стиля. Изумительные книги Карлоса Кастанеды сделали более чем достаточно для того, чтобы создать настроение и вдохновить начинающих сновидцев. Он наполнил их образами, метафорами и Силой – все это в совокупности дает уникальный импульс. Теперь, когда мы

заражены намерением проникнуть в толтекское энергетическое сновидение – таинственное и «магическое», необходимо найти в себе *бесстрастие и трезвость*, сосредоточиться на технике и объективном исследовании. Вот настроение, которое я хочу передать вам всем содержанием и стилем данной книги. *Сновидение* требует исключительной уравновешенности, ибо его материал зыбок, подвижен и во многих своих аспектах довольно опасен.

Однако вернемся к тем вопросам, которые хотя бы вкратце надо рассмотреть в самом начале работы.

Какой объем воспринимаемого в сновидении относится к сигналам из внешней реальности? Скептики, отвечая на этот вопрос, останавливаются на очевидностях. Понятно, что наше спящее тело не утрачивает чувствительности полностью, что органы чувств, несмотря на общую заторможенность их активности, все-таки не заблокированы от внешнего поля, а значит, некие сигналы так или иначе достигают сознания. Нет также сомнений в том, что сигналы от внутренних органов, мышц и тканей (проприоцептивная сфера) поступают в мозг и оказывают влияние на образную продукцию сновидений. И это не так уж мало.

Более того, экспериментальная психология подтверждает, что в состоянии сна с известной регулярностью наблюдается *гиперчувствительность к сверхслабым сигналам* – тем подпороговым импульсам, что наяву, как правило, не осознаются. Есть и модели, которые, по мнению исследователей, объясняют данный феномен. Я не стану на них останавливаться, поскольку сами по себе они только продолжают принятое естествознанием описание мира, преломленное в науке о ЦНС, где возбуждение и торможение нервных тканей входят в различные отношения друг с другом. Это вполне рабочий «способ говорить», но сути явлений он не объясняет.

Стоит, однако, обратить внимание на то, что сновидение – *парадоксальное* состояние психики, и этим оно подобно гипнозу, медитации, трансу. Парадокс заключается в том, что сознание относится к поступающим извне сигналам, нарушая фундаментальные законы бодрствующего восприятия – сильные сигналы могут категорически вытесняться, слабые же – попадать в фокус внимания и там значительно усиливаться. Концепция «точки сборки» объясняет этот феномен весьма просто, в отличие от принятых нейрофизиологических моделей. Если мы признаем, что есть некий «центр» перцептивного аппарата, который определенным образом строит воспринимаемое поле со всеми присущими этому полю характеристиками, а также, что этот «центр» во сне (в трансе, под гипнозом и т. д.) «смещается», то парадоксы чувствительности перестают быть парадоксами. Достаточно допустить подвижность всей системы перцептивных координат, и «сила» сенсорного сигнала тут же становится относительной величиной. В позиции бодрствования сигнал А является «сильным», в смещенной позиции (например, в сновидении) тот же сигнал А оказывается «слабым». И наоборот – весьма слабый наяву сигнал В в позиции сновидения вызывает ураганную реакцию. Причем это необязательно имеет отношение к семантике сигнала, его значимости для спящего (как, например, шепот, тихий скрип двери, звук шагов, которые могут разбудить при полной отсутствии реакции на вопли за окном или мощный рев мотоцикла). Ситуация сложнее – гиперчувствительность не всегда вызывается психологической обусловленностью. Можно сказать, что она (чувствительность) во сне вообще ведет себя непостижимым образом – так, словно у сенсорных сигналов есть ряд характеристик, которые мы не можем учитывать (т. е. этих характеристик вообще нет в принятом наяву описании мира).

Таким образом, даже не привлекая экстрасенсорных возможностей восприятия во сне, мы получаем довольно странную картину. Слабые сигналы становятся сильными и попадают в центр восприятия, сильные уходят на периферию и практически перестают осознаваться, тонкие и почти неуловимые телесные реакции на внешнее поле обретают силу, четкость, детализацию и объем. Сенсориум «сдвинут» по отношению к осознанию, и весьма значительно. Этим мы сразу же отвечаем на второй, важный для сновидящего вопрос: *всегда ли* внешнее присутствует в сновидении? ВСЕГДА. Проблема заключена в том, чтобы *осознать* это присутствие.

И здесь мы находим непосредственную связь между *объемом* внешнего восприятия и *силой*, тренированностью нашего внимания. Самое тусклое, самое бессознательное сновидение на периферии, на неразличимом фоне бледных и автоматических образов содержит неявный энергетический след внешней Реальности. *Объем внешнего восприятия обусловлен интенсивностью внимания*.

А сила нашего внимания постоянно колеблется. То, что происходит с нашим вниманием наяву, продолжается во сне. Всплески сосредоточений сменяются провалами рассеянности и даже забвения. Погрузившись в поток сновидческих образов, обычный человек в лучшем случае испытывает одно-два

мгновения сосредоточенности. В эти короткие секунды его сознание разворачивается вовне и он получает несколько впечатлений из Реальности. Даже в том случае, если впечатление относится к привычному диапазону первого внимания, ему не хватает времени, чтобы верно «узнать», соотнести его с инвентаризационным списком. Остается лишь неясная тень, призрак, неуверенное чувство.

Дальше начинается «сказка». Внимание истощилось и перешло в режим забвения, рассеянного блуждания по пространству самого тоналя – обрывки ассоциаций, мыслей, фрагменты образной, эмоциональной и чувственной памяти. Всплеск внимания становится триггером, запускающим историю из образов, мыслей и чувств. Тональ рассказывает сам себе «сказку», которую мы иногда можем припомнить и рассказать утром. Это и есть обычное сновидение обычного человека. В нем либо вовсе нет ничего «внешнего» (оно забыто и вытеснено), либо сохранилась крохотная его часть, искаженная до неузнаваемости.

Изменить это положение может только специальная дисциплина. Суть ее сводится к выработке такого навыка работы с вниманием, чтобы даже во сне бдительность смогла победить нашу заторможенность и самопогруженность. Для этого мы нуждаемся в дополнительной энергии и разных типах тренировки. Нагуализм может дать и то и другое, в результате чего объем восприятия внешних сигналов в сновидении многократно возрастает.

Однако следует иметь в виду, что вместе с увеличением объема внешних восприятий способность к галлюцинированию также усиливается. Активизация внимания не может не привести к возбуждению большей части тональных структур. Решать эту проблему приходится с помощью сталкинга, специального очищения всего пространства тоналя – идей, образов, подсознательных установок и архетипов, а также качественно иных видов внимания, выработанных в процессе тотального выслеживания.

В конечном итоге сновидец накапливает опыт осознания и опыт тела, который переводит его по «мосту сновидения» в реальность второго внимания. Это магическое путешествие я постараюсь описать.

Роль энергетического сновидения в Трансформации

Какое вообще отношение к Трансформации энергетического тела человека имеет *сновидение*. С одной стороны, сновидение привлекательно и «мистично», нередко в различных магических и оккультных традициях утверждалось, будто через сновидение можно открыть сверхъестественные способности восприятия, познания и влияния, с другой стороны – когда речь заходит о значительном преображении самой человеческой природы, ее «одухотворении», «просветлении», – сновидческие практики часто оказываются на периферии интересов искателя, а иногда игнорируются либо активно отрицаются.

Нагуализм, как уже было сказано, исходит из того, что восприятие и внимание являются энергетическим процессом, а доступное поле восприятия, соответственно, – полем активного энергообмена между телом и внешней средой. Даже отвлекаясь от толтекской модели с ее точкой сборки и эманациями, мы понимаем, что любой трансформационный процесс требует радикальной активизации энергообмена и какого-то конкретного аппарата, который будет осуществлять трансформацию по имеющейся у него «программе».

Решение первой проблемы (активизация энергообмена) для многих искателей Трансформации очевидно – хотя бы потому, что способы повышения энергетического тонуса в бодрствующем состоянии разрабатывались на протяжении тысячелетий. Разнообразные пути Йоги, учения Дао, включающие в себя работу с телом и дыханием, десятки и сотни медитативных техник – все это явно служит накоплению и перераспределению энергии. Они лежат на поверхности и в рамках многих традиций рассматриваются как достаточные. Но достаточны ли они на самом деле? Нагуалистский подход показывает, что это не так. Йогические и медитативные способы, прежде всего, увеличивают *объем* энергии, но в малой степени меняют ее *качество*. Ибо качество энергии обусловлено перцептивным полем, диапазоном воспринимаемого, – стало быть, нужно не только активизировать энергообмен, но и использовать его в *радикально* измененном режиме восприятия. Многолетние занятия йогой, медитацией и т. п., безусловно, расширяют диапазон восприятия, а впоследствии – вызывают смещение перцептивного поля. Однако масштаб этих смещений не столь значителен и не столь стабилен. Несмотря на вдохновляющие «прорывы» восприятия (требующие десятилетий упорной работы), они

практически во всех случаях остаются частичными, базирующимися на первом внимании. Их трансформационный потенциал не достигает нужного размаха – локальные изменения тела и психики могут быть многочисленны и весьма вдохновлять, однако они не обладают целостностью, не охватывают всю систему. Даже такая последовательная и продуманная дисциплина, как Интегральная Йога Шри Ауробиндо, пропитанная намерением тотальной Трансформации, натыкается на невидимый барьер и не видит пути его преодоления.

Что же касается второй проблемы (механизм Трансформации и ее программа), то именно здесь искатели сталкиваются с серьезным препятствием, поскольку это сфера Непостижимого, *нагуаля*. Как всегда, в таких случаях возникает сильное искушение положиться на Божественное. «Кто-то» или «что-то» должно знать, каким способом осуществляется Трансформация, каков ее результат. И этот «кто-то» – разумеется, не Человек. Сверхчеловеческая Воля и сверхчеловеческий Разум, сила и знание Трансформации должны являться персональным или безличным космическим бытием, сущностью или существом, запредельным, могущественным, определяющим все изменения. Искатель полагается на эту Трансцендентность и неизбежно приходит к вере, именуя объект веры согласно своим симпатиям и религиозно-мистической традиции, его вдохновляющей. Святой Дух, Божественное Присутствие, Сознание Христа, Шакти, Сила Матери – лишь некоторые из имен и понятий, функция которых *знать за человека, как* и *к чему* он движется в своих неустанных попытках преобразиться.

Нагуализм снимает эти проблемы благодаря тому, что открывает принципиальную сущность и механизм восприятия, а также включает в свой праксис *сновидение* как один из основных инструментов психоэнергетической работы.

Восприятие – это организованная энергия. Внимание, создающее восприятие, по сути, является сборкой. Собранные при помощи внимания эманации (сенсорные сигналы) через резонанс активизируют и перестраивают определенные области энергетического тела. Таким образом, Трансформация из метафизической и непостижимой идеи превращается в конкретный акт переструктурирования полей, которые раньше не были доступны резонансу (*осознанию*), потому что находились в стороне от обычной зоны упорядоченного восприятия. Видимо, трансформацию надо считать осуществившейся, когда весь массив полей, из которых состоит человек, вовлекается в резонанс. Знание Трансформации и ее цель находятся именно здесь – в самом процессе внимания, собирающего и разбирающего пучки, порождающего активно саморегулирующееся осознание. Так исчезает необходимость в участии Божественного Сверхразума.

Зато остается насущная необходимость проникать в обычно недоступные участки диапазона воспринимаемого. Ведь если собирающее внимание контактирует лишь с ограниченным объемом перцепции, энергетический резонанс сосредоточен только на соответствующем ему участке нашей полевой системы. В таких условиях Трансформация невозможна.

Сновидение разрешает эту проблему самым быстрым и эффективным способом. Как уже было сказано, проникновение в новые перцептивные поля через медитации и йогические тренировки не достигают нужной глубины и полноты, а если и достигают, то ценой очень долгих и трудных усилий. Можно сказать, что сновидение – это естественный «способ транспортировки» осознания. Основная задача сводится к *пробуждению* полноценного осознания в том месте, куда оно уже переместилось. Это нелегко, но все же проще, чем «тащить» его силой медитативного сосредоточения, освобождаясь от инерции первого внимания крохотными порциями в течение десятилетий.

Трансформирующая сила сновидения начинает работать вместе с активным «собирающим» вниманием. На первом этапе, который может длиться годы и годы, тональ в сновидении стремится воспроизвести перцептивную модель первого внимания. Он строит пространство и образы по знакомым шаблонам. Разумеется, полученный таким образом перцептивный продукт не имеет ничего общего с Реальностью – что вызывает скептицизм как у ортодоксальных материалистов, так и у поборников «подлинной духовности», идеалистов-богоискателей. Те и другие не устают напоминать, что образы сновидения – всегда либо внутренние галлюцинации, либо внушения низких и темных сущностей, сил, отвлекающих человека от постижения ясного света Божества, Абсолюта.

Безусловно, сновидческие образы имеют галлюцинаторное происхождение. Однако, когда мы бодрствуем и пользуемся первым вниманием, восприятие точно так же предоставляет нам галлюцинации, ибо в Реальном Мире *ничто не существует в таком виде, в каком оно дано нашему осознанию*. Это принципиальное положение дел. Поэтому проблема не в том, что внимание сновидения

поставляет нам поток иллюзий, а в том, чтобы различить, *где* расположен источник, генерирующий галлюцинацию.

В первом внимании многое сбалансировано и определено. У нас есть критерии для различения внешнего и внутреннего, выработанные как личным опытом, так и опытом нашего вида. Это результат эволюционного приспособления человеческого восприятия к окружающей среде. Мы научились вытеснять за пределы поля ясного сознания те галлюцинации, которые отражают внутренние энергетические процессы либо те процессы, которые никак не влияют на эффективность нашего биосоциального выживания. Но даже тут время от времени случаются сбои, которые исправляются лишь задним числом, через сопоставление неопределенного опыта со стабильными и многократно подтверждаемыми фиксациями. В этом смысле опыт первого внимания незаменим. Здесь мы научились отбирать из перцептивной продукции те галлюцинации, за которыми стоит *реальная внешняя энергия*. Этот навык возник в результате работы тоналя, жестко зафиксировавшего диапазон восприятия и энергообмена.

Сновидение предоставляет нам иной диапазон – и критерии тут же перестают работать. Мы оказываемся полностью открыты как внутренним галлюцинациям, так и галлюцинаторной трансляции внешних сигналов. Поставить под контроль эту стихию невероятно сложно. По сути, надо добиться такой же стабильной фиксации восприятия, как и в первом внимании, чтобы затем, опираясь на опыт, удалить из перцептивного поля внутренние галлюцинации, отправить их в то место, где они находятся, когда мы бодрствуем.

Как это ни парадоксально, без галлюцинаций, без иллюзорных образов, сконструированных тоналем, мы не можем добиться правильной работы восприятия, а значит, трансформирующего энергообмена с внешним полем. Медитатор, созерцающий пустоту, не совершает никакой работы для трансформации. Полный и безоговорочный уход от любой сборки внешних сигналов, с философской точки зрения, обнажает Бытие и Истину, но с психоэнергетической – останавливает восприятие. Отсутствие восприятия (то есть «сборки») делает энергообмен однородным и статичным. Это «фон», и он имеет смысл только в противопоставленности образу, фигуре, собранной конструкции. Сам по себе он равен Небытию. Вот почему слияние с Абсолютом, Нирвана, созерцание «пустотности», если оно становится целью, культивируемым состоянием, прекращает перестройку энергетического тела. Я не раз писал об этом, и вновь повторю: философская идея непогрешима, так как с точки зрения разума, ищущего истинную Реальность, никакое восприятие, никакой образ и изображение не приближает нас к Бытию, они всегда условны, искажены, иллюзорны – а потому лишь устранение восприятия сливает нас с Реальностью, растворяет в ней. Но такое «слияние» останавливает любой процесс изменения, перестройки, и в конце концов вместе с восприятием аннулирует осознание. Это Истина, которая нас убивает.

Поток сновидческих иллюзий, вынуждающий нас работать с материалом, чистить его, разбирать и собирать, ставить на свое место «внешнее» и «внутреннее», хоть и не предоставляет саму неохватываемую ничем Бесконечность, дает поле для Жизни и Трансформации.

Почему энергетическое сновидение должно быть *более* эффективным методом Трансформации, чем традиционные психотехнологии восточных и европейских мистиков, которым следуют «школы магов», ставшие в последнее время модными и популярными, экстрасенсов и психоэнергетиков? Остановимся на этом вопросе подробнее.

Как известно, психоэнергетическая регуляция демонстрирует впечатляющие эффекты. Даже классический аутотренинг, используя концентрацию внимания на фоне общей релаксации, позволяет управлять энергетическими потоками. Разве не тот же тип контроля обеспечивает тотальную трансформацию, если последовательно распространить его на большие массивы полей, формирующих тело, и добиться его максимального совершенства? Исследования показывают, что масштабы регуляции достигают самых интимных процессов системы. Внутри физического тела мы можем регулировать самые разные уровни – от работы сердечно-сосудистой системы до активности желез внутренней секреции и других триггеров метаболизма, обеспечивающего биохимический фон организма. Известны, например, случаи произвольного образования стигматов и управляемого парабиоза (вспомним знаменитые «самозахоронения» йогов). Более того, в экспериментальных условиях зафиксировано дистантное влияние психической регуляции на состояние внешнего поля («эффект АРВИ» – А. Ромен, В. Инюшин, 1968 г.).

Кажется, человек наяву имеет доступ если не ко всем, то ко многим трансформирующим механизмам. И все же чего-то не хватает. Ибо примеров радикальных преобразований человеческой природы мы не знаем. В чем же проблема?

Во многом благодаря нагуализму стало очевидно, что мы имеем дело с двумя преградами. Во-первых, с ограничениями *описания* (тоналя), во-вторых, с ригидностью самого процесса внимания, который обеспечивает восприятие и энергообмен.

(1) Трансформация требует больших энергетических затрат. При этом необходимо учитывать, что в трансформационную работу вовлекается энергия *разного* качества. Мы плохо представляем себе, о чем идет речь, однако опыт показывает, что *способ трансляции* энергии не менее важен, чем ее объем. Это очевидно даже на уровне обычной жизнедеятельности организма. Тепло не заменяет воздух, воздух не заменяет пищу, пища не заменяет солнечного света, и т. д. Как и физическое, энергетическое тело оснащено сетью каналов, каждый из которых устроен, чтобы поглощать и утилизировать энергию определенного типа (качества).

С физическим телом все относительно просто – до определенного уровня. Поскольку физическое тело отражает наше существование в первом внимании, основные его каналы в общем доступны восприятию, а значит – регуляции. Однако биологическая форма первого внимания ограничена экзистенциальным статусом и энергетическим диапазоном. Это – гомеостазис, который помещает нашу природу в достаточно жесткие рамки. Внутри этих рамок мы можем делать себя сильнее или слабее, быстрее или медленнее, усиливать контроль либо ослаблять его. Нам не дано летать, проходить сквозь твердые тела, превращаться в другие живые формы и т. п.

Трансформация вида осуществляется через использование каналов энергетического тела, недоступных первому вниманию. Психоэнергетические «делания», осуществляемые из первого внимания, активизируют и трансформируют лишь небольшую часть каналов, принадлежащих нашей *целостности*. Практик расширяет сферу своей чувствительности, проникает в «приповерхностные» слои, но – не дальше. Масса глубинных каналов просто не осознается. Точно так же как без помощи гипноза, голотропного дыхания или психоделических агентов человек не может встретиться с фундаментальными содержаниями своего бессознательного.

Энергетическое сновидение не знает подобных преград. Тональное описание, хоть и продолжает использоваться воспринимающим аппаратом для интерпретации сигналов, перестает, тем не менее, ограничивать сам диапазон восприятия и доступ восприятия к осознанию. Это, разумеется, не значит, что проблемы восприятия и осознания решаются одним махом, важно другое – эти проблемы и преграды переходят в разряд *принципиально решаемых*.

Второе внимание, направленное на энергетическое тело практика, открывает ему огромное поле, с которым появляется возможность работать, – масса тонких каналов, структур, неоднородностей, скрытых от осознания воспринимателя в обычной позиции точки сборки.

Конечно, есть способы вхождения во второе внимание без использования сновидения. Это *путь сталкера*, открывающий дверь в усиленное осознание «с другой стороны». Кастанеда рассказывает об этом пути, не раскрывая технологического содержания дисциплины. (Подробнее о технологии безупречности и сталкинга см. в моей предыдущей книге.) И все же в обоих случаях речь идет о *втором внимании* – режиме восприятия, радикально отличающемся от базового.

(2) Преодоление ригидности внимания, изменение его основных характеристик – объема, типа распределения, интенсивности. Успех здесь достигается в процессе развития способности к энергетическому сновидению и сталкингу наяву, обязательно сочетаемым в практике нагуализма (о чем еще будет сказано неоднократно).

Методы перцептивного «не-делания», необходимые как на *пути сновидения*, так и на *пути сталкинга*, будучи полностью освоенными, позволяют совершенно изменить качество внимания. Освобождаясь от однозначности интерпретаций, от привычных различий и противопоставлений, от паттернов и гештальтов, внимание делает равно актуальным весь предоставленный ему объем. Невозможные ранее виды и способы сосредоточения становятся равноправными вариантами активности. По сути, это означает свободу конструирования перцептивной реальности, моделирования энергообмена.

Логическим результатом подобных процедур оказывается растождествление практика с самим фактом внимания; обнаруженная между субъектом и его вниманием дистанция формирует «пространство свободы», поле энергетического выбора, не связанного с психической и даже биологической конституцией человека.

Когда исследователи внимания и восприятия следуют европейской научной парадигме и описывают данные явления исключительно психологическими категориями, они игнорируют суть дела. Нагуализм подчеркивает, что психология – всего лишь специфический *язык описания* физики нашего бытия, нашей энергетики. А потому «дистанция между субъектом и его вниманием» – не что иное, как открытый доступ к целому ряду энергетических полей, к управлению центральными механизмами нашего энергообмена с внешним полем. Исключительное значение этого *поля энергетического выбора* можно открыть только в результате серьезной и целенаправленной практики. Это интересный и крайне важный феномен, рассматривать который нужно в специальном исследовании.

Совокупность психотехник, направленная на достижение второго внимания (неважно, через сновидение или наяву), неминуемо приводит практика к фазе «объемного» внимания как полноценной реализации «пространства свободы», или поля энергетического выбора. Так или иначе, объемное внимание, восприятие и сознание[1] возникают на высших уровнях мистико-оккультных дисциплин, использующих глубокие медитативные состояния. Часто этот феномен рассматривается как пиковое переживание, обладающее наивысшей ценностью, и либо приравнивается к достижению Цели, либо считается «выходом на финишную прямую». Однако в нагуализме это просто рабочее состояние. Его можно назвать «вниманием, развернувшим значительную часть своей потенциальности».

Объемное внимание совмещает в себе *всё* – любые виды описаний, моделей, частных паттернов. Они присутствуют здесь в форме равных возможностей. Энергетические поля пробуждены и готовы собраться в пучок согласно предварительно сформированному *намерению*. Сборка нового пучка, отличного от предыдущего, – это и есть достижение *второго внимания*.

Таким образом, энергетическое сновидение обеспечивает доступ к огромному перцептивному и энергетическому полю (внешнему и внутреннему), а *второе внимание*, обогащенное объемностью и растождествленное с субъектом, получает возможность *трансформировать* открывшиеся поля.

Стало быть, *сновидение* в нагуализме не является способом погружаться в ночные грезы, стабилизируя и расцвечивая привидевшиеся образы. Собственно говоря, воспринятое в сновидении – только среда, пространство, в котором практик может, наконец, плодотворно работать со второй частью своего тела, со своим «магическим двойником». В нем хранятся главные ключи к трансмутации, к «алхимическому» превращению *homo sapiens* в «вечного человека», целостного Человека Реальности.

Работа с телом первого внимания необходима и неизбежна – так же как работа с вниманием и восприятием наяву. Это наш фундамент, который должен быть надлежащим образом подготовлен. Здесь разработано множество методов. Это и классическая йога, и цигун, и дыхательные упражнения, и другие практики психофизиологического контроля. Все они могут быть эффективны. Магические пассы – как те, что вошли в Тенсёгрити, так и открытые вами лично – образуют «энергетический мост» между *первым телом* и *телом сновидения*.

Но главный объем тотальной Трансформации происходит в *энергетическом сновидении* толтеков, когда энергии иных диапазонов Реальности вступают во взаимодействие со скрытыми от бодрствующего сознания структурами вашего тела. Здесь – Тайна «новой жизни», о которой мечтали мистики на протяжении тысячелетий. Она непостижима, превосходит всякое воображение и любые концепты, и одновременно реальна. Она прямо здесь, на кончиках наших пальцев.

Философия энергетической Реальности. Аксиомы нагуализма

Усиление осознания погружает практика в мир неопределенностей. Это следствие любой дисциплины, так или иначе расширяющей опыт за пределы привычного поля восприятия. Нагуализм, к которому приводят нас идеи и методы, описанные Кастанедой, размывает привычные координаты мира особенно интенсивно. Чтобы выдержать натиск впечатлений, не укладывающихся в логику стандартного тоналя, – все эти переплетения первого и второго внимания, феномены, ощущения, энергии, само восприятие

которых посягает на мир разума и здравого смысла, – чтобы не утонуть в трясине магической паранойи и не поддаться океану иллюзорных идей, практик должен иметь твердую почву под ногами.

В первую очередь это касается *сновидящих*, так как их провоцирует не только магическая неопределенность измененного восприятия, но и двойственная природа осознанного сновидения, предоставляющая осознанию трудно расчленимый сплав внутреннего и внешнего – океана бессознательных образов и архетипов и потока внешних сигналов, за которыми скрывается тайна больших эманации мироздания. Мало того что сновидящие подвергаются непрерывным атакам сновидческого творчества собственного тоналя, рано или поздно они сталкиваются с продукцией «эмиссара сновидения», способного бесконечно собирать из человеческих концепций причудливые конструкции, убеждать нас в их реальности и похищать энергию нашего внимания.

Чтобы сохранить трезвость, контроль и правильное направление в исследовании сновидения, по словам дона Хуана, нужно перенести описание мира на «сторону разума». Без этого невозможно очистить тональ. Хотим мы того или нет, упорядочивание идей о мире вынуждает нас быть философами. Нам нужна философия Реальности.

Совершенно очевидно, что о природе Реальности нам ничего не известно. Мы испытываем ее воздействие – вот все, что можно сказать.

Следовательно, единственным разумным выходом из положения будет решение говорить о Реальности *как об Энергии*.

«Философия энергетической Реальности» опирается на некоторые аксиомы. Чтобы извлечь их из толтекской парадигмы, надо овладеть соответствующим языком и приложить вполне определенное усилие сознания. И не стоит экономить мыслительную энергию, ибо этот, казалось бы, теоретический труд приносит вполне практические плоды, гарантируя трезвость и безупречность наших ментальных способностей в дальнейшем. Сновидение испытывает крепость нашего тоналя и может довести слабый, неорганизованный интеллект до разрушения. В результате вместо Трансформации мы находим безумие.

Итак, в чем же мы находим «твердую почву под ногами»? Есть *теоретические аксиомы* и *практические положения* нагуализма, которые невозможно игнорировать.

Теоретические аксиомы больше относятся к сфере Бытия, практические положения – к сфере психики.

Теоретические аксиомы – это:

1. *Монизм, реализм и эмпиризм*. Природа Мира и Человека едина, дихотомия «тело-дух» отрицается (*монизм*), источник опыта реален, т. е. может существовать независимо от сознания, хотя при реальном восприятии имеют место реальные взаимовлияния между субъектом и объектом – это как бы отношение, уравнивающее макромир и квантовые объекты (*реализм*), и любое знание о Мире и о Человеке имеет своим источником чувственное впечатление и чувственным же опытом проверяется (*эмпиризм*).

Монизм несовместим с теизмом, эмпиризм – с любой метафизикой и теософией, не дающей практического свидетельства своей эффективности. Поэтому толтек не может доверять ни Св. Писанию, ни Блаватской, ни Штейнеру и мн. др.

Поскольку нагуализм имеет дело с тремя категориями: известным, неизвестным и непостижимым, он на практике вынужден придерживаться:

2. *Прагматизма* и *феноменологии* (с учетом аксиом из первого пункта, поскольку без такого учета можно скатиться в любую разновидность идеализма или в солипсизм).

Что это значит? Что мы отказываемся говорить о сфере трансцендентного, мы говорим только о феноменах и изучаем феномены. Просто практика нагуализма значительно расширяет область феноменального (явленного) за счет усиления осознания и доступности новых режимов восприятия. Однако всегда есть «трансцендентальные» вопросы – какова природа источника воспринимаемых впечатлений? как возникла вселенная? есть ли в Мире области, никакому опыту человека не доступные

(где могла бы сосредоточиться Слава Божья, Его Престол и Его Царство)? – и многие другие. Эти вопросы бессмысленны, на них нельзя ответить.

В результате – нагуализм чужд всякой религии (не враждебен ей, а просто несовместим с нею).

Обращаясь к психике, мы опираемся на следующие практические положения:

1. «Карта не есть территория». Описание мира не есть Мир. Человеческое восприятие ограничивает и искажает внешнюю Реальность. Можно сказать, что восприятие возможно благодаря целому комплексу последовательных вытеснений, искажений и ограничений чувственного материала.

2. Механизм этих ограничений построен на огромной совокупности психических автоматизмов, выросших из законов физиологии, мышления и языка. Почвой для этих ограничений является тип энергообмена, естественно сложившийся между человеком и внешним полем, – оптимальный для биологического выживания. Его функция – консервация человека, сохранение гомеостазиса.

3. Восприятие – энергетический (силовой) процесс, а не простая переработка и комплектация поступивших сигналов. Режим восприятия – это режим энергообмена. Отсюда следует, что изменение режима восприятия равно изменению режима энергообмена. (У Кастанеды это выражено через модель «точки сборки» и ее смещений.)

4. Поскольку Мир (Природа) един (*монизм*), разделения человека на тело-дух не существует, достижение радикальной перестройки восприятия (энергообмена) ведет к целостной перестройке всего существа. Это влечет за собой, с одной стороны, доступность новых областей восприятия и внешнего Мира, что проверяется через опыт (*эмпиризм и реализм*), с другой – Трансформацию самого тела и психики человека, что дает новые функциональные возможности трансформанту. Предположительно, это – телепортация, способность переходить из «мира» в «мир» (речь идет о диапазонах энергии бытия, которые структурируются в нашем восприятии как «миры»), удлинение срока жизни организма до космических масштабов либо даже бессмертие (что и называется «третьим вниманием»).

Как видите, эти аксиомы далеки от религиозных постулатов. Некоторые из них относятся к философии, которую не удалось опровергнуть за всю историю мыслительных усилий человека, некоторые – ближе к естественнонаучным положениям. Аксиомы, которые относятся к сфере естественных наук (психофизиология и нейрофизиология), имеют достаточно объективных доказательств. Трудно оспорить представление о восприятии как искажении и ограничении сенсорных сигналов, по крайней мере частично понятен механизм ограничений восприятия, даже концепция об энергетической сущности восприятия получает все больше экспериментальных доказательств в последние десятилетия.

Представленные здесь идеи далеко не исчерпывают мировоззренческую основу нагуалистского праксиса, но относятся к сфере *фундаментальных принципов*, которых не избежать, если мы намерены точно следовать духу и смыслу учения. Осмысление данных аксиом приводит нас к разнообразным и значительным выводам. Так, *монизм* предполагает, что любые существа (организмы), обитающие в Мире, – естественны. Они могут быть сильнее человека, обитать в иных режимах восприятия, могут быт смертельно опасны, но это не значит, что они «демоны» или «ангелы». Точно так же исключается существование единой потусторонней Иерархии сил, властей и т. п. Исключается Космический Разум как проявление Абсолюта, любой антропоморфизм и антропоцентризм (вроде идеи, будто человек – не только уникальное, но и *главное* существо во вселенной, а потому все сущности и силы принимают активное участие в его судьбе, вознамерившись «спасти» или «погубить» его). Конечно, человек – существо особенное, возможно принадлежащее к редкому типу. Мы даже можем допустить, что человек – *единственное* существо, способное к произвольной самотрансформации. Однако уникальность нашей конституции не является достаточным основанием, чтобы приписывать человеку Бога-Спасителя, Утешителя и Покровителя.

Так же, *эмпиризм* не дает нам ни одного свидетельства о том, будто нравственные категории (напр., *добро* и *зло*) могут быть «космическими» – ведь они происходят из области человеческих оценок, следовательно, являются продуктом нашего *описания мира* (а «карта», согласно принятой аксиоме, «не есть территория»).

Впрочем, такое трезвое отношение к нравственным идеям отнюдь не ведет к вседозволенности, как иногда думают поверхностные критики, ибо поставленная цель – Трансформация – ограничивает поведение практика. Энергетическая оптимальность требует трансформировать все «небезупречные» эмоции, чувства, реакции. А ведь именно они являются причиной «греховного», «безнравственного» поведения. Грех рождается из злости, зависти, ревности, тщеславия, лени, безответственности, страха и многого-многого другого. *Безупречность* как базовое психоэмоциональное состояние устраняет причину «греха». Более того, безупречность дает тот избыток психической и эмоциональной энергии, что позволяет воину испытать бескорыстную любовь, благодарность и уважение ко всему живому и к Миру в целом. Следствия этого отношения ярко описаны у Кастанеды – «чуткость, бережность, внимательность», «любовь к Земле», ненавязывание своей правды, ответственность за тех, кого любишь.

Обратите внимание на всестороннюю взаимосвязанность перечисленных аксиом. Взятые отдельно, они не являются нагуализмом. Например, нельзя оторвать первую посылку (монизм, эмпиризм и реализм) от второй (не менее важной) – прагматизма и феноменологии, иначе говоря, прагматизма феноменологического толка. Только *вместе* эти посылки обеспечивают правильную позицию исследования.

Если Вы отделите реализм и эмпиризм от феноменологического прагматизма, то они могут быть основой любой религии, любого мистицизма и оккультизма (а равно – философского материализма, что забавно).

Допустим, мы считаем, что источник опыта реален и мы «познаем» его эмпирически. Что отсюда выходит? У рериховца есть эмпирический опыт разговора с махатмой, у христианского мистика – опыт «слияния со Христом», у йога – опыт восхождения Кундалини или нисхождения Божественной Шакти. Разве мы можем отрицать *существование* такого опыта? Нет, ибо он был дан в виде некоторых впечатлений. Это эмпиризм. Если же источник опыта принимается как существующий вне нас и независимо от нас – это еще и реализм.

Любая религия стоит на этом. «Бог реален, и у меня есть эмпирический опыт общения с Ним» – ну и что? Разве мы можем знать, *что* этот опыт отражает, *в какой мере* он адекватен Реальности, *в какой мере* «истинен»?

Поэтому феноменология говорит – МЫ ИМЕЕМ ДЕЛО С ЯВЛЕНИЯМИ, НО НЕ ЗНАЕМ, КАКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ЗА ЭТИМИ ЯВЛЕНИЯМИ СТОИТ. Поэтому «трансцендентальные вопросы» бессмысленны. Если бы нагуализм отошел от своей последовательной позиции прагматического постижения Реальности, он был бы вынужден признать, что *всякая* религия, магия, *всякий* мистицизм и оккультизм так или иначе «истинны».

Те, кто этой в общем-то простой вещи не осознали, заблудились в тумане мистицизма и постоянно скрещивают Кастанеду с теософией, антропософией, религиозной философией любого толка.

Аксиома реализма говорит, что за всяким опытом стоит некая *реальность*. Но какова она? В какой степени она нам доступна? Внутренняя она или внешняя, и применимы ли вообще к ней подобные понятия? Феноменологический подход признает: МЫ НЕ ЗНАЕМ. Однако, будучи прагматиками, *мы постоянно ищем пути ее познания для практических трансформаций себя и мира*.

Когда религиозный мистик обретает эмпирический опыт потустороннего, он не может признать, что имеет дело с интерпретацией и ему по-прежнему неизвестно, какова Реальность, стоящая за эмпирическим опытом. Он *просто верует*, что «постиг» Брахмана, Меркаву или Св. Троицу. Здесь и проходит граница между религиозным мировоззрением и нагуалистской «наукой о восприятии».

Поскольку «карта не есть территория», описание – не Мир, опыт – не Реальность. Причем *всегда* – в любом состоянии сознания, на любом уровне усиления осознания, во всяком «видении».

Мы не ищем окончательной ПРИЧИНЫ опыта, мы пользуемся только самим опытом (явлениями) и *учимся управлять явлениями так, чтобы наша природа трансформировалась*. Это и есть прагматизм.

Любой верующий *ограничен* своим опытом и мнением, полагая, что существует Он или Оно (в разных религиях именуемые по-разному) – акт *веры* в Которого изменяет, «спасает душу». Верующий не может допустить противоположного – Его нет, и акт *веры* – только психическое (эмпирическое) переживание, созданное самим верующим.

Нагуалист свободен – он может допустить и то и другое, поскольку «снимает» саму проблему. Он работает с явлениями, полагая, что они отражают некую внешнюю или внутреннюю (*по реальную*) энергию, и значит, через явления он может научиться управлять энергией, что приведет его к Трансформации.

В этом суть классической диады «тональ – нагуаль». Никакое описание тоналя не дает нам представления о нагуале. Описание может служить только моделью, эффективность которой постоянно проверяется и исследуется.

Такой подход к нагуализму его как бы редуцирует, отсекая от методологии разнообразные переживания и впечатления, которые в нашем тонале всегда стремятся составить некую мифологию и метафизику. Редукция необходима, чтобы избежать простого перехода из обычного описания мира в описание *магическое* – по сути, столь же искаженное, как и мировосприятие профана. Все феномены (начиная с союзников и заканчивая Орлом) *должны быть поставлены на подобающее им место*. Они – не истины и не откровения, они – только феномены.

Так выглядит нагуализм в качестве *системы аксиом* – взаимосвязанных и составляющих единую позицию.

Чистота тоналя – фундамент трансформирующего сновидения. Вопрос веры

Очищение тоналя – длительный и сложный процесс. Чтобы охватить весь массив искажений, присущих аппарату тоналя, и освободиться от них, надо радикально переделать личность. *Безупречность, сталкинг* и *перепросмотр* направлены на достижение этой цели.

Эта сторона толтекского Пути не может быть описана в нескольких абзацах или даже главах. Чтобы подробно познакомиться с ее технологическим описанием, рекомендую собственную работу «Человек неведомый» (2003). Трансформация страха смерти, чувства собственной важности, жалости к себе, методика перепросмотра, достижение *тотального внимания* сталкера – все это необходимые условия очистки тоналя и инструменты усиления осознания, обеспечивающие возможность войти в *энергетическое сновидение*.

Учитывая разработанное в предыдущей книге описание, хочу еще раз коротко указать на тесную связь, существующую между безупречностью и вниманием, сновидением, осознанием.

Когда моралисты называют безупречность «свободой от эгоизма», они невольно ее мистифицируют. Такое определение не отражает *сущности* состояния, которое заключается в преодолении ограничений и искажений восприятия и реагирования, т. е. энергообмена. «Эго», «эгоизм» – всего лишь слова. Какая реальность за ними скрывается? Понятно, что это некий тип отношений, реакций, поведения. Он есть одновременно следствие и причина обесточенного, обездвиженного внимания.

Не-безупречное («эгоистическое») реагирование – это прямое следствие выученной, а затем частично вытесненной, ушедшей в бессознательное, системы оценок и смыслов. Оценки и смыслы управляют восприятием, обусловливают реагирование. От них почти полностью зависит характер работы нашего внимания. Будучи координатами небезупречности нашего тоналя, оценки и смыслы фиксируют точку отсчета и помещают в ней иллюзорное эго – образ, на который спроецированы продукты социального гипноза. Отношение иллюзорного эго к иллюзорным ценностям и есть пресловутый эгоизм. Оно (отношение) составляет доминирующее содержание внутренней жизни обычного человека.

В каком ничтожестве эмоций, убожестве помыслов и малости осознания приходится жить абсолютному большинству человеческих существ! Мы привыкли полагать наше состояние нормальным и даже

«правильным», хотя это – крайняя степень *суженности сознания*. Непрерывно стандартный человек полностью погружает собственное внимание в крошечную область, где обитают три-четыре, может, пять-шесть значимых смыслов. Он перебирает эту горстку представлений о себе и маленьком мире, который считает Вселенной, и значение кусочков выхваченной из Беспредельности картинки возрастает до абсолютного и непререкаемого, до грандиозности Бытия как такового. Вас бросила возлюбленная (возлюбленный), и это Катастрофа Всей Жизни, причина отчаяния, способного довести до суицида. Вас никто не понимает и у вас нет друзей – и бесконечный Мир становится для вас либо бессмысленным, либо враждебным. Гибель карьеры – личный Апокалипсис, и т. д. и т. п.

Интенсивность и количество страданий, порождаемых этой крохотной жизнью, доводит до крайнего и безграничного отчаяния. Вы так живете и всерьез полагаете, что это «нормально»? На крохотной планете живет маленькое существо, способное видеть и понимать в радиусе ста метров от себя. И вот, в этой области видения и понимания оказывается отрицающая или разрушающая его сила – она так же ничтожна, как и сама область сознания существа. И что же? Страдания, горе заполняет внутренний мир, катастрофа, погибель! В голове у этой «крошки» рушится Мир, и только потому, что ее осознание не удосужилось взглянуть на себя и непосредственно окружающее с большей дистанции.

Если речь идет о человеке, то способность смотреть на Мир широко, масштабно, в соответствии с данным человеку потенциалом, – и есть «человеческий дух». Превратиться в издерганное, без конца страдающее по мелочам существо, деградировать и гибнуть только потому, что вы не видите дальше своих привычных «ста метров», – это *неуважение* к собственному осознанию, неуважение к человеческому духу.

«Замусоренность» тоналя искаженными либо частными идеями и создает эту застилающую зрение пелену. «Пелена» образована не-безупречностью, которая напоминает сложную паутину, сотканную из внушений и самовнушений социального (а если копнуть глубже, *социобиологического*) происхождения. Внимание и восприятие скованы этой паутиной, и никакая трансформация невозможна в этом состоянии.

Задача безупречности – разорвать паутину, осознать и этим обесточить весь комплекс оценок, смыслов, порождающих стандартное эгоистическое поведение. Только здесь открывается перспектива для будущих преображений нашей природы как энергетического тела.

Если мы обратимся к специфике внимания и восприятия, то быстро поймем, что лишь на фоне безупречности возможно *правильное* сновидение. Ведь неосознанные, невскрытые смыслы, оценки и неминуемо порождаемые ими эмоции заставляют внимание бесконечно следовать одному и тому же алгоритму, «маршруту», а восприятие, ими обусловленное, не только искажается, но и порождает полноценные галлюцинации.

Технически каждый из нас, независимо от уровня безупречности, может добиться некоторой осознанности в сновидении. Но что найдет сновидец? Столкнувшись с сигналами из внешней реальности, небезупречный тональ исказит их согласно своим ожиданиям, страхам, симпатиям, а потом добавит к перевранным впечатлениям скопище галлюцинаций. И «мир личного бреда» готов. Степень «бредовости» угадать несложно: поскольку все содержания не-безупречности имеют эмоциональный потенциал, то именно *уровень эмоционального участия* чаще всего отражает силу искажений воспринятого в сновидении и объем галлюцинируемого. При этом «знак» эмоций неважен: восторг, восхищение, благоговение или ужас, отвращение – то и другое продукты «эгоистического» тоналя. В первом случае сновидец галлюцинирует «Божественное», благостные и весьма «духовные» картины вплоть до ангелов, махатм, просветленных Учителей Мудрости, в другом – агрессивную и мрачную среду, монстров и демонов.

Любители приключений в сновидении бывают этим вполне удовлетворены. Их не-безупречность наяву прекрасно гармонирует с не-безупречностью в сновидении. Иллюзия бодрствования дополняется иллюзией ночных грез – и сновидец целиком погружается в сотворенный им Миф, где Высшие силы Света ведут незримую войну с порождениями Тьмы, а он сам так или иначе сотрудничает с какой-то из сражающихся сторон.

Эти приключения не имеют ничего общего с толтекским сновидением, потому что в поле искажений и галлюцинаций осознание ничуть не усиливается, а значит, – не трансформируется. В связи с этим, я скажу лишь об одном, но важнейшем для *сновидящего* принципе – «верить не веря».

Практический подход к *вере* в нагуализме имеет особое значение. Будучи измененным режимом восприятия, крайне чувствительным к любым бессознательным и полусознательным установкам, аморфным и подвижным, толтекское сновидение (да и любое осознанное сновидение) способно вызывать убедительные для практика феномены и состояния, и этим порождать ту или иную *веру*. При этом само внимание сновидения сильно от веры страдает. Возникает специфическая ситуация, о которой надо специально поговорить. (Тем более что существует значительная группа людей – как среди «толтеков», так и среди критиков толтекской науки о восприятии, – которые запросто приравнивают нагуализм к очередному вероучению, исходя из ложного понимания Пути.)

Рассмотрим подробнее, чем отличается знание от веры с точки зрения нагуализма.

Надо сказать, что представление о разнице между верой и знанием в нагуализме не оригинально. Скорее, оно традиционно, и во многом совпадает с суждениями не-религиозных европейских философов, особенно агностиков, феноменологов, позитивистов. Однако надо различать не два, а три понятия: 1) знание, 2) интерпретация знания и 3) вера.

Знание – это обнаруженная в результате эмпирического опыта связь между явлениями (феноменами). Чаще всего она понимается как причинно-следственная. Прикоснулся к горячему – получил ожог. Добился устойчивого навыка в управлении вниманием, скажем, в остановке внутреннего диалога, – обрел осознанность во сне. Этим знание и ограничивается. Упрощенно эту связь можно представить в виде формулы A+B=C.

Интерпретация начинается, когда мы придумываем модель, объясняющую, *почему* A+B=C, а не какой-нибудь X. Это тоже еще не *вера*. Это просто модель, которую мы проверяем и применяем. Если модель не адекватна внутренним закономерностям между явлениями, опыт рано или поздно начинает модели противоречить. В таком случае, интерпретация отбрасывается, и мы разрабатываем новый вариант, который проверяем таким же образом. Интерпретация «обслуживает» знание в данный момент, пока опыт ей соответствует. Она помогает строить эксперимент и получать новое знание.

Оба этих элемента можно найти как в науке, так и в нагуализме. Аксиомы, перечисленные в предыдущем разделе, – это те интерпретации, которые приняты для работы со знанием. Аксиомы не могут быть частью *веры*, они только выполняют роль инструментов в исследовании. Они приняты лишь потому, что помогают в поиске нового знания. Если же они начинают препятствовать этому поиску, от них приходится отказываться.

Вера же – что-то вроде «абсолютной интерпретации». Никакой опыт ее не может изменить или поколебать. Вера – это утверждение некой Истины, исключающей любые иные толкования по определению. Например: «человеческая душа бессмертна». Любое опытное *знание*, *ставящее* под сомнение данную веру, считается либо ложным, либо неполным, либо искаженным.

Сама по себе *вера* не помогает обрести новое *знание*, потому что стоит «над» знанием. Вера – это интерпретация, не желающая признать, что она лишь интерпретация. Вера провозглашает Истину – то, что за пределом всякого опыта. Вот ее лозунг: «Я *верю*, что за пределом опыта положение дел *таково*. Никакую иную Истину я не принимаю, и любой опыт, любое явление *толкую только так и не иначе*». Ссылки верующих на опыт и чудеса, подтверждающие их веру, – необязательные, побочные приемы убеждения неофитов.

Вот разница между ВЕРОЙ и ЗНАНИЕМ, ВЕРОЙ и ИНТЕРПРЕТАЦИЕЙ. Интерпретация (аксиомы, посылки, модели, теории и гипотезы) *служит* знанию. Вера – никакого отношения к знанию не имеет, существует сама по себе, неизменная, недоказуемая, неопровергаемая. С прагматической точки зрения от нее вообще нет никакой пользы знанию. Она – «вещь-в-себе».

Прагматическое описание (интерпретация), – в частности, то, что есть в науке и в нагуализме, – условно и инструментально. Вера – *абсолютна*.

Вот почему никакой *веры* в нагуализме нет и быть не может. Попытки скрыть принципиальное различие между верой и интерпретацией постоянно используются Церковью по отношению к безверующей науке (мол, наука «верит» в одно, мы – в другое, но в любом случае – это Вера). Они рассчитаны на тех, кто не осознает описанного здесь соотношения.

Религиозное мировоззрение приписывает вере когнитивный смысл. Говорится о том, что *вера дает доступ к восприятию* или познанию специфических «духовных фактов» *благодаря тому, что вводит в инвентаризационный список тоналя идею Божественного*.

Человеческое восприятие, конечно же, всегда обусловлено *инвентаризационным списком* – списком выученных образов, характеристик, качеств и свойств. Этот список абсолютен и исчерпывает перцептивный опыт, полученный в привычном положении точки сборки. Казалось бы, человек не в состоянии воспринять то, что не обозначено в его инвентаризационном списке, и мы обречены на бесконечное повторение того, что уже имеем в опыте.

Тем не менее человек продолжает обучаться. Не следует забывать, что восприятие предназначено для трансляции Реальности, – это заложено в самой природе существа, намерение которого заключается в адаптации и выживании на фоне разнообразных и меняющихся условий среды. Потенции восприятия неисчерпаемы, как сама реальность. Нас сдерживает позиция точки сборки и ригидность человеческой формы, но мы исходим из того, что эта ригидность может быть преодолена.

Тогда нет ничего, что принципиально не доступно восприятию. Инвентаризационный список обогащается вслед за трансформациями тоналя, который в процессе практики становится все более пластичным, обретает новые и новые степени свободы.

Верующий может обосновывать необходимость веры тем, что отказ от идеи Бога делает Его недоступным восприятию, подразумевая при этом, что вера способна открыть нам Божественное бытие. Вера в Бога приравнивается к «идее Бога» в инвентаризационном списке тоналя. Чтобы понять, почему это не так, нужно осознать подлинный смысл словосочетания «идея тоналя», которое подразумевает не умозрительность и не абстрактную концепцию, а навык обретения конкретного опыта.

Пока речь идет о чем-то стабильно и ясно воспринимаемом, инвентарный список включает в себя этот элемент и дает ему название. Это и есть «идея» или «пункт» в списке. В этом смысле мы имеем идею «человека», «дерева», «солнца», идею пространства и времени, формы, цвета, яркости и т. д., но не имеем «идеи Бога». Если у вас нет однозначного эмпирического свидетельства о Боге, то в инвентарном списке вашего тоналя «Бог» как пункт отсутствует (даже в том случае, если вы обратились в лоно Церкви и искренне полагаете себя верующим). У нас есть нечто другое – «идея об идее Бога». Для сравнения скажу, что у человека нет, например, «идеи машины времени», хотя про такую машину написано множество фантастических книг. У человека есть «идея об идее машины времени».

Когда речь идет об «идее идеи», тональ пользуется этой абстракцией во множестве случаев – как только столкнется с чем-то, не укладывающимся в инвентаризационный список.

Поэтому в отношении «восприятия Бога» все мы – верующие и неверующие – находимся в одном положении. Если Бог – Реальность, то нагуалистский подход не может создать перцептивный барьер, препятствующий воспринять Его. И наоборот, сознательно или бессознательно считая, что *предпосылкой* восприятия Бога является *вера* в Него, мы теряем способность различать реальное и галлюцинируемое. Религиозная догма подразумевает, что *сначала* надо поверить (сильно, искренне, всей душой) – и лишь после этого появляется шанс так или иначе «узреть» Славу Божью. Нагуализм (и некоторые схожие в этом отношении учения) говорят – надо добиваться *необусловленного* восприятия, оно «шире» и открывает больше.

Теистические религии, в которых Бог является Персоной, требуют от своих последователей веры в Его реальность, то есть изначальной обусловленности. Надо молиться и размышлять, надо настраиваться и избегать любых сомнений, и верующий воспримет Его Силу и Славу.

Феномен этот давно известен в науке и называется «созданием установки». Исследователями показано, что восприятие *без установки* (либо с минимальным числом установок) объективно шире. И наоборот – восприятие с *сильной установкой* (что как раз характерно для религиозного мировоззрения) *искажено и ограничено*, поскольку вынуждено подтверждать установку. Отсюда следует простой научный вывод – чем меньше установок и чем они слабее, тем больший объем внешней Реальности человек способен воспринять.

Нагуализм стремится именно к этому. Если Бог – Реальность, Он проявится, если же Он – только идея, то исчезнет из поля восприятия.

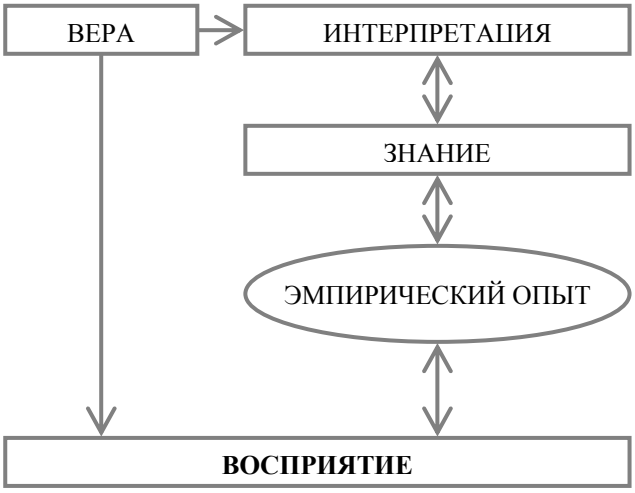


Рис. 1. Восприятие, опыт и вера. Отношения и механизм воздействий

Из приведенной здесь схемы легко увидеть, как реально относятся друг к другу источники знания, знание и его интерпретация, в каком отношении к ним всем находится вера. Данные восприятия (об аппарате восприятия, как сложном механизме взаимодействия сенсорных сигналов, смыслов и оценок было сказано в других книгах) формируют эмпирический опыт. Эмпирический опыт после процедуры абстрагирования (то есть превращения в «инвентаризационный список» тоналя) выявляет внутренние закономерности и становится знанием. Наконец, знание укладывается в некую модель («описание мира»), что делает его «текстом», «изображением». Это и есть интерпретация, которой мы вынуждены пользоваться, внутри которой мы начинаем жить, автоматически отождествив «карту» и «территорию».

Обратите внимание, что восприятие, эмпирический опыт, знание и интерпретация оказывают друг на друга двусторонние воздействия. Все они влияют друг на друга, пытаясь отражать внешнюю среду для выживания и эффективного действия.

Вера находится в стороне от этого «содружества», ибо ее цель – не выживание и не эффективное действие, а обеспечение некоторого психологического фона, комфортного для личности. Поэтому конкретное содержание веры (совокупности догматов) вроде бы не имеет значения. Почему «вроде бы»? Потому что вера опирается на символы и идеи, которые провозглашаются экзистенциальными, максимально значимыми для человеческой жизни. Вера создает оценки, смыслы и установки. И через них она влияет на два ключевых компонента познавательной структуры – на восприятие и интерпретацию.

Отсюда легко понять, почему Вера обладает столь мощным детерминирующим (стало быть, искажающим) потенциалом. Воздействуя на восприятие, Вера вносит свойственные ей конкретные акценты и провоцирует галлюцинирование. Воздействуя на интерпретацию, она изменяет модель «описания». Таким образом, под опосредованным влиянием Веры оказываются и эмпирический опыт, и знание, из него вытекающее. При этом сама Вера ничем не обусловлена, кроме породившей ее декларации Откровения. Ее конкретное содержание может быть произвольным и совершенно не связанным с реальностью.

Теперь ясно, почему нагуализм ставит перед собой задачу максимально снизить активность Веры в познавательной схеме. Добиться этого можно только одним путем – сделать веру условной, предельно нейтральной и потому не продуцирующей оценки и смыслы. Чтобы работать над Трансформацией, мы нуждаемся в максимально необусловленном восприятии и гибкой схеме интерпретации. Это – состояние той чувствительности и подвижности, которая недоступна верующему.

За этой установкой «избавиться» от Веры не кроется никакой идеологии – ни материализма, ни атеизма, ни нигилизма. Это исключительно *психотехнологическая* позиция, условие, которое надо соблюсти для того, чтобы энергетические и полевые процессы, лежащие в основе восприятия, могли функционировать в максимально «чистом» поле. Тональ, как мы знаем, в силу собственной

ограниченной природы оказывает мощное искажающее влияние, захлопывая своей работой «пузырь восприятия». Если к этой замыкающей и ограничивающей восприятие мощи добавить любую Веру, исчезает даже тот малый шанс приблизиться к Реальности, который у нас есть.

Иногда ситуацию с обусловленностью восприятия Верой понимают упрощенно – как некую разновидность образной визуализации. В связи с этим предполагается, что отсутствие зрительных представлений (имагинаций) в практике религиозного поклонения обеспечивает отсутствие самонаведенного галлюциноза. Конечно, это не так. Человек, следующий «без-образной вере», галлюцинирует точно так же, как и тант-рик, увлеченный самыми сложными визуализациями. Ибо человек галлюцинирует не только и даже не столько «образы», сколько «чувства». Я бы даже сказал, что именно этим галлюцинированием человек занимается основное время.

Неизменно важным остается фундаментальный вопрос: *что* (*кто*) *есть источник данного чувства*?

Вера призывает культивировать только один вариант – источник «божественен» или «инфернален». Так или иначе – он в метафизическом пространстве, где осуществляет себя конкретная религиозная доктрина.

Нагуализм допускает три варианта а) источник – за пределом опыта и восприятия, б) источник внутри, отражает психические процессы разных уровней осознанности (вплоть до глубинного БСЗ), в) является смесью того и другого – и это чаще всего.

Проблема в том, что, пока мы относимся к посетившему нас «чувству» с позиции *веры* (а это обязательное условие для верующего человека), мы *не способны* увидеть более широкую картину. Ибо попытка «выследить» чувство Священного, Бога – уже «*оскверняет*» *веру*, делает ее только версией.

Чтобы сохранить Веру, надо сохранить внутри себя некую «заповедную территорию», которую нельзя исследовать.

И это тоже одна из важнейших причин, почему вера в нагуализме неприемлема. Если необходимость отказаться от ее искажающего потенциала – «психотехнический» прием, то неприемлемость запретных территорий и любого рода табу для самоисследования – это познавательная позиция, *когнитивный императив*.

Позиция «верить не веря», ясно сформулированная Хуаном Матусом в книгах Кастанеды, – это не философский скептицизм, питаемый умозрительным признанием Непостижимой Реальности (как это постулируется в мыслительной традиции агностицизма – от античных времен до современных позитивистов), это *практическая мудрость исследователя* человеческой психики.

Позиция сновидящего на пути осознания себя в Реальности

Мыслителю и искателю Бытия (Реальности, Духа) в результате традиционных интеллектуальных спекуляций или напряженных медитативных опытов открываются два способа существования и самоосознания – *отдельность* и *единство*. Отдельность, будучи привычным и как бы естественным модусом психики, кажется состоянием профаническим. Это банальное противостояние Я и Мира, субъекта и объекта. Точка, принятая искателем за центр сознания, становится истоком воображаемой автономии. И дело не столько в поверхностной кажимости, которой поглощены автоматические люди социального мира – сомнамбулы, никогда в жизни не подвергавшие сомнению воспринимаемое под гипнозом *тоналя*, – где отдельность собственного тела и души от энергетического потока Вселенной является очевидностью, безусловно *данным*, молчаливо подразумеваемой аксиомой. Дело в глубинном противоположении природы сознания *внешней* природе, в отождествлении Я с неким статичным центром, пребывающим «в себе» независимо от уровня духовной просветленности.

Любой прогресс практика, поддерживающего эту позицию, сводится лишь к возведению все более величественного пьедестала для монады собственного Я, сияющей Божественным Светом. Таким образом, путь адепта напоминает строительство Вавилонской башни. Его сила и проницательность возрастают, его «духовный взор» проникает все дальше, раздвигая горизонты восприятия и

воображения, но первоначальное качество не меняется. Ни объем поставленной под контроль энергии, ни моральное совершенство не могут трансформировать фундамент его осознания.

Второй способ существования Я – *единство*. Во многих традициях он считается возвышенным, мистическим и даже сакральным. Сегодня, когда восточные дисциплины трансформации сознания широко известны и частично ассимилированы Западом, эта альтернатива не встречает большого сопротивления, а присущие ей ценности признаются все чаще. Собственно говоря, именно *единство* (*слияние*) называют *истинным* просветлением.

Однако, если вдуматься, даже такое «просветленное» осознание является лишь изменением угла зрения и перспективы. Новая «перспектива», когда она достигнута, переживается весьма интенсивно и, безусловно, заключает в себе качество внутренней жизни личности, прежде ей совершенно недоступное. И все-таки потенциал данного модуса быстро исчерпывается.

На первый взгляд, это странно. Как может исчерпаться потенциал *нирваны* или *самадхи* (сакральные синонимы «единства»)? Казалось бы, устранение границ и барьеров, всякой изолированности субъекта предоставляет Я ресурсы самой Бесконечности. Формально так и есть – но лишь формально. Проблема заключается в том, что единство так же статично, как и отдельность. В конце концов, это не более чем позиция. Объединение внешнего и внутреннего Я с окружающей его Бесконечностью сродни «квантовому переходу» – однажды он происходит, и система замирает в новообретенном равновесии. Если же мы вспомним, что Жизнь – это процесс, и он несовместим со статичностью, что он воплощается в непрерывном взаимодействии частей, взаимовлиянии, обмене, обновлении элементов, то становится совершенно ясно – ни модус *отдельности*, ни модус *единства* не соответствует природе *живого* человека.

Дело в том, что описанные выше позиции, – лишь *психологические* реальности, т. е. совокупности переживаний, явно или неявно порожденных концептом, идеей, некоей логикой. Они созданы *тоналем*.

Стремления к абсолютизации опыта, в частности, порождают крайние метафизические концепции о «реальности» или «нереальности» воспринимаемого. Опасность этого подхода понимали уже в древности – этот момент отражен в самых развитых философско-практических учениях. Например, в буддистском трактате «Коренная мудрость» можно найти следующее рассуждение:

«О *тех, кто придерживается ложных воззрений относительно пустотности, сказано как о неизлечимых*. Как это – «неизлечимых»? Например, если против запора применено слабительное и оба – запор и слабительное – вместе удаляются из тела, то болезнь излечена; однако если запор устранен, а слабительное не удалено, то болезнь может стать неизлечимой и привести к смерти. Так же и воззрения относительно реальности всего существующего: хотя они и изгоняются медитацией о пустотности, но, если испытывать пристрастие к пустотности и иметь соответствующие ошибочные воззрения, то (...) это обернется дурной участью».

Абсолютно то же самое происходит с толтеками, которые видят везде нагуаль и не понимают важности тоналя, его участия в работе осознания и трансформации осознания. Если практик погружен в понимание Мира как нагуаля (что по сути верно) и начинает культивировать все и всякие переживания Мира как переживания нагуаля, он приходит к простому выводу – практики не нужны, все дано изначально, стоит лишь повернуть внимание в нужную сторону. Тональ для него – пустая игрушка, а не инструмент. Он барахтается в аморфных переживаниях и часто, подобно некоторым нигилистам, понявшим буддистские воззрения буквально и упрощенно, провозглашает, что Мир – это Пустота, Ничто (Нуль) – и больше ничего нет. Либо, наоборот, Мир – это Все, Переполненность Энергии во всех проявлениях (от пространства-времени до материи), и опять-таки больше ничего нет!

Оба подхода пагубны и бесплодны.

Только противостояние двух позиций, двух полюсов, противостояние субъекта и объекта обеспечивают жизненную динамику Реальности. Я и Мир, Тональ и Нагуаль – нельзя выйти за пределы этой пары. Став Нагуалем, вы откажетесь от практик и быстро превратитесь в идиота. Став Тоналем, вы откажетесь от Непостижимого и быстро станете банальным, стандартным существом, которое не имеет смысла в Большом Мире, а просто суетится между маленькими ценностями собственного маленького мирка.

«Правильная позиция сновидящего» включает в себя противонаправленные импульсы развития осознания как частности и, будучи объемным взглядом на собственную природу и Мир, намного больше и глубже, чем простая сумма двух намерений, стремящихся к абсолютной реализации, – намерения тоналя и намерения нагуаля. Обрести равновесие в правильной позиции, расположенной между противоположными тенденциями, было сложно во все времена, но теперь – особенно, поскольку человек испытывает сильное давление «современной Конкисты». Это не вторжение извне, где противник очевиден. Ситуация намного сложнее, ибо враг внутри, невидимый и неразличимый. Он захватывает нас, не прибегая к явному насилию – это война идей, война мировоззрений. Цель Конкисты – обезличивание, унификация описания мира так, чтобы пузырь восприятия не открылся более никогда. Это осуществляется при помощи резкого усиления репродукции схем мирового тоналя, наметившегося в первой половине XX века и ставшего совершенно очевидным за последние десятилетия. «Агрессия мирового тоналя» обусловлена технологичностью распространения информации и унификацией этнических «описаний» в связи с глобализацией – не только и не столько экономической, сколько духовной, ментальной, концептуальной. Сегодня экспансия приобрела ураганный характер, в результате чего личность практически побеждена. Мы живем в штампованном пространстве, где путь «духовности», «богопознания» или «самосовершенствования» имеет столь же однозначный маршрут, как и путь социального и материального благополучия. В планетарном супермаркете продаются не только холодильники, пылесосы, телевизоры и книжки «Как стать здоровым и богатым». Там есть и специальный отдел для патентованных версий «мистического идеализма» – где-то поблизости от успокоительных таблеток и иных средств одурманивания. Экстатические призывы к «слиянию», «чистой духовности», советы отдаться Божеству, Высшему Разуму, найти смысл в Бесформенном и Непостижимом – все это входит в традиционный набор рецептов для невротизированного искателя, мечтающего сбежать от повсеместной бессмысленности механического бытия. Надо быть поистине изощренным, бдительным сталкером, чтобы не попасть в ловушку стандартного описания, чтобы проскочить между Сциллой и Харибдой – противоположными, но в равной мере никуда не ведущими способами забвения.

Сновидящий особенно уязвим перед мощным натиском духовного эскапизма. Сам факт, что его работа происходит в сновидении, создает предпосылки к отстраненности и забвению дневной жизни. Если сновидец игнорирует явь как незаменимое поле ценного опыта, он оказывается в тупике, сам того не замечая.

С одной стороны, фундаментальные процессы перераспределения энергии происходят благодаря безупречности и сталкингу – практикам, которые осваиваются наяву. Здесь очищается тональ, здесь осознание приобретает существенные навыки, субъект становится упорядоченным и сильным пучком эманации, способным полноценно *жить реальностью* – не только мирами иных диапазонов восприятия, но и повседневным миром первого внимания. Сновидец должен осознать, что первое внимание обладает исключительной важностью, ведь именно в нем мы имеем непрерывный доступ к энергии Реальности. Еще раз повторю мудрое высказывание из Упанишад: «Земля – Его опора». Утратив опору, мы утратим главный источник Силы.

С другой стороны, сновидение затягивает и может вызывать сильное пристрастие. С самого начала на это необходимо обратить внимание. Если сновидец обнаружил, что все его желания и помыслы наяву сосредоточены исключительно на достижении новых сновидений, если содержание дня сводится к ожиданию момента, когда можно будет наконец-то погрузиться в сон, – он встал на губительный путь. Это не только отсутствие безупречности (ведь настоящая безупречность подразумевает равное отношение к любому режиму перцепции), плохой сталкинг (неспособность выследить в себе истинные причины пристрастия к сновидению, осознать их и этим трансформировать свою мотивацию), но и энергетический тупик. Естественным следствием такой позиции станет постепенное ослабление внимания сновидения – восприятие во сне будет блекнуть, истощаться, волевые сосредоточения будут все реже приводить к успеху. И это естественно. Ведь *базовым режимом энергообмена* для человека, не достигшего Трансформации, *является первое внимание*. Здесь он поглощает основной объем Силы и излучает его. Все навыки управления энергией формируются наяву, в сновидении они только получают новые поля для работы. Ситуация меняется лишь на высших этапах практики, когда тело сновидения масштабно интегрируется со всем объемом энергетического тела и может, таким образом, извлекать Силу из второго внимания так же эффективно, как и во время бодрствования. Но прийти к этому можно только через напряженную тренировку в дневной жизни.

К сожалению, не все сновидцы осознают правильное настроение пути. Тогда их практика и жизнь в целом следуют стандартному сценарию – той самой «патентованной версии» из супермаркета мирового

тоналя. Испытав осознанное сновидение, они впадают в экстаз и тонут в иллюзорном блаженстве. Им кажется, что там, в мирах сновидения, скрыты все тайны бытия, все главные восторги и – главное – *смыслы* человеческого осознания. Пристрастие, зависимость и забвение поражают их неуравновешенный тональ. Дневная жизнь скучна, глупа, бессмысленна, мир первого внимания – только вынужденная пауза между сновидениями, где происходит «настоящая жизнь». Абсолютно то же самое предлагают все религии мира, все мистические и оккультные учения: там, «по ту сторону» происходит все самое важное, экзистенциально значимое, здесь, «в этом мире» – суета и тлен. Это и есть шаблон мирового тоналя, простой и очевидный, навязанный тысячелетними повторениями. Если сновидящий хочет добиться цели нагуализма – Свободы и Трансформации, он обязан выследить в себе этот шаблон и избавиться от него.

Единственное *реальное* сокровище, которым мы владеем, – это осознание. А осознание дано нам *как в сновидении, так и наяву*. И там и здесь мы способны расти и развиваться, если сосредоточены на главном – на *усилении осознания*.

Сновидящие должны постоянно помнить, что сущностный смысл всех предпринимаемых на пути нагуализма усилий – *интеграция*. Это Путь Равновесия, где новые поля восприятия *дополняют* перцептивный опыт, но ничего не отрицают. Осознание себя в Реальности – это обретение целостности и гармоничное возрастание Силы. Любой перекос разрушает целостность. Пребывая в мире первого внимания и игнорируя все иные режимы восприятия, мы не можем осознать себя по-настоящему. Однако, полностью сосредоточившись на внимании сновидения, мы попадаем в такую же ситуацию – становимся визионерами, созерцателями призраков, вечно питающими надежду, будто призраки дадут нам Силу, свободу и бессмертие.

Нет. Сами по себе призраки – всего лишь призраки. Долгие годы сновидец наблюдает обманчивые отражения недоступных ему энергий. Завороженный, он не может отвести от них взгляд, его осознание застывает в гипнотическом трансе вместо того, чтобы обрести необходимую Силу наяву и прорваться сквозь отражения к самой Реальности.

Только объединив силу и стабильность первого внимания, его настроенность на активный энергообмен, с перцептивными возможностями второго внимания, энергетическими потоками, постоянно циркулирующими в иных диапазонах бытия, можно преодолеть иллюзии и застой, победить неизменность человеческой формы и прийти к Трансформации.

В этой книге я попытался описать часть Пути (на мой взгляд, весьма существенную) к реализации хоть и крохотного, но самого важного шанса сновидящих – к обретению безусловной и окончательной Свободы.

ПОРОГ ПЕРВЫЙ. ВНИМАНИЕ СНОВИДЕНИЯ

1. Внимание сновидения в системе полей первого, второго и третьего внимания
2. Первое, второе и третье внимание
3. Образ жизни и практика сновидящего
4. Инструменты ежедневной практики сновидящего
5. Не-делание и два способа вхождения в сновидение
6. Аудиальное и кинестетическое не-делание
7. Прямой сдвиг точки сборки – «прорыв» ко второму телу
8. Эффекты прямого сдвига точки сборки и усиление осознания
9. Достижение внимания сновидения

ВНИМАНИЕ СНОВИДЕНИЯ В СИСТЕМЕ ПОЛЕЙ ПЕРВОГО, ВТОРОГО И ТРЕТЬЕГО ВНИМАНИЯ

Если твое внимание совершенно, ты начинаешь видеть
Пустое не пустым, а не-пустое Пустым. Видеть
пустоту не пустой – это правильно, так ты
находишь источник бессмертного дыхания.

Наставление даосского искателя бессмертия

Я голос, пробуждающий от сна в царстве ночи.

[Из гностического мифа]

Прежде чем обратиться к *вниманию сновидения* – специфическому процессу, позволяющему войти в неосвоенное пространство восприятия, рассмотрим саму *концепцию внимания* и его роль в таком сложном и таинственном феномене, как человеческое *сознание*. Ничуть не претендуя на исчерпывающий анализ темы, далеко выходящей за рамки этой книги, коротко изложу принципиальные положения, без которых нельзя правильно понять и по достоинству оценить теоретико-методологический подход нагуализма к усилению осознания и тотальной Трансформации человека.

ЧТО ТАКОЕ ВНИМАНИЕ?

Когда мы говорим о внимании, слова не должны вводить нас в заблуждение. Ибо в Реальности за словом *внимание* не стоит никакой отдельной сущности – ничего такого, что можно было бы вычленить как самостоятельный процесс. Привычные словосочетания «концентрация внимания», «рассеяние внимания», «распределение внимания» и т. д. вызывают ложные ассоциации, словно мы имеем дело с неким автономным «агентом», объектом или излучением, состояние которого можно локализовать, энергию которого можно измерить. На самом деле внимание – только *функциональная характеристика осознания*. Направляя внимание на ту или иную область опыта (на сенсорные сигналы или на продукты собственного рефлексивного мышления), мы обращаемся непосредственно к осознанию и изменяем состояние системы в целом. По сути, Я (осознающий субъект) представляет собой некое психоэнергетическое поле (*тотальность* или *бытие*), а внимание – это *способ*, при помощи которого Я «относится» к Миру.

Может показаться, что такой способ описания еще больше запутывает и усложняет понимание. Но это не так. Более того, именно невольное, автоматическое вычленение внимания из пространства нашей психоэнергетической целостности искажает картину и вытесняет на периферию опыта тот модус переживания, который более всего соответствует реальному положению дел и потому имеет уникальную трансформативную ценность. Следуя стереотипам тоналя, который постоянно творит мнимые сущности и устанавливает иллюзорные границы между областями единого поля, мы забываем очень важную вещь: *любая работа с вниманием есть установка параметров всей энергетической системы тела и соотносимой с ним среды*.

Например, когда исследователь, занимаясь психотехникой (аутотренингом, медитацией и т. п.), концентрирует внимание на солнечном сплетении, на ладонях и на любой другой точке физического тела, объект концентрации переходит в иное состояние. Расширяются или сужаются кровеносные сосуды, изменяется характер кожно-гальванической реакции, ускоряется либо замедляется тканевый и, соответственно, клеточный метаболизм – происходит масса событий, часть из которых можно зафиксировать приборами. Нейрофизиолог полагает, что начало этой цепочки событий локализуется в тех или иных зонах головного мозга, поскольку приборы регистрируют изменение электрической активности коры и подкорковых структур. Описывая происходящие там события через известную модель «возбуждение – торможение», ученый бесконечно упрощает нейронную «реальность», которая только начинается на электро – и биохимическом уровне, а уходит своим корнями в атомные и даже субатомные процессы.

Что приводит в движение эти вполне материальные объекты и энергетические поля? Если мы изучаем собаку, кролика или крысу, подобный вопрос не возникает. Вернее, нам кажется, что мы «знаем» на него ответ. Действительно, вроде бы никакой загадки здесь нет (по крайней мере, на поверхностном уровне). Ибо мы наблюдаем всего лишь химию и физику нервных процессов, отзывающихся на совокупность внешних либо внутренних сигналов-раздражителей. Перед нами только более сложная форма тех же явлений, что можно обнаружить в любой природной системе.

Но в случае с человеком – существом, наделенным *произвольным вниманием*, – становится очевидной таинственная сущность происходящего. Академическая наука маскирует эту тайну с помощью терминов «саморегуляция», «биологическая обратная связь», но слова ничего не объясняют, а только имитируют объяснение. Попробуйте выбраться из словесной паутины, и вы тут же окажетесь лицом к лицу с Непостижимым. Во-первых, произвольный характер внимания вызван не-физическим фактом, условно именуемым *свобода воли*, а *свобода воли* подразумевает реальность *свободы* как таковой. Так, мы можем самостоятельно выбирать режим работы внимания, его интенсивность и характер, направление и объем. Этот выбор, если мы захотим, никак не будет обусловлен внешними условиями и сигналами-раздражителями. Стало быть, *мы сами* создаем причины и вызываем следствия, вопреки тому детерминизму, который является неизбежным состоянием бессознательного Мира. Во-вторых, внимание действует *непосредственно* – то есть само по себе является энергией. Нет ни источника, ни объекта, ни механизма действия. Есть Бытие – Реальность, изменяющая саму себя.

А теперь вспомним, что внимание – это функциональная характеристика *осознания*, или, говоря философским языком, его прямая манифестация. Интенсивность внимания определяет интенсивность осознания, и наоборот, осознание возрастает через усилие произвольного внимания. Мы не можем судить о том, как работает осознание у животных и можно ли вообще называть их психическую активность осознанием. Но у человека внимание и осознание неразрывно связаны. Более того, способность к самоактивизации нашего осознания настолько высока, что регулярно преодолевает неблагоприятные биологические обстоятельства.

Например, согласно классическим представлениям сознание «включается» в результате обязательной активации коры головного мозга, куда поступает внешний или внутренний сигнал (стимул). Следовательно, рассуждает анестезиолог, «сознание можно выключить, заблокировав восходящие к головному мозгу афферентные пути или заблокировав неспецифическую активацию центральной нервной системы, то есть затруднить или полностью исключить возможность обработки (активного отражения) поступающей информации»[2]. Исследование показало, что далеко не всегда это так. Профессор А. Н. Кондратьев, в частности, сообщает, что сознание человека во время хирургической операции даже в случае абсолютно качественного наркоза очень часто (около 25% случаев) не перестает функционировать на протяжении всего операционного периода. А психологическое исследование показало, что практически все больные через некоторое время вспоминают происходившее с ними во время операции. (См. цит. источник.)

Более того, исследования естественного сна человека показали, что сознание присутствует не только во время стадии REM-сна, когда человек видит сновидения, но практически в любой из 5 других стадий сна, то есть оно никогда не исчезает. (С. Криппнер, Дж. Диллард. Сновидения и творческий подход к решению проблем. М., Изд-во Трансперсонального Института, 1997)[3]. Возникает закономерный вопрос: почему, в таком случае, мы не осознаем (не помним) этот опыт? Ответ очевиден – из-за низкого тонуса внимания. Интенсивность внимания определяет, какой объем психической активности доступен нашему осознанию.

Внимание – это та *функция осознания, которая дает ему возможность усиливать самое себя*. Внимание порождает энергетические потоки и меняет свойства биологического пространства организма. Более того, оно оказывает влияние на пространство *за пределами* организма (что уже показали исследования последних десятилетий в области психоэнергетики), и это дает основание с большей серьезностью отнестись к концепциям квантовой физики в отношении природы нашего сознания.

Пожалуй, именно неограниченная способность осознания влиять на состояние внешней Реальности самим фактом своего присутствия в ней представляется наиболее фантастическим и немыслимым допущением. Классическая картина мира, фундаментом которой является локальность объектов, явлений и процессов, линейная причинность и проч. – все то, что порождает пространственно-временную развертку восприятия и осознания, – никак не совместима с подобной идеей. А ведь именно классическая картина мира, будучи по-своему совершенным отражением нашего опыта выживания, обладает колоссальным гипнотическим потенциалом. Альтернативные модели, предлагаемые мистиками и философами (от шаманизма до новейших синтетических концепций трансперсональной психологии), остаются областью условного наклонения. Даже в том случае, когда их оживляет пламя самой искренней Веры, они весьма редко становятся доминирующим опытом; их статус – подчиненный, они пребывают на периферии чувства, как смутные тени, «субмодальности» главного потока автоматических интерпретаций. Всякое *чувственное* преодоление классической парадигмы описания мира – уникальный феномен, а потому, как правило, объявляется высшей целью трансформационных дисциплин – *самадхи, нирвана, сатори, сновидение наяву, видение* и т. п.

В связи с этим, выход за рамки классического описания в естественных науках – подлинная революция разума. Квантовая физика XX века, осмелившаяся на такую революцию, остается самым поразительным событием в истории человеческого познания. И пусть квантовая модель до сих пор обитает только в царстве чистого интеллекта, вступая во всех отношениях в противоречие с привычным миром эмпирического опыта, упрямо воспроизводящего себя на протяжении целой эпохи, – даже эта, исключительно ментальная победа обладает значением, которое невозможно переоценить.

Не так уж важно, *что* в «квантовой реальности» нового описания мира будет подтверждено экспериментальными исследованиями, а *что* окажется всего лишь математической конструкцией, породившей неверные интерпретации. Главное – «классический» мир пошатнулся, и открывшуюся пропасть между Реальностью и описанием (нагуалем и тоналем) уже не устранить. И в этом непостижимом пространстве «сознание» стало впервые приобретать *физический смысл*, – смутный и парадоксальный, включающий в себя догадки, предчувствия и интуицию, но уже *не* идеальный. *Сознание* выбралось из царства абстрактных спекуляций философии и психологии.

Толтекская описательная модель, возникшая в результате систематических исследований внимания и перцепции, принимает квантовый мир с легкостью – как бы ни была она далека от современного естествознания. В большой степени то же самое можно сказать и о других древних альтернативах описания – даосизме, ведантизме, буддизме и т. д. Однако кастанедовская парадигма в этом ряду имеет уникальный прагматический потенциал, поскольку сосредоточена на *энергетическом*. механизме осознанного восприятия, который лежит в основе магического «делания» толтека. Понимание перцептивного акта как «сборки», а согласованной перестройки воспринимаемого – как изменения структуры самого энергетического тела (*сдвиг* и *движение* точки сборки) приводит к тому, что физика (энергетика) осознания оказывается *центральной идеей* учения.

Поскольку нагуализм – не физика, он часто оперирует метафорическими (а значит, более емкими) понятиями. У такого «способа говорить» есть ряд очевидных достоинств, хотя метафорический подход не может обойтись без недостатков – прежде всего, искажающего упрощения описываемой Реальности и неуместных аллегорий, вызывающих заблуждения.

Разумеется, идеального языка не бывает. Любой способ трансляции понимания вынужден обращаться к знакам и символам, которые по природе своей есть продукт искажения. В этом смысле даже самые точные языки естественных наук не могут быть адекватными «трансляторами». Нагуализм учитывает это обстоятельство и потому настаивает на условности своей (как и любой иной) метафизики.

Обо всем этом следует помнить, когда мы находим параллели между идеями квантовой физики и толтекской науки об осознании. Как ни странно, подобные параллели могут одновременно прояснять и

запутывать понимание того или иного термина. Очевидно, лучший способ – держаться «серединной» позиции, учитывать всё, не впадая при этом в автоматические отождествления с избранной схемой[4].

Великие умы квантовой физики (Вольфганг Паули, Э. Шредингер, Джон фон Нейман, Дэвид Бом и др.) оставили множество смелых догадок о физическом смысле сознания. Я не стану рассматривать эти идеи подробно, так как они уведут нас слишком далеко от предмета данной книги. Кроме того, я не физик и, следовательно, могу исказить какие-то существенные моменты. Лично мне кажется важной мысль о том, что сознание проявляет свою физическую активность тем, что извлекает нас из великой неопределенности, «вплетенности» в нерасчленимую Реальность квантового поля вселенной. Благодаря сознанию мы обретаем локальность в мире нелокальных связей. На языке квантовой физики *сознание* – именно то, что осуществляет *декогеренцию* субъекта, вычленение энергетического тела (организма) субъекта из *запутанного состояния* (нелокального присутствия в связанности со всем квантовым мирозданием). *Запутанное* (entangled) состояние – это бесконечное поле энергетических потенций, которые в любой миг могут быть реализованы (локализованы). Сознание выбирает качество декогеренции и этим обусловливает, *что* и *как* мы воспринимаем, *с чем* можем вступать в энергообмен. А это и есть наш конкретный энергетический и онтологический статус.

Из моря возможных связей («темного моря осознания») мы реализуем («собираем») некоторую бесконечно малую часть. Можно сказать, что эта часть становится нашим тоналем. С. Хамерофф и Р. Пенроуз, например, выдвинули гипотезу, что декогеренция – это результат согласованных процессов в субклеточных структурах головного мозга («Согласованная редукция квантовой когерентности в микротрубочках клеток мозга: возможная модель сознания», 1996)[5].

Эти, как и многие другие, размышления возвращают нас к крайне важному моменту для осмысления *концепции внимания*. А именно:

Внимание выполняет функцию регулятора декогерентных процессов в физической системе субъекта, т. е. определяет объем и качество связей субъекта с внешним полем. Непроизвольное внимание поддерживает то состояние энергетического тела субъекта, которое сложилось в процессе эволюции биологической материи. Произвольное внимание наделяет нас потенциальной возможностью выбирать то или иное состояние, регулировать его и – в конечном счете – трансформировать собственную природу.

Видимо, в этом и заключается тайная мощь внимания и физический смысл экзистенциальной Свободы, которая в зачаточном виде присуща человеку, обладающему даром произвольного управления собственным осознанием.

От физического и философского аспекта внимания, обещающего столь революционные перспективы, перейдем к аспекту психологическому, поскольку именно этот аспект описывает важные условия для начала практической работы.

Психология и психофизиология придерживается того же подхода, о котором было сказано выше. А именно – внимание рассматривается не как самостоятельный психический процесс, а как отражение межсистемных отношений текущей деятельности, обеспечивающих ее эффективность. (См. работы Найссера, Величковского и мн. др.). Часто указывают на то, что внимание, не будучи самостоятельным процессом, по сути, является *направленностью* психической деятельности, т. е. ее интегральным свойством. Поскольку результатом привлечения внимания становится улучшение деятельности (не только в плане эффективности, скорости, но и – что представляется наиболее важным – в отношении качества восприятия, его объема, четкости и пр.), мы вполне можем назвать внимание *показателем интенсивности* осознания.

Нельзя не отметить любопытное положение. С одной стороны, всё, что сделал человек с окружающей средой и своим внутренним миром (благодаря чему и *стал* человеком), – плоды целеустремленного внимания. С другой стороны, внимание – состояние не-естественное, на что указывают как психологи, так и психофизиологи. Говорится, что внимание – «состояние исключительное, ограниченное во времени, так как оно находится в противоречии с основным условием психической жизни – изменяемостью». И действительно, внимание делает психику неподвижной в соответствии со степенью сосредоточенности, оно вычленяет области и процессы, гасит флуктуации и иную природную «текучесть». Внимание как бы вторгается в психическую жизнь и радикальным образом влияет на ее естественный характер.

Этим, в частности, отличается поведение и психическая активность человека от того, что происходит с животными, даже имеющими развитый мозг и нервную систему. Впрочем, нет нужды обращаться к зоопсихологии, поскольку до того, как сформируются навыки стабильного и произвольного внимания (как это имеет место в раннем детстве), человеческая психика в этом отношении мало чем отличается от психики высших приматов. Естественное состояние нейронной реальности – безостановочное движение, отражающее движение среды (биологической и физической). Некоторые авторы называют это *полиидеизмом*. Включение внимания есть приостановка этих бесконечных колебаний (моноидеизм). Здесь напрашивается аналогия с плавающей и фиксированной позицией точки сборки. Эта аналогия правомерна, но лишь частично. Если говорить о ребенке, то здесь социальное обучение определенной активности внимания действительно влияет на позицию точки сборки, поскольку, как известно, инструменты обучения – речь и мышление – не являются генетически наследуемыми свойствами. Что же касается животных, то отсутствие у них развитого внимания не означает «плавающего» состояния точки сборки просто потому, что их «сборка» стабилизируется физиологическими факторами, возникшими в процессе эволюции живой материи, при этом сам характер сборки сенсорного материала отличается от человеческого.

Предпосылки для развития собирающего внимания лежат в самой возможности отбора сигналов, их усиления или блокирования. Эту способность можно найти у высших млекопитающих, и именно она лежит в основе так называемого селективного внимания. Однако человек обучается целой системе «фильтров», уже не обусловленных биологической необходимостью. Представление о внимании как системе фильтров впервые было разработано довольно давно Д. Е. Бродбентом. Несмотря на известную механистичность модели, обращение к самому принципу «фильтрации» сенсорного материала и сегодня кажется правомерным. Д. Бродбент полагал, что нервная система, несмотря на множество входов, работает как единое коммуникационное устройство. На входах каналов осуществляется селекция, т. е. по некоторым признакам отбирается сенсорная информация. Причем критерии, по которым отбирается сенсорный материал (устройство селективного фильтра), обусловлены не столько физикой пучка сигналов, сколько его семантикой, усвоенной через научение. Лишь в некоторых случаях исключительно физические критерии (свойства сенсорных сигналов или физиологическое состояние организма) могут оказывать решающее влияние на селекцию. Отфильтрованная по тем или иным причинам информация не достигает осознания, но может храниться как бессознательный опыт и извлечена оттуда в случае перестройки «фильтра».

Не надо обладать особой проницательностью, чтобы усмотреть в модели Бродбента (и других ученых, развивающий тот же подход) толтекский *тональ* – «описание мира», которому индивид обучается в процессе социализации, после чего внимание и восприятие живет и развивается по законам этого описания, чем определяет картину «реальности», отражающуюся на стенках замкнутого «пузыря», который вмещает в себя весь объем осознаваемого опыта.

Теория Бродбента не является единственной в психологической науке. Психологи разработали целый ряд концепций по этому поводу, но ни одна из них не удовлетворяет. Все эти идеи либо повторяют друг друга, лишь смещая акценты, либо страдают ненаучной метафизичностью (например, представление о «внимании как активной способности духа»). Повсюду мы находим представления об элиминативной (вытесняющей) функции внимания, с необходимостью ограничивающей объем сознания, о механизмах нервного подавления, благодаря которому избранные впечатления, переживания, чувства и идеи выделяются сознанием, становятся объектом концентрации. И повсюду можно встретить общие рассуждения о роли обучения и опыта в работе внимания.

Легко заметить, что вышеперечисленное относится к описанию *последствий* работы внимания, тем самым молчаливо признавая бессилие психологической науки, не способной говорить *о самой сути* явления.

Конечно, экспериментальные исследования открывают множество деталей и частностей. В этом отношении нельзя недооценивать усилия таких выдающихся умов, как У. Найссер, Дж. Брунер, Р. Грегори и др. Любопытно, что добытый ими опытный материал и следующие из них научные выводы в целом не противоречат толтекской описательной модели. Большинство ученых не желает относиться к кастанедовским отчетам серьезно и, тем не менее, регулярно подтверждает своими исследованиями и теориями главные теоретические положения «толтекских магов». Мы найдем в их работах и концепцию «сборки сенсорных сигналов», и вывод о сильной подчиненности сенсорного внимания «описанию мира», определяющего семантику воспринимаемого и через семантику регулирующего интенсивность конкретного восприятия, а также ряд других идей, подозрительно близких дон-хуановской парадигме.

Разбирая работу внимания, психологи и психофизиологи находят интересный процесс превращения сигналов, которые можно метафорически назвать «победой семантики над физикой». У. Найссер, например, нашел периферические процессы, названные им «предвниманием», где селекция сигналов осуществляется по их физическим характеристикам (интенсивность, объем, динамика и т. д.). Это наиболее естественная часть внимания, которая должна была бы доминировать в человеческой психике, если следовать механистической логике «закона отражения». Но, как и следует из самого термина «предвнимание», на более высоком уровне субъект в значительной степени корректирует результаты естественного реагирования, а порой – полностью перечеркивает их. Физически мощные сигналы могут быть погашены, слабые – наоборот, усилены, отношение «фигура-фон» подчиняется произвольному выбору, который определен не физикой сигнала, но его значением – иными словами, его местом в созданном нами «описании мира».

Психофизиология, как известно, занимается тем, что находит «материальные» корреляты процессам сенсорной селекции. Исследователи указывают на некие механизмы, облегчающие проведение одних сигналов (*ревалентных*, или значимых для организма) при одновременной блокаде проведения других (*ирревалентных*). По мнению физиологов, данные механизмы осуществляют функцию *контроля информации на входе*, изменяя возбудимость в соответствующих путях нервной ткани, – более того, *при этом происходит перераспределение импульсов* в так называемых «полисенсорных структурах», что, в конечном итоге, определяет модальность воспринимаемого импульса (т. е. его визуальность, аудиальность, кинестетичность и т. д.). В итоге мы получаем психофизиологическое описание того самого дон-хуановского «пузыря восприятия», на стенках которого отражается наше собственное *описание мира*. Ведь именно семантика (описание) решает, пропустить или нет сенсорный импульс, а если пропустить, то какой сенсорной модальностью его «наделить».

Понятно, что в мозгу животных работают те же механизмы, но человек через «описание» вторгается в них столь масштабно, что конечный продукт (перцептивный мир) оказывается во всех отношениях радикально перестроенным. Вот почему мы живем не в реальном мире, а в *мире тоналя*, существующем благодаря специфическому вниманию. На языке кастанедовского нагуализма оно называется *первым вниманием*, а перцептивное пространство, созданное таким способом, – «миром первого внимания».

И здесь мы сталкиваемся с проблемой замкнутого круга. С одной стороны, описание – семантический мир и набор правил, по которым он развивается, воспроизводит себя – является продуктом произвольного внимания. Но с другой стороны, само произвольное внимание возникает только в процессе усвоения коллективного описания, разработанного человеческим видом. Лишь унаследовав описание, человек становится человеком. Если же он не имеет к нему доступа, его внимание остается непроизвольным, а сознание ничем не отличается от сознания примата.

Наблюдение и эксперимент лишь констатируют тот факт, что произвольное внимание имеет не биологическое, но социальное происхождение. Оно формируется в процессе общения ребенка со взрослыми и возможно лишь благодаря *передаче навыка*. Но «навык» невозможно оторвать от семантических содержаний. Мы обучаемся произвольному вниманию и описанию мира одновременно, что и обеспечивает непрерывное воспроизводство конкретной конфигурации тоналя. Как это происходит? Самая примитивная модель подразумевает следующую схему копирования: взрослый выделяет объект из среды, указывает на него и «называет» (с помощью слова, жеста или иного знака). Ребенок следит за жестом, берет предмет либо повторяет слово (знак). Так происходит выделение пучка сигналов из внешнего поля. Для ребенка в определенном возрасте это подлинное открытие. Оно имеет наивысшую степень новизны, благодаря чему импринтируется и становится моделью для последующих действий. Многократно наблюдая за удивительным процессом «возникновения объекта» из потока сенсорных впечатлений, ребенок познает *принцип произвольности*, который заключается в бессознательной формулировке: «Я *могу выбирать* объекты из среды». Выражаясь точнее, «я могу выбирать пучки сигналов и отделять их от сенсорного фона».

В абсолютном большинстве случаев ребенок на всю жизнь остается пленником копируемых схем, и произвольность его внимания ограничивается неким диапазоном выборов, который изначально содержался в воспринятом от учителей описании. Можно сказать, он получает дар произвольного внимания вместе с теми ограничениями, которые на него наложили предыдущие поколения, образующие социум.

Чтобы описать эту особую, исключительно человеческую область «произвольности», в свое время академик А. А. Ухтомский ввел так называемый «принцип доминанты». Я упоминаю об этой

концепции, поскольку некоторые сторонники нагуализма усматривают в «доминанте» чуть ли не психофизиологический коррелят точки сборки и приравнивают ее сдвиг к формированию измененной доминанты. На мой взгляд, здесь можно найти лишь весьма отдаленную аналогию.

Что такое *доминанта*? Это господствующий очаг возбуждения нейронных структур, который обусловливает функционирование ведущих центров системы и этим определяет общую направленность реагирования и поведения. Существование подобного «очага» в нашем случае ничего не объясняет. Это всего лишь описание *следствий* некоторых стабильно протекающих процессов. И в этом смысле можно сказать, что произвольное внимание, собрав по определенной схеме пучки сенсорных сигналов, приводит к возникновению доминанты. Роль доминанты – закреплять полученную конфигурацию энергетических полей и делать ее ригидной. Таким образом, ее функция вторична. Видимо, она важна для большой массы *послепроизвольных* актов внимания, будучи их энергетическим обеспечением. Но не этот механизм производит сборку, не он помещает нас в данный перцептивный мир.

Ведь сущностью произвольного внимания является активное регулирование психических процессов, осуществление психоэнергетического выбора, который далеко не всегда обусловлен доминирующим возбуждением нейронов, но *напротив – сам формирует* психофизиологическую активность.

Остается констатировать, что произвольное внимание, определяющее экзистенциальный статус человеческого вида, не получило удовлетворительного описания в естественнонаучной парадигме. Его энергетическая суть очевидна, его физический смысл как главного инструмента нашей наблюдательной активности в квантовой вселенной невозможно переоценить, но природа его по-прежнему непостижима.

Каким образом описание превращается в энергетический факт? Как речь с ее семантикой и синтаксисом управляет произвольным вниманием, которое, в свою очередь, формирует восприятие и энергообмен? Как внимание удерживает свою направленность вопреки непрерывной подвижности энергетических потоков внешней Реальности? Как осуществляется обратная связь – воздействие внимания и осознания на электрохимические, биофизические процессы и другие характеристики «материи» нашего организма и окружающие его поля?

Нагуализм имеет собственные ответы на некоторые из этих фундаментальных вопросов и предлагает направление исследования, объединяющее в себе все аспекты человеческого осознания – от физики и энергетики до психологии и лингвистики. Принципиально важно, что здесь осознание исследует само себя, не обращаясь к приборам и абстрактным моделям. Непосредственный эмпиризм дает возможность на собственном опыте постичь, как внимание превращается в Силу, а описание мира в совокупность энергетических формаций и связей. Путь обретения Знания, Силы и Трансформации проходит через освоение альтернативных режимов перцепции. Через «магию энергетического *сновидения*».

Внимание как сборка. Точка сборки

Поскольку нагуализм полагает, что внимание имеет самое непосредственное отношение к сборке сенсорных сигналов, необходимо сказать несколько слов о феномене «точки сборки» и об отношении между сборкой и вниманием, имеющим принципиальное значение в работе над Трансформацией энергетического тела.

Рассуждая о столь абстрактном для нормального человеческого опыта понятии, мы то и дело склонны впадать в привычную метафизику. Точка сборки в наших размышлениях фигурирует как реальный объект, возникающий и исчезающий, способный перемещаться и фиксироваться. Однако не следует забывать, что способ описания, который мы постоянно используем (потому что он удобный и компактный), по сути, является метафорой. Если вы достигаете *видения*, то соприкасаетесь с чем-то вроде *трансляции метафоры*, – это превращает умозрительную модель в некую реальность, согласует спекулятивную конструкцию с опытом.

Что *на самом деле* дано в опыте видящему? Неоднородное свечение, которое имеет область наибольшей яркости. Эта область пульсирует и иногда перемещается – либо скачком, либо плавно. Смещение яркости вызывает изменение всей организации остального, менее интенсивного свечения энергетического тела. Вот и все, что стоит за словами.

Важно понимать, что на самом деле нет такого момента, когда биологическая стихия «порождает» точку сборки. Можно сказать, что это – только проекция способности живого организма собирать в единое целое то силовое поле, которое является «сущностью жизни». Собственно, живое тем и отличается от неживого, что собирает себя. Внутри биологического царства нет качественных барьеров, поскольку главное качество у всех биологических форм – *жизнь*, что и значит *сборка*.

В эволюционном смысле внимание (от самых простых его проявлений до высших, присущих только человеку) – следствие процесса сборки и существования области, называемой «точкой сборки», а не его причина. Даже одноклеточные существа или еще более простые (например, вирусы) в каком-то смысле собирают собственное поле и, следовательно, имеют точку сборки. Но *какую*? Ту, что соответствует сложности их организации и сложности их функционирования в среде.

Между вирусом и, например, тараканом лежит целая бездна. Энергетическое поле таракана – это галактика для вируса. А энергетическое поле человека – галактика для таракана.

Если говорить о развитии человеческого организма, то здесь мы можем наблюдать интереснейший процесс, поскольку сборка проходит все стадии эволюции живого. Мы видим, как растет биологическое пространство, как усложняется его структура, начиная с оплодотворения яйцеклетки. Энергетическое поле увеличивается и собирает себя все более масштабно. На каком-то этапе пренатального существования наше тело собирает себя, как простейшее хордовое, как земноводное, затем как хвостатое млекопитающее. Объем точки сборки и характер самой сборки меняется. Кульминацией этого процесса становится формирование сложного сенсорного аппарата (включая ЦНС). Очевидно, как раз на этом этапе мы впервые знакомимся с *вниманием*, которое, как уже было сказано, является интегрирующим фактором, реализующим *направленность* осознания. Такой «точкой сборки» обладают все высшие млекопитающие. Ее позиция целиком обусловлена биофизикой и физиологией организма.

С точки зрения осознания новорожденный человеческий младенец практически не отличается от новорожденного шимпанзе. Их сенсорный мир почти идентичен, а потому первые шаги в сборке внешних сигналов следуют общим законам.

Самое удивительное и таинственное превращение животного осознания в осознание человеческое происходит в тот момент, когда младенец повторяет вслед за матерью или другим взрослым, с которым ребенок общается, акт произвольного внимания. Как уже было сказано, сам механизм *копирования* психической деятельности остается загадкой. Известно лишь, что ближайшие к нам по типу организации животные – высшие приматы – способны копировать человеческий способ «сборки мира» до определенного уровня сложности и выше этого уровня не поднимаются. Даже освоение языка (в случае с приматами – языка жестов) не приводит их в мир нашего внимания, нашего уровня интенсивности осознания. Из этих сравнительных наблюдений можно сделать вывод, что ребенок наконец входит в человеческий тональ приблизительно на пятом году жизни. «Сборка» опыта в это время достигает того масштаба, четкости и стабильности, который доступен только человеку. Произвольное внимание становится выраженным навыком, в результате чего «сборка» приобретает специфически человеческие черты, позиция точки сборки фиксируется.

Вдумайтесь в значение данного события! Ведь это и есть наша индивидуальная Трансформация. Это опыт, который имеет каждый. Достигая второго внимания через толтекское сновидение, мы повторяем давно забытый эксперимент, однажды *уже* осуществленный, причем успешно. Мы всего лишь входим в некоторое сенсорное поле и собираем его – так же как сделали это в детстве, становясь человеком.

Между прочим, сходство опыта первых проникновений в первое и во второе внимание еще больше, чем кажется при поверхностном сравнении. И в одном, и в другом случае имеет место период нестабильности и угроза деградации. Если толтек позволит себе отступить, откажется от интенсивной практики, он потеряет второе внимание и вернется в изначальное состояние. Точно так же известны случаи, когда дети 4-6 лет оказывались в ситуации, где отсутствовали стимулы для поддержания человеческой интенсивности осознания. Это может произойти не только в результате изоляции от человеческого сообщества и вынужденного копирования поведения животных (феномен «маугли»). Бывают жуткие ситуации, когда взрослое окружение деградирует настолько, что ребенок, едва осознавший себя человеком, перестает воспринимать взрослых как образец для копирования, как бы «не хочет» быть таким, как они. Об этом знают детские психологи и педагоги. Например, в семьях хронических алкоголиков и тяжелых наркоманов дети могут полностью остановиться в развитии, даже утратить способность к речи. Порой они копируют домашнее животное, которое видят возле себя, –

собаку или кошку. Такой ребенок, несмотря на то, что успел научиться ходить на двух ногах и разговаривать, начинает бегать на четвереньках, рычать, есть с пола и т. д. Нетрудно здесь усмотреть аналогию с поведением любого практика, отказавшегося от Трансформации, так как в обоих случаях имеет место возвращение к более простому характеру «сборки» через отказ от использования какого-типа внимания.

Итак, точка сборки не есть универсальная, единообразная энергетическая структура. Точка сборки микроба, насекомого, рептилии и млекопитающего – это разные формации. Их отличает, прежде всего, объем и интенсивность внутренних процессов. Точка сборки человека, кроме того, оказывается продуктом самоорганизации и поддерживает такие пучки сенсорных и энергетических полей, которые иным живым существам недоступны.

И все же это впечатляющее достижение – только первый шаг в развитии самоорганизующегося осознания. Дальнейший прогресс и трансформация человеческого существа заключается в распространении произвольного внимания на более масштабные перцептивно-энергетические поля. В соответствии с толтекской описательной моделью, развитие человеческого осознания проходит через три типа внимания.

Первое, второе и третье внимание

Три типа внимания, о которых идет речь в концепции нагуализма, характеризуют, прежде всего, режим и качество энергообмена между коконом и внешними эманациями. Безусловно, они неразрывно связаны и с такими «классическими» характеристиками внимания, как объем, интенсивность, распределение, что детерминирует качество восприятия как такового. И все же – в основе нагуалистского *внимания* лежит *способ* энергетического взаимодействия.

В духе современной терминологической системы «первое внимание», «второе внимание», «третье внимание» правильнее всего будет назвать *перцептивно-энергетическими режимами* (*модусами*) *осознания*. Нетрудно понять, почему такое описание наиболее адекватно. Каждый «режим» («внимание») имеет собственные перцептивные и энергетические характеристики. Указывая на энергетический аспект, мы сразу избегаем целого ряда недопониманий и недоразумений. Ведь далеко не всякое изменение восприятия является переходом из одного внимания в другое. Мы видим сны, имеем осознанные сновидения, порой сталкиваемся с масштабными иллюзиями и даже галлюцинациями, но это еще не значит, что мы обладаем опытом второго внимания (тем более, третьего).

И лишь в том случае, когда необычное восприятие отражает реальное смещение диапазона полевых взаимодействий между телом и окружающей средой, что часто приводит к другому уровню интенсивности осознания, другому типу сборки эманации, представленных в виде ранее недоступных для осознания конструктов (объектов и пространств), мы действительно можем сказать, что перешли из одного «внимания» в другое.

Каждый тип внимания по-своему загадочен, каждый несет с собой некую Силу, причем в режиме *третьего внимания* масштаб вовлеченной Силы радикально, всесторонне трансформирует сам *субъект* внимания.

[Первое внимание]

Первое внимание в этой системе только кажется наиболее простым. Мы не замечаем его магической природы так же, как рыба не замечает, что живет в воде. Это наша повседневность, способ существования осознания в сформированном на протяжении тысячелетий *описании мира*. И оно имеет особое значение – во-первых, потому что воспроизводится из поколения в поколение и является всеобщим достоянием человеческого рода, во-вторых, потому что возникло в процессе выживания биологической формы. Это не только результат научения, социализации; это еще и продукт энергетической конституции. Полевые связи, собранные первым вниманием в единый узел, отражают фундаментальные потребности организма и зафиксированы описанием. Его устройство – воплощенное равновесие и гармония. Символы и интерпретации почти идеально «маскируют» энергетические факты,

заменяют их в нашем представлении, и этим создают совершенную иллюзию «объективной реальности».

В этой «реальности» внимание не является энергией, а восприятие не воздействует на воспринимаемое. Процессы осознания кажутся пассивным отражением, фиксацией того, что попадает в пределы опыта. Мы легко можем допустить, что отражение искажено, но не готовы признать активного *участия* внимания в оформлении ткани бытия. И причина такого положения как раз заключена в тщательной сбалансированности биоэнергетического фундамента (совокупности взаимодействий между субъектом и средой, всесторонне определяющей его выживание в заданном диапазоне Реальности) и набора принятых интерпретаций. Человек не испытывает ни малейшей необходимости в том, чтобы выделить внимание из картины мира в качестве активного начала, *формирующего* среду деятельности.

Однако ситуация может радикально измениться, и это происходит чаще, чем мы предполагаем. По сути, чтобы заметить творческую, энергетическую суть внимания, нам нужен «диссонанс» либо «разрыв непрерывности». Под *диссонансом* следует понимать любое рассогласование интерпретационной модели и энергетических потоков, под *разрывом непрерывности* – образование провала между цепочками впечатлений, который невозможно заполнить средствами принятого описания. Большинство людей проходит через эти критические точки хотя бы раз в жизни. Обычно они возникают в моменты сильного психического стресса, в условиях перцептивной неопределенности, информационной депривации или перегрузки, в измененных состояниях сознания, вызванных самыми разными причинам (от гипнотического транса до интоксикации). Иногда человек испытывает мимолетные диссонансы просто в результате флуктуаций потока сознания – в момент засыпания или пробуждения, при выполнении монотонной работы (например, за рулем автомобиля) или в абсолютно незнакомой среде (в пещере, в лабиринте, в горах, в космосе).

Эти критические моменты стандартный тональ преодолевает за секунды. Мы едва успеваем заметить, что несколько мгновений «объективная реальность» держалась исключительно энергией внимания и ее («реальность») можно было изменить внутренним усилием. Остается лишь весьма странное чувство, будто мы побывали в *точке выбора*, между «мирами». Люди по-разному относятся к подобным всплескам осознанности. Чаще всего они испытывают неприятную тревогу и неуверенность, а потому прикладывают специальное усилие тоналя, чтобы компенсировать диссонанс или разрыв непрерывности как можно быстрее, после чего полностью вытесняют любое воспоминание о таком странном эпизоде.

Но есть и другой, немногочисленный тип людей. Их полагают чудаками, романтиками и фантазерами. Люди этого типа могут пугаться иномирных переживаний, но навсегда запоминают их. Они вольно или невольно попадают в диссонансы чаще других и делают их значимыми событиями своей жизни. Эти очарованные существа – потенциальные мистики и сновидящие. Встав на путь конкретной дисциплины, они могут найти Запредельное или потерять разум.

Часто подобных субъектов считают самопогруженными интровертами, «не от мира сего». Они склонны к рассеянности, их легко затягивает в пучины собственных фантазий. И все же не относитесь к ним свысока – нередко именно эти чудаки создают теории, переворачивающие наш практический, приземленный мир.

Также существует противоположный характер, наделенный особыми способностями проникать в измененные режимы восприятия. Поскольку этот тип сосредоточен на адаптации к внешней среде, его можно (с оговорками, суть которых станет понятна ниже) назвать *экстравертивным*. Если людей первого типа часто называют эскапистами, то люди второго типа, психическая конституция которых «приоткрыта» для Непостижимого, – совсем не такие. Наоборот, они чрезмерно бдительны, их цель – всегда быть включенным в мир, реагировать быстро и точно, приспосабливаться к изменениям и все контролировать.

Если такие люди находят успешную стратегию, то невольно уподобляются толтекским сталкерам. Чтобы держать «под контролем» большое поле со множеством изменчивых элементов, они вынуждены изменить качество собственного внимания. А ведь давно замечено, что интенсивное выслеживание собственного внимания и восприятия регулярно провоцирует диссонансы. Прежде всего, это диссонанс состояний и диссонанс функций. Самым распространенным является диссонанс, который хорошо знаком практику восточных единоборств, – возбужденность тела и покой ума, алертная поглощенность

внешней средой и отстраненность внимания. Каждая работающая мышца напряжена и расслаблена одновременно. И т. д. и т. п.

Западная цивилизация полагает как первый, так и второй характер нетипичными с точки зрения «нормы», узаконенной этой культурой. Разумеется «логичность» и «последовательность» психических состояний, к которым мы привыкли, на самом деле – отражение механистичности европейского тоналя, результат плохого понимания парадоксов, без которых нельзя описать неоднозначную реальность Бытия. Мы стремимся к усредненному существованию, где всякая экстремальность отталкивает, хотя гений (тот самый, что творит историю данной цивилизации) – всегда воплощение экстремума: либо предельной погруженности в себя, либо предельной вовлеченности во внешнее. А на краю этой условной шкалы психических состояний внимания и восприятия как раз и расположен проход во внимание сновидения и во второе внимание.

[Второе внимание]

Второе внимание в этой системе – обширное пространство, лежащее за границей мира стандартного тоналя. Его объем многократно превышает поле первого внимания. Несмотря на то что обычному человеку доступны лишь искаженные, слабые отголоски этого пространства, да и то в исключительных условиях измененных состояний сознания, которые всегда кратковременны и нестабильны, – второе внимание приводит нас в контакт с совершенно реальными энергетическими объектами, потоками и структурами.

Более того, между миром первого внимания и многочисленными мирами второго нет никаких барьеров или воображаемых расстояний. С точки зрения Реальности, все это, в основном, – лишь разные углы зрения на один и тот же Поток Бытия. Подобно тому как в известной притче слепцы ощупывают слона в разных местах и составляют о нем противоречивые суждения, так и восприниматель, переходящий из одного режима перцепции в другой, получает удивительный опыт странствия по «параллельным вселенным», хотя Большой Мир, в котором мы существуем, один-единственный.

И все же, несмотря на это экзистенциальное единство Реальности, между первым и вторым вниманием есть существенная разница. Настолько существенная, что она определяет нашу судьбу.

Во-первых, перцептивно-энергетические поля второго внимания включают в себя те аспекты Мира, которые совершенно заблокированы для нашего тела, настроенного на поглощение и излучение энергии только там, где сформировалось описание. Таких полностью скрытых аспектов довольно много (хоть и не так много, как может показаться на первый взгляд). Они содержат в себе иные ритмы, иные тенденции, существуют по непривычным законам. Каждое прикосновение к ним изменяет характер наших энергетических связей с внешним полем. Для нашего тоналя это другое Пространство, другое Время, но самое главное – другая Интенсивность. В определенных сочетаниях эти скрытые энергетические аспекты Реальности могут содержать грандиозные перспективы жизни и действия для нашего осознания. Научиться их использовать – значит стать настоящим магом, знающим, как обходить неудобные законы нашего человеческого описания – именно этот момент наиболее привлекает искателей «сверхъестественных сил и способностей». Но в других сочетаниях эти аспекты разрушительны и могут убить неосторожного экспериментатора, разорвать на части его энергетическое тело или так деформировать сборку его осознания, что оно угаснет раз и навсегда. Помнить об этой совершенно реальной опасности необходимо, это – «смертельная игра», а не прогулка для любопытного туриста.

Во-вторых, поля второго внимания состоят из энергетических пучков, которые доступны человеку в его базовом состоянии, но при этом имеют совершенно иную интенсивность, а значит, иной смысл и значение. То, что в первом внимании находится как бы на периферии, влияние чего на нас ничтожно и потому успешно игнорируется, во втором внимании становится иногда центральным объектом энергообмена. Для человеческого мира это может быть что-то заурядное или крайне далекое – колебания гравитации, электромагнитные поля, активность звезд и галактик и, конечно же, психоэнергетическая атмосфера, которую создает человечество.

Некоторые могут подумать, что этим значительная часть второго внимания сводится к банальности – измененному восприятию каких-нибудь вспышек на Солнце, тектонической активности Земли,

настроений и мыслей многочисленных соплеменников. Но это не так. С одной стороны, второе внимание изменяет характер нашего энергетического участия в Мире – и это решает всё, с другой стороны, у человека нет и не может быть объективного представления о причинах и следствиях, пока он пребывает в ограниченном сенсорном пространстве первого внимания.

Пусть это не покажется теософской спекуляцией, но мы действительно не знаем, как выглядит картина *целиком*. Что вызвало вспышку на Солнце? Почему началась война или эпидемия? Термоядерные реакции, социальные катаклизмы, новые вирусы – все это фрагменты, увиденные из одной точки и описанные единственным способом, придуманным самим человеком. Второе внимание показывает эти движения энергий из другой позиции и, главное, дает возможность по-другому взаимодействовать с ними. Если в первом внимании мы не можем использовать энергию Солнца или Земли непосредственно и благодаря этому перемещаться с неограниченной скоростью, обеспечивать себя силой, улучшать и продлевать жизнь, то это не означает, что во втором внимании эти возможности нам так же недоступны.

Это очень важно правильно осознать. Второе внимание – необозримый океан возможностей. Мы находим в нем бесчисленные миры, и каждый из этих миров – стабильная организация сил. В конце концов, не так уж важна конкретная репрезентация энергетических структур в нашем тонале. Столкнувшись с пространством второго внимания, мы привлекаем весь творческий потенциал имеющегося у нас описания, чтобы получить комплект узнаваемых образов, с которыми можно взаимодействовать. Пока мы работаем над этой уникальной задачей в одиночку, полученное в итоге восприятие принадлежит только нам и для остальных не имеет никакого значения. Но если второе внимание становится достоянием группы исследователей, личные репрезентации начинают согласовываться. Так появляется еще один мир «разделяемой реальности», или реальности соглашения.

Это совершенно естественная ситуация. Ибо мир первого внимания в эпоху возникновения человеческого осознания образовался точно таким же образом. Мы просто *забыли*, как это было. Да и не могли не забыть, ведь стихийные опыты эпохи древней Трансформации оказались *вне* человеческого тоналя. Отголоски тех странных событий призрачным эхом отдавались в сознании древних шаманов и дошли до нас в виде таинственных сказаний о «времени сновидения».

Сегодня исследователь второго внимания как бы попадает в новое «время сновидений». Его рассказы об опыте проникновения туда – это личные «сказки о Силе». Опыт каждого из них неповторим, он не может и не должен совпадать во всех деталях со «сказками» других путешественников. Но это не значит, что их переживания – фантазии или галлюцинации.

А ведь мы по умолчанию считаем достоверным только *разделяемый* опыт. Субъективность видений и образов дает, наверное, самый сильный повод для недоверия у человека, погруженного в стандартный тональ. Сколько споров вызывают эти бесчисленные расхождения! Сомнения усиливаются и по той причине, что сходные элементы перцепции «архетипичны» и сразу же напоминают о юнговском «коллективном бессознательном» – то есть о чем-то исключительно психическом, основанном только на воображении. Но какими же они еще могут быть, эти сходства, если коллекция архетипов и есть тот набор репрезентативных инструментов, которыми тональ вооружается, пытаясь хоть как-то понять Неведомое, оказавшееся в поле его опыта! Таким образом, мы попадаем в крайне сложную ситуацию – схожий опыт сновидцев строится из архетипов – «коллективных фантазий» человечества, а индивидуальный опыт отвергается, так как никому, кроме самого сновидца, больше не дан.

Положение меняется только в том случае, когда опыт второго внимания становится *коллективным и регулярным*. Исследователи быстро открывают великую силу перцептивного «соглашения». Думаю, в этом заключен психоэнергетический смысл магического отряда Нагваля. Каждый новый мир второго внимания обретает стабильность, подобную стабильности привычной реальности. В этом есть и энергетическая целесообразность, и о ней еще будет сказано, но более всего – это удовлетворение психологической потребности. Человек далеко не всегда способен смириться с тем, что мир, данный ему в опыте, существует для него одного. Это внушает неуверенность. Если же безупречность в конце концов избавляет нас от неуверенности, то все равно остается «печаль одинокого путника». Когда-нибудь пройдет и она, но нескоро.

Если вы идете по Пути в одиночестве, если ваша судьба – судьба «одинокой птицы» и нет возможности использовать силу перцептивного соглашения, это, конечно, не превращает второе внимание в простое скопище призраков. Странствия все равно *реальны*, как и энергии, с которыми вы взаимодействуете. Новые силы и способности, новые постижения производят реальную работу Трансформации в вашем

теле и вашем осознании. Просто какая-то часть образов, *кажимостей*, будет принадлежать только вам. «Одинокая птица» примет эту судьбу, поскольку, как известно, в компании не нуждается и «поет очень тихо».

Путешественники по мирам второго внимания могут найти там свою судьбу, если в одном из них соберут всю свою целостность. Так писал Кастанеда, и я не вижу оснований, почему бы это было невозможно. Перестройка всего энергетического тела по законам другого перцептивного мира «перемещает» носителя осознания в соответствующую структуру энергетических полей, он становится частью другого бытия и о дальнейшей его судьбе ничего сказать невозможно. Но это не предел и не окончательная цель Трансформации. Есть более высокий уровень, именуемый третьим вниманием.

[Третье внимание]

Третье внимание – это предельная Интеграция всех видов сборки сенсорных (энергетических) пучков, которая радикально изменяет масштаб существования и воплощает в себе наивысшую Свободу.

Разумеется, мы ничего не можем сказать по поводу этого опыта. Если описание второго внимания вызывает серьезные трудности, несмотря на то, что человеческие понятия и представления в какой-то мере приложимы к его перцептивному полю, то *третье внимание* выходит за рамки любых дискретностей и линейных построений.

Поэтому мы можем рассматривать этот высший уровень интенсивности осознания только с точки зрения энергетической модели. Главная отличительная черта третьего внимания – *синтез*. Все перцептивные зоны, которые кажутся нам мирами, бесконечными вселенными, для третьего внимания – частные фрагменты, срезы, кусочки великой головоломки Реальности. За счет чего вообще возможен подобный синтез?

Здесь не место для рассмотрения технологических рецептов или описаний того, как точка сборки молниеносным рывком объединяет все поля человеческого кокона. Практический аспект проникновения в третье внимание доступен практику лишь на уровне экстремального расширения энергообмена – когда первое внимание и второе начинают все чаще сливаться в объемные потоки Силы, преобразующей качество нашего участия во внешнем поле. Используя эти интегрированные области как недоступные ранее источники энергии, толтек строит стартовую площадку для своего окончательного полета в Бесконечность – туда, где его личное осознание наконец должно достигнуть космических масштабов и сделает его жителем Реальности, а не какого-то мира, собранного из ее эманации.

Мы знаем, что человеческое внимание имеет предельный объем. Этим и объясняется ограниченность нашего перцептивного пространства. И мы не можем представить себе, как человек, оставаясь отдельным сознающим субъектом, может охватить бесконечную Реальность. Но на самом деле это и не нужно. Подобно тому как мы способны воспринимать множество форм внутри привычного поля первого внимания, хотя наше внимание может удерживать одновременно весьма небольшое число объектов (от пяти до девяти), так и Большой Мир принципиально может быть доступен осознанию с ограниченными возможностями охвата.

Секрет заключается в *многоступенчатом* характере сборки. Единицей внимания может быть как точка, так и окружность, как буква, так и слово, а затем словосочетание или фраза. Можно охватить вниманием семь предметов или семь миров, все зависит от того, какой объем был изначально собран и интегрирован в условной единице. Так распространяется наше внимание, последовательно стремясь к бесконечности.

Очевидно, третье внимание – это максимальное осуществление способности собирать сигналы в пучки, в блоки пучков, в структуры из блоков – и так далее. Пересекая критический порог, мы вдруг узнаем, что океан энергии, из которой состоит Реальность мира и наша собственная целостность, можно собрать тем же способом. Проделав это, мы избавляемся от всех энергетических ограничений и обретаем вечную Свободу. Это – конечная цель проекта Трансформации человеческой природы в концепции нагуализма.

Внимание сновидения как максимальное «противостояние природе»

Уже было сказано, что в определенном смысле феномен человеческого внимания идет *против природного процесса*. Природа манифестирует себя как непрерывная изменчивость и подвижность, внимание же направлено на то, чтобы остановить движение и превратить изменчивость в повторение. Философы могут усмотреть здесь еще одно проявление свойства живого как системы, противостоящей энтропии.

Действительно, всякий организм собирает себя и поддерживает гомеостазис внутренними, биологическими силами. Подвижная и изменчивая энергия внешних полей преобразуется в стабильность и репликацию. Эта особенность живой стихии, которая сама по себе является продолжением тенденции к самоорганизации бытия, видимо, является фундаментом психической активности.

Но между человеческой и животной психикой существует принципиальная разница. Она заключена в качестве и интенсивности негэнтропийных процессов. Если внимание животного, по большей части, пассивно отражает и «обслуживает» его биофизику, само по себе не являясь стабилизирующим и организующим фактором, то внимание человека активно влияет на биофизику и приводит ее в соответствие с надбиологическими контурами – семантикой и синтаксисом описания мира.

Это – новый уровень сборки, новый уровень интенсивности осознания.

Соответственно, следующим шагом в развитии психики является *победа над описанием*. Когда мы открываем независимость активного внимания не только от движения сенсорных стимулов и стоящих за ними энергетических полей, но и от законов, приводивших эти стимулы в порядок согласно выученному шаблону, наша произвольность (которая соответствует уровню экзистенциальной Свободы) возрастает на порядок.

Где же мы можем совершить подобное открытие? Если не рассматривать уникальные случаи спонтанных откровений, то вполне очевидно, что победа над описанием требует максимальной удаленности внимания от текущей сенсорики. В той или иной степени все психотехнические процедуры, используемые для «самосовершенствования духа» включают в себя этот момент. Какие бы мистические идеи религиозного или философско-метафизического порядка ни привлекались для того, чтобы наделить высшим смыслом психотехническую практику, везде требуется уединение, «погружение в себя», тот или иной вид сенсорной депривации.

Колоссальные трудности, которые вынуждены преодолевать адепты этих учений, связаны с поиском идеального *рабочего состояния*. Оно не достигается только внешними способами, о чем всем искателям хорошо известно. Мало обеспечить себе уединение и тишину, надо выработать ряд внутренних навыков, новых способностей самого внимания.

В большинстве случаев религиозные и мистические учения обращаются к тренировке в концентрации. Так как рабочее состояние нового вида внимания радикально отличается от всего, что доступно обычному опыту, и трудно достижимо, его превращают в идеал и высшую цель. Метафизики чаще всего не отдают себе отчета в том, что искомое состояние – это лишь *инструмент*. Они приписывают ему самоценность и даже сакральный смысл. Типичную модель такого подхода мы находим в классической йоге, где формы концентрации внимания становятся стадиями просветления, или освобождения метафизического субъекта – Пуруши. Максимальная интенсивность внимания, отвлеченного от «чувственных форм» (т. е. описания мира), – *самадхи* – становится окончательной целью дисциплины и завершением йогического пути. Подобное понимание «цели» широко распространено в мистических доктринах.

С точки зрения нагуализма, это выглядит несколько странно. Выходит, что многолетний и кропотливый труд искателя направлен только на то, чтобы освоить новый инструмент сознания. Получив его, практик останавливается, поскольку учение говорит ему, что цель достигнута, и неясно, как и куда двигаться дальше. Что делать с новым состоянием внимания? Созерцание Брахмана в индуизме или Пустоты в буддизме – это лишь переживание свободы, ни к чему не приложенной. Дальнейшее сводится к

культивированию Единства, т. е. к устранению всех напряженностей между субъектом и объектом, что в энергетическом смысле означает пассивность и апатию.

В толтекской дисциплине новое состояние внимания, где текущая сенсорика максимально удалена, а законы описания остановлены, называется *вниманием сновидения*. Крайне важно, что это состояние сохраняет свой исключительно инструментальный характер. Внимание сновидения направлено не только на освобождение от описания, но и на поиск новых типов организации сенсорных пучков, на освоение новых энергетических полей, то есть на переход от внимания сновидения ко второму вниманию.

Процесс достижения *внимания сновидения* – это самый прямой путь к новому уровню интенсивности осознания, поскольку он воплощает в себе главный психоэнергетический импульс, побеждающий природную энтропию. Если природный процесс условно считать центробежным, это усилие осознания, направленного на внимание сновидения, – центростремительно.

Многие психофизиологи, как известно, выделяют пять стадий бодрствования: глубокий сон, дремотное состояние, спокойное бодрствование, активное (настороженное) бодрствование, чрезмерное бодрствование. Каждый из этих уровней имеет свои естественные характеристики, касающиеся, в том числе, работы внимания. Они соответствуют очевидному закону: *внимание возможно только во время активной обработки сигналов*. (Здесь следует иметь в виду, что ментальные конструкции и иные плоды рефлексии также являются сигналами, хотя могут не содержать чувственного компонента.) Из этого закона следует вывод, что чем выше уровень бодрствования, тем интенсивнее работает внимание.

Исключением является только состояние так называемого «чрезмерного бодрствования», да и то потому, что здесь развиваются многочисленные возбуждения, которые не способствуют обработке сигналов, а препятствуют ей. Хаотичная ажитация, своего рода сенсорная и мыслительная паника, – все это затрудняет последовательную сборку, прерывая ее на полпути.

Остальные стадии бодрствования полностью коррелируют с уровнями внимания. Наиболее эффективно внимание работает на активной стадии бодрствования, вполне удовлетворительно – на спокойной стадии, но дальше дела обстоят все хуже и хуже. Погружаясь в дремотное состояние, организм последовательно теряет сенсорный материал, пока не наступает момент дремотного торможения, где реакция возможна только на один-два наиболее значимых раздражителя. На стадии сна без сновидений внимание отключается полностью.

Физиологическая сторона процесса, казалось бы, понятна, и сводится к последовательно развивающемуся торможению нервных процессов головного мозга. Однако если мы говорим о человеке, а не о животном, то неясным остается крайне важный момент. А именно: торможение нервных процессов приводит к ослаблению внимания или ослабление внимания – к торможению нервных процессов?

Мы знаем, что активизация мозга осуществляется неспецифическими системами, среди которых особую роль играет ретикулярная формация – структура, интегрирующая, прежде всего, сигналы извне – из окружающей среды, а также от органов и тканей тела. Чем меньше сигналов, тем меньше возбуждения в ретикулярной формации. У животных все определяет ориентировочный рефлекс – именно он отвечает за активизацию ретикулярной формации, когда изменяется состояние окружающей среды. Человек же постоянно вносит путаницу в этот природный механизм.

Поскольку мы научились произвольному вниманию и создали описание мира, в ряде случаев *именно мы* определяем, должен ли включиться ориентировочный рефлекс и насколько возбуждены должны быть неспецифические системы, активизирующие наш мозг. Здесь и заключена наша потенциальная возможность пойти против природных процессов.

Определенным образом преобразовав семантику описания, выбрав некоторые значения и смыслы, которые не используются обычным человеком, культивируя определенные идеи и вызывая непривычные режимы работы внимания, практик может добиться парадоксального положения. В дремотном состоянии он способен сохранить и даже повысить силу своего произвольного внимания. (Практические методы см. ниже, в соответствующем разделе.) Это повлечет за собой ряд весьма

странных переживаний, которые в толтекской магии используются для *прохождения первых врат сновидения*.

Во многих смыслах внимание сновидения можно рассматривать как силовой центр, в котором сосредоточены все потенции будущего распространения осознания на поля второго и, в конце концов, третьего внимания (см. рис. 2).

Не имея собственного содержания – диапазона энергетических полей, которые служили бы объектом приложения для его перцептивных сил, этот особый режим осознания приводит полевые структуры кокона в состояние готовности к любой перестройке и трансформации. Можно сказать, что внимание сновидения – это колыбель всевозможных перцептивных миров и начало следующего этапа энергетического развития человека. По этой причине внимание сновидения редко дано в «чистом» виде. Обычно это колеблющееся, пульсирующее состояние, где сновидец то обращается вглубь себя, то собирает и интерпретирует пучки внешних сигналов.

В соответствующей главе мы рассмотрим отличия между вниманием сновидения и вторым вниманием, взаимную специфику и динамику развития этих перцептивных режимов.

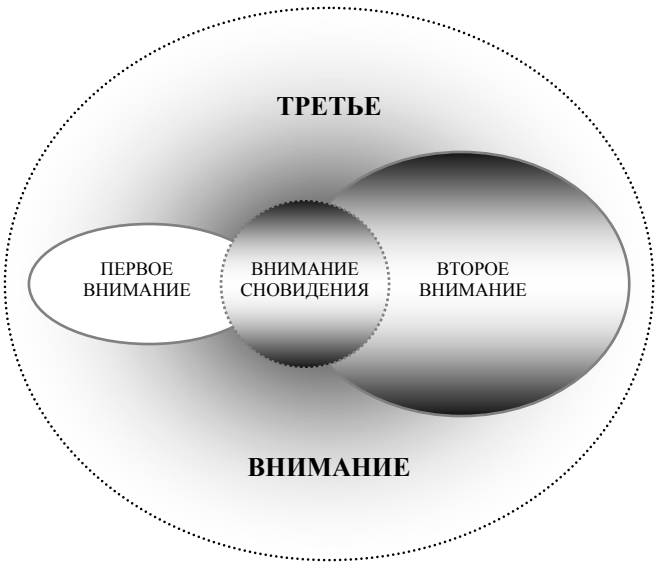


Рис. 2. Внимание сновидения в системе полей первого, второго и третьего внимания

Образ жизни и практика сновидящего

Когда вы оказываетесь в критическом умственном состоянии, самое главное – это исчерпать все свои силы в поисках, т. е. сосредоточить всю энергию в одной точке и посмотреть, как далеко вы можете продвинуться в этой битве.

Д. Т. Судзуки

Практик, ступивший на Путь сновидения, вынужден перестроить многое в своей психической конституции. Ведь освоение внимания сновидения, а затем и второго внимания – это тяжелый труд, включающий в себя значительное повышение энергетического тонуса психики и тела, переориентацию сил и полей, следующих за экстремальным сосредоточением совершенно необычного типа. Сновидящий должен победить две могучие тенденции – биологическую обусловленность психоэнергетических процессов и жесткую структуру описания мира, полученного в процессе обучения. И первое, и второе препятствие наделены такой силой инерции и сопротивления, что кажутся совершенно непреодолимыми. Иные миры, иные энергетические возможности находятся на расстоянии вытянутой руки, но чтобы прикоснуться к ним, надо предпринять почти сверхъестественное усилие.

Поэтому, чтобы не утратить данный нам шанс, надо точно знать, *что* и *как* делать – в каком порядке и сочетании, с какой интенсивностью и продолжительностью.

Однако прежде, чем приступить к описанию принципов работы и конкретных психоэнергетических техник *сновидящего*, необходимо сделать серьезное предупреждение. Оно касается самой идеи рецептов и ожиданий, с ними связанных.

Приступая к дисциплине, мы, как правило, ищем в книгах конкретных и ясных указаний – «рецептов». Намерения практикующего серьезны, он готов приложить значительное усилие, если ему дадут четкие указания. Идеальным вариантом ему представляется инструкция механистического типа, где дана однозначная последовательность упражнений, – например, его интересует, как долго и на чем концентрироваться, сколько минут останавливать внутренний диалог, и т. д. и т. п. Наш тональ устроен так, что испытывает *иллюзию* понимания, если ему предложить ряд дискретностей и линейную модель. Этим способом мы описываем окружающий мир и создаем технологии по его изменению. Неудивительно, что и в работе с собственным сознанием такие инструменте нам кажутся наиболее удобными.

Во всем мире духовные дисциплины, достигая некоторого уровня развития, начинают склоняться к технологии. И йогические школы нас приучили к рецептам, и буддисты, и внутренняя алхимия даосов, и даже дзэн, культивирующий спонтанность и интуицию. Однако если внимательно проанализировать опыт, то мы заметим, что конкретные рецепты в конечном итоге не эффективны. При помощи составленного кем-то рецепта можно выучить только элементарные навыки. Когда же дело доходит до системных преобразований нашей целостности, адепт, привыкший полагаться на технологические предписания, испытывает сильное недоумение и разочарование, так как чужие рецепты перестают работать.

Ибо это не химия. Каждый практикующий обязан открыть собственный уникальный рецепт, соответствующий его неповторимой конституции, особенностям тоналя, энергетики и осознания. Более того, со временем даже лично найденный рецепт перестает работать и нуждается в серьезной модификации либо в замене на что-то совершенно новое. У этого положения есть две причины. Во-первых, мы постоянно меняемся, а когда обращаемся к дисциплине самотрансформации – меняемся с большой скоростью. То, что работало вчера, теряет актуальность сегодня. Во-вторых, каждый практик рано или поздно сталкивается с фактором инерции и монотонии. Используемый прием, психотехническая процедура или упражнение теряют эффективность, поскольку их содержание становится привычным и больше не вызывает достаточно сильного реагирования. Победить инерцию можно только с помощью «новизны». В одном случае достаточно сместить акценты, в другом – необходимо перестроить подход целиком и радикально. Все зависит от вашего характера и конкретных причин, породивших монотонию.

Что же тогда универсально в описании психоэнергетической дисциплины? Только *инструменты*, или «составные части». Часть из них я описал в предыдущих работах («Видение нагуаля», «Человек неведомый»). Здесь мы углубимся в принципиальные моменты, которых я не касался или рассматривал с иной точки зрения. Помимо самих инструментов, есть универсальные закономерности, которые работают в большинстве случаев. Например, практика погружения во внимание сновидения практически всегда происходит на фоне глубокой релаксации, которую часто усиливает ритмическое дыхание, инициируя смещение точки сборки. Кроме того, есть универсальные триггеры вполне определенных сдвигов точки сборки, которые работают во всех условиях – о них будет сказано. Но затем начинается сфера индивидуальных открытий – перед вами набор инструментов, которые надо брать и испытывать, самому формировать последовательности и акценты.

Например, работая с погружением в сновидение, я неоднократно варьировал акценты в конкретной психотехнической процедуре. Одно время применял в качестве главного триггера слушание «внутреннего звука», потом – использовал концентрацию на вершине кокона, потом – переносил внимание на поверхность энергетического тела, использовал различные «делания» и т. д. и т. п. Если на первых этапах это делается наобум, то позже, с ростом чувствительности энергетического тела и усилением осознания, возникает своеобразное знание, какие приемы в данный период дадут оптимальный эффект.

Если рассуждать с энергетической точки зрения, то мы – не только уникальные (каждый по-своему), но и весьма *текучие* существа. Почти каждый день у нас разный уровень энергии, да и энергетика

внешнего поля весьма подвижна. То, что работает сегодня, может не сработать завтра. Это и вынуждает нас самостоятельно изобретать конкретный «рецепт» и помнить, что данный рецепт – *только для нас* и *только сегодня* он актуален.

Составить список личных рецептов и поместить их в книге – это просто. Но пользы от него будет мало. Одним рецепт не подойдет, другие прицепятся к нему и войдут в состояние бесконечного самоповторения, что в конечном итоге вызовет конкретное галлюцинирование, от которого потом придется избавляться с огромным трудом. Таким образом, механистический подход к дисциплине порождает либо застой, либо энергетическое истощение. Конечно, полностью уйти от рецептов не получится. Ознакомившись с ними и пытаясь применить их в личной практике, просто имейте в виду все здесь сказанное. Помните, что сущность подлинного развития и Трансформации – личное творчество, а не автоматическое выполнение чужих предписаний.

Безупречность в практике сновидения

Первый шаг на Пути сновидения вообще не имеет отношения к технологии. Скорее это формирование установки (намерения) и актуализация некой совокупности психологических отношений, иерархии целей и ценностей, нетипичных для современного социального человека. И, как это всегда бывает, если мы выходим за рамки технологии, говорить о содержательном аспекте данного усилия весьма затруднительно.

И все же я попытаюсь.

Начинающий сновидец совершает одну распространенную ошибку. Он концентрирует свои усилия на техниках, поскольку бессознательно ставит собственную психику в один ряд с элементами внешней среды – природными объектами или механизмами. Как уже было сказано, внимание – это проекция осознания. Следовательно, с ним невозможно обращаться подобным образом. Слишком тесно переплетены в психическом пространстве содержания тоналя и формы сосредоточения, психоэмоциональная и психосемантическая сфера – с распределением внимания, влекущим за собой структуру осознанности, что и есть конфигурация энергетических полей, определяющая абсолютно все в нашей судьбе и экзистенциальном статусе.

Если начинающий сновидец не понимает этого положения дел, он бывает смущен изобилием предложенных техник и думает, что успех зависит от того, удастся ли ему составить из них эффективный комплекс. Он задается вопросами вроде: применять ли все известные мне техники одновременно? или существует некая оптимальная последовательность? как составить рабочий график или расписание на день? И так далее и тому подобное.

Не буду утверждать, что эти вопросы вовсе бессмысленны. Наступает момент, когда на них приходится отвечать. Но важно осознавать, что даже идеально разработанная методология не является решающим условием быстрого прогресса в *сновидении*. Можно расписать свой день по минутам, составить подробный план из техник и упражнений – и не добиться ничего, кроме механических всплесков энергии. Всплески приходят и уходят, а осознание продолжает сохранять себя в неизменном виде. Дисциплинированность не гарантирует возникновения трансформативного импульса.

Как это ни парадоксально, но путь к Трансформации, постижению новых перцептивно-энергетических полей (второго внимания), начинается с трансформации. *Качественное преобразование чувств* – вот что по-настоящему имеет значение. Оно формирует *намерение*, и оно же перераспределяет силы осознания таким образом, что первое внимание теряет свою самодостаточность и замкнутость.

Привычная картина мира изменяется *посредством чувств*. Чувства же инициируются идеями, которые сами по себе бессильны. Ментальные призраки, рассуждения и концепции обретают энергетическую «плоть» только через непосредственное переживание. Этот момент загадочен и почти неописуем. Дон Хуан назвал его «зовом духа». Это внутренняя инициация, которая кажется спонтанной, пришедшей из ниоткуда, особый резонанс осознания с аспектами Мира, ранее пребывавшими в тени. Это момент, когда совершается скрытая работа перераспределяющего внимания.

Опыт показывает, что первая трансформация чувств чаще всего возникает через принятие идеи толтекской *безупречности*. Поскольку безупречность включает в себя целостный комплекс идей, определяющих отношение к Миру и к самому себе, каждый практик находит здесь какой-то ключевой момент. (Имея в виду импринтные ядра личности, описанные в книге «Человек неведомый», легко усмотреть в подобном ключевом моменте *реимпринтирующий* фактор.) Для кого-то это будет идея смерти-советчицы, для другого – принятие ответственности за свои поступки, контролируемая глупость или смирение воина. Главное, чтобы включилась переоценка ценностей и отношений и родилось новое настроение – «чувство безупречности».

Несмотря на то что в предыдущих работах я неоднократно описывал безупречность как психотехнологию, она проявляет себя во внутреннем мире практика как *целостное* чувство. Страх смерти, чувство собственной важности, жалость к себе – это названные *цели, объекты* специальной работы внимания. А сталкинг выступает здесь как обязательный *инструмент*, обеспечивающий трансформацию этих чувств – базальных комплексов тоналя.

Психотехнический аспект входит в безупречность совершенно естественным образом. Он не нуждается в преднамеренном культивировании. Как это возможно? Например, размышление над фундаментальным отношением «Я-Мир», которое составляет суть безупречности, ведет к самонаблюдению и выслеживанию своих реакций и ощущений. Отсюда возникает серия диссонансов, вызванных появлением дистанции между потоком автоматизмов реагирования и самим осознанием. Вычленение этой дистанции, удержание на ней произвольного внимания создает необходимые условия для остановки внутреннего диалога и не-делания. Так психотехника возникает из самой позиции внимания. Когда психотехнический прием полностью осознан, он используется для усиления чувственного фона безупречности.

Если все получилось, возникает «чувство безупречности», для которого нет названия в языке (поскольку это чувство не является пунктом инвентарного списка тоналя, оставаясь вне сферы разделяемого психологического опыта нормального человека). Можно лишь перечислить самые заметные эффекты, вызванные этим чувством:

а) необычная алертность внимания; б) ясность и яркость восприятий; в) легкость; г) отрешенность, бесстрастие; д) спонтанная эффективность реакций и поступков; е) осознанность внутреннего и внешнего пространства. И многое другое.

Разумеется, новое чувство нестабильно. Оно приходит и уходит, делая очевидным то обстоятельство, что энергетический тонус нашего тела и нашего осознания постоянно колеблется. Если раньше вы этого не замечали, то теперь заметите наверняка.

И все же настойчивая, непрерывная практика делает всплески «чувства безупречности» глубже и длительнее. В конце дня вы чаще чувствуете необычную бодрость и интенсивность осознания даже на фоне усталости физического тела. А это – важнейшая предпосылка того, что психотехнические приемы, используемые для вхождения в *сновидение*, сработают. Знание технологии в этом случае приносит реальную пользу.

Есть люди, которым подобная настройка дается на удивление легко, словно им не хватало лишь малого толчка, чтобы привести в движение скрытые резервы чувств. К сожалению, этот тип не очень распространен в современном социуме. У Кастанеды дон Хуан называет подобных счастливчиков обладателями «хорошего тоналя».

«Хороший» тональ, тональ воина – все это, разумеется, метафоры, но в данном случае за метафорой стоит реальное и существенно важное содержание. Описывая становление этого типа тоналя, дон Хуан, в частности, упоминает о «перенесении описания мира на сторону разума». Что же скрывается за этими намеками?

Можно сказать, что тональ – это некий *регулирующий механизм*, который так или иначе распоряжается данным человеку личным *намерением*. Не просто энергией, а именно намерением – энергией, *направленной и настроенной* на определенное взаимодействие с Миром. Причем в область «Мира» входит и энергетическое тело самого человека, так как по отношению к намерению всё сущее является

внешним. Таким образом, конфигурация тоналя определяет, *куда именно* и *с какой интенсивностью* направлена энергия.

В большинстве случаев люди формируют описание мира небрежно и хаотически. Стихийная работа внимания сводится к слежению за полученными через социальное научение конструктами, которые фрагментарны и объединены между собой бессознательным образом – то есть наивно и иррационально. Поэтому инвентарный список их тоналя аморфен, и даже в том случае, когда самих элементов в тональном описании немного, они как бы «окружены» эмоциональным полем, перегруженным длинными рядами неупорядоченных ассоциаций. В результате внимание полностью занято инвентарным списком, догадками, идеями и предрассудками, выросшими из него. У такого человека все его личное намерение, следующее за вниманием, беспорядочно растекается по неясным и непродуманным областям, где перемешаны важное и неважное, реальное и иллюзорное.

Изменить ситуацию невероятно трудно. Наибольшая проблема заключается в том, что человек, имеющий такой скверный тональ, самостоятельно не способен его изменить или упорядочить. По той же самой причине – десятки и сотни пунктов инвентарного списка все время привлекают внимание тоналя и вынуждают тратить на них все наличное намерение. В результате *не возникает даже мотива* к трансформации. Если же мотив все же формируется каким-то чудесным образом, то он, как правило, нестабилен, не может доминировать в психологической структуре личности. Либо энергия личности возвращается в привычный режим поддержания внутреннего хаоса, либо мотивация деформируется так, чтобы не вступать в противоречие с бессознательными влечениями и постоянным потаканием себе.

Люди с хорошим тоналем имеют иную, более эффективную психоэнергетическую конфигурацию. Начиная с самых ранних этапов личной истории, они конструируют свое описание мира настолько компактным и систематичным образом, что на стенках «пузыря восприятия» образуется пустое место – свободное от частных содержаний и рефлексий по их поводу. Очевидно, в формировании хорошего тоналя участвуют не только социальные факторы (вроде научения и референтной среды), но и – до известной степени – генетические, биофизические факторы. Впрочем, само разделение мира на *социальное* и *физическое* (биологическое) – условность, возникшая в описании. В энергетической Реальности существует только целостность, не сводимая ни к одной из категорий. Следуя классическим представлениям, понять это нелегко. И все же не следует игнорировать то обстоятельство, что не только среда формирует личность, но и психоэнергетическая конституция индивида формирует среду.

Конечно, «пузырь восприятия» и «пустое место» – тоже всего лишь метафоры. «Пустое место» – это что-то вроде отсутствия завесы, обнаженное Бытие. Заметив такое пустое место, личность неминуемо задумывается об *отношении* человека к Большому Миру. Пустоту заполняют архетипическими символами, которые оформляются в религиозные, мистические, оккультные доктрины.

У человека, открывшего пробел в описании мира, *намерение* направляется на экзистенциальные цели – там он находит *пространство* и *перспективу*. Что делать человеку, оказавшемуся за пределами своего маленького захламленного чулана, в «перспективе», перед лицом Большого Мира? Создавать смыслы – такие смыслы, которые поместят Грандиозность Мира и Осознания в психологически комфортную модель. Пусть модель опирается на метафизические фантазии – мы готовы об этом забыть во имя собственного спокойствия.

Человек, не имеющий очищенного места на поверхности перцептивного «пузыря», даже не понимает, зачем все это нужно. Масштабы его мироописания крохотные, а тональ забит до отказа нужными и ненужными содержаниями. Здесь просто нет места, в котором возникло бы пространство Осознания, так остро нуждающегося в Смысле. Вот почему стандартный человек смотрит на «духовных искателей», мистиков, магов, медитаторов как на «чудаков», которым нечем заняться.

Между «хорошим» и обычным тоналем – пропасть. Только кажется, что ее можно преодолеть при помощи образования, воспитания, формирования интересов и прочей педагогической чепухи. Как в знаменитом афоризме дзэн – «если чашка наполнена до краев, туда не влить ни капли». Обычный тональ и есть такая «наполненная до краев чашка».

Как известно, хороший тональ при помощи дисциплины может быть трансформирован в тональ воина. Такова внутренняя логика оптимизации описания мира. Если носитель хорошего тоналя обращается с «обнаженным» Бытием так же строго и последовательно, как и с остальной частью своего инвентарного списка, он не поддается гипнозу религий и «метафизического романтизма». Тогда его намерение

логическим образом приходит к нагуализму или иной подобной концепции как наиболее гармоничному для его реализации миропониманию и способу жизни. Здесь он, выражаясь языком даосов, находит собственное *ли*, – гармоничное и близкое ему выражение Дао. Он находит «путь сердца», по которому можно идти вечно. Здесь все для него естественно, ничто не раздражает и не утомляет, все получает смысл и удаленную в бесконечность цель.

Конечно, даже хороший тональ не делает Путь легким и безоблачным. Он дает лишь первый толчок, помогает направить взгляд в нужную сторону, найти верное сосредоточение и осознать фундамент безупречности. Когда мы обращаемся к практике Трансформации, к психотехникам, направленным на сновидение или сталкинг, возникают разнообразные проблемы – иногда настолько серьезные и вроде бы неразрешимые, что нас начинают одолевать сомнения: «А могу ли я вообще добиться успеха?»

Если говорить о дисциплине усиления осознания (как через *сновидение*, так и через *сталкинг*), то успешно работать с ней не способны только люди с серьезными психическими (психоэнергетическими) нарушениями либо страдающие тяжелыми заболеваниями физического тела. Для носителей правильного тоналя успех, в первую очередь, зависит от того, насколько они сформировали *навык управляемого перераспределения внимания – восприятия – осознания*.

Два типа проблем наиболее распространены в практике:

1) Затруднения в поиске «ключевого звена», пункта приложения основных усилий для решения поставленной задачи. Они связаны с недостаточной ясностью для ума и, главное, для *чувства*, самой задачи или со слабой интенсивностью внимания, усилению которого практикующий не занимается с должной настойчивостью.

2) «Бунт» тоналя. В этом случае практик знает и чувствует, *что* делать, *как* и *для чего*, но перспективы этого «делания» пугают его тональ. Тональ вытесняет пугающее знание и упорно пытается убедить себя, что ему ничего непонятно. Попытки такого рода чаще всего сопровождаются иррациональным всплеском страха смерти, поскольку одна из важнейших функций страха смерти – защита тоналя от любых изменений.

Депрессия – фоновое состояние в обоих случаях. Непостижимость задачи и бессознательное нежелание задачу решать в одинаковой степени угнетают. На самом деле депрессия – это указание максимально усилить практику. В каком-то смысле это даже благоприятная ситуация, потому что «враг» обретает форму – вы определенно чувствуете и видите те симптомы, от которых надо избавиться, и те деформации, которые нуждаются в исправлении.

Прежде всего, надо отнестись к делу серьезно. Не потакать депрессии, вяло и рассеянно блуждая в ней, а мобилизовать все ресурсы своего осознания, чтобы понять о себе простую вещь: *чего я на самом деле хочу и чего не хочу. Что* в практике и ее неизбежных результатах может пугать мое бессознательное, раздражать, казаться неприемлемым? Может быть, это призрак одиночества, разрыв связей и отношений, избавление от привычек, утрата чего-то «уютного» для тоналя, где он привык дремать? Надо раз и навсегда разобраться – какой жизни мы на самом деле хотим. Все очень просто: уютная неподвижность, если мы трезво посмотрим на нее, окажется куда более страшной безнадежностью, чем самые тревожные перемены.

Вы должны убедить тональ, пользуясь его же средствами – *то, к чему он бессознательно стремится, на самом деле – неприятно, тоскливо, пусто и бессмысленно*. Поэтому противоречие между желанием меняться и желанием оставаться неизменным – надуманное. Такого противоречия нет, и никакого реального выбора нет. Страх перемен не имеет смысла, поскольку в вечном застое, который кажется удобным и безопасным, на самом деле скрывается смерть. В основе бессознательного мы находим причудливый парадокс – *страх смерти вызван тайным желанием смерти*. Страх смерти – это страх жизни. Любое движение лучше уютного покоя, потому что уют и покой иллюзорны, их сущность – забвение.

Когда тональ наконец осознает, что никакого реального выбора у него нет, вы преодолеваете паралич осознания и приступаете к практике. Чем интенсивнее практика (даже в том случае, если она вроде бы пока не приносит ощутимых результатов), тем меньше этого тумана в голове, тем больше реальной жизни *здесь и сейчас*. Подавленность, депрессия, тревожность – все это уходит в процессе

целенаправленного усиления осознания. Задача *жизни* решается даже в том случае, если мы не знаем, *как* именно ее решать.

Повторю то, о чем уже много раз говорил в предыдущих книгах. Если практик регулярно испытывает мрачную безысходность, если он подавлен, если окружающий мир кажется враждебным либо пустым и бессмысленным, он движется в противоположную сторону от цели нагуализма. Ибо все это – симптомы не усиления, а ослабления осознания, не приближение к безупречности, а удаление от нее, не обретение Силы, а нарастающее истощение. Всякое погружение в сновидение и во второе внимание на таком психоэмоциональном фоне достигается механическим усилием и только ухудшает ситуацию.

Правильное движение по «Пути воина» в конечном итоге ведет к уравновешенности, покою и позитивному отношению к миру. И достигается это за счет безупречности и сталкинга. Данные дисциплины подробно рассмотрены в предыдущей книге. Замечу лишь, что постоянные затруднения в этой области связаны с недоступностью глубинных содержаний безупречности для тоналя. В связи с этим формулировки и понятия как бы ускользают. Просто опыт безупречности, будучи во многих отношениях полярно противоположным опыту привычной для социального человека «озабоченности», нам мало знаком. Работая над безупречностью, мы сталкиваемся с трудностью трансляции опыта точно так же, как и в процессе непосредственного перцептивного проникновения в новые поля энергетической Реальности.

Везде, где сквозь описание прорывается Реальность, мы не можем совместить явление и его формулировку. Поскольку безупречность – это, по сути, контакт с Реальностью через наиболее адекватное реагирование на нее, все формулировки в состоянии безупречности излишни. Обратите внимание на то, что кастанедовские описания как безупречности, так и сталкинга фиксируют не сам психологический феномен, а только приближение к нему и сопутствующие ему условия.

Слова нужны для того, чтобы *подойти к* Реальности. Сама Реальность всегда пребывает *вне* слов.

Чувство безупречности – это исходная позиция сновидящего наяву. Когда сновидец открывает эту позицию, в его практике происходит решительный прорыв. Несмотря на ограничения языка, формулировок и понятий, попробую все же описать это подлинно продуктивное состояние.

Мы постоянно повторяем вслед за Кастанедой два слова – «безупречность» и «намерение». Я в своих книгах раскладываю состояние на части, аспекты, пытаюсь наполнить их «техническим» содержанием. Но если читатель не знаком с интегрирующим образом-чувством, технологическое описание, разъятое на элементы, мало что проясняет. Как описать чувство, стоящее за аналитическим материалом? Это проблема, которую никто еще не разрешил. Как *передать опыт*?. Это «фон», и он существует в своем истинном виде, пока его не описывают. Язык «разрывает» его. Метафоры и коаны, «намеки» (то, что замечательно умеют делать мастера дзэн) – вот единственное средство. Но и это средство чрезвычайно ограничено в своих возможностях, поскольку не универсально, а крайне субъективно и требует тонкого резонанса. Практики дзэн добивались эффекта при помощи многолетней концентрации на намеке, чтобы вырваться из плена языка и почуять реальность, стоящую за метафорой или парадоксом.

Иными словами, надо *жить* в «метафоре», в «символе». Тогда каждый час, каждая минута ежедневности превращается в практику определенного *осознания*. По сути, это и есть *намерение*.

Что, например, означает этот призыв – отказаться от «озабоченности собственной судьбой»? Понятно, что это результат безупречности, которая разобрана и проанализирована вплоть до списка фундаментальных импринтов. Понятно также, что за ним стоит намерение Свободы и Трансформации. Но все это бессильные слова, пока они не оплодотворены *прямым* чувством Реальности, того, что находится «за» тоналем.

Это *чувство себя и окружающего мира*. Оно специфично, оно отличается от чувств «нормального человека». Если это чувство активно и не прерывается, чем бы вы ни занимались, и внимание, и энергия распределяются качественно иначе. То есть практика происходит в момент даже самого далекого от нагуализма делания. Можно полоть грядки или писать компьютерные программы, готовить еду, ходить по магазинам, следовать любой социальной рутине – практика не прекращается.

Поскольку само *чувство* неописуемо, я просто перечислю его компоненты. Я их назову, а вы подумайте – в какой мере и насколько непрерывно вы это *переживаете*. Речь идет не об умственных концепциях и прочей болтовне. Нас интересует чувственный опыт.

Чувство Мира безупречного сновидящего, например, выражается:

(1) В неразделении таких модусов бытия, как «явь» и «сновидение»

(2) В неразделении темпоральных координат описания – «прошлого», «настоящего» и «будущего»

(3) В неразличении «смыслов» описания мира. (Подразумевается невовлеченность в обусловленное «смыслами» реагирование. Мы принимаем все, что происходит вокруг, как условные знаки. Мы имеем с ними дело, внутренне не принимая их реальность.)

Это крайняя степень отрешенности, не-участия, «созерцательности» на фоне активного действия. К подобным состояниям стремятся буддисты, карма-йогины, провозглашающие «незаинтересованное действие» и многие другие, хотя метафизические оправдания, используемые ими, делает состояние менее «чистым».

Чувство себя для безупречного сновидящего опирается на два ведущих компонента:

(1) Постоянное восприятие реальности энергетического тела.

(2) Восприятие внимания как силового процесса. Поддержание этих чувств ведет к специфическому *осознаванию* себя

как поля среди других полей, а своего внимания и восприятия как потока, способного поглощать энергию и излучать ее.

Я специально не перегружаю это описание частностями. Перечисленных пяти компонентов вполне достаточно, чтобы максимально ускорить продвижение по Пути сновидения.

Это именно внутренняя *позиция*, а не упражнение и не разновидность медитации, требующая уединения и других особых условий. В этой позиции следует *жить* с утра до вечера. И тогда каждую ночь вы будете странствовать по новым мирам бесконечной Реальности нагуаля.

Самый первый и непосредственный эффект – победа над страхом, который препятствует выходу *тела сновидения*. Особая тьма и чувство падения, которые часто сопровождают смещение точки сборки, могут вызывать мощные сопротивления тоналя. Их причина – в энергетической панике, вызванной всплеском страха смерти. Страх съедает значительный объем энергии, и внимание сновидения гаснет почти мгновенно. Если вы научились в течение дня поддерживать осознание энергетического тела в мире условного описания, то сможете легко переходить из одного мира в другой без этих потерь, которые существенно тормозят практикующего.

Вообще, следует сказать, что большая часть затруднений в практике сновидящего связана с бессознательными и полусознательными напряжениями. Некоторые из них скрыты так глубоко, что без специального *сталкинга* не могут быть выявлены. А выявить их совершенно необходимо. Бессознательные напряжения – опасные враги сновидящего. Когда практик останавливает внутренний диалог или совершает иное не-делание, нацеленное на избавление от фиксации точки сборки, силы бессознательного реализуют себя самым непосредственным образом, вынуждая нас собирать негативные, разрушительные образы. Опыт сновидящего в таком случае превращается в череду кошмаров, он неприятен и монотонен. Сновидец теряет годы, сражаясь по ночам с нечистотами собственного тоналя. Если он так и не осознает подлинные причины такого положения, то рано или поздно попадет в ловушку энергетического истощения.

Вот почему важнейшим компонентом дневной практики сновидящего является *сталкинг*.

Сталкинг в практике сновидения

Сталкинг («*выслеживание*») *в практике Трансформации Энергетического Тела имеет двойной смысл и выполняет двойную функцию*.

С одной стороны, сталкинг – это инструмент очищения тоналя. Его информационный смысл – усиление осознания через привлечение произвольного внимания к автоматизмам, реагированию и поведенческим программам. Соответственно, функция его сводится к освобождению от автоматизмов (перцептивных, смысловых, оценочных, эмоциональных), благодаря чему процесс восприятия дистанцируется от инвентаризационного списка тоналя – возникает пауза, во время которой практик получает некоторый, постепенно возрастающий, объем сенсорных сигналов, не успевших подвергнуться тональной «цензуре». В этом аспекте значение сталкинга, главным образом, когнитивное. Устранение обусловленностей дает возможность взглянуть на себя и Мир более широким и ясным взором. Обостренное восприятие сталкера открывает больший диапазон для познания, что уже само по себе ценно.

Прямым следствием усиленного осознания становится возможность менять собственное реагирование и поведение, манипулировать им, следуя как ситуативным задачам, так и стратегической цели накопления Силы. Здесь следует подчеркнуть, что манипуляция реагированием – не суть сталкинга, как некоторые считают, а его следствие, результат.

Впрочем, все это лишь «информационный» аспект процесса выслеживания. Кому-то он может показаться абстрактным. Действительно, если свести эффект сталкинга лишь к осознанию своих программ и автоматизмов, то что мы получаем от этой длительной и непростой работы, кроме некоторого самопознания и относительного повышения эффективности действий, которые раньше тормозились ограничениями неосознаваемых стереотипов?

Кроме того, часть практиков испытывает серьезные затруднения в самом опознании автоматизмов и их цепочек, сценариев и программ. Таким искателям кажется, что их поведение слишком вариативно, что сфера социального научения в их личном поведении проявляет себя под безусловным контролем сознания – то есть реакция и поступок достаточно свободны, а для их корректировки они не нуждаются в каком-то специальном сталкинге.

Конечно, это иллюзия, возникшая в результате поверхностного взгляда на самого себя. Достаточно указать хотя бы на то, что в каждом человеке есть области социального научения, выследить и осознать которые невероятно сложно, – например, шаблоны восприятия, срабатывающие по сотне раз в день, или стереотипы мышечных напряжений, намертво привязанные к эмоциональным реакциям и поведенческим моделям. И даже если мы отвлечемся от этих «целинных просторов» для сталкинга, пристальный взгляд обнаружит тонкую игру психологии, богатую подноготную, не сводимую к поверхностным стереотипам и алгоритмам за каждым событием нашей эмоциональной жизни. За самым, казалось бы, осознанным случаем «свободного выбора» реакции находится целое психологическое поле – обширный фундамент, который лишь небольшой своей частью доступен ординарному осознанию. Вскрыть с помощью сталкинга этот неявный фундамент, добраться до простых и самых сильных стимулов, тех психических движений, что обеспечивают энергией обманчиво «свободное» поведение, где все замаскировано рационализациями, – значит, найти в себе мощные силы. На психологическом и семантическом уровне это подобно получению энергии от ядерного распада – психические связи, удерживающие бессознательные организованности, архетипические структуры, транслируемые как монолитные символы (своего рода «атомы» внутреннего мира), вполне сравнимы с могуществом ядерных сил, собирающих целостность материи.

Но и это лишь одна сторона сталкинга, потому что выслеживание «содержаний», автоматизмов и связей, их образующих, – только внешняя форма, через которую внимание осуществляет свою *энергетическую* сущность. Сокровенная природа сталкинга – это *энергия, направленная на умножение энергии*, поскольку внимание, как и восприятие, является силовым процессом, резонансным механизмом, и *способностью совершать работу* – как внутри энергетического тела человека, так и во внешнем поле. Только предрассудок западного тоналя, разделившего физику и психологию чуть ли не полярным образом, не дает осознать это положение без специальных усилий. «Перцептивная энергия», «семантическая энергия» – это не аллегории и не фигуры речи. Отвлекаясь от привычного дуализма, можно сказать, что это – такая же *физика*.

Она демонстрирует себя опосредованно, через иную организацию, но при этом не является описанием иной *природы* или иного *бытия*.

Таким образом, для сновидящего сталкинг – это, с одной стороны, *способ экспансии осознания* вглубь, на те поля бессознательного, где существуют преграды для эффективного использования других режимов восприятия (внимания сновидения и второго внимания), а с другой стороны, *способ усиления самого внимания и осознания*.

Поскольку в предыдущей книге эта тема была рассмотрена достаточно подробно, остановлюсь только на важнейших для сновидящего моментах.

Практика сталкинга может быть описана в виде последовательности шагов[6].

Шаг первый. Составление «списка идей безупречности», трансформирующих базальные комплексы тоналя. Психологическая, эмоциональная их проработка. Можно работать последовательно – брать один из трех базальных комплексов и работать с ним месяц или два, затем – другой, и так далее. Необходимо продумать и учесть механизм зарождения и проявления базального комплекса, для этого рекомендую использовать схемы и импринты из упомянутой книги.

Шаг второй. Сосредоточение на одном или нескольких автоматизмах, связанных с конкретным базальным комплексом и пристальное выслеживание их в течение значительного времени (несколько недель или месяцев).

Шаг третий. Расширение поля внимания, постепенное включение в него других цепочек автоматизмов, реакций, обусловленных импринтами. Следует делать это не механистично, произвольно, а в соответствии с внутренними связями и ассоциациями, которые практик замечает в процессе работы.

Шаг четвертый. «Поиск позиции». Это переход к тотальному сталкингу, который обязательно сочетается с не-деланием и переносом внимания на энергетическое тело.

Шаг пятый. Тотальный сталкинг. Он не бывает непрерывным, происходит всплесками, частота которых с навыком увеличивается. Все это, вместе с намерением распространить усиленное осознание на период сна, приводит в конце концов к *вниманию сновидения*, а затем к прорыву во *второе внимание*.

Если мы игнорируем сталкинг, то довольно быстро упираемся в стену, отгораживающую нас от любых серьезных достижений в нагуалистской практике. Ибо ригидность тоналя чудовищна. Рано или поздно все мы узнаем об этом. Пока мы прощаем ему всю эту массу автоматизмов, кажется, что есть какой-то прогресс, хотя этот оптимизм во многом является самообманом.

«Идеи безупречности» используются как стимулы для создания правильного настроения сталкинга и как критерии, по которым можно определить, насколько сталкинг успешен. Главным образом, они являются инструментом для фокусировки *намерения*. Над ними можно работать в уединении, а потом использовать этот импульс в процессе самого выслеживания.

Во-первых, практикуя сталкинг, мы не должны становиться в позу «надзирателя» за самим собой. Война, напряжение – все это только тормозит, а иногда и парализует осознание. Во-вторых, надо «договориться» с тоналем. Для этого нужно работать постепенно и параллельно тренировать внимание, расширять его объем (шаг 2 и 3).

Постепенность – это уловка. Вы берете один-два пункта и «выслеживаете» только их (привычки, реакции – на ваше усмотрение), но уж *эти* области стремитесь выслеживать качественно.

Обычно через какое-то время выясняется, что выбранные вами пункты связаны ассоциативными связями с другими. Тогда без суеты, но уверенно вы включаете и их в сферу своего сталкинга. Так расширяется область выслеживания.

На каком-то этапе вы чувствуете, что дальше внимания просто не хватает. Чтобы справиться с этим кризисом, надо вспомнить навык «походки силы», вызывающей остановку внутреннего диалога, и другие навыки не-делания. (Нагуализм – комплексная практика. Остановкой внутреннего диалога и не-деланием надо заниматься параллельно со сталкингом, чтобы к моменту достижения предела внимательности эти навыки были хорошо сформированы.)

И тут начинается то, что я называю «поиском позиции» (шаг 4). Надо найти состояние, в котором практик может так расфокусировать внимание, чтобы предоставить ему максимальную область осознания выслеживаемых процессов, сохраняя при этом активность, подвижность и реактивность. Вы одновременно вовлечены в мир и не вовлечены в него.

Поначалу эта позиция кажется невозможной, но длительное намерение рано или поздно вас приводит туда. С этого момента и начинается полноценный сталкинг, поскольку вы открываете способ одновременного выслеживания невероятного количества процессов и явлений.

На уровне высшей интенсивности сталкинг не только подготавливает почву для ночного *сновидения* или прохода во *второе внимание*, но и способен переместить точку сборки в позицию *сновидения наяву* – достижение, требующее, по словам дона Хуана, «целой жизни борьбы», проявление подлинной магии энергетического сновидения.

Таким образом, безупречность и сталкинг необходимы сновидящему, чтобы добиться высокого уровня осознания наяву. Усиленное с помощью этих практик внимание используется в момент засыпания, чтобы обрести *внимание сновидения*.

Инструменты ежедневной практики сновидящего

Теперь обратимся к технологическому содержанию ежедневной практики сновидящего. Технология предлагает практикующему три важнейших инструмента – *тело, дыхание* и *внимание*. Разумеется, такое разделение условно, ибо все технологии, используемые нагуализмом, направлены на человека в его неделимой целостности. Эту целостность обеспечивает *работа с вниманием*.

Надо сказать, что в иных трансформационных дисциплинах также присутствует этот подход, сформулированный иным описательным языком. Нагуализм особенно подчеркивает то обстоятельство, что внимание является решающим фактором в практическом комплексе. От того, *как* практик использует внимание, зависит результат телесных и дыхательных упражнений.

Вот почему последователь толтекского учения относительно свободен в выборе методов работы с телом и дыханием. Если мы обратимся к комплексу пассов Тенсёгрити, то заметим, что конкретные движения тела здесь усиливают именно процессы внимания, воплощают динамику психоэнергетических полей – в этом их смысл. Подходить к магическим пассам как к физическим упражнениям – значит лишать их эффективности. И наоборот – телесная практика, взятая из другого учения (например, йоги или цигун), может быть использована для целей Дон-хуановского учения, если к ней приложено правильно организованное внимание.

Например, каждая асана и каждая пранаяма в хатха-йоге может быть исполнена «в толтекском духе», если практикующий концентрируется на чувстве энергетического тела. Используя не-делание и остановку внутреннего диалога, вы открываете в телесном упражнении целый пласт продуктивных ощущений. Мне хватило нескольких месяцев параллельного использования не-делания и упражнений из хатха-йоги, чтобы ощутить, как энергетическое тело реагирует на классические асаны и пранаямы. Передвижение полей вокруг тела и внутри него становятся главным эмпирическим содержанием занятий. Если вы хотите получить чистый опыт, не фиксируйтесь на метафизике – и тогда вы сами узнаете, существует ли энергетическая реальность за описанными в йоге «чакрами» и «каналами». Лично я нашел такой подход интересным и поучительным.

Так, я обнаружил, что асаны, активизирующие корень мозга, межбровье, горловой центр (все перевернутые позы, а также симхасана) способствуют выходу *тела сновидения*. Позы, в которых активизируется позвоночник, как и следовало ожидать, усиливают энергообмен кокона через стержневые структуры. А знаменитая падмасана (поза лотоса) укрепляет фронтальную пластину энергетического тела, повышает ее чувствительность и этим ускоряет достижение *прямого сдвига точки сборки* (о котором будет сказано ниже).

О дыхательных упражнениях следовало бы написать отдельное исследование, поскольку пранаямы, использующие задержку дыхания или гипервентиляцию, ускоряют перепросмотр, способствуют реимпринтированию и достижению безупречности, а также многое другое. Если же говорить о

сновидении, то здесь особую роль играет *ритмическое дыхание*. Утренняя и дневная практика ритмического дыхания может быть разной – от глубокого и полного дыхания до специального использования растянутого выдоха или вдоха. Вечером, как показал опыт, лучше использовать простую и не требующую специальных усилий технику, смысл которой заключается в поддержании ритма, близкого к естественному, но неизменного на протяжении получаса и более. Главное условие – равная длительность вдоха и выдоха без задержек между ними. Такое дыхание помогает замедлить и в конечном итоге остановить внутренний диалог (о биоэнергетических причинах этого эффекта см. в книге «Видение нагуаля»).

И все же самое важное в практике сновидящего – это *работа с вниманием*, которая включает в себя освоение главных технических навыков сновидящего – *не-делания, остановки внутреннего диалога* и *созерцания*. Телесные и дыхательные упражнения используются для повышения энергетического тонуса организма. Накопленная с их помощью энергия направляется на не-делание, созерцание и ОВД.

Все используемые здесь психотехники направлены на усиление способности к *концентрации* и *деконцентрации* внимания. Эти две операции являются ключевыми в перцептивно-энергетическом развитии человека. Суть их точно сформулировал О. Г. Бахтияров.

«Концентрация внимания, – пишет ученый, – представляет собой длительное удержание точки (*локуса*) *внимания* на каком-либо объекте. Такое удержание означает выделение объекта концентрации внимания в качестве некоторой определенности, *фигуры*, из общего *фона*... В предельных формах концентрации внимания в поле восприятия остается лишь один объект, все же остальные структурные элементы поля восприятия превращаются в однородный и не фиксируемый сознанием фон.

Деконцентрация внимания – процесс равномерного распределения внимания по всему полю воспринимаемых стимулов той или иной модальности. В противоположность концентрации внимания, при деконцентрации в поле восприятия остается лишь один однородный, но *сознательно воспринимаемый* фон». И далее: «Выделение фона как структурной единицы поля восприятия, как правило, не является произвольным процессом и требует для своего осуществления специальных приемов, совокупность которых и называется *техникой деконцентрации*»[7].

Выражаясь языком нагуализма, концентрация внимания обеспечивает *делание*, а деконцентрация – *не-делание*. Поскольку сновидящий применяет и то и другое в своей практике, он вынужден развивать произвольное внимание практически во всех отношениях.

Для этого надо работать над улучшением основных параметров внимания:

(а) способность к концентрации,

(б) устойчивость,

(в) объем,

(г) контролируемое распределение внимания,

(д) переключение внимания.

Пусть вас не пугают масштабы задачи. Все эти характеристики – лишь выделенные аспекты единого процесса усиления осознания. На самом деле сновидящий не нуждается в феноменальном супервнимании, которым обладают отдельные уникумы или разведчики, прошедшие спецподготовку. Все перечисленное – только *цели*, описания, помогающие вниманию наконец обратиться к самому себе. Ибо внимание, как мы уже говорили, – *непосредственное осуществление* (*проекция*) *осознания*.

Важно также понимать, что экстремумы переходят друг в друга. Концентрация внимания при максимальной интенсивности и верном направлении становится деконцентрацией, а деконцентрация – специфической формой концентрации.

Практикующие знают, что *сталкинг*, главное усилие которого, безусловно, концентративно (сосредоточенность на выслеживаемом сенсорном, эмоциональном или мыслительном потоке,

выделение его из фона, остановка и т. д.), на высших уровнях переходит в деконцентрацию (равномерное распределение внимания по целостному полю). Точно так же *не-делание* или *остановка внутреннего диалога*, техники, первичный импульс которых – деконцентрация, «размазывание» внимания (это касается не только «походки силы», где визуальное внимание произвольно расширено на всю площадь обзора, но и всех иных манипуляций с вниманием, где паттерн «фигура – фон» подвергается дезавтоматизации), перерастает в объемную сосредоточенность на энергетическом теле и на полях, с которыми тело взаимодействует.

Применяя данные психотехники, сновидящий наблюдает, как параметры его внимания видоизменяются.

Возьмем, к примеру, *устойчивость* внимания. Этот параметр описывает длительность стабильного вовлечения внимания в какой-то перцептивный или мыслительный акт. Экспериментальной психологии известно, что внимание подвержено периодическим колебаниям. Можно сказать, что внимание «пульсирует», что обусловлено не столько психологическими, сколько физиологическими и энергетическими причинами. Иными словами, внимание пульсирует, поскольку пульсирует весь организм, энергетическое тело, или «кокон».

Периодичность пульсаций различна – от 2-3 секунд до 10-12. Победить этот закон психоэнергетической конституции человека невозможно, и не нужно строить на этот счет никаких иллюзий. Но опыт показывает, что закон можно «обойти». Чтобы убедиться в пульсирующем характере внимания, попробуйте пристально созерцать любую сложную фигуру – вы убедитесь, что внимание ритмически перестраивается, обновляя сборку сенсорных сигналов. В момент перестройки (обновления сборки) фрагменты наблюдаемого объекта исчезают, а затем вновь появляются. То же происходит с аудиальной и кинестетической сборкой: звуки и ощущения периодически «уплывают» из области сосредоточенного внимания.

Хитрость заключается в том, чтобы не бороться с пульсацией, а двигаться вслед за ней. В тот же самый момент, когда импульс концентрации на одном локусе гаснет, он возникает на другом локусе. Задача практика *непрерывно следить за этими перемещениями* концентрации. Это вполне сталкерский подход. *Если сталкер не может добиться непрерывной концентрации внимания на одном объекте, он* «*создает*» *более высокую инстанцию – метавнимание, которое поддерживает концентрацию на пульсации самого внимания*.

Со временем можно найти специфическое искусство равновесия между вниманием и метавниманием. В конечном итоге они взаимно аннулируют колебания друг друга. В тот момент, когда угасает внимание, включается метавнимание, и наоборот – когда угасает метавнимание, восстанавливается концентрация простого внимания.

Другой важный параметр, который в большей степени связан с навыком деконцентрации, – это *объем внимания*. Ученые, опираясь на экспериментальные исследования, склоняются к выводу, что эта характеристика внимания практически не поддается тренировке. Утверждается, что нам даны ограниченные возможности к одновременному восприятию. Широко известно так называемое «правило Миллера», согласно которому объем нашего внимания ограничен семью объектами плюс-минус два, то есть от пяти до девяти. И это действительно так. Но на практике объем внимания неразрывно связан с качеством его распределения и способностью к переключению, и это во многом решает проблему.

Во-первых, мы способны бесконечно расширять объем внимания за счет перекодировки собираемого материала. Объединяя несколько элементов в блок, как это постоянно происходит при восприятии перцептивного гештальта, мы превращаем некое *множество* в *единицу*. Во-вторых, уже упомянутая способность к метавниманию позволяет практику использовать пульсацию разных уровней не только для радикального повышения устойчивости, но и для расширения объема.

Ритмически распределяясь и переключаясь, внимание, ограниченное и нестабильное на каждом отдельном уровне, может стать широким и стабильным в качестве единой системы, направляющей целостность нашего осознания.

Дневная практика сновидящего – это культивирование особой «внимательности», которая вечером используется для погружения в *сновидение*. Внимательность достигается двумя способами: а)

специальными упражнениями (остановка внутреннего диалога, не-делание, созерцание, сосредоточение на энергетическом теле), б) общим состоянием и установкой (безупречность, сталкинг, намерение).

Упражнения могут быть разнообразны, но всегда включают в себя произвольную сборку и разборку сенсорного материала, делание и неделание себя и окружающего мира. Это главный принцип психоэнергетического развития в нагуализме, поскольку сборка-разборка – та решающая функция внимания, которая определяет характер нашего *реального* бытия. Вот почему все эти упражнения опираются на одни и те же принципы.

Например, один из самых эффективных способов остановки внутреннего диалога – «походка силы» – состоит в максимальной деконцентрации визуального внимания во время ходьбы. Эту визуальную деконцентрацию усиливает кинестетическая алертность кистей рук (непривычно сложенные пальцы и т. п.). Если рассмотреть эту классическую процедуру с точки зрения сборки-разборки, делания-неделания, то она есть не что иное, как сочетание психологических и психофизических зацепок для поддержания противоестественной бдительности. Практик словно подвергает сомнению привычный тип «сборки» и стремится воспринять (осознать) нечто недоступное. Эта произвольно вызванная «неуверенность» приводит к разборке мира и не-деланию себя. В конечном итоге специфическое усилие вынуждает собрать новый мир и нового себя. В течение долгого времени новая сборка проявляет себя краткими и неуверенными проблесками в виде чувства энергетического тела («парение», ощущение себя в виде «сферического осознания» и т. п.) и причудливых видений, где восприятие пространства и перспективы колеблется, порождая неописуемое чувство Мира как энергетического поля. Крах описания становится кульминацией этой практики. Он приходит как взрыв осознания и называется в дисциплине дона Хуана «остановкой мира».

Статические упражнения используют те же принципы иначе. Мы можем применять концентрацию на крайне слабых либо вовсе отсутствующих сенсорных импульсах. Это разновидность не-делания, с помощью которого мы навязываем перцептивному аппарату «неправильную» систему координат – игнорируем сильные сигналы, вытесняем их, но усиливаем и поддерживаем что-то незначительное, пребывающее на периферии, либо воображаемое. К этому виду упражнений относятся:

а) «слушание звука» в голове;

б) концентрация на участках тела, которые почти ничего не чувствуют (макушка головы, межбровье, затылок, солнечное сплетение и т. п.);

в) концентрация на областях, недоступных обычной сенсорной сборке (поля, окружающие физическое тело, проекции точек и каналов, поверхность кокона целиком или частично и др.).

Сборка не существующего в привычной модели объекта (области или поля) осуществляется благодаря разборке «нормальных» объектов или полей. Это закон всякой ограниченной перцепции.

Занимаясь созерцанием и перцептивным не-деланием, сновидящий манипулирует внешними сигналами – он создает фигуры из пятен, теней, неоднородностей, разбивает объекты и превращает их в ничего не значащий фон, наконец, интегрирует сенсорные пучки так, чтобы они утратили приписанную им семантику, перестали узнаваться. Упражнение становится по-настоящему эффективным, когда в работу с вниманием вовлекается энергетическое тело. Опытные практики знакомы с этим эффектом, когда перцептивные игры приводят к сильным и неожиданным телесным ощущениям. Переживание психоэнергетической целостности – свидетельство того, что произвольное внимание в процессе тренировки неминуемо охватывает энергообменные процессы, которые, на первый взгляд, не связаны с деятельностью воспринимающего аппарата, – процессы, выражающие себя через биохимический метаболизм, гормональную активность, электрохимическое состояние клеток и тканей.

Благодаря регулярной работе с вниманием и восприятием, сновидящий на собственном опыте узнает, что эти «идеальные» (как поначалу кажется) процессы определяют работу всех уровней нашей телесной организации. Внушенная мировым тоналем иллюзия, будто человек «двух-природен», будто жизнь тела и жизнь сознания происходят на разных планах бытия и подчиняются качественно разным законам, постепенно рассеивается – не под влиянием метафизических убеждений, а благодаря непосредственному чувствованию. И это серьезная помощь в эмпирическом постижении той «правильной позиции» сновидящего, что выше была описана через идеи, формулирующие безупречное

чувство себя. Осознание (переживание) *энергетического тела* и *внимания как силового процесса* неминуемо входят в сферу каждодневного опыта практикующего сновидца.

Если вы намерены двигаться по Пути с максимальной скоростью, стремитесь правильно использовать свое время днем. Мы, конечно, должны избегать жестких расписаний, которые, как правило, быстро превращаются в рутину и делают наш тональ еще более жестким. И все же есть общие правила, которые, как показал опыт, могут привести вас на необходимый уровень интенсивности.

Практика в течение дня. Первое внимание как трамплин

Время нашего бодрствования естественным образом разделено на три фазы. Условно их можно назвать *утренняя* фаза, *дневная* и *вечерняя*. Неважно, когда для вас наступает утро или вечер. Смысл подобного разделения – исключительно функциональный. Поскольку дневная жизнь сновидящего есть сталкинг и безупречность, а ночная – развитие внимания сновидения, ежедневный цикл следует за динамикой этих переходов.

(1) *Утро*, таким образом, – это вхождение в сталкинг, за исключением первых 10-15 минут, которые необходимы для «подведения итогов» сновидческой активности.

«Подведением итогов» я называю тщательное *вспоминание* и *закрепление* опыта сновидений. Это абсолютно необходимо, чтобы постепенно размыть границу между сном и явью, интегрировать образы и ощущения, воспринятые ночью, с привычным потоком впечатлений, которые мы получаем в первом внимании. Это достигается остановкой внутреннего диалога.

Совершенно необходимо найти немного времени, чтобы не вскакивать сразу после того, как вы проснулись. Уже первые минуты бодрствования должны сопровождаться спокойным сосредоточением. Непроизвольный импульс, сопровождающий включение первого внимания, – активизация внутреннего диалога. Это он производит перенастройку осознания, пользуясь тем, что в это время мы наиболее автоматичны и минимально бдительны. Перенастройка осуществляется через центральные механизмы тоналя, задача которого – разорвать опыт, удалить мир сновидения в самый темный угол памяти, как что-то незначительное, не имеющее никакого отношения к «реальности». Мы должны помешать этому.

Правильное пробуждение – крайне важный момент. Не менее важный, чем правильное засыпание. В идеале надо остановить формирование барьера между сном и явью еще тогда, когда первая сборка дневного мира не доведена до конца. Поначалу добиться этого нелегко, и сновидящий регулярно проскакивает этот момент. Не стоит отчаиваться. Главное – сформировать намерение. Даже в том случае, если вы останавливаете внутренний диалог с опозданием, центральный автоматизм с каждым разом все больше слабеет.

Самый известный эффект остановки внутреннего диалога непосредственно после пробуждения – это сохранение в памяти снов, как обычных, так и тех, что являются следами реальных сновидческих перцепций. Но этим опыт далеко не исчерпывается. Вы получаете шанс *сохранить чувство тела сновидения*, что крайне важно для сновидящего. Во-первых, тело сновидения, будучи непосредственной проекцией всего энергетического кокона, в момент пробуждения является главной зацепкой, которая в дальнейшем объединяет первое внимание со вторым. Воспринятое чувство – зародыш непрерывного осознания энергетического тела наяву, что резко ускоряет тотальную Трансформацию нашей природы. Во-вторых, тело сновидения *хранит знание безупречности*. Каким образом? Толтекская энергетическая модель помогает нам уяснить этот механизм.

Чтобы воспринять тело сновидения, точка сборки смещается. Это очевидно – там, где воспринимается мир первого внимания, тела сновидения не существует. Сохранив наяву хотя бы небольшую часть сновидческой сборки, мы тем самым помещаем перцептивный центр в промежуточную позицию. А эта позиция (описываемая здесь как «углубленная») очень близка к той, которую мы находим, непрерывно практикуя безупречность и сталкинг. Вот в чем смысл правильного пробуждения – сновидец не только сохраняет память и чувство энергетического тела, но и сразу же попадает в самое эффективное состояние бодрствования. Теперь важно не дать чувству бесследно рассеяться.

Что же вызывает забвение в первую очередь? Что окончательно фиксирует точку сборки в первом внимании? Внимательное выслеживание показывает, что это делает *автоматизм тела*. Тело «захватывает» нас даже раньше, чем эмоциональная и ментальная реактивность. Иногда кажется, что они включаются одновременно, но это не так. Завершение сборки первого внимания производится серией бессознательных мышечных напряжений. К этим напряжениям и присоединяются автоматические стереотипы ментального и эмоционального реагирования тоналя, опознаваемые и усиливаемые инвентаризационным списком. Это иллюзия, будто к дневной жизни нас возвращают мысли и переживания. Если вам кажется, будто вы проснулись «от мысли» (а это бывает довольно часто), значит, вы просто не успели отследить, как шевельнулось тело и напряглись мышцы.

По этой причине следующим объектом дисциплинированного внимания должно стать физическое тело. *Осознанное движение* – вторая ступень правильного погружения в первое внимание. Заметьте, как наяву повторяется сновидческий алгоритм. Ведь именно так мы работаем с телом в сновидении – смотрим на ладони, двигаемся и т. д. Подниматься с постели надо вдумчиво и неторопливо, наблюдая за активизацией организма как бы со стороны.

Во время обычных утренних процедур (туалет, умывание или душ и т. п.) пытайтесь сохранить бдительность и углубленность позиции точки сборки. Вы, конечно, заметите, что это приводит к заторможенности. Это затруднительная ситуация для сновидящего. С одной стороны, он хотел бы сохранить сновидческую осознанность, с другой – вынужден вести активную жизнь, которая, как ему кажется, с этим состоянием несовместима.

Решить проблему во многом помогает телесная практика. Используйте то, что вам больше подходит. Сторонники «магических пассов» считают, что лучше Тенсёгрити нет ничего. Я же считаю, что с не меньшим успехом можно использовать цигун, хатха-йогу и другие проверенные временем комплексы. Цель тренировки – *полностью активизировать тело на фоне усиленного осознания*. Если вам это удалось при помощи определенных движений и дыхания, вы полностью готовы к дневному сталкингу.

Очень хорошо завершить утро тренировкой в концентрации и деконцентрации внимания. Если вы можете потратить полчаса на какой-нибудь тип перцептивного не-делания (будь то созерцание внешних объектов или сосредоточение на полях энергетического тела), на «прогулку Силы» или нечто подобное, это – лучшее начало дня.

(2) *День* – это базовое состояние первого внимания. Поскольку он насыщен действиями и реакциями, сновидящий может поддерживать правильное состояние осознания только при помощи безупречности и сталкинга. Мы сталкиваемся с двумя проблемами: а) нестабильностью внимания, и б) непроизвольной склонностью бороться с собой, вызывая тем самым лишние напряжения и истощение.

Нестабильность внимания – неизбежное препятствие. Не существует быстрого способа победить нашу забывчивость, рассеянность и склонность погружаться в поток автоматизмов. В конечном счете лишь несгибаемое намерение приносит плоды. Здесь особенно заметно, какую роль играет энергетический импульс, полученный от утреннего сеанса. Иногда он поддерживает практика большую часть дня.

Что же касается борьбы и непродуктивных напряжений, вызывающих усталость, то здесь помогает правильный сталкинг. Наблюдайте за собой. Иногда наше упорство граничит с безрассудством. Не надо переоценивать свои силы. Все равно каждый из нас прогрессирует со свойственной его конституции скоростью. Нельзя допустить накопления усталости – иногда «отпускайте себя». Вообще, следует заметить, что безупречность не ведет к усталости. Напротив, она приносит бодрость, спокойствие и силу. Если вы устали от практики, значит, что-то делаете неправильно.

(3) *Вечер* – это подготовка к сновидению. Если тонус внимания снизился, надо его восстановить. Наилучшие способы – релаксация, ритмическое дыхание, созерцание и остановка внутреннего диалога. Кроме того, вечер – хорошее время для сеанса перепросмотра.

Если день был наполнен напряженным умственным трудом, необходима пауза в работе. Не стоит долго смотреть телевизор или сидеть за компьютером – именно эти формы деятельности требуют больше всего перцептивной энергии, поскольку здесь мы собираем не только сенсорные сигналы, но и условную информацию. Чтение менее утомительно. Идеальный способ провести вечер – погулять где-нибудь на природе, посмотреть на закат, впитывая всем телом энергию земли, солнца и воздуха.

Непосредственную подготовку к сновидению лучше начинать за час-полтора. Подробное описание процедуры дано в «Видении нагуаля» (гл. 5. Сновидение 1: Методы).

Предлагаемый вариант ежедневной работы не следует считать «расписанием дня». Помните, что всякое правило, если вы превращаете его в догму и исполняете с фанатизмом аскета, убивает сам дух практики, который есть приближение к Свободе. Надо быть гибким и текучим, ни на миг не забывая, что суть производимой работы – усиление осознания, а не ритуал. Упорядоченность практики ни в каком случае не должна превращаться в самоцель. Прежде всего, будьте внимательны к себе, и если чувствуете, что *порядок становится важнее, чем состояние*, которое он должен вызывать, – немедленно отказывайтесь от «порядка».

Единственное правило, которого надо придерживаться всегда, – *непрерывность практики*. Если сновидец потакает себе в лени или легкомыслии, он вряд ли добьется серьезных успехов на Пути. Каждая остановка отбрасывает назад. Внимание – крайне ригидная штука. Оно не желает перестраиваться, а тональ имеет тысячи оправданий, чтобы отложить практику «на завтра». Здесь самое время вспомнить о том, что мы не бессмертны, что «завтра» ничего не будет.

Все, что можно сделать, делается сегодня или никогда.

Темп и динамика индивидуального прогресса сновидящего

Колебания пронизывают энергетическую ткань мироздания. Все сущее вибрирует, поскольку так энергия проявляет себя в экзистенциальном поле. Очевидно, прекращение колебаний и есть то абстрактное Небытие, которое может быть только философским концептом и никогда не становится Реальностью. Движение – суть бытия Мира и психики. Вибрируют атомы, в разных ритмах колеблются все сложные формы, пульсируют звезды и галактики. Наконец, пульсирует свечение человеческого осознания, что, как уже было сказано, проявляет себя в характерной подвижности нашего внимания.

Следует ли удивляться тому обстоятельству, что процесс усиления осознания, который мы произвольно инициируем, обратившись к трансформативной дисциплине, точно так же представляет собой волнообразную последовательность подъемов и спадов, ускорений и замедлений?

Разумеется, существуют общие закономерности, о которых рано или поздно узнает любой сновидящий.

Например, каждому из нас дан некоторый запас энергии, который обеспечивает инициирующий импульс. Многие считают его чем-то вроде «аванса», или «подарка духа». С психологической точки зрения, это очень важный момент, поскольку это импульс убедительно демонстрирует реальность скрытых в нашем существе способностей.

Как это происходит? Приступив к регулярной практике, сновидящий через относительно недолгое время переживает серию довольно ярких опытов. Он как бы «прорывается» на более высокий уровень интенсивности – внимание сновидения ярко вспыхивает и показывает ему ближайшие области второго внимания. В самых скромных случаях всплеск ограничивается двумя-тремя впечатляющими погружениями на протяжении нескольких недель. Если же практик имеет сильную психоэнергетическую конституцию, этот обнадеживающий период длится год и даже больше. За это время можно изучить приличную часть первого мира второго внимания, приобрести относительный контроль над телом сновидения, встретить неорганических существ. Кажется, что вы на пороге грандиозных реализаций. И вдруг – все заканчивается. Волна схлынула, первичный импульс утратил силу.

Если сновидящий не предупрежден о том, что его прогресс будет иметь волнообразный характер, для него это серьезное испытание. Утратив вдохновение, он может оказаться в плену безнадежности и подавленности, что, разумеется, продлевает непродуктивное состояние, угрожая превратить его в подлинный кризис.

Вы должны знать, что спад сновидческой активности – это не застой и, тем более, не поражение. Лично я нашел, что в этих спадах заключен глубокий смысл. Они необходимы и полезны, так как создают естественные условия для гармоничного движения. Это периоды безупречности и сталкинга, которые,

как правило, уходят на второй план в работе начинающего сновидца. Успехи в сновидении всегда вызывают ложное впечатление, будто дневная практика – штука второстепенная, что индейские учителя Кастанеды преувеличивали ее значение. Это обычная наивность, и «спад» помогает избавиться от нее.

Встречаются упрямые и, честно говоря, недалекие энтузиасты от сновидения. Они категорически не желают понять, что нагуализм – это целостная дисциплина, что без сталкинга и безупречности невозможно добиться стабильных результатов. Результат их упрямства – депрессия и ожесточенность, бесконечные попытки включить внимание сновидения насильственным путем, что ведет к неосознаваемому истощению, кошмарным видениям и формирует совершенно искаженное представление о дон-хуановском пути.

Чтобы правильно выйти из первого – самого мучительного – спада, необходимо вспомнить все, что есть в арсенале безупречности, оживить в памяти и чувствовании то настроение воина, о котором прекрасно написал Кастанеда. Если вы сможете по-настоящему осознать, что высшее проявление этого духа – *безупречность ради безупречности*, угрюмое раздражение и нетерпеливость покинут вас и энергетическое тело найдет оптимальный способ перестройки. Как сказал Лао-цзы: «Оставьте воду в покое – она сама станет чистой». Субъективно это воспринимается как окончательное принятие своей судьбы, как момент, когда намерение наконец охватывает все наше существо. Это новый уровень осознания.

Таким образом, вторая волна *сновидения* приходит, когда мы становимся мудрее и, соответственно, наблюдательнее. На этом этапе сновидящий открывает индивидуальный темп и ритм в естественных колебаниях праксиса.

А темп у каждого свой. Он соответствует индивидуальной чувствительности и типу конституции. Менее подвижные и более массивные практики могут медленно и трудно приходить к новому опыту, а потом обрести впечатляющую силу. И наоборот – быстрые и легкие сновидящие прогрессируют стремительным образом, но испытывают затруднения, когда реализацию нужно закрепить, превратить мимолетные откровения в стабильное качество сознательной жизни.

Внимательно выслеживая ритм подъемов и спадов, можно в конце концов научиться использовать их оптимальным образом, встречать их заранее подготовленным и максимально быстро переключаться. Эта сталкеровская готовность помогает научиться важному трюку – побеждать ригидность тоналя и его склонность к самоконсервации. Ведь чем тональ сильнее (а сновидящий должен иметь сильный тональ!), тем чаще он «застывает» в позиции равновесия. Любой психотехнический прием быстро теряет эффективность, так как тональ находит изощренный способ игнорировать его, чтобы сохранить свою неизменность.

Консервативный тональ вынужден регулярно прибегать к творчеству, чтобы находить новые зацепки для удержания активного внимания и намерения. Это нелегко, но возможно. Надо лишь регулярно вспоминать о нашей склонности к консерватизму и «ловить себя» – кропотливая работа, требующая большого терпения.

Существует быстрый, но довольно рискованный способ – разбить непрерывность тоналя при помощи психоактивных агентов. Нетерпеливые сновидящие часто возлагают на этот путь большие надежды. Хочу предупредить, что далеко не всегда эти надежды оправдываются. Недостаток безупречности может сыграть с нами дурную шутку. И тогда мы либо вытесняем полученный опыт, либо становимся чрезмерно лабильными – подвижными, но уязвимыми. В первом случае сновидящего преследует назойливое стремление повторять психоделический опыт, так как каждый раз кажется, что его импульс недостаточен, во втором – возникает серьезная угроза психоэнергетических повреждений. По этой причине я не рассматриваю путь «растений силы» как реальную практику в наших условиях.

Волнообразный характер прогресса охватывает как относительно большие периоды, длящиеся годами, так и малые – месяцы, недели, дни. Во время большого подъема можно заметить, как характер осознанности колеблется в соответствии с собственным ритмом. На пике энергетического тонуса фиксация точка сборки сильно снижается, и сновидящий может целыми днями, порой даже неделями, пребывать в «плавающем» режиме – от всплесков повышенного осознания до *сновидения наяву*. Иногда один день в таком состоянии дает больше, чем три месяца ежедневных тренировок. Эти «пиковые» периоды происходят чаще, если мы фиксируем свои ритмы и достаточно бдительны.

Выслеживать колебания осознанности – хороший сталкинг. Он может значительно ослабить консерватизм тоналя, который категорически не допускает идеи, будто наяву режим восприятия может быть нестабильным. Наблюдаемые в таких случаях синхронистичности и прочие странности выбивают тональ из привычной колеи.

Исследуйте свои ритмы, свои подъемы и спады – иногда это мощное средство для ускорения практики.

Предостережения: деформация намерения, волевые сновидения и энергетические кризисы

Необходимо учитывать, что психотехнические приемы вхождения в сновидения можно использовать по-разному. Они могут настраивать осознание, могут – непосредственно толкать точку сборки в позицию сновидения или второго внимания. Все зависит от того, *как* именно мы этими приемами пользуемся. Например, известный исследователь вне-телесного опыта Роберт Монро впервые открыл для себя тело сновидения при помощи глубокой релаксации и сосредоточения на прослушивании записей, предназначенных для обучения во сне. Можно ли сказать, что расслабление и аудиальная концентрация сместили точку сборки в позицию сновидения? Нет. Монро, сам того не зная, воспользовался некоторыми приемами, чтобы *создать предпосылки* для такого сдвига точки сборки. Внимание сновидения включилось, так как исследователь, как всякий здоровый человек, имел некоторый объем свободной энергии.

Это совершенно типичный случай «спонтанной инициации». Но что происходит дальше? Если человек не знает о дневных практиках усиления осознания или не придает им значения, свободная энергия истощается очень быстро. Желая повторить сновидческий опыт, экспериментатор начинает вкладывать в психотехническую процедуру все больше и больше сил. Освоив навыки механических сосредоточений, он рано или поздно начинает использовать их уже не как настройку, а как непосредственный *движитель* точки сборки. По сути, это мало чем отличается от применения психоактивных веществ или растений. Если растения смещают точку сборки биохимическим давлением, психотехники делают то же самое при помощи механического усилия внимания. И последствия бывают очень похожими – как и растения силы, техники постепенно разрушают нас, извлекая из тела неприкосновенные психоэнергетические запасы.

Чтобы этого не произошло, сновидящий обязан работать комплексно. Качество сновидения, его частота и длительность возрастает не благодаря психотехникам, а по мере усиления осознания наяву, в повседневной жизни.

Разницу между этими способами использования приемов ощутить легко. Добиваясь повышения частоты и длительности сновидения механическим путем, вы неминуемо испытываете: а) чувство усталости и угнетенности сразу после пробуждения, которое постепенно становится фоновым самочувствием и переходит в депрессию, б) регулярные погружения в мрачные, устрашающие, либо тоскливо-неприятные позиции сновидении, где вы то и дело подвергаетесь атакам враждебных сущностей (реальных или галлюцинируемых). Все это симптомы развивающегося энергетического кризиса, вызванного эксплуатацией так называемых *волевых сновидений*.

«Правильное» сновидение включается в результате накопленного за день импульса – его формирует безупречность, сталкинг, дневное намерение, ОВД и не-делание. Непосредственно перед засыпанием производится лишь дополнительная настройка. В результате *внимание сновидения* удерживается за счет свободной энергии и прекращается, как только эта энергия оказывается исчерпанной.

Волевым сновидением можно называть такое, которое достигается за счет *только* или *прежде всего* технических процедур – дыхательные упражнения, расслабление, медитативные сосредоточения. Практика безупречности и сталкинга в течение дня не используется либо используется недостаточно. В результате механические техники непосредственно перед сном требуют гораздо больше времени и волевых усилий. Если же сновидец еще и испытывает сильное пристрастие к сновидческим переживаниям, пытается всеми способами продлить их, истощение энергетического тела неизбежно – *внимание сновидения* поддерживает себя за счет резервов тела, которые не следовало бы трогать.

Через несколько лет волевые сновидения, если вызывать их регулярно, приводят к психосоматическим дисфункциям и нарастающей патологии. Неосознаваемый болезненный процесс не позволяет точке

сборки смещаться по центру «человеческой полосы», где осуществляется гармоничный энергообмен. Тональ транслирует опыт боковых сдвигов с помощью архетипических видений – устрашающих или эйфорических. «Демоны» и «ангелы» по очереди посещают расстроенное сознание сновидящего, и это усиливает его параноидальные настроения. Окончательно запутавшись, он воображает, будто вошел в контакт с миром неорганических существ, что заставляет его тратить на сновидение еще больше энергии. Конец этого пути – необратимое разрушение тела и психики.

Как не допустить подобного развития событий? Очень просто. Надо лишь помнить, что сновидение *не самоцель*. Оно только средство, инструмент возрастающего осознания, а усиление осознания – работа, которую можно и нужно практиковать прежде всего наяву. Если вам трудно войти в сновидение, надо сосредоточиться на практике *дневного* осознания, а не насиловать себя по ночам.

В противном случае вас будут преследовать угнетенность и отвращение к жизни наяву, слабость, апатия и ночные кошмары.

Помните, что никакие техники сами по себе не ведут к вниманию сновидения и ко второму вниманию хотя бы потому, что точку сборки смещает Сила. Техники направлены на *создание условий* для смещения точки сборки – не более того. Фундамент сновидения – это безупречность, сталкинг и развитое с их помощью *намерение*.

НЕ-ДЕЛАНИЕ И ДВА СПОСОБА ВХОЖДЕНИЯ В СНОВИДЕНИЕ

Полное отключение от Делания оказывается выходом в Мир иного существования. В нескончаемости насильственного молчания открывается другая реальность Бытия.

В. В. Налимов

Каким бы приемом мы ни пользовались, погружение во внимание сновидения происходит тем эффективнее и качественнее, чем отчетливее присутствует в процедуре элемент не-делания. Следует заметить, что само по себе не-делание – тема настолько обширная и во многом загадочная, что требует глубокого исследования.

Нет ничего более парадоксального, чем говорить о не-делании. И все же мы вынуждены о нем говорить, чтобы с помощью активного осознания на практике соединить мир описания и великую Реальность-вне-человека – проникновение в энергетическое сновидение невозможно без подобного усилия.

Если мы обратимся к работам Карлоса Кастанеды, то с некоторым удивлением обнаружим, как мало написано о не-делании у первооткрывателя нагуализма. Об остановке внутреннего диалога – центральном элементе любого не-делания – Кастанеда тоже сообщил не слишком много.

Почему это странно? Потому что не-делание и остановка внутреннего диалога – сердцевина нагуализма. Все методы психоэнергетического контроля, обеспечивающие Трансформацию, все магические влияния, включающие толтека в принципиально новые отношения с внешним миром и социальными людьми, опираются на не-делание. Магическое делание, каким бы причудливым оно ни казалось, возможно только на фоне пустоты и безмолвия, превратившегося в океан энергии благодаря усилению внимания и осознания. Говоря языком гностических мифов, из темноты возникает свет, из молчания – слово. Перцептивное, психоэнергетическое творчество становится могущественным инструментом через полноценное постижение фундаментальной тишины, из которой рождается семантическая Вселенная.

Кастанеда написал слишком много об альтернативных вселенных, об иных силах и существах, о превращениях перцептивной энергии, победившей все законы человеческого описания. Об этом можно рассказывать бесконечно, ибо проявления магической Свободы не знают границ. А что можно сказать о безмолвии, об остановке внутреннего диалога, «стоянии перед Миром» напрямую, без описания? Это что-то слишком простое и одновременно невербализуемое. Мы можем говорить лишь о череде

феноменов, о некоторых переживаниях, сопровождающих приближение к не-деланию, об играх Силы и нашего тоналя, вызванных не-деланием. Остальное – вне описания.

Тем не менее, попытаемся сосредоточить осознание на самых непосредственных проявлениях не-делания. Как мы помним, тональ *делает* мир с помощью *внутреннего диалога*. И поэтому остановка внутреннего диалога – это пропуск в мир толтекского сновидения, в мир дон-хуановской магии.

Большинство читателей, знакомых с идеями нагуализма поверхностно, автоматически отождествляют «внутренний диалог» с «внутренним монологом» и не находят здесь принципиальной разницы. Это ошибка, которая сбивает с толку и порождает неуместную критику. Во-первых, из этого заблуждения следует, что остановка внутреннего диалога ничем не отличается от йогического «безмолвия ума», которое, как известно, сводится к прекращению ментального комментирования (внутренней речи, продуцирования визуальных, аудиальных и иных конструктов, исполняющих ту же комментирующую роль). Во-вторых, буквальное понимание термина «внутренний диалог» вызывает ложное представление, будто он осуществляется через механизм мысленной речи. Психолог, между тем, знает, что человек способен мыслить без слов, может вообще не обращаться к речи и даже не знать ее (как, например, глухонемые от рождения), – это ничего принципиально не меняет в режиме перцепции или энергетическом статусе субъекта.

Поэтому надо сразу указать на фундаментальное различие между такими психическими процессами, как «внутренний диалог» и «внутренний монолог». В случае йогического «безмолвия ума» (*читта вритти ниродха*) и прочих процедур, нацеленных на прекращение внутренней речи и неуправляемого мышления, следует говорить об «остановке внутреннего *монолога*». *Диалог* же, как я уже неоднократно подчеркивал, происходит между двумя «внутренними собеседниками» – сенсорными сигналами и аппаратом сборки, интерпретации этих сигналов. Эти компоненты психического поля могут находиться в отношении диалога между собой благодаря тому, что наделены некоторыми противоположными свойствами.

Выражаясь метафорически, поступающие извне сигналы всегда находятся в позиции «задающего вопрос», аппарат сборки и интерпретации – наоборот, всегда «отвечает». Вопрос и ответ образуют неразрывную пару, которая становится фактом эмпирического опыта. Нет никакого способа изменить ситуацию. Сигналы не могут «отвечать», потому что лишены семантического содержания и, значит, не способны сами по себе предстать перед нами в виде ответа. Этот нюанс ускользает от нашего недостаточно сильного осознания, ибо миг подлинного диалога слишком краток и всякий раз порождает обильный поток комментариев.

Процесс внутреннего диалога и последующего монолога проще всего проиллюстрировать на перцептивном акте *узнавания*. Когда в сферу нашего внимания попадает новый пучок сигналов, он становится неопределенным энергетическим импульсом, который выводит систему из равновесия и помещает ее в *поле выбора*. Иными словами, мы что-то видим (слышим, осязаем и т. д.), но еще не знаем, *что именно*. С одной стороны, это состояние психическое, и может быть названо «паузой между вопросом и ответом», с другой – это мгновение энергетической свободы, когда полевые структуры, из которых мы состоим, могут перестроиться самыми разными способами и каждый вариант имеет равную вероятность реализации.

Миг свободы заканчивается, как только немой вопрос сенсорного пучка получает ответ. Как только неопределенное возбуждение эманации превращается в оформление паттерна – модели, изготовленной и выбранной «отвечающим» тоналем. «Что это?» – «Дерево». Доля секунды, и аморфное возбуждение полевой массы становится новой формой, новой позицией системы «субъект – объект». Объект «превращается» в дерево, а субъект, бывший до этого «никаким», становится *воспринимателем дерева*. Хотя это звучит немного странно, мы не просто интерпретируем сигналы, мы *превращаемся* согласно своим интерпретациям.

Но это лишь первый шаг. «Отвечающий» не привык к лаконизму. Во-первых, он перепроверяет себя множество раз, во-вторых, он совершает колоссальное число операций с собственным ответом – помещает его в ассоциативное поле, прикладывает к нему пространственные и временные координаты, вспоминает и воображает, и, наконец, реагирует, планирует, принимает решение. Все это – уже не диалог, а монолог. Тот самый монолог, который я называю «ментальным комментированием» – с ним-то и имеет дело медитирующий йог, буддист, стремящийся к Безмолвию.

Вот почему внутренний диалог не имеет отношения к внутренней речи. Ибо речь – уже *следствие* диалогического акта, который можно также называть «элементарным деланием».

Совершенно ясно, что у всех людей «внутренний диалог» *принципиально* подобен и не зависит от сенсорных возможностей как таковых. Люди, лишенные зрения, речи или слуха, преодолевают ограничения своего сенсориума, чтобы осуществить делание, поскольку без делания субъект не только не способен функционировать в мире, он даже не может просто существовать. Становление упорядоченного осознания, формирующего нашу индивидуальность, может сталкиваться со значительными трудностями в случае ущербности, той или иной неполноты сенсорного мира, но только так человек становится человеком. В любом случае мы составляем «инвентаризационные списки» и одновременно формируем в себе участников внутреннего диалога – вопрошающую и отвечающую стороны.

Таково принципиальное различие между внутренним диалогом и внутренней речью (ментальным комментированием). Из этого легко сделать вывод, что остановка внутренней речи всего лишь очищает тональ от последствий диалогической активности, но не от самого диалога. Вот почему традиционная медитация, направленная на безмолвие ума, может привести к изменению режима восприятия лишь постольку, поскольку заторможенность периферии иногда переходит на всю массу психических процессов, включая диалогический механизм. Но в большинстве случаев тотальное торможение все же не развивается, и тогда мы имеем совокупность обычных эффектов, которая хорошо известна большинству медитаторов.

Это – высокая ясность восприятия, яркость цвета, выпуклость форм, глубина перспективы и теней. Следом за необычной интенсивностью всех перцептивных функций возникает специфическое преображение качества ментального процесса – сокращение общей массы мыслительных движений компенсируется их «плотностью». Исследователи полагают, что имеет место сворачивание синтаксических структур комментария, превращение линейного и разреженного дискурса в своеобразные сгустки, внутри которых возникают символические связи. Мышление превращается в поток инсайтов, поскольку подобие описательных моделей для всех типов опыта на этом уровне становится очевидной. Сворачивание структур ведет к упрощению и всё становится подобным всему. Из потока ярких и ясных ощущений восстает призрак экзистенциальной истины. Человек находит смысл, который не может передать обычными инструментами описания.

Я недаром употребил слово *призрак*. Смыслы и истины – всегда «призраки». Мистики, использующие медитацию для духовного просветления, не желают это понимать. Возбужденные силой чувства, они принимают пространство символов – пространство семантических «концентратов», созданных тоналем путем волевого уплотнения описательного языка, – за новую (разумеется, «более высокую») реальность, где Истина, Мудрость, Бытие, Свобода, Разум, Любовь и Бесконечность обретают плоть и окрашивают человеческое существование удивительными красками.

Субъективное становится объективным, и ощущение жизни порой радикально меняется. Если бы мы могли махнуть рукой на Реальность-вне-человека, ничего иного не нужно. Достаточно наблюдать, как за пучками перцептивных сигналов вырастают «идеи», за объектами перцептивного поля – универсальные законы Божественного (или просто Космического) Духа. Адепт освобождается от страдания и обретает безусловное счастье. В этом самодельном счастье нет обмана, но и истины там нет, ибо Истина – это Реальность, а Реальность порождает Трансформацию. Безмолвие ума дает покой и чувство просветления, в то время как остановка внутреннего диалога порождает всплески энергии, открывает новые перцептивные поля – беспокойную изменчивость непостижимого Бытия и трансформирующих сил.

На практике остановка внутреннего диалога, если она достигнута, разительно отличается от йогического «безмолвия». Я могу судить об этом не по книгам, так как знаком с обоими состояниями – «безмолвием ума» и ОВД. Полноценная остановка внутреннего диалога вызывает всестороннюю нестабильность. Это выражает себя разрушением привычных интерпретаций и стихийными флуктуациями тоналя, которые приводят к сенсорным искажениям и иллюзиям. Логическим следствием остановки внутреннего диалога становится автоматическая перестройка системы восприятия. И здесь нет ничего сверхъестественного. Многие из собственного опыта знают, что глубокая ОВД часто вызывает ложные узнавания, «иллюзии», то есть отклонения от стандартной схемы интерпретаций сенсорных сигналов. Время от времени схема перестраивается так, что в нее попадают слабые, латентные и никогда не осознававшиеся сигналы. Шаманы, экстрасенсы, лозоходцы и многие другие

люди с необычной чувствительностью бессознательно пользуются этими возможностями. Глубокая остановка внутреннего диалога, будучи состоянием «между выборами», способна включить цепную реакцию и перераспределить внимание так, что мы начинаем воспринимать иную картину мира и, соответственно, вступаем в иной тип энергообмена с внешним полем.

Необходимы специфические условия, чтобы осуществить подобный маневр, и об этом мы еще будем много говорить. Но прежде всего надо иметь в виду, что так называемый «диапазон» сенсорных сигналов, доступных осознанию, не связан непосредственно с физиологией органов чувств. Традиционное представление о восприятии, бытующее в умах естествоиспытателей, – стихийно материалистическое. Из него следует, что если физическое тело человека не имеет органов и соответствующих рецепторов ЦНС, чтобы ощутить какие-то поля либо излучения, то они не могут быть транслированы осознанию никаким способом.

Посылка нагуализма в отношении восприятия иная: *все существующее может быть воспринято и осознано*. Объем сенсориума и его границы обусловлены только режимом восприятия и интенсивностью осознания. У этой посылки есть как философские, так и психоэнергетические основания. Монизм, который является одной из аксиом нашей концепции, подразумевает, что Бытие имеет одну сущностную природу, и эта природа проявляет себя в виде энергии. Осознание нельзя изолировать от импульсов и потоков Силы – точно так же как нельзя полностью изолировать энергетические поля.

Человек, например, не имеет специальных органов для ощущения магнитного поля или гамма-излучения, но тем не менее испытывает их воздействия. Проблема здесь не в принципиальной возможности/невозможности восприятия, а в *способе трансляции* осознанию существующих энергетических воздействий. Если пучки импульсов проходят через специализированный орган чувств и соответствующие ему рецепторы, то способ трансляции закреплен в человеческом тонале и осуществляется автоматически. Если таких органов нет, воздействие не осознается – но не потому, что существует физический (физиологический) барьер, а потому, что *не выработан способ описания*.

Заметим, что способы описания весьма консервативны. Трансформация затрагивает их в последнюю очередь, когда практик побеждает ограничения человеческой формы и постоянно пользуется энергиями, для которых привычные способы описания, разработанные человеком, не могут быть удовлетворительными. Этот опыт уникален и его невозможно передать. В остальных случаях самые экзотические перцепции транслируются привычными инструментами – визуально, аудиально, кинестетически и т. д.

Иными словами, экстрасенс «видит» то, что не может видеть, «слышит» и «чувствует» то, что неслышно и неощутимо. Энергетические поля воспринимаются и осознаются при помощи тонального наложения обычных интерпретационных схем на пучки импульсов, для которых не существует привычной интерпретации.

Например, ионизирующее излучение можно услышать как неопределенный свист или шипение, магнитное поле – почувствовать как характерное давление или холод, не говоря уж о разнообразных «вспышках света», «аурах» и тому подобных явлениях. Энергетические влияния внешнего поля могут отражаться самым причудливым образом. Отсутствие специализированных органов чувств делает восприятие индивидуальным, часто не разделяемым опытом, но не делает восприятие невозможным вообще.

Как много раз говорилось, *восприятие – это энергообмен, и поскольку энергообмен является сущностью нашего бытия в Реальности, восприятие сопровождает осознание в любой ситуации*.

Материал, из которого собирается восприятие, поступает по самым разным каналам, большую часть которых мы даже не осознаем. Помимо физиологического аппарата, существует энергообменная сеть, дифференцирующая взаимодействие больших эманации и малых эманации кокона, а в основе всего лежит Единое Поле – природа, связывающая все органические и неорганические формации универсальным потоком Силы, присутствующим в нас как аморфная и бессознательная чувствительность.

Этот океан сигналов, который может быть собран и превращен тоналем в восприятие, обнаруживает свое присутствие во время подлинного не-делания. Наша задача – так перестроить внимание в этот момент, чтобы получить альтернативную перцептивно-энергетическую модель, согласованную и прагматически эффективную. Альтернативная модель и есть *второе внимание* толтекских магов.

Пытаясь решить эту особую задачу, мы сталкиваемся с двумя препятствиями – чрезмерной активностью привычных схем, что принято называть «ригидностью тоналя», и склонностью не-делания переходить в тривиальное забытье. Почему это так, мы рассмотрим в другой главе.

Если говорить о погружении в сновидение, то мы находим необходимое равновесие между состоянием привычного делания и забытьём благодаря совокупности подготовительных приемов, направленных на интенсивность осознания. Это парадоксальная активность, которая возникает благодаря расширению поля внимания.

Распространено мнение, что созерцание (а не-делание является практикой «созерцательного» типа), хоть и может на какое-то время расширить перцептивное поле, в конечном счете приводит к пассивности сознания, невозможности действовать и, наконец, забвению.

Действительно, медитаторы, применяющие традиционные техники созерцания, то и дело сталкиваются с замиранием психической активности, переходящим в глубокий сон без сновидений. Толтекские приемы позволяют избежать этой пассивности. Если традиционное созерцание делает сознание «плоским», то сталкеровский навык выслеживания большого количества внутренних и внешних сигналов приводит к обратному эффекту – своеобразной «объемности».

Перцептивное поле расширяется как *наружу*, так и *внутрь*. В результате рефлексия обретает новое измерение, возрастает на порядок – в виде *осознания осознания*, или *внимания внимания*. Ведь суть сознания (саморефлексии) и есть восприятие самого себя. Мы же как бы поднимаемся на ступеньку и формируем *восприятие восприятия самого себя*. Таким образом устраняется опасность «поглощенности» сознания воспринимаемым материалом, то есть самозабвения, которое прямо противоположно цели нагуалистской практики.

Психотехнологические эксперименты показывают, что расширение поля внимания действует тонизирующе, повышает скорость реакций и эффективность любого действия[8]. Целенаправленную работу с собственным вниманием ошибочно отождествляют с чем-то вроде «пассивной медитации» – состоянием, в котором невозможно действовать, двигаться, принимать решения и т. д. Хотя заблуждение это очевидно – широко известны приемы, например, буддистской или даосской психотехники, включающие в себя так называемую «активную медитацию», которая не просто связана с действиями и движением, но и определяет высшую степень эффективности искусства восточных единоборств, где требуется гиперреактивность и максимальная подвижность тела и ума.

Вхождение в сновидение через семантический вакуум

Коснемся одного момента, который проясняет фундаментальное качество внимания, транспортирующего осознание в сновидение (либо, наоборот, сновидение в осознание, в зависимости от того, из какой точки мысленно наблюдать процесс).

Это – переходная фаза, чаще всего кратковременная, иногда – более длительная, но в любом случае обязательная. Ее можно назвать «местом без значений и смыслов», либо, как писал В. Налимов, «семантическим вакуумом»[9]. Концепция Налимова в особенности хороша тем, что подчеркивает креативность этого типа «вакуума», его потенциальности, – то, что и порождает семантические (а по сути, перцептивные) миры, которые в нашем случае оказываются «мирами сновидения» либо «мирами второго внимания».

Семантический вакуум – состояние, являющееся результатом многочисленных и разнообразных не-деланий, начиная с остановки внутреннего диалога и заканчивая наиболее экзотическими играми с восприятием либо смысловой/оценочной конфигурацией тонального реагирования. Поэтому справедливым выводом оказывается практическое предписание нагуализма, которое можно свести к

формуле «Чем больше вы занимаетесь не-деланием наяву, тем больше развиваете свои способности к толтекскому сновидению».

Именно – *толтекскому*, ибо «люцидные (осознанные)» сновидения в духе Лабержа как раз не предъявляют серьезных требований к подобной практике. Возможно, по этой причине их главный и основной результат – сновидческое галлюцинирование, в лучшем случае имеющее смысл как своеобразный психотерапевтический метод. Ограничиваясь простой активизацией внимания и памяти при переживании люцидного сновидения, мы получаем лишь иллюзию участия в пространстве образов, созданных замкнутым на себе тоналем, и некоторую способность корректировать содержания бессознательного через перцептивное конструирование. Наше самозабвение получает дополнительную площадь, на которой реализует себя уже не только наяву, но и в состоянии сна со сновидениями. Когда поток творимых образов иссякает (а это случается рано или поздно), качество переживаний в люцидном сновидении снижается – сны бледнеют, становится очевидным неудовлетворительно узкий диапазон сюжетов, они повторяются и все более напоминают «театр теней», где весь образный материал явно сотворен сновидцем, где он сам – актеры, реквизит, декорации и режиссер.

Чтобы избежать такого развития событий, надо учитывать, что одного лишь пробуждения внимания во сне недостаточно, что «конструкторское рвение» перцептивного аппарата черпает энергию, да и сам сенсорный материал из семантического вакуума. Может возникнуть вопрос – почему это «место без значений и смыслов» ведет к такой продуктивности и, видимо, позволяет включить в осознанное сновидение внешнюю энергетическую Реальность? Ведь, на первый взгляд, вакуум не содержит ничего, кроме самого себя, – то есть пустоты, и должен парализовывать восприятие, лишать внимание стимулов к дальнейшему движению.

На самом деле ответ прост. Семантический вакуум снимает смыслы и границы, делает равнозначными внутренние и внешние поля, устраняет категории и различения, опираясь на которые внимание выстраивает системы предпочтений, определяющих характер и объект перцептивной активности. В результате бессознательное теряет присущую ему привлекательность, а внимание, поддерживающее осознанность, свободно «рассматривает» *все сигналы*, доступные опыту. И тут мы сталкиваемся с парадоксом – неразличение, вызванное не-деланием всех и всяческих смыслов, дает сновидцу шанс сравнить характеристики внешних и внутренних полей, т. е. как бы вновь вступить в зону различий. Пережитое состояние семантического вакуума отвлекает нас от исключительно внутренних сюжетов, созданных бессознательным с целью обыграть тот или иной конфликт, разрядить эмоциональные и ментальные напряжения, накопившиеся наяву. Прямо здесь мы открываем пространство, где «дует ветер снаружи», и узнаём, что наш воспринимающий аппарат обращается с ним чуть-чуть иначе, чем с проекциями БСЗ, имитирующими внешние сигналы.

Это не значит, что внутренняя продукция тут же оставляет нас, уходит в тень, – так было бы слишком просто. Однако привычная самопогруженность сновидящего ощутимо слабеет и при известной настойчивости последовательно расширяет его контакты с Реальностью.

Опыт семантического вакуума расшатывает структуру и размывает границы стандартных сновидческих переживаний. Чем лучше мы познакомились с этим состоянием наяву, тем больше неожиданных последствий оно вызывает в сновидении. Иногда внимание, обогащенное опытом «пустоты», приводит нас в самую настоящую пустоту сновидения – мы имеем активное внимание, ясную осознанность, но ни одного образа, ни одного сюжета, и, соответственно, теряем всякую способность совершать действия (хоть галлюцинаторные, хоть реальные). Сновидящего подобная ситуация разочаровывает, ибо потенции его восприятия, разбуженного с таким трудом, не находят себе применения в этом безвидном и бескачественном поле. Как-то «глупо» провести половину ночи в месте, где ничего не происходит, где нет никаких содержаний, отдельностей, а лишь невербализуемое чувство единства, о котором тональ вспоминает в чувственных категориях как о чем-то вроде «прохлады» и «неясного света».

На самом деле разочарование здесь неуместно, поскольку это весьма ценный опыт – он знакомит нас с той позицией, откуда начинается подлинное толтекское сновидение.

Перцептивное не-делание

Для сновидящего, помимо остановки внутреннего диалога, важнейшим средством достижения семантического вакуума является *перцептивное не-делание*. Если практика безупречности и сталкинга сосредоточена на не-делании ментальном, эмоциональном, не-делании автоматизмов и реагирования и иных привычек, то не-делание сновидящего, в основном, посвящено восприятию. (Это не значит, что не-деланиями сталкера можно пренебрегать. Об их особом значении см. предыдущую работу «Человек неведомый».)

Наша перцептивная активность, на первый взгляд, довольно разнообразна. Мы разделяем явления и вещи, размещаем их в пространстве, наделяем многообразными качествами. Мы создаем среду для их взаимодействий (пространство) и среду для их процессуальности, причинности (время). Вышеперечисленное – это «делания», общие для всех представителей человеческого вида. Таким образом, речь пойдет об особой работе с восприятием.

Необходимо иметь в виду, что нагуалистская теория восприятия отличается от той, что доминирует в естествознании. Фундаментальная причина этих различий – не столько в деталях психо – и нейрофизиологии перцептивных механизмов, сколько в отношении к внешней Реальности. Здесь не место погружаться в детальный сравнительный анализ, но некоторые моменты отметить следует.

Так, в классической психологии и физиологии перцепции оперируют термином «константность восприятия» и опираются на него как на сформированное эволюцией соответствие между данным человеку опытом и средой, которая обладает некими «объективными» свойствами. Этим соответствием (а его, разумеется, верифицирует эмпирический опыт) объясняется, в частности, почему изображения на сетчатке, имеющие разные угловые величины, вызывают восприятие, в котором размеры объектов оцениваются как одинаковые. То же самое происходит, когда объект удаляется или приближается (в известных пределах) – очевидно, что размеры его изображения на сетчатке, соответственно, уменьшаются или увеличиваются, но мы по-прежнему «знаем», что размер воспринимаемого предмета неизменен. Схожие процессы можно наблюдать, исследуя все остальные параметры зрительного восприятия.

Нейрофизиология в большинстве случаев ищет нейронные механизмы, обеспечивающие данную «константность». Ее открытия порой убедительны, порой – оставляют повод для сомнений. Причем убедительность нейрофизиологических интерпретаций уменьшается пропорционально возрастанию сложности исследуемых перцептивных механизмов. Пока ученые рассматривают элементарные акты («кирпичики») перцепции – например, цветоразличение, иллюзии движения, влияние контраста на восприятие формы и яркости объекта и т. п., возбуждения и торможения, электрохимию рецепторов и трансмиттеров, динамику нейронных комплексов, – все это кажется удовлетворительным объяснением.

Но ведь, строго говоря, здесь еще нет полноценного восприятия. Ведь мы живем в «картине мира», а это – область высокой интеграции сенсорных сигналов. Именно здесь, в целостном перцептивном объеме, физиология начинает подозрительным образом уступать психосемантике, комплексу выученных символов с их значениями, смыслами, валентностью. *Социальное побеждает физиологическое*. Конечно, не во всем и не всегда – но и этого достаточно, чтобы характер энергетических (физических, биологических, полевых) связей наблюдателя и наблюдаемой системы (внешнего Мира) получил качество, которым не обладает ни одно живое существо, кроме человека.

Мы воспринимаем мир *как семантический космос*, и все наши энергетические действия (за исключением самых примитивных) сильно детерминированы этим фактом.

Методы перцептивного не-делания

Практика перцептивного не-делания – уникальный инструмент произвольного выхода из семантического космоса, что, по сути, означает выход из мира первого внимания.

Не-делание сновидящего – это соприкосновение с *реальными* сенсорными сигналами вне схем, моделей и матриц. Это своеобразные «созерцания», которые сновидцу полезно совершать за 1-2 часа до погружения в сон. (В отдельных случаях эффективно исполнять не-делания непосредственно перед засыпанием, но надо иметь в виду, что упражнение часто вызывает тонизирующий эффект, возбуждает ЦНС, может усиливать сердцебиение и, соответственно, вызывать бессонницу.)

Хочу сразу предупредить, что сновидящему следует избегать имагинативного преодоления перцептивных деланий. Мы не моделируем дополнительные образы и – тем более – всячески препятствуем формированию самодельных чувств и эмоций. Помимо подразумеваемого стремления к необусловленному восприятию Реальности, такое отношение вызвано тем обстоятельством, которое уже упоминалось во введении, – сверхвысокой чувствительностью внимания сновидения к аутогенной продукции. Разве наша цель – в осознанном сне блуждать среди призраков, построенных нами наяву? Ни в коем случае – мы хотим поймать отблеск Реальности. Вот почему все эти «визуализации», имагинации следует оставить в покое. Пусть любители аутотренинга воображают «желтые розы», «красные яблоки» или светящиеся шары.

Прежде всего, практик должен *обратить внимание* на «фон» – на ту область воспринимаемого, которая ничем не замечательна и, соответственно, по законам тонального описания не должна попадать в фокус нашего внимания. (Вспомните: не-делание – это работа с *вниманием!*) Но сделать это не так просто, как кажется. Обычно мы следуем перцептивному шаблону даже в ситуации искусственной привлеченности к «фону» – по причине высокой ригидности описания и схем распределения внимания. Поэтому не всегда понятно, как выяснить, следуете вы «шаблону» делания или ушли от него.

Приведу простой пример. Допустим, вы никогда раньше не обращали внимание на то, какую причудливую форму образуют блики на поверхности вазы, стоящей где-нибудь в углу. Будет ли не-деланием созерцание этих прежде не замечаемых бликов? Совсем необязательно. Если у вас в голове не исчезает символ «вазы» и понятие «блики», то в лучшем случае ваше созерцание будет подобно йогической *тратаке* (концентрации взгляда на выбранной точке зрительного поля).

Фокус не-делания заключается в том, чтобы «забыть», какой объект мы созерцаем. Что он означает? Где тут «ваза» и где «блики»? Ведь на самом деле перед нами просто совокупность светлых и темных пятен и точек, спроецированных на сетчатку глаза. У этих пятен нет значения, нет семантики, пока мы не включим опознавательный механизм тоналя. Любой успешный акт не-делания приближает нас к загадочному «семантическому вакууму» на расстояние вытянутой руки.

Опытные практики, уловив суть упражнения, вообще не нуждаются в каких-то «объектах» периферийного поля внимания или специальных условиях. Иначе и быть не может! Разве нуждаемся мы в особых условиях или объектах восприятия для *делания*, которым занимаемся непрерывно? Тогда почему вокруг не-делания столько шума?

Тем не менее искусство не-делания хранит в себе массу секретов и тонкостей. Часть из них открывается в результате многолетней тренировки каждому практику, кое-что – только талантливым сновидцам и сталкерам, которым удалось «сплести» первое внимание и внимание сновидения в крайне странный, многомерный конгломерат.

Образцы простейших перцептивных игр с паттернами «фигура-фон» и их вариантами приводятся даже в студенческих учебниках по психологии восприятия. «Куб Неккера» и картинки, в которых, в зависимости от распределения внимания, можно найти совершенно различные содержания, – давно не удивляют и, тем более, не вызывают специфического состояния не-делания. Они хороши лишь в качестве иллюстраций для начинающих.

Почему это так, понять несложно. Ну, во-первых, это «всего лишь» рисунки, а наш тональ давным-давно усвоил, что условная информация именно в силу своей условности не требует непременного изменения режима восприятия. Во-вторых, эти фигуры и образы не вовлекаются в данный нам целостный перцептивный объем. Они не взаимодействуют с полем опыта, будучи исключенными из него и обрамленными полями страницы.

Не-делание как метод растождествления с «описанием мира» начинает работать лишь в том случае, когда в качестве основной точки приложения «не-делающей» силы используется элемент, по-настоящему Погруженный в картину опыта (допустим, визуального). Более того, интересующие нас эффекты возникают по мере того, как изначальный элемент картины, подвергаемый не-деланию, начинает вовлекать в свое поле окружающее пространство.

Помните пример с вазой? Если практик вошел в правильное состояние и продолжает его развивать, то «лавина» не-делания поглощает вазу, потом – стол, на котором она стоит, окно, из которого льется свет,

создавший те самые «блики». И так происходит, пока не будет исчерпана центральная область зрительного поля. Дальше – периферия, которая и без особых упражнений пребывает в состоянии крайне низкой «сделанности».

Когда центр и периферия сливаются, вся наша энергетика (психическая, нейрофизиологическая, соматическая) перестраивается. Энергообменные процессы во многом теряют свою определенность, локальность, все смещается, многие организованности превращаются в однородность, система координат тоналя настолько отодвигается, что держится лишь неуверенным воспоминанием. Возросший тонус на фоне высшей степени перцептивной неопределенности может заставить нас легко вообразить себя чем-то вроде шаровой молнии – свободной и насыщенной энергией сферой.

В этот момент смещение точки сборки случается естественным образом, если вам знакомо это намерение и вы знаете, на что именно направить «не-делающее» внимание. Однако хочу сразу сказать: как только точка сборки сместится и зафиксируется в новой позиции, практик выйдет из состояния не-делания. Ибо в новой позиции наше тело должно адаптироваться, а единственная приемлемая для тоналя адаптация к среде осуществляется при помощи *делания*.

Сновидение – это пространство перцептивного делания. Даже неосознанное и смутное, черно-белое и сумбурное, оно становится доступным нашему сознанию и памяти, потому что опирается на «делающее» усилие.

Не-делание же – то состояние, которое в абсолютном своем проявлении *прекращает* память, внутренний диалог, самосознание. Его функция – смещать точку сборки за счет избавления от привычных организованностей и связей, за счет образования дистанции между активным вниманием и данным ему сенсорным материалом.

Разумеется, практику необходимо сначала попасть с пространство сновидения, сделать его осознанным, и усилить (преобразовать) свое сновидческое восприятие так, чтобы перейти из внимания сновидения во второе внимание.

В соответствии с существующими модальностями восприятия, неделание (как и делание) может быть *визуальным, аудиальным, кинестетическим, проприоцептивным* и *смешанным*. (Я не включаю в этот ряд вкус и обоняние просто потому, что их семантика слаба и аморфна, делание и не-делание здесь играет минимальную роль.)

Визуальное не-делание осуществляется проще всего. Это связано с исключительной плотностью информационного потока, получаемого человеком через зрение, высокой степенью его дискретности и множеством качественных и иных характеристик, образующих богатое поле «сделанных» связей между ними.

Если говорить обобщенно, визуальное не-делание пользуется двумя приемами («зацепками» для внимания): а) *слиянием* дискретных элементов, б) нестандартным *разделением* их. И первое, и второе может выражать себя в великом множестве вариаций. Следует иметь в виду, что по отдельности эти приемы недостаточно эффективны: ими надо пользоваться либо поочередно, либо одновременно. «Слияние» дискретов воспринимаемого поля в чистом виде ведет к пассивизации тоналя и на фоне хорошего бодрствующего тонуса вызывает нирваноподобное состояние – погруженность в бессмысленное созерцание. Достаточно небольшого утомления, и созерцатель легко соскальзывает в привычное забвение, мало чем отличное от самонавеянного сна.

Наоборот, нестандартное разделение пучков сенсорных сигналов провоцирует тональное творчество и может перейти из не-делания в галлюциноз. Такие переживания забавны и увлекательны, но в конечном счете они тоже погружают созерцателя в забвение – только активное, подобное привычному забвению обыкновенного человека, отождествленного с рабочим описанием мира, в котором живет социум.

Сновидящий нуждается в третьем типе не-делания, где слияние и разделение работают совместно. Рассмотрим самые простые процедуры, на которых основывается визуальное не-делание.

1. «*Плоскость*». Как известно, сетчатка человеческого глаза является внутренней поверхностью дна глазного яблока. Иными словами, это – плоскость (если игнорировать ее нормальную кривизну). Не

надо быть физиологом, чтобы понять очевидное – любая картинка проецируется на эту условную «плоскость», и только специальное «делание» превращает плоское изображение в объемное. Где именно возникает объем, физиолог не знает, а нейрологические и психологические модели до сих пор остаются гипотезами.

Это «делание» гораздо сложнее, чем может показаться. Это отнюдь не только и не столько оптический эффект, вызванный совмещением изображений, поступающих из двух глаз одновременно. И в этом легко убедиться. Попробуйте закрыть один глаз – визуальное поле не утратит объемность, как следовало ожидать. Лишь в непривычных («не-узнаваемых») ситуациях одноглазый человек совершает ошибки, оценивая пространственную перспективу. «Объем» видимого создается сложным взаимодействием гештальтов и интерпретацией этих взаимодействий. Это и есть *делание*.

Попробуйте восстановить реальную плоскость воображаемого зрительного объема. Используйте любую пару предметов, поставив их на разное расстояние от глаз. Один – близко, другой – далеко. И уберите «перспективу». Как правило, экспериментатор почти мгновенно сталкивается с внутренним сопротивлением неясной природы. Следуя стереотипу, он пытается напрягать зрение, разводить (сводить) глазные оси, щурится или, наоборот, раскрывает глаза как можно шире. Но все безуспешно: далекое остается далеким, близкое – близким. И только перешагнув через некоторый барьер, испытатель одним скачком вдруг попадает в «плоское место».

Забавно, что мы далеко не всегда понимаем, *почему* упражнение удалось. Ведь процессу *не-делания* нет места в инвентаризационном списке тоналя (процессу *делания* тоже, он сливается с продуктом делания и сам по себе не осознается). Что же случилось? Мы на мгновение «забыли» семантику созерцаемых объектов (ваза, часы, лампа, чашка и т. д.), а вместе с семантикой объекта утратили смысл его границы, разделившие объект и фон, расстояние и т. д. Удивительная, хоть и очевидная вещь! Пространство, перспектива существует *вместе* со значением воспринимаемого предмета (явления, процесса). Психология давно зафиксировала эту любопытную закономерность: ошибки в восприятии перспективы (в оценке расстояния) чаще всего происходят именно тогда, когда мы неверно идентифицируем наблюдаемый объект. Достаточно принять круглый фонарь за луну, и ваше восприятие мгновенно «помещает» его на небосвод, т. е. удаляет на огромное расстояние от наблюдателя. И наоборот – если вы вдруг решили, что луна – это фонарь, источник света чудесным образом приближается.

Как видите, *не-делание* (как и *делание*) – интегральное явление. Крайне трудно не-делать только избранный аспект описания мира (расстояние, цвет, форму, яркость и т. д.). Согласованность тональных интерпретаций всегда стремится исчерпать все поле опыта. Вот почему любое не-делание ведет практика к переживанию семантического вакуума – чаще всего, локальным образом, в малых объемах и фрагментах опыта, но этого достаточно для проникновения осознания в Реальность.

О механизме этого процесса можно рассуждать долго и подробно, но в данном случае важно лишь одно – навык дистанцирования от семантики восприятия становится частью опыта осознания и переносится вместе с ним в сновидение, где 99 % организованной перцепции – чистое «делание», опирающееся на собственные мысли, воспоминания, мечты, желания и фантазию. Задача сновидящего нагуалиста – разоблачить эти 99 % и вплотную заняться «остатком». Если вы никогда не переживали наяву опыт семантического вакуума, этого никогда не добиться.

2. «*Перспектива*». Операциональный смысл этой процедуры не-делания прямо противоположен предыдущему. Здесь наблюдатель создает объем там, где его тональ привычно *делает* плоскость.

Сразу заметьте, что это упражнение не имеет ничего общего со стереоскопическими иллюзиями, которые возникают при созерцании двух картинок, совмещенных с помощью оптического прибора или сведения глазных осей. В популярных книгах по зрительному восприятию можно найти иллюстрации с подобными изображениями (две разноцветные фигуры – кружки, квадраты и т. п., два образа, отличающиеся друг от друга углом проекции и т. д.). Если свести или развести глаза, можно наложить рисунки друг на друга, в результате чего возникает эффект глубины, перспективы, объема.

Хотя этот эффект демонстрирует нам психофизиологический механизм восприятия объема (важный аспект тонального делания), сам по себе он не представляет психотехнической ценности. Его сущность – *провокация рефлекса*, а перцептивное не-делание всегда есть результат *преодоление рефлекса*. Подлинное не-делание осуществляется при помощи одного-единственного инструмента – внимания.

Этот инструмент должен проявить свою силу *в противостоянии* автоматическим паттернам и гештальтам, навязчивым шаблонам, прилагаемым к данному нам материалу восприятия.

Лучше всего работать с сенсорными сигналами, которые тональ не рассматривает как условность, не с картиной или фотографией, а с объектами, чья семантика неоспорима. Замечательный пример такого объекта – *тени*. Недаром именно их использует дон Хуан, обучая Карлоса процедуре не-делания. Тени – безусловно плоские фигуры, но при этом их отбрасывают объемные тела, и в этом уже заключен неявный семантический парадокс для тоналя. Кроме того, тени не имеют самостоятельного смысла, пребывают на периферии описания и в нормальной ситуации никогда не становятся предметом исследующего внимания для воспринимающего аппарата. Таким образом, созерцание теней вызывает целый комплекс когнитивных диссонансов, что усиливает эффективность не-делания.

Но есть и другие объекты, вполне подходящие для этой работы. Трещины на поверхности скалы, естественные узоры, блики и пятна на плоскости, – словом, любые неоднородности, которые автоматически воспринимаются как нечто, по природе своей не имеющее объема.

Если практик уже имеет опыт перцептивного не-делания, он может использовать даже условные изображения – картину, фотографию и т. п. Вообще, когда навык сформирован, зацепкой для не-делающего усилия становится любой пучок сенсорных сигналов.

Допустим, вы выбираете для созерцания трещину в стене. Вы знаете, что трещина неразрывно связана со стеной, что это деталь предъявленного восприятию объекта. Это знание заставляет вас видеть ее так, как положено по законам описания. Однако, если вы забудете, что трещина – это трещина, на какой-то миг она превратится в перцептивную неопределенность.

Удивительно, как много черт и аспектов открывает воспринимать в простой трещине, когда замечает паузу в потоке интерпретации! Интересно, что искусство не-делания даже не требует специально создавать эту паузу. Помните, как работает внимание? Оно пульсирует – каждые несколько секунд останавливается, что повторить сборку. Этот момент и есть лазейка для не-делания. Здесь мы всегда имеем поле выбора: собрать восприятие, опираясь на имеющийся образец, или пересобрать по-новому. Таким образом, задача не-делания сводится к тому, чтобы *выследить* это мгновение и сосредоточиться на каком-то из аспектов воспринимаемого, автоматически рассматриваемых тоналем в качестве неважных, второстепенных.

Чтобы не-делание не переросло в моделирование самовнушенных иллюзий, практик должен избегать любых предварительных заготовок. Это распространенная ошибка. Например, сновидящий бросает взгляд на узор из теней или какое-нибудь пятно и говорит себе: «О! Это похоже на... (человеческое лицо, уходящую вдаль дорогу, лошадь, самолет, змею и т. д. и т. п.)!» После чего созерцатель изо всех сил пытается удержать почудившийся образ, сделать его более выпуклым, высмотреть в нем новые детали. Если моделирующее восприятие приводит практикующего на грань галлюцинации, он считает, что добился успеха в не-делании.

На самом деле подобные развлечения никак нельзя назвать не-деланием. Любое воображение, опирающееся на идею, ведет нас в царство делания, где концепт опять побеждает реальность. Практик может возразить, сославшись на то, что моделирование образов в любом случае постоянно сопровождает эту перцептивную технику. Действительно, стоит сосредоточиться на паузе интерпретаций, и через несколько секунд мы получаем пересобранный пучок, являющийся для тоналя альтернативным *образом*. Трещина превращается в «дорогу, уходящую в даль», тени – в «арку» или «ворота», и т. д. Ведь именно благодаря таким превращениям плоские формы и обретают глубину, перспективу.

Отличие не-делания от моделирующего воображения заключается в *спонтанности*. Дело в том, что настоящее не-делание есть *забвение* данного нам описания мира. Добившись такого забвения, мы попадаем в сферу неожиданного и неожидаемого; новый вариант сборки – это открытие, которое всегда изумляет, всегда провоцирует кратковременный перцептивный шок: «А *я к не догадывался*, что тени могут так выглядеть!» Подобный переворот осознания – свидетельство того, что какое-то время перцептивный аппарат пребывал в состоянии настоящего неделания и поэтому перешел к тому типу образной продукции, который в нормальном состоянии вообще не используется.

Аудиальное и кинестетическое не-делание

Несмотря на то что перцептивный мир кажется нам, в первую очередь, царством визуальности, слух и осязание, пребывая как бы на периферии, имеют немаловажное значение для качества сборки первого внимания. Дело в том, что полнота сборки подразумевает *согласованность* в работе сенсорных каналов. Описание мира, созданное и зафиксированное человеческим тоналем, включает в свод своих правил совокупность узаконенных отношений между зрением и слухом, зрением и осязанием.

Сновидящий может использовать аудиальную и кинестетическую сенсорику для не-деланий как минимум в трех направлениях:

(а) Нарушение связи между каналами.

(б) Не-делание сборки сигналов внутри модальности.

(в) Синестезии.

Первое направление требует длительных усилий. Оно требует масштабных изменений чувствительности для создания необходимого уровня перцептивного диссонанса. Зато достижение эффекта на этом пути в большинстве случаев автоматически ведет к сдвигу точки сборки и переходу в иной режим восприятия.

Иллюстрацией этому служат опыты с психоактивными веществами и анестетиками. Эти агенты механически моделируют диссоциацию сенсорного материала. Утрата чувства тела либо значительное его ослабление, перевозбуждение слухового канала или перемещение его фокуса – все это, вступая в разногласие с данными зрительной перцепции, довольно быстро заставляет тональ собрать другой мир чувственного опыта. Зрение перестраивается в ответ на диссоциацию с остальными каналами. Поэтому в большинстве психоделических сеансов изменения перцепции начинаются в кинестетической и аудиальной сфере, видения – это уже поздняя фаза галлюциноза.

То же самое имеет место в ситуации «сонного паралича». Любопытно, что это парадоксальное состояние, которое в опыте обычных людей встречается относительно редко, на некоторых этапах психотехнологической практики может превратиться в регулярный эпизод ночной жизни. Психология и психофизиология испытывают затруднения в понимании сути и механизма «сонного паралича». Почему человек иногда просыпается и не может шевельнуться, так как вообще не чувствует своего тела? Почему это состояние приводит к видениям, которые совсем не кажутся сном, а больше напоминают удивительно яркие галлюцинации и даже отождествляются с реальностью?

Это эффект спонтанного не-делания, возникшего в результате рассогласования перцептивных каналов. Сборка первого внимания, вызванная внезапным пробуждением среди ночи, по каким-то причинам не завершилась. Кинестетический (а иногда и аудиальный) канал не опознается тоналем и поэтому отсутствует в описании вообще. Диссонанс такого масштаба понимается тоналем как приказ сместить точку сборки, чтобы найти ту позицию, где согласованность каналов будет восстановлена. Все последующие видения и переживания – результат многочисленных сдвигов точки сборки в попытках навести перцептивный порядок.

То же самое иногда происходит под наркозом, от больших доз наркотических анальгетиков или диссоциативных анестетиков.

Если сильно постараться, можно проделать это, не обращаясь к препаратам. Релаксация, дыхание, аутотренинг, медитативные сосредоточения на кинестетике и на слухе – все эти давно известные приемы рано или поздно приводят нас к рассогласованию сенсорных каналов.

Более простым и потому подходящим для повседневной работы является не-делание сборки сигналов *внутри* кинестетической или аудиальной модальности.

Если при работе со зрением мы используем «плоскость» и «перспективу», то в работе со слухом специфика сигналов вынуждает нас обращаться к «звуку» и «тишине». Аудиальный мир структурирован также по *громкости* и *значимости* сигнала. Чтобы обратиться к не-деланию слуха, надо вспомнить, что каждый из этих параметров занимает свое место в восприятии только потому, что мы привыкли определенным образом распределять аудиальное внимание.

Попробуйте, например, перестроить противоположным образом свое отношение к звуку и тишине. Для тоналя тишина – это фон, звук – это фигура на фоне. Но мы можем использовать дар произвольного внимания и превратить звук в фон, а тишину сделать фигурой, структурой, значимым *содержанием*. Тогда возникнет непривычное переживание, напоминающее то, что испытывает практик, впервые восприняв тени в качестве самостоятельных объектов. Тишина становится *осмысленной*. Она выходит на первый план, и изумленный тональ замирает.

Громкость и значение слухового сигнала можно подвергнуть операции подобного типа. Тихое выделить как главное, а громкое – убрать на второй план. Человеческую речь можно слушать так, как мы слушаем шум ветра, а в шуме ветра найти неоднородности и строить из этих неоднородностей замысловатые структуры.

Для кинестетической сферы этот принцип работает, с одной стороны, как игра с наличием и отсутствием осязательных впечатлений, с другой – как игра со схемой тела. Например, мы можем взять любой участок поля, где кинестетическая перцепция отсутствует, и сделать его объектом сосредоточенного кинестетического внимания. Самые известные примеры такого не-делания – концентрация на избранных областях энергетического тела, где кинестетика не собирается просто потому, что согласно описанию там «ничего нет», – точка перед грудью, область над макушкой головы, за спиной, перед животом и т. д.

Со схемой тела работать сложнее. Ведь это довольно жесткая структура, шаблон, в который втиснуты все кинестетические данные, привычно собираемые нами в режиме первого внимания. Это структура, где сигналы распределены и по интенсивности, и согласно их локализации, и – что самое важное – в соответствии с *образом собственного тела*, которого мы придерживаемся.

Единственный способ не-делания схемы тела (помимо глубокой релаксации и сенсорной депривации) – это отказ от неявно присутствующей семантики кинестетического ощущения. Попробуйте почувствовать себя как поле, не имеющее формы. Пусть ощущения утратят пространственные координаты – ведь координаты, по сути, определяют *значение* кинестетического сигнала. Спроецируйте всё на условную *плоскость*, где нет ни головы, рук и ног, живота и спины.

Это задача на устранение пространственного воображения, располагающего осязательные импульсы по существующей в вашем сознании фигуре, – задача настолько необычная, что в случае успеха вызывает сдвиг точки сборки почти мгновенно.

Синестезии – третье направление кинестетических и аудиальных не-деланий – возникают даже без специального намерения. Любое упражнение по не-деланию спустя какое-то время порождает всплески синестетических резонансов. Звук вызывает вибрации или электрические разряды в теле, осязание вдруг превращает в гул или свист, кинестетические и аудиальные сигналы порождают вспышки света или цветовые пятна. Не-делание – это восприятие синестезий не как отклонений от правильной интерпретации внешних впечатлений, а как полноценных перцептивных пучков, отражающий *подлинную объемность реального мира*. Такой подход значительно обогащает наш опыт. Мы глубинным образом постигаем, что модальности восприятия – это только условность, что на самом деле всё во внешнем поле одновременно видится, слышится и осязается. Исчезновение тональных границ между сенсорными каналами подготавливает исследователя к *видению* – перцептивно-энергетическому режиму, где во взаимодействие с внешним полем вовлечена вся наша целостность.

Перечисленные психотехники вызывают множество эффектов, ускоряющих трансформативный процесс в энергетическом теле. Скажу лишь о некоторых из них.

Так, на пике не-делания пучков внешних сенсорных сигналов мы открываем глубинную взаимосвязанность организованного, «делающего» восприятия окружающей среды и функционирования значительного объема нервных и соматических функций. Как правило, явственно снижается

чувствительность кожного покрова и других тканей, может возникнуть затрудненность в передвижении или непреодолимое оцепенение, снижается кровяное давление. Не говоря уж о сенестопатиях, ложных ощущениях, кратковременной утрате «схемы тела» (даже во время движения – скажем, на ходу) и, конечно, качественном изменении мыслительных процессов.

Мышление становится более образным, оживают и заново формируются ассоциативные связи, выводы и решения чаще удивляют своей нетривиальностью. Можно сказать, что это состояние замечательно тонизирует любой творческий процесс, а потому чаще посещает поэтов, писателей, музыкантов, художников – как правило, спонтанно, хотя целенаправленный тренинг, несомненно, подарил бы творцам дополнительный импульс.

Таким образом, не-делание (даже в том случае, когда оно нацелено только на внешние факты воспринимаемого поля) меняет характер самоосознания и, в итоге, наш статус в «сделанном» мире, наполненном ограничениями. Восприниматель теряет определенность и уверенность, он весьма робко позиционирует себя – обычно, под давлением социальных требований, а не по причине внутренней необходимости. Это «смятение» весьма продуктивно, хотя и пугает поначалу. Прежде всего, оно имеет не умственный, а чувственный характер. Во-вторых, причиной его является не дефицит возможностей, сил, не угнетение или устрашение, а избыток, непривычная многомерность, отсутствие каталога с рубриками, «справочника жизни» для себя как экзистенциального существа. Все это порождает в теле и голове то, что по-английски называется *confusion* (в русском языке точного аналога этому слову нет, т. к. это не просто «смущение, сумятица», но и «рассеянная» переплетенность с обширным полем возможностей, затрудняющая выбор). Поэты и писатели знают, что состояние «до выбора» и есть источник, из которого «непостижимый голос» диктует романы или стихи. Оформление в слово – это осуществленный выбор, но творчество продолжается, пока бурлит энергия «невыбранного» (несделанного).

Ну а в нашем случае не-делание создает энергетические предпосылки для вхождения в сновидение.

Два способа вхождения в сновидение

Итак, множество психотехнических приемов, применяемых для погружения в сновидение, можно разделить на два типа. В предыдущих книгах я назвал их «двумя способами вхождения в сновидение» – *верхним* и *прямым*. Эти названия крайне условны и отражают, прежде всего, тенденцию к характерному смещению точки сборки либо вверх по малым эманациям кокона, либо – через совокупность внутренних полей энергетического тела по центру «человеческой полосы» к фронтальной пластине. В первом случае точка сборки отрывается от кокона через центр макушки, во втором – через один из центров фронтальной пластины (солнечное сплетение, горловой центр, область пупа).

Однако было бы ошибкой полагать, что способ выхода точки сборки из основного кокона напрямую связан с зоной, на которую направлено определенным образом настроенное внимание. Не существует однозначных корреляций между сосредоточением на зоне энергетического тела и тем, как сместится точка сборки. Есть ряд приемов, которые вообще действуют непредсказуемо, вызывая то верхний, то прямой сдвиг. Опыт показывает, что движение произвольного внимания и движение точки сборки связаны более глубоким механизмом, который не всегда поддается пониманию. Сегодня мне известен только один метод, точное исполнение которого наверняка вызывает *прямой сдвиг* точки сборки – о нем пойдет речь в следующей главе. Пока же остановимся на техниках общего характера, а также на тех, что, условно говоря, «выталкивают» точку сборки из макушки головы.

Зоны концентрации

Зонами концентрации я называю области энергетического тела, которые удобно использовать в качестве объектов для делающего или не-делающего внимания, чтобы вызвать сдвиг точки сборки во внимание сновидения и во второе внимание. Вот они:

(1) Макушка головы

(2) Центр черепа

(3) Межбровье

(4) Горловой центр

(5) Солнечное сплетение

(6) Центр пупа

(7) Промежность

(8) Поверхность энергетического тела

Важно понимать, что зоны концентрации не ограничены точкой на поверхности кожи (не говоря уж о том, что есть зоны, целиком расположенные внутри физического тела). Это всегда некий канал внимания, одновременно углубленный в тело и проецируемый наружу. В некоторых случаях вы на практике убедитесь, что эффективнее подниматься над точкой или концентрировать внимание под ней, в тканях или костях. Что же касается целиком внутренних зон концентрации, то, помимо центра черепа, можно использовать а) нижнюю часть желудка, б) область в центре брюшной полости непосредственно на уровне пупа, в) основание шеи (там, где иногда возникает ощущение от глотательных движений).

Надо сказать, что каждая из телесных зон, используемых для концентрации, продуцирует свои побочные эффекты – перцептивные феномены, которые предстают перед практиком не только как видения, но и как силы, сущности, якобы обладающие объективной реальностью. В этом – неизбежный недостаток подобных методов. О природе каждой из явленных «сил» можно многое сказать. Они вполне постижимы, поскольку имеют психофизиологическую основу и опираются на архе-типические содержания бессознательного. Для нас, однако, важно помнить, что «силы» и «сущности», вызванные такими концентрациями, не существуют в Реальности. За редкими исключениями, они являются только трансляцией энергетических форм, порожденных эманациями нашего тела. Их образный материал – архетипы, их сила – наши психические и психосоматические напряжения, так сказать, колебания «малых эманаций».

Эти и другие особенности перечисленных областей вызвали у древних исследователей множество метафизических концепций и мистических идей, связанных с точками тела. Наиболее популярной среди европейцев стала йогическая система «чакр» – энергетических узлов, соединяющих физическое, витальное, ментальное и другие «тела». Перцептивные феномены, связанные с концентрацией на чакрах, привели индийских медитаторов к созданию определенной мифологии, где каждая чакра обладает собственным цветом, видом, звуком (священным слогом) и покровительствующим божеством. Как я уже сказал, ряд описанных индийскими школами явлений действительно имеет место, но объяснение этому лежит в области типичных для человеческого бессознательного интерпретаций возбуждения психоэнергетических полей, соединяющих определенную область тела воспринимателя с потоками и структурами внешнего поля. В процессе практики каждый может убедиться в этом на собственном опыте, если сохранит безупречность и трезвомыслие, характерные для толтекского подхода.

Я не буду подробно описывать все зоны концентрации, потому что во многих случаях практик в этом не нуждается. Регулярные занятия очень быстро обогатят его собственный опыт и многое сделают очевидным. Остановлюсь лишь на некоторых моментах, которые мне кажутся важными.

Активизация зон (1), (2) и (3) практически всегда ведет к *верхнему* типу выхода в сновидение. (Поэтому, собственно говоря, я и назвал его «верхним» – мы имеем довольно ясное чувство, будто фиксация внимания на макушке головы, центре черепа и межбровье непосредственно поднимают точку сборки и там выводят ее за границы кокона.)

Область макушки для меня всегда была предпочтительным проходом в мир сновидения. Точка сборки, насколько мне известно, «тянется» туда, где пребывает ваше внимание в состоянии не-делания и остановки внутреннего диалога. Координаты тоналя в этом состоянии размыты (а на 4-м уровне ОВД полностью разрушены), так что естественно, что наша целостность начинает искать позицию для новой сборки. Зона нетонального, но сосредоточенного внимания (т. е. того типа внимания, который не приводит к *внутреннему диалогу* и *деланию* привычного описания мира) воспринимается телом как

область такой сборки. Точка сборки редко попадает прямо туда, она лишь улавливает активность энергообмена вокруг избранной области, – активность, сходную с той, что имеет место при стандартной сборке пучков эманаций. Вот почему возникает область притяжения. Для сновидящих моей конституции это удобный и эффективный вариант.

Точка сборки оказывается в области с низкой плотностью полей, подвижной, находящейся недалеко от стержневого потока (от Земли вверх), своим импульсом помогающего перцептивному центру выйти за пределы кокона. При этом точка сборки захватывает какую-то часть внутренних эманаций кокона, воспроизводя тот энергообменный каркас, который мы называем *телом сновидения*. Если накоплено достаточно энергии, а внимание хорошо натренировано, то «наружу» выходит значительный объем эманаций. По мере усиления осознания объем и плотность энергетических полей, окружающих движущуюся точку сборки, неминуемо возрастает, что приводит к развитию «тела второго внимания», а в конечном итоге – *дубля*. Это «верхний» путь.

Некоторые сновидящие идут напролом через зону «солнечное сплетение – пупок». Это вариант взрывообразного формирования второго тела. Он в большей степени связан с зонами концентрации (4), (5) и (6). Способ эффективный, но более рискованный – он подобен тому бурному развитию тела сновидения, которое происходит у последователей школы растений силы (где риск еще выше). О нем я буду говорить в следующей главе.

Наконец, зону промежности (7) я бы вообще не рекомендовал сно-видящим в первые годы их практики. Мало того, что она требует сосредоточения иного типа, чем остальные зоны, – работа с промежностью провоцирует сдвиг точки сборки вниз, где удержать неискаженное восприятие весьма трудно. Высокая плотность и интенсивность перцептивно-энергетических полей, которые испытывают постоянные флуктуации, резонируя с масштабными системами, где много Силы, но мало порядка, препятствует продуктивным фиксациям. Только на продвинутых этапах сновидящий интегрирует эти поля по мере уплотнения тела сновидения.

Вернемся к макушке головы, которая, безусловно, является важнейшей зоной концентрации, если практик входит в сновидение при помощи верхнего сдвига точки сборки.

Концентрируясь на этой зоне, лучше всего почувствовать «конус», вершина которого расположена над темечком. Следуя вниманием за воображаемыми линиями, сходящимися в области нашего сосредоточения, мы выполняем делание и не-делание одновременно. Это связано с тем, что паттерн сходящегося пучка (конуса) *действительно* является организованностью, присущей нашему восприятию. Здесь ничего не надо визуализировать. Более того, регулярное не-делание схемы физического тела безо всякого специального намерения демонстрирует практику, что его внимание, собирая сенсорные сигналы, естественным образом конструирует конусообразные формации. Мы просто не замечаем этого, когда заняты автоматическим деланием мира яви. Точно так же мы можем работать с любой зоной концентрации.

На этом фоне релаксация и приостановка внутреннего диалога приподнимают точку сборки, постепенно уводя ее из той области, где возможно восприятие привычного нам мира. Когда включается внимание сновидения, тональ пытается построить образ тела из смещенной позиции. Можно сказать, это зародыш тела сновидения.

Процедуры вхождения в сновидение

Если мы говорим о «верхнем» способе, то все известные мне процедуры повторяют набор обязательных компонентов:

(1) расслабление

(2) ритмическое дыхание

(3) остановка внутреннего диалога

Различие в процедурах начинается на (4) этапе – не-делании. Общие методы тренировки в не-делании приведены в этой главе. С их помощью приобретается опыт наяву. Кроме того, приемы аудиального и кинестетического не-делания сами по себе способны привести в сновидение (визуальный метод исключен по понятной причине, ведь мы входим в сновидение с закрытыми глазами).

Перечисленные выше зоны концентрации также активно используются. Специфика каждой из этих зон обусловливает характер конкретного смещения точки сборки и последующие перцептивные феномены. В большинстве случаев даже использование зон фронтальной пластины (горловой центр, солнечное сплетение, центр пупа) ведут к самопроизвольному выходу точки сборки через верхнюю часть кокона. Вы узнаете о том, что это произошло, благодаря специфическому ощущению «разделения» тел. Восприятие этого процесса не обязано быть однозначным (выход «через макушку»). Сновидец может чувствовать, что его второе тело проворачивается вокруг своей оси внутри физического тела и выходит наружу, может как бы «проваливаться» назад, за спину или проходить вперед – сквозь грудь и живот. Все это – лишь трансляции одного и того же энергетического действия. Сам факт ощущения разделяющихся тел указывает на то, что точка сборки собирает восприятие по «верхнему» шаблону.

Ибо в чем суть верхнего типа сборки? В том, что сенсорный массив собирается, как бы продолжая мир первого внимания. Сновидец осознает себя во внимании сновидения, воспринимает тело сновидения, «выходит» из тела физического и отправляется странствовать.

Прямой сдвиг точки сборки – это перенос осознания в другую позицию вне этой, навязанной первым вниманием, последовательности. В каком-то смысле его трансляция более адекватна. Ведь в Реальности ничто не «отделяется» и не «выходит». Осознание происходит единомоментно, тело сновидения *уже* там, оно не подчиняется пространственным условностям тоналя.

Таким образом, «верхний» и «прямой» типы смещения точки сборки включают *внимание сновидения* немного по-разному, но в обоих случаях проникновение осознания в сновидение происходит через особую переходную фазу. Дон Хуан называл ее «прохождением первых врат сновидения» и об этом состоянии еще будет сказано.

Но сначала надо подробно рассмотреть метод *прямого сдвига* точки сборки. Этот психотехнический прием обладает уникальными свойствами. Он не только приводит к вниманию сновидения, но и ускоряет активизацию энергетического тела, приближая тем самым практика ко второму вниманию.

Прямой сдвиг точки сборки – «прорыв» ко второму телу

Я исчезаю светом и пеной, телом без плоти;
мир – это ветер, это лишь воздух на перелете.

Октавио Пас

В первой книге, рассматривая феноменологию сдвига точки сборки в контексте работ Кастанеды, я приписал смещениям перцептивного центра следующие признаки: а) внезапность начала процесса; б) появление звука – звон, жужжание, вибрация, грохот, рев; в) «люминисценция» воспринимаемого – изменение освещенности в сторону желтоватых или розовых тонов. Настало время уточнить этот момент.

Действительно, все три признака регулярно имеют место, и это может подтвердить любой более-менее опытный практик. Но ситуация далеко не столь однозначна. Если говорить языком топологической метафоры, то совокупность перечисленных эффектов сопровождает лишь *некоторые траектории сдвига точки сборки*. Я бы сказал, что наличие звука и «люминисценции» – показатель, прежде всего, высокой плотности сместившихся психоэнергетических полей, вовлеченности значительного объема ЭТ, а также большой скорости и активности процессов в центральном сегменте кокона.

Есть несколько причин, вызывающих такую траекторию сдвига. Чаще всего это импульсная разрядка накопленного объема энергии – например, когда вы входите в сновидение после длительного перерыва. Начинающий сновидец нередко слышит рев и грохот, видит светящиеся желтым светом пространства, когда впервые «прорывается» сквозь ригидность собственного тоналя. Другая причина – присутствие

неорганического существа, поле которого толкает точку сборки экспериментатора, не считаясь со степенью его готовности к подобным эволюциям. (О роли «сущностей», об их катализирующем воздействии и прочем, будет сказано в третьей части книги.) Наконец, третья причина – насильственная активизация полей при помощи психоактивных агентов (веществ или растений силы).

Регулярная практика сновидящего время от времени вызывает у него смещения точки сборки, которые следует считать вполне удачными, и все же они не сопровождаются звуками и изменением освещенности перцептивного поля. Дело не только в постепенном повышении гибкости (текучести) энергетического тела и снижении фиксации точки сборки в позиции первого внимания. Многое зависит от скорости и характера сборки в процессе перехода из одного режима восприятия в другой, а также от траектории самого сдвига.

Например, сенсорные каналы могут перестраиваться постепенно и не синхронно. Яркий пример несинхронной (несогласованной) перестройки – тот самый «сонный паралич», о котором было упомянуто в предыдущей главе. Конечно, это радикальный случай. Но в более мягком и потому неосознаваемом варианте с чем-то подобным сновидящий сталкивается довольно часто.

Есть множество свидетельств странностей такого рода, и все они связаны с несогласованной или неполной сборкой, остановившейся как бы «на полпути». Неподготовленных практиков, не понимающих механизма происходящего, это даже пугает.

Скажем, *кинестетическое внимание сновидения*. Осуществив процедуру погружения, вы вдруг проваливаетесь (т. е. спонтанно переходите из одного режима перцепции в другой), после чего целиком или частично чувствуете свое *тело сновидения*. В этом состоянии вы можете чувствовать, как двигаете руками, меняете позу, ощупываете окружающие вас предметы, но при этом ничего не видите и не слышите. Академический психолог, сталкиваясь с этим феноменом, настаивает на удобном термине «кинестетические иллюзии». Частично эти импульсы, действительно, иллюзия. Если мы следуем толтекской парадигме и считаем важнейшей характеристикой перцептивного внимания *способность к сборке* сигналов, не так уж важно – иллюзорны сами сигналы или нет. Главное – *внимание сновидения заработало*. Но даже с естественнонаучной точки зрения здесь много загадочного. Ведь сновидец в этом состоянии способен кинестетически (на ощупь) воспринять реальный объект, о существовании которого наяву он *не знает*. То есть моделирование по памяти исключается.

И я лично, и другие экспериментаторы имеют такой опыт. Например, после того, как вы заснули, кто-то положил на тумбочку или на пол возле кровати книгу, поставил часы, стакан с водой и т. п. Разумеется, вы об этом не знаете. Но если включится кинестетическое внимание и вы приметесь вслепую шарить руками, принадлежащими телу сновидения, то сильно удивитесь, наткнувшись на этот предмет, – ведь тут его быть не должно. Заметьте – эта перцептивная сборка именно *сновидческая*. Мы исключаем тот вариант, который бы успокоил ученого-наблюдателя: будто вы во сне на самом деле двигали руками и наткнулись на книгу или стакан с водой. Проверить это очень просто. Достаточно выйти из состояния сновидения и убедиться, что руки вашего «физического» тела неподвижны. Так часто и происходит, потому что удивление прерывает сновидческую сборку и возвращает нас в явь.

В другом случае практик может оказаться в *аудиальном внимании сновидения*. Проверить «реальность» сигналов (которая нас так же мало интересует, как и в случае с кинестетикой) намного сложнее. Тут необходима звукоизоляция, т. е. лабораторные условия. Так что оставим в покое наших скептичных психологов и вопрос о том, где находится источник собранной аудиальной перцепции. Субъективно же это воспринимается следующим образов: вы погружаетесь в сновидение, ничего не видите и не чувствуете, но явственно слышите разговоры, хлопанье дверей, шаги, шуршание и прочие подобные штуки. Если вы быстро вернетесь в мир бодрствования, звуки исчезнут – это и есть единственное возможное в данной ситуации доказательство сновидческого характера сборки.

Еще чаще встречаются смешанные варианты восприятия: *визуально-аудиальное* (это когда сновидец блуждает вокруг своего спящего тела или в каком-то незнакомом месте, видит и слышит окружающий «мир», но полностью лишен осязания как внешнего поля, так и собственного тела), *аудиально-кинестетическое* (чувствует и слышит, но при этом слеп, как крот) и так далее.

Безусловно, все это – сдвиги точки сборки. Они неполноценны, но реальны. Подобные феномены демонстрируют, что сборка в новой позиции – не всегда единомоментный, взрывообразный процесс. Скорее, наоборот: мгновенная сборка по всем каналам в позиции сновидения – явление относительно

редкое. Когда вы регулярно занимаетесь сновидением, процесс перестройки идет последовательно. Сначала возникает зрение, затем осязание и слух, подключается проприоцептивная сфера (внутренние ощущения телесного характера) и, наконец, полноценное отображение тела в пространстве. Иногда все это происходит за три-четыре секунды, и сновидящий даже не успевает заметить данную последовательность.

Такой сдвиг точки сборки (самый типичный и распространенный) *не сопровождается* вибрацией, шумом, резким изменением освещенности. Исключением является «проход» через центр и нижнюю часть фронтальной пластины кокона в том случае, когда перестройка перцепции, начатая обычным порядком, вдруг завершается «скачком». Тональ при этом часто фиксирует звук, напоминающий хлопок в ушах, а за ним все остальные эффекты резкого сдвига точки сборки, уже описанные.

Единственное, что кажется мне по-настоящему важным, – это *внезапность*. Думаю, это универсальный момент, важность которого не связана с каким-то особым энергетизмом процесса, – это, в первую очередь, решающий *параметр диагностики*. Ведь переживание сдвига точки сборки по определению выходит за рамки тонального описания – того самого описания, внутри которого все прогнозируемо и является реализацией наших ожиданий.

Коротко поясню.

Как известно, многие психологи с недоверием относятся к информативной ценности любых самоиндуцированных ИСС по той простой причине, что считают их содержание результатом самовнушения. Так вот, динамика переживаний во время аутотренинга, самогипноза и обусловленной медитации в большинстве случаев показывает, как работает тональ внутри изначально заданного режима перцепции. Сценарий следует жестко заданному алгоритму: обдумывание идеи – формирование установки – моделирование запрограммированного ощущения (восприятия) – усиливающая концентрация – реализация иллюзии. Все звенья этой цепи пребывают внутри описания. Если же психотехника приводит к неожиданностям (незапрограммированным перцепциям), то за счет побочных эффектов, вызванных использованием специфических инструментов (спонтанная ОВД или не-делание).

Типичный пример – техника визуализации. Если вы запрограммировали себя «увидеть» яблоко, цветок, мандалу, многорукого Шиву и т. д., то через некоторое время добьетесь своего. Визуализируемый объект возникает по частям, приобретает интенсивность, цвет, объем далеко не сразу. Это *плавный* процесс. Сам по себе он *не является* сдвигом точки сборки.

Реальный сдвиг ТС – это *разрыв непрерывности* тоналя. Вот почему перцепция в новой позиции всегда неожиданна. Это *внезапность*, или спонтанность. Любой психотехнический метод достигает успеха лишь в том случае, если приводит практика к *внезапному* переживанию. Обратите на это внимание и не превращайте *сновидение* в разновидность визуализации. Сегодня публикуется масса книг, авторы которых убеждают читателя пойти по этому обманчивому пути, называя его чуть ли не «высшей магией». Имейте в виду, всякое конструирование образов и преднамеренная обусловленность перцепции – это вход в царство самодельных иллюзий.

Эта глава посвящена методу так называемого *прямого сдвига точки сборки*. Его главное преимущество заключается в масштабной активизации энергетического тела, что сразу вовлекает сновидящего в значительные полевые взаимодействия с внешней средой.

Если «верхний» метод довольно долго позволяет сновидящему колебаться между вниманием сновидения и вторым вниманием, строить тело сновидения фрагментами, которые достигают высокой стабильности за счет низкой плотности, то прямой сдвиг точки сборки радикален – он сразу переносит нас в пространство интенсивных сигналов и ускоряет формирование тела сновидения во всех отношениях. Важно, что этот метод помогает быстро преодолеть дифференциацию осознания в отношении «второго тела».

Как правило, сновидящие, сознательно или бессознательно пользующиеся «верхним» сдвигом точки сборки, *делают* тело сновидения от головы. Перцептивно-энергетический контроль над телом сновидения сосредоточен там, где тональ привык воспринимать центр осознания («голова»), и там, где максимально реализуется способность к сознательному действию («руки»). По этой причине тело

сновидения может длительное время оставаться в законсервированном состоянии. Это – пассивное тело, воспринимающая единица, не склонная к уплотнению или трансформации.

Чтобы второе тело превратилось в мощную энергетическую формацию, оно должно научиться поглощать энергию из внешних полей (будь то неосознаваемые флуктуации окружающего пространства или миры второго внимания) и там же излучать ее. Поглощая энергию, тело ускоряет собственные трансформационные процессы, излучая – производит «магическую» работу и обретает необходимую самостоятельность. Чтобы добиться этого, тело сновидения должно во втором внимании копировать функции фронтальной пластины основного кокона, где энергообмен разной плотности осуществляется через горловой центр, солнечное сплетение, центр пупа и некоторые другие каналы. *Прямой сдвиг* точки сборки, если он проделан успешно и доведен до конца, выводит в *сновидение* необходимую энергетическую массу второго тела не частями, а *сразу и целиком*.

Предварительные условия, которые необходимы для осуществления прямого сдвига, ничем не отличаются от уже описанных выше. Сновидящий должен произвести максимальную релаксацию тела и сосредоточиться на остановке внутреннего диалога. Идеальным состоянием является сочетание полной расслабленности мышц и тканей, чтобы ослабить или даже остановить восприятие схемы тела, на фоне высокого тонуса сознания, что выражается в бдительности и сосредоточенности внимания.

На продвинутых этапах практики сновидец может добиться этого состояния не только лежа. Если вы способны утратить чувство тела и остановить внутренний диалог, сидя в кресле или устроившись в постели так, чтобы голова и плечи опирались на вертикальную плоскость (например, прислонившись к стене), возникает сильный диссонанс между позой и состоянием осознания. Это помогает поддерживать парадоксальное состояние пассивности и одновременной алертности, чтобы сдвинуть точку сборки.

Обратите внимание на то, что прямой сдвиг ТС не нуждается в специальных сосредоточениях на какой-то зоне концентрации. Если вы привыкли фокусироваться на макушке головы или на межбровье, на поверхности кокона или на фронтальной пластине энергетического тела, здесь надо избавиться от стереотипа, который автоматически влечет за собой смещение точки сборки вверх. Ибо метод прямого сдвига состоит в полном отказе от привычных шаблонов перераспределения внимания и «разделения тел». Он направлен на активизацию неразделенного энергетического поля. В определенной степени подобный эффект сопровождает сновидящего во время «ходьбы Силы». Вы должны знать это специфическое ощущение, потому что оно является наилучшей зацепкой внимания для данной процедуры.

Техника может быть описана поэтапно.

(*1*) *Активность периферийного внимания*.

Вспомните состояние максимального рассредоточения внимания, которое характерно для «ходьбы Силы». В неподвижном состоянии воспроизвести его сложно, так что здесь вы столкнетесь с определенными трудностями. Лежа на спине с закрытыми глазами или сидя – так, как было сказано выше, – вы смотрите вперед, в темноту и поддерживаете спокойное, ритмичное дыхание.

Ваше визуальное поле не только статично, что само по себе автоматически сужает луч внимания, но и однородно (если не считать беспорядочных и бессмысленных флуктуаций – светлых и темных пятен, которые, как принято считать, являются отражением хаотичных возбуждений клеток сетчатки, зрительного нерва и т. д.). Иными словами, то, что находится перед вами, по законам описания *не является объектом*. Следовательно, визуальное внимание должно быстро угаснуть. Если остальные каналы (аудиальный или кинестетический) не заняты сборкой перцептивных пучков, то осознание окончательно исчезает и вы погружаетесь в обычный сон.

Если так сложно просто сохранить визуальное внимание, то активизировать его периферию сложнее вдвойне. За счет чего мы активизируем периферийное внимание наяву? Каждый практик знает, что более всего этому способствует подвижность сигналов. Например, во время ходьбы на периферии зрительного поля постоянно происходят перемещения сенсорных стимулов – движущиеся объекты, изменение углов и перспективы, освещенности, структур и т. д. Даже в том случае, когда подобных движений не слишком много, мы находим какой-нибудь сигнал, помогающий зацепиться вниманием за

край зрительного поля и равномерно удерживать визуальную алертность по всей воображаемой окружности (круговой периферии).

Занимаясь техникой сновидения через прямой сдвиг точки сборки, вы неподвижны, находитесь в темноте, так что никакой стимуляции визуальная периферия не получает. Только память об опыте визуальной Деконцентрации, полученном во время «ходьбы Силы», может послужить начальным импульсом для противоестественной в этих условиях активизации перцептивного внимания и его равномерного распределения по монотонному полю. Хорошо, если незадолго до сеанса вы совершили вечернюю прогулку и испытанное при этом ощущение еще сохраняет свой постэффект. В любом случае, перед тем, как приступать к исполнению данной техники, убедитесь, что можете воспроизвести периферийную активность внимания.

(2) «*Точка взгляда*».

Как вы помните, во время «ходьбы Силы» рекомендуется смотреть на некую точку перед собой. В любой ситуации она расположена приблизительно в центре зрительного поля. Можно заметить, что в статичной ситуации мы вынуждены прилагать больше усилий не только для повышенной внимательности на периферии, но и с большим усердием удерживать зрачки на воображаемой центральной точке. Перцептивное внимание правильно распределяется по орбите поля в том случае, если зрачки неподвижны и направлены на центр. Разумеется, полной неподвижности взгляда вы не добьетесь, да в этом и нет особой необходимости. Это лишь имитация состояния зрительного аппарата, еще один «якорь», который помогает пробудить деконцентрированное визуальное внимание за счет ненавязчивых напряжений мышц глазного яблока.

(3) *Моделирование зрительного поля с закрытыми глазами*.

Теперь, качественно воспроизведя ситуацию равномерно распространенного по зрительному полю внимания с закрытыми глазами, вы создали условия для активного восприятия большого количества сенсорных сигналов при почти полном их отсутствии. Это вызывает сильный диссонанс и нарушение базовых автоматизмов.

Человеческий тональ вообще имеет два модуса работы зрительного внимания – а) с открытыми глазами и б) с закрытыми глазами. Стоит закрыть глаза на пару минут, и зрительное внимание переходит в режим «пассивного блуждания». Тональ знает, что с закрытыми глазами нельзя собирать визуальную информацию. Лишь иногда мы имеем хаотические следы активного режима, которые чаще всего являются результатом длительного напряжения. Тогда могут всплывать картинки, лица, какие-то структуры. Внимание безвольно скользит по ним, пока картинки не растворяются в пустоте.

Режим внимания, который культивируется в процессе «ходьбы Силы», обладает прямо противоположными характеристиками. Он не только связан с непрерывностью зрительных впечатлений, но и подразумевает сверхвысокую плотность сенсорного потока. Иными словами, тональ ждет мощного наплыва визуальной информации, но не получает ее.

Первое, что в такой ситуации делает тональ, – он начинает *моделировать пространство*. Как правило, сновидец обнаруживает перед собой что-то вроде темной полусферы. По сути, это стенка перцептивного «пузыря», на которую мы глядим из его центра – точки наблюдения, которая так же сотворена тоналем. Как всякий перцептивный шаблон, он не имеет объективной реальности. И все же это не вполне иллюзия, поскольку отражает весьма продуктивное для сновидящего состояние его энергетического поля. Моделирование этого шаблона соответствует тому распределению осознания, которое имеет место наяву – готовность воспринимать сигналы и энергию *прежде всего извне*. В обычных сновидениях под давлением внутренних образов пространственный шаблон нестабилен либо вовсе не формируется. Он возникает на одно-два мгновения, потом – растекается неопределенным образом, предъявляя непоследовательные фрагменты, выхваченные из качественно различных сфер опыта. Частицы внешних восприятий, образные ассоциации, память и воображение, обрывки мыслей, иллюстрируемые картинками, – все это существует в каком-то «неопределенном месте», где нет координат, структурирующих содержание. Сновидческий сумбур и абсурдные сочетания впечатлений, типичная рассеянность и полузабытье возникают из-за того, что отсутствует выработанный в первом внимании перцептивный шаблон пространства.

Вот почему видение иллюзорной «полусферы во тьме» не стоит считать пустой причудой воображения или одной из тех визуализаций, которых мы должны избегать. Напротив, фиксируйте эту конструкцию, созданную из пустоты; она является фундаментом активного внимания сновидения. Вы обнаружите, что модель пустого полусферического пространства – по сути, единственное, что помогает сохранять активность периферийного зрения с закрытыми глазами.

Задача сновидящего – непрерывно удерживать «точку взгляда» в центре моделируемого пространства. Стереотипы тоналя будут оказывать мощное сопротивление. Внимание склонно распадаться, плыть, уходить по привычным беспорядочным маршрутам. Постоянно выслеживайте и ловите его, не давайте ему рассеиваться. После каждой флуктуации спокойно и терпеливо восстанавливайте исходную позицию – состояние высокой готовности к восприятию по всему зрительному полю, хотя ничего, кроме темноты, перед вами нет и быть не может.

Крайне важным моментом здесь является характерное замедление внутреннего диалога. Поскольку этот эффект сопровождает правильно исполняемую «ходьбу Силы», по степени его выраженности можно определить интенсивность состояния. Если внутренний диалог активизировался, вошел в обычное русло, значит, и внимание возвратилось в стандартный, хаотический режим. То есть вы опять скользите рассеянным лучом внимания по темной пустоте и неминуемо приближаетесь к бессознательности обычного сна.

Описанные этапы техники вводят сновидящего в состояние сильного диссонанса между работой внимания и условиями перцепции. *Прямой сдвиг точки сборки происходит в тот момент, когда практик засыпает, не выходя из достигнутого диссонанса*.

Иногда на это достижение уходит две-три недели, иногда – несколько месяцев или год. Основная трудность заключается в прохождении через критическую фазу утомления. Она длится несколько секунд, и именно в этот краткий период перцептивное внимание расслабляется. Мы возвращаемся в привычное состояние, где диссонанс исчезает, и погружаемся в сон. Причем утомление может быть настолько сильным, что практик перестает видеть даже обычные сны. Этот период может вызвать серьезные сомнения в эффективности метода.

Дело в том, что, пользуясь верхним сдвигом точки сборки, сновидящий привык опираться на локализованное (а не рассеянное, как в данном случае) возбуждение. Сместившаяся в момент засыпания точка сборки по привычке ищет уже собранный наяву сенсорный пучок, восстанавливает его и, отталкиваясь от осознанного фрагмента, строит остальное перцептивное поле.

Однако при прямом сдвиге точки сборки нет никакого готового продукта. Перцептивную сборку надо провести с нуля, а это совершенно новый подход, который поначалу вызывает смятение. Сновидящий должен сразу найти внешние энергетические импульсы и придать им форму. В этом процессе каждый миг имеет значение. Задержавшись в несобранном состоянии на лишнюю долю секунды, вы лишаете себя возможности войти во внимание сновидения.

Как видите, прямой сдвиг требует больше сил, чем верхний, но его неоспоримое преимущество в том, что он захватывает во много раз больший объем полей и, соответственно, предоставляет обширное перцептивное пространство, собранное из значительного числа эманаций. А чем масштабнее поля, вовлеченные во внимание сновидения, тем быстрее и интенсивнее идут все процессы Трансформации. Вот почему я считаю прямой сдвиг точки сборки «прорывом» ко второму телу.

Конечно, высокая интенсивность подразумевает известную степень риска и соответственно предъявляет к практику более серьезные требования. Это касается всех сторон толтекской дисциплины, включая безупречность, сталкинг и перепросмотр, поскольку содержание сновидческого опыта становится довольно бурным и регулярно бросает вызов чистоте его тоналя. Можно сказать, прямой сдвиг точки сборки вызывает к жизни неиссякаемый поток тональной продукции, качество которого во многом обусловлено нашей практикой наяву.

Продукция тонального аппарата при прямом сдвиге точки сборки

Опыт показывает, что прямой сдвиг точки сборки вызывает ряд побочных эффектов. Они касаются как состояния засыпания, так и характера самого сновидения.

Прежде всего, в состоянии искусственно вызванного диссонанса между работой внимания и условиями перцепции тональ входит в режим *визуальной гиперпродукции*. Часто гиперпродукция начинается еще до момента засыпания и сопровождает его.

Психофизиологически это можно объяснить как следствие перевозбуждения некоторых участков мозга, связанных со зрительной активностью. Если же мы будем рассматривать восприятие с нагуалистских позиций, то увидим, в чем состоит информационный и энергетический смысл данного феномена.

Визуальная гиперпродукция указывает на значительное снижение фиксации точки сборки. Благодаря этой технике мы можем наблюдать последовательное расслабление перцептивных схем, что является необходимым условием поиска новых восприятий при отсутствии привычного потока сигналов. Это еще не сдвиг, но преддверие сдвига ТС, что можно условно назвать «блуждающей фазой».

Тональ, пользуясь в основном материалом памяти и своей способностью бесконечно комбинировать фрагменты, собирает образы и впечатления. Это поиск того варианта сборки, в котором рассеянные и весьма слабые внешние сигналы смогут обрести необходимую интенсивность и осмысленность. Добиться этого можно лишь в том случае, если точка сборки сместится в другую устойчивую позицию. Пока этого не случилось, сновидец созерцает визуальный хаос – всплывают фигуры и лица, сцены, предметы, то, что было когда-то воспринято, и то, что сконструировано самым причудливым и неожиданным образом.

Психоэнергетически это можно рассматривать как углубление точки сборки в более плотные слои кокона. Поскольку «путь» точки сборки лежит через весь массив энергетического тела в сторону фронтальной пластины, в поле осознания рождаются тональные галлюцинации, связанные со многими телесными напряжениями, хранящими вытесненную в БСЗ информацию. Вытеснения, как известно, часто имеют травмирующий характер, несут следы сильных эмоций, которые, активизируясь, сбивают настройку восприятия и препятствуют правильной фиксации. Из-за них сновидец часто попадает в плен боковых смещений точки сборки, где галлюцинирование многократно усиливается и истощает практика. Вместе с малоприятными видениями пробуждаются соответствующие им эмоции – полный комплект «не-безупречности»: страх, чувство собственной важности, жалость и производные от них чувства. Точку сборки может снести как в правую, так и в левую сторону человеческой полосы. Главная опасность – это застревание в боковой позиции. Вследствие такого застревания, если оно приобретает длительный характер, могут развиваться крайне нежелательные состояния и даже психотические эпизоды – настойчивые кошмары, иррациональные страхи, параноидальные идеи, сопровождаемые соответствующими снами-галлюцинациями.

В момент самого смещения перцепции избежать этого невозможно, необходима подготовительная работа наяву. Вот почему, как было сказано, для успешного прямого сдвига точки сборки особое значение имеют безупречность, сталкинг и перепросмотр. Бессознательный материал должен утратить свой травмирующий потенциал, вытесненные эмоции, воспоминания, конфликты необходимо трансформировать – либо через новое качество их осознания (безупречность), либо через правильное *перепроживание* (перепросмотр). Главное условие успешного прорыва точки сборки через энергетическое тело – чистый и спокойный тональ.

Особенности тональной продукции во время прямого сдвига точки сборки, таким образом, вызваны самим характером ее перемещения.

Если точка сборки быстро покидает плотные слои кокона, смещаясь вверх и в конечном итоге «выскакивая» наружу через область над макушкой головы, наше осознание в основном занято внешней ориентировкой. Мы получаем некие сигналы *извне* и начинаем примерять к ним тональные соответствия. В результате, до момента пробуждения второго внимания, мы получаем массив иллюзорных образов, построенных во многом по сновидческим шаблонам. Но *эти шаблоны порождены, прежде всего, неопределенностью и необычностью ситуации восприятия*.

Если же мы входим в сновидение через прямой сдвиг точки сборки, возбуждаются большие объемы энергетического тела, связанные не с актуальной ситуацией восприятия, а с личной историей, БСЗ и

архетипами. Мы вовлечены в измененное восприятие значительной частью *всего тела*. Прорыв к *целостному* телу *есть одновременно прорыв к океану бессознательных содержаний*. Вот в чем существенное отличие данной техники.

При «верхнем» сдвиге контроль восприятия осуществить проще, потому что перцептивные искажения не связаны с плотными частями кокона. В результате тело сновидения формируется медленно, шаг за шагом, плотность его возрастает в определенном порядке. Конечно, это проще и безопасней, но некоторые поля тела сновидения могут оставаться вне области перцептивно-энергетической сборки бесконечно долгое время. И целостность так и не будет достигнута. Соответственно ограничен доступ к мирам второго внимания, которые осознаются через плотное взаимодействие с большими областями энергетического тела.

При «прямом» сдвиге ситуация обратная – контролировать восприятие очень трудно, но тело сновидения, если оно собрано, охватывает большой объем и имеет значительную плотность. Возникает мощный энергообмен, в котором участвуют наиболее темные области кокона. Теперь они доступны для Трансформации.

Уровни тональной продукции при прямом сдвиге точки сборки

Поскольку метод прямого сдвига при должной настойчивости позволяет сохранять непрерывность осознания, мы можем наблюдать различные стадии перестройки восприятия, соответствующие масштабам смещения точки сборки внутрь кокона.

Каждому шагу в смещении точки сборки соответствует свой *уровень тональной продукции*, который на первых порах представлен, в основном, визуально, но по мере углубления состояния захватывает все больше кинестетических и аудиальных репрезентаций. Вот эти уровни:

(1) Поверхностная продукция (визуальный хаос).

(2) Сновидческая продукция (ближайшее бессознательное).

(3) Глубинная продукция (глубокое бессознательное и архетипы).

(4) Второе внимание.

Уровни выделены в соответствии с критическими точками разрыва непрерывности осознания. Это означает, что при переходе с уровня на уровень сновидец испытывает момент перцептивного замешательства, который может перевести его в режим *сновидения*. В этом случае характер сновидения зависит от того, на каком уровне тональной продукции находится практик.

Ситуация развивается следующим образом: если вы, например, попадаете в сновидение при переходе с первого уровня на второй, то сновидческая продукция, построенная из материала ближайшего бессознательного (2), составляет основное содержание вашей перцепции. Дальнейшая работа заключается в том, чтобы усилить внимание сновидения всеми доступными средствами (оформление тела сновидения, стабилизация перцептивных пучков и т. д.) и найти внешний сигнал. Соответственно, при переходе со второго уровня основное содержание сновидения – глубокое бессознательное и область архетипов. Каждый раз сновидец преодолевает инерцию тональных продуктов, чтобы собрать восприятие какого-то участка внешнего поля и таким образом перейти из внимания сновидения во второе внимание. В том случае, если вам удалось пройти все уровни тональной продукции и сохранить непрерывность осознания, вы сразу входите во второе внимание. Это и есть завершение прямого сдвига точки сборки.

(1) Познакомиться с *поверхностной продукцией* довольно просто. Стоит научиться удерживать активность периферийного внимания с закрытыми глазами хотя бы 20-30 минут, как тональ начинает строить бессмысленные «картинки». Не стоит искать в них скрытое значение. Это обычные комбинации зрительных гештальтов, построенные по ассоциации форм. По этой причине ими легко управлять, что мы и делаем довольно часто – иногда осознанно, иногда автоматически. Небольшое усилие произвольного внимания в этом состоянии легко производит любые визуализации – фигуры

превращаются друг в друга, один объект становится группой объектов, фрагмент – сценой. Эта удивительная текучесть, податливость визуальных моделей свидетельствует об отсутствии в них бессознательных содержаний, которые можно было бы расшифровать. Ведь бессознательные содержания обладают собственной энергией, источник которой лежит в динамике психоэмоциональной сферы, а потому предстают как «живущие собственной жизнью». Сцена с «летающим пуделем», которую в четвертой книге описал Кастанеда, – хорошая иллюстрация поверхностной продукции тоналя, где всё может превращаться во всё с необыкновенной легкостью.

Как правило, начинающий практик засыпает именно при переходе с первого на второй уровень. Чтобы повысить интенсивность внимания и пройти дальше, требуется время (от нескольких недель до нескольких месяцев) и несгибаемое намерение.

(2) Переход осознания на второй уровень тональной продукции – это яркое переживание. Обычно возникает кратковременная пауза в работе тоналя. Пластичные картинки пропадают, и вы вновь оказываетесь в темной пустоте, которая удерживает внимание ничем не заполненной, но стабильной перспективой. После чего неожиданно вспыхивает свет – и возникает сцена или пейзаж. Качество галлюцинирования возрастает единым скачком, и вы понимаете, что тональ демонстрирует вам тех самых призраков, из которых состоит обычное сновидение. То, что образы воспринимаются ярче и яснее, чем во сне, обусловлено повышенной интенсивностью внимания, развившейся в процессе практики.

Сновидческие сцены часто статичны либо малоподвижны. Их можно разглядывать длительное время, но реальнее от этого они не становятся. Хотя, надо заметить, что реальный сигнал здесь присутствует. Он замаскирован, спрятан в визуальной конструкции, собранной из бессознательного, и потому узнать его нелегко. Если на этом уровне практик теряет непрерывность осознания и его точка сборки смещается в позицию сновидения, он может быстро найти фрагмент сборки внешних эманаций.

Приведу пример из личного опыта, так как без иллюстрации понять это довольно трудно. Так, однажды передо мной возник пейзаж удивительной красоты – сложный рельеф, освещенный солнечным закатом. Здесь были горные кряжи и уступы, каменные террасы из розоватого и желтого камня, под ними долина и излучина горной реки, где под вечерним солнцем вода переливалась в золотистом блеске. Открывшаяся панорама была переполнена деталями – фактура скал, многочисленные зубцы, тени, узоры из камней и растений и многое другое. Все это можно было рассматривать без конца. И вдруг что-то перестроилось в моем осознании. Не более секунды длилось состояние странной подвешенности в пустоте, после чего воспринимаемое неуловимым образом изменилось. Возникло ощущение тела сновидения, а вместе с ним понимание того, что я уже не лежу, а стою, как бы продолжая разглядывать «пейзаж». Однако держался пейзаж недолго, по частям он стал тускнеть, растворяться, – и что же осталось на его месте? Часть настенного ковра, полка со всякими безделушками и фотографиями за стеклом. Я просто стоял в другой комнате и смотрел на все это. Осознав это обстоятельство, я взглянул на руки и отправился «странствовать».

Главное в данном опыте – момент *узнавания* внешнего сигнала, который с самого начала присутствовал в сновидческом пейзаже. Среди горных уступов и каменных террас скрывались перцептивные сигналы от узора на ковре и предметов, стоящих на полке. Они там были, их просто надо было правильно собрать.

(3) Когда сновидящий переходит на третий уровень тональной продукции, воспринимаемое становится динамичным и сопровождается эмоциональными всплесками. Если здесь осознанность прерывается, а тональ недостаточно чист, сновидец попадает в довольно агрессивную среду. Это продукты глубинного бессознательного, где находится склад импринтных ситуаций, связанных со страхом смерти, чувством собственной важности и жалости к себе. Проекции небезупречного тоналя надо спокойно и внимательно изучить, чтобы затем от них избавиться. Если вы будете от них убегать, они будут являться снова и снова. Атаки и битвы, погони, пленение составляют бесконечную череду мрачных приключений. С другой стороны, являются освободители и учителя, дарующие «истинное знание», открываются сияющие высоты, возникают разнообразные эйфорические видения.

Сохранение непрерывного осознания при переходе на этот уровень требует длительной и упорной работы. Но в результате сновидец избавляется от целого океана навязчивых галлюцинаций. Отстраненное наблюдение тональной активности столь глубокого уровня дает уникальный опыт. После этого сновидящего трудно увлечь или запутать бурным потоком иллюзорных событий.

Чтобы иметь дело с «архетипическими видениями», надо избавиться от скрытой религиозности бессознательного. Боги, демоны, призраки и монстры выглядят очень ярко и плотно, так как строительный материал для них взят из самого фундамента нашего тоналя. Здесь находится область видений, которая часто порождает разнообразные теософские мифы и соответствующие «откровения» – хоть создавай собственную религию и объявляй себя пророком. Поскольку тут ясность и сила восприятия обманчиво высока, можно решить, что вы воспринимаете реальные миры второго внимания. Но это всего лишь сновидческий «перепросмотр» импринтных и архетипических символов. Ни в коем случае не принимайте их за внешние энергетические структуры. Такая путаница и некритическое отношение в конце концов приводят к психическим расстройствам.

(4) Осознание архетипического материала окончательно истощает галлюцинаторную активность тоналя. В процессе прохождения предыдущих уровней точка сборки значительно смещается, так что сенсориум первого внимания становится практически недоступен. Он пребывает в тени, на далекой периферии осознания, и не имеет достаточной силы, чтобы вернуть нас в мир обычного режима восприятия. Таким образом, перцептивный аппарат просто вынужден собрать внешние сигналы качественно иным образом, что помещает сновидящего в пространство *второго внимания*.

Переход на этот уровень также предваряется паузой. Это особое состояние, которое очень напоминает созерцание «Ясного Света» в буддистской медитации. Здесь осознание демонстрирует свою активность, не направляя себя ни на какие содержания. Оно как бы воплощает чистую свободу до момента «энергетического выбора». «Ясный Свет» заменяет все виды упорядоченных перцепций. Таким образом, отсутствует как внешнее поле, так и тело самого субъекта.

Обратите внимание на это важное обстоятельство: полное истощение тональных галлюцинаций *устраняет одновременно сборку всех энергетических полей, включая сборку тела воспринимателя*. Пока мы имели дело со сновидческой или глубинной продукцией, отражающей разные слои бессознательного, тело было также представлено в том или ином виде. Часто его репрезентация была неполной или искаженной до неузнаваемости, но пока существовали модели объектов, присутствовала и модель субъекта. Здесь же мы впервые обретаем подлинный опыт Пустоты, который в восточных доктринах провозглашается целью и окончательной Реализацией.

Отрицать ценность этого фундаментального переживания я не стану. В конце концов оно действительно отражает Истину, лежащую в основе Существования. Чувственное переживание Истины-как-она-есть, вне концепций и формул, обогащает нас и придает нашей активности новый объем и новое измерение. Познакомившись с Бесконечностью, никто не остается прежним – и это не просто красивые слова. Я много раз имел возможность лично убедиться в этом. Когда вы возвращаетесь, или, как сказано в афоризме дзэн, «горы снова становятся горами, а реки – реками», каждый ваш шаг по заново собранной земле сопровождает невыразимое Знание того, что скрыто за декорациями тоналя.

Когда я говорю об опасности этого состояния, то имею в виду не опыт как таковой, а искушение, скрытое в нем. Религиозная вера или метафизическое убеждение, будто высшее предназначение человека заключается в фиксации опыта Пустоты (Бесконечности, Абсолюта, Брахмана), что это Сверхбытие, в котором надо остаться навсегда, – вот что превращает богатство опыта в поглощенность им, в то, что называется *энтазмом*, останавливает Трансформацию и в конце концов прекращает осознание вообще.

Если мы хотим продолжить свое развитие, то должны вернуться из «Ясного Света», выбрав новую позицию восприятия. Это достигается через сборку *тела сновидения*, о котором подробнее будет сказано во второй части книги. Здесь достаточно сказать, что чаще всего сборка начинается с избранного элемента (например, с рук) и взрывообразно охватывает все телесное поле. Плотность тела сновидения в этом случае бывает настолько высока, что сновидящий мгновенно обретает упорядоченное и целостное восприятие первого мира второго внимания. На высших этапах практики здесь возможно формирование дубля и телепортация всего кокона в собранное пространство.

Если вы не хотите растягивать прохождение всех этапов погружения точки сборки по траектории прямого сдвига на долгие годы, практика должна быть регулярной и интенсивной. Я рекомендую не ограничиваться вечерними настройками непосредственно перед сном. Формирование и совершенствование технического навыка лучше осуществлять в течение дня. Для этого достаточно уединиться в спокойном месте, где можно хорошо расслабиться, хотя бы на полчаса. Оптимальный вариант включает в себя три сеанса – утром, днем и вечером перед сном. Если же это физически

невозможно, ограничьтесь двумя сеансами. Практик, который считает, что у него нет свободных 30 минут для занятий утром или днем, не может рассчитывать на реальный прогресс.

Кроме того, бессознательное возбуждение, вызванное техникой, требует непрерывного сталкинга, а возможные всплески вытесненных страхов, жалости к себе и пр. должны быть устранены сосредоточенностью на идеях безупречности.

Важные психоэмоциональные и психоэнергетические эффекты, сопровождающие эту практику, я рассмотрю в следующей главе. Здесь хочу сделать лишь некоторые ***предупреждения***.

1. Если сновидящему по каким-то причинам не удается активизировать периферийное внимание с закрытыми глазами, техника прямого сдвига точки сборки не заработает. Вы можете столкнуться с рядом любопытных феноменов, но они будут отражать всего лишь измененный сдвиг ТС верхнего типа.

2. Технику прямого сдвига **категорически не рекомендуется** сочетать с каким-то перцептивным «деланием». Визуализации и имагинации, произвольные сосредоточения на зонах концентрации и любых областях энергетического тела, конструирующее моделирование (вроде специального «делания» энергетического тела) – все это на фоне тональной гиперпродукции, которую провоцирует данный метод, ведет к галлюцинозу, а галлюциноз – к всплеску переживаний, которые становятся почвой для той или иной формы «магической паранойи». Причем все эти патологии могут развиваться ураганными темпами, что делает ситуацию совершенно неуправляемой.

3. Если практика привела вас хотя бы ко второму уровню тональной продукции (растормозила некоторые области бессознательного), нежелательно останавливать работу над этой техникой и переходить, скажем, к «верхнему» методу. Побочные эффекты расторможенности БСЗ (иррациональные страхи, эмоциональные напряжения и т. п.) могут на длительное время исказить характер сновидения и привести к боковым фиксациям точки сборки, которые сновидец не всегда способен вовремя распознать. В гораздо большей степени это предупреждение касается тех, кто добрался до третьего уровня тональной продукции. Область возбужденных архетипов вводит сновидящего в заблуждение – он начинает эксплуатировать яркие образы этого плана, полагая, что исследует миры второго внимания.

Если выполнение техники все же пришлось прервать, то *лишь интенсивный сталкинг и абсолютная сосредоточенность на безупречности* помогут избежать недопустимых и часто разрушительных отклонений.

В следующей главе мы рассмотрим специфичные явления, сопровождающие прямой сдвиг точки сборки, трудности, с ними связанные, и способы их преодоления.

Эффекты прямого сдвига точки сборки и усиление осознания

Но за словами – то, что внесловесно.
Я понял тягу к этой тьме безвестной
По синей стрелке, что устремлена
К последней, неизведанной границе
Часами из кошмара или птицей,
Держащей путь, не выходя из сна.

Хорхе Луис Борхес

В продвижении сновидящего по пути «прямого сдвига» точки сборки действительно есть нечто завораживающее – «тяга к этой тьме безвестной», как писал Борхес. Здесь особенно ярко чувствуется, как всю нашу целостность, всю совокупность энергетических полей последовательно охватывает объединяющая чувствительность, некая волна мировой Силы, вибрации и потоки, словно бы связующие разные планы Бытия. Это необычное чувство, которое, по-видимому, восходит к изначальной неразделенности поля опыта. Его ценность в неоспоримой сенсуальности, непосредственности, в отличие от философских медитаций на почве метафизических размышлений. Если последние навевают некоторые чувства, то их сущность сводится к моделирующему воображению. Источник таких

философских «чувств» – ментальная концепция, о чем известно каждому искателю, как бы он ни старался забыть о самовнушенной настройке и вырваться в сферу необусловленного опыта.

Ментальное происхождение обретенной чувствительности обусловливает ее качество. Мысли, вызванные ими настроения и эмоции являются основным изменяющим импульсом, тело отзывается на него в последнюю очередь, когда сила произвольного индуцирования достигает критического уровня и вовлекает в воображаемое состояние сферу психофизиологической саморегуляции.

На этом пути практик не выходит за границы замкнутого на себе тоналя, вся его работа сводится к некоторому расширению описания и видоизменению его в соответствии со спекулятивными конструкциями. В итоге, главное заблуждение тоналя (будто восприятие не есть самостоятельная сила, реально влияющая на организм и, следовательно, не способная его трансформировать) так и остается неосознанным. В его описании мира по-прежнему доминирует данная извне Объективность, которую восприятие пассивно отражает, адаптируется к ней, расширяется и обогащается, но само при этом энергетическим агентом не является.

Важно понять, что это принятое по умолчанию, никем не оспариваемое и давно ставшее бессознательным фоном положение – не более чем фикция. В конечном итоге оно так же идеалистично, как его субъективистская противоположность – солипсизм, где сила сознания беспрепятственно реализует себя в собственном пространстве, поскольку Объект там объявлен несуществующим. На самом деле Мир, в котором мы живем, всегда строится с участием двух *равноправных* партнеров – наблюдателя и наблюдаемого, субъекта и объекта, сознающего и сознаваемого. Они одинаково реальны и физичны. То, как устроена наблюдаемая Вселенная и мы сами, – *результат взаимодействия* энергетической Реальности и осознания.

Произвольная перестройка восприятия демонстрирует это непосредственно. Мы не нуждаемся в философских рассуждениях, чтобы обрести эмпирическое знание. Интеллектуальный анализ, как и положено в реальном познавательном процессе, приходит позже – как интерпретация ощущений, переживаний и чувств. С каждым шагом мы все более убеждаемся в пластичности того, что казалось грубым, инертным телом, оформленным по незыблемым законам объективной физики Бытия.

Пробуждение перцептивных сил, связанное с преодолением автоматической сборки, которой тональ придерживался с момента фиксации первого внимания, начинается с общей, неспецифической активизации психосоматики. На первых порах она выражается в перевозбуждении всех регулирующих психофизическое состояние структур, а в дальнейшем принимает более конкретный характер – изменяет режим функционирования главных центров энергообмена на фронтальной пластине кокона.

Одновременно развивается психоэмоциональная гиперчувствительность; она не только отражает физиологические и биохимические сдвиги, которые неизбежны в ситуации высокой активности регуляторов метаболизма всех уровней (от гормонального до информационно-энергетического), но и свидетельствует о начавшемся поиске нового типа сенсорной сборки, где сигналы приобретают иную интенсивность, семантику и позицию в поле опыта.

Когда описанные процессы приобретают должный масштаб, практикующий сталкивается с необычными перцепциями. То в одной, то в Другой области сенсориума непривычные импульсы собираются в пучки и вызывают упорядоченные впечатления, прежде не знакомые. Как правило, эти впечатления кратковременны, так как пучки быстро распадаются. Впервые они возникают на периферии тоналя, где сопротивление его автоматических интерпретаций слабее – то есть в сфере кинестетики. Поэтому они опознаются как «внутренние», как необычные ощущения тела.

Позже сновидящий встречается с визуальными и аудиальными проявлениями той же собирающей активности своего воспринимающего аппарата. Неполнота и искаженность интерпретаций, их мимолетность, напоминает иллюзии или галлюцинации. Это период неуверенности в своих способностях правильно воспринимать окружающий мир. Обычно он завершается, когда практик получает первый последовательно собранный фрагмент внешней перцепции, который согласуется с какой-то областью первого внимания – то, что мистики называют «ясновидение», «яснослышание» и т. п.

Таким образом, побочные эффекты техники прямого сдвига точки сборки можно рассмотреть в следующем порядке:

(1) Сверхвозбуждение (помимо всего прочего, ведет к затрудненности засыпания, бессоннице либо неглубокому сну, временному снижению осознанности).

(2) Активизация центров фронтальной пластины.

(3) Психоэмоциональная лабильность.

(4) Восприятие энергетических полей и потоков в теле.

(5) Сенсорные и ментальные конструкты.

(6) Фрагменты внешней перцепции как результат сборки сигналов, поступающих с поверхности энергетического тела. Ясновидение, яснослышание, предвидение и психокинез.

(1) [Сверхвозбуждение]

Как было сказано, неспецифическое возбуждение всех психоэнергетических полей – самый первый симптом, сопровождающий инициацию процесса. В описательной модели нагуализма ему соответствует минимальное смещение точки сборки вглубь кокона по прямой траектории.

Охватывая сразу все уровни саморегуляции энергетического тела, оно на первых порах имеет неупорядоченный характер, что переживается как чрезмерная реактивность и *сверхвозбуждение*. Могут наблюдаться все характерные для такого состояния симптомы: учащение пульса, повышение кровяного давления, термические волны (жар или холод, охватывающие тело), импульсивность и раздражительность, наплывы беспорядочной мыслительной деятельности (ментизм), беспредметная тревожность.

Разумеется, сверхвозбуждение системы затрудняет работу с концентрацией и деконцентрацией внимания. Можно сказать, это психофизиологический барьер, охраняющий биофизическую конституцию от любых радикальных трансформаций. К сожалению, нет никакого способа обойти это затруднение, поскольку оно возникает при всякой перестройке. Об этом знали как даосские, так и европейские алхимики, занимавшиеся трансмутацией собственной природы. В этом смысл известной метафоры тигля, в котором плавится превращаемый материал.

Диссонанс перцептивной установки и условий восприятия, спровоцированный психотехнической процедурой, ведет к активизации разнообразных структур ЦНС и соответствующему изменению гормонального фона.

Для сновидящего важнее всего то, что сверхвозбуждение затрудняет засыпание и может вызвать временную бессонницу или неглубокий, часто прерывающийся сон. Физиологические и биохимические причины таких нарушений как бы лежат на поверхности – возбуждение адре-нореактивных структур, повышенная активность желез внутренней секреции и т. д. Но это лишь *следствие* происходящих изменений, касающихся психоэнергетики восприятия.

В нашем случае важно понимать фундаментальный механизм, который вызывает эти следствия. Что же тут происходит? В результате смещения вглубь точки сборки необычная алертность распространяется на поля энергетического тела, которые в обычной позиции ТС находятся в состоянии гомеостатического покоя. Внимание начинает улавливать более широкий диапазон сигналов от внутренних эманаций, пытается собрать их, и этим возбуждает систему.

Надо заметить, что далеко не все возбужденные таким образом эманации могут быть укомплектованы в пучок. Именно эта одновременная активность полей, которые будут задействованы в новой позиции точки сборки, и тех, которые все равно останутся несобранными, ведет к временному разрушению тональных координат. В числе таких важнейших координат находится противопоставление базовых

режимов работы осознания – *бодрствования* и *сна*. Их переживание теряет заданную определенность: сон приобретает черты бодрствования, бодрствование – черты сна.

Мало того что возбужденное энергетическое тело трудно переключается с одного режима на другой, сами режимы меняют свое качество. Сон может стать настолько поверхностным, что воспринимается как явь, и наоборот, бодрствование может напоминать неосознанное сновидение, что выражается в приступах характерной «рассеянности» внимания, вызванной не утомлением, как мы склонны считать, а неопределенностью перцептивной настройки.

В случае застревания на этой фазе неопределенного возбуждения, нарушение сна длится неделями и может быть довольно утомительным. Нормальный ночной сон превращается в дремоту с частыми пробуждениями. Обилие неосознанных и полуосознанных сновидений также отражает процесс поиска перцептивных сигналов, который в течение ночи почти не прекращается.

Порой сместившаяся в момент засыпания точка сборки способна извлечь из поля аморфного возбуждения осмысленные комплексы сигналов, пусть ненадолго и не полностью, но включить *внимание сновидения*. Чаще всего в области восприятия оказывается не какая-нибудь сновидческая фантазия, а собственная спальня или другое ближайшее к сновидцу место. Даже в том случае, если опыт не отличается длительностью и необходимой четкостью, он весьма важен. Он помогает энергетическому телу быстрее пройти фазу непродуктивного возбуждения, создавая в сенсорном хаосе островки нового порядка.

(2) Активизация центров фронтальной пластины

Спустя небольшое время практик может обратить внимание на необычные ощущения в главных энергообменных центрах фронтальной пластины кокона. Несмотря на то что основные трансформации происходят за пределами воспринимаемого в первом внимании «физического тела», тональ интерпретирует поступающие сигналы как кинестетические, а следовательно, имеющие отношение к состоянию нашей соматики.

Прежде всего, речь идет о *горловом центре, солнечном сплетении* и *области пупка*. Здесь сосредоточена основная масса непривычной чувствительности. Кроме того, время от времени могут активизироваться второстепенные центры на левой или правой стороне брюшной полости и на спине (область между лопаток, поясница). Но три основных центра, перечисленные выше, имеют наибольшее значение как в собственно трансформативном, так и в диагностическом отношении. Поступающие от них сигналы помогают понять, что именно происходит с энергетическим телом в данный момент.

Активность *горлового центра* воспринимается как повышенная чувствительность в районе вилочковой и щитовидной железы, давление, щекотание, чувство комка в горле. Иногда давление распространяется на основание шеи и даже верхнюю часть груди и приобретает пульсирующий характер. Периодически в этой зоне появляются волны лихорадочного тепла.

Как и следовало ожидать, возбуждение горлового центра приводит к соответствующим психологическим феноменам – беспричинным всплескам жалости к себе, общей раздражительности, обидчивости.

Солнечное сплетение реагирует на усиление энергообмена, в первую очередь, спастической напряженностью. Если практикующий в течение длительного времени не может с ней справиться, напряжение становится болезненным. Возникает характерное жжение, которое сопровождается беспокойством. Время от времени в области солнечного сплетения возникает особое тянущее (давящее) чувство, словно некий силовой поток пытается выйти из фронтальной пластины или, наоборот, войти в энергетическое тело. Это – прямая кинестетическая проекция усиления энергообмена кокона с внешним полем.

Горловой центр и солнечное сплетение связаны между собой единым регулирующим механизмом. Их энергетические пульсации часто синхронны или согласованы с одной частотой. Если пульсация центров совпадает не только по частоте, но и по амплитуде, возникает мощный резонанс. Его можно переживать как мощные волны неопределенных возбуждений (соматических или энергетических, «полевых») либо

как ритмично происходящие эмоциональные разряды – игры чувства собственной важности и жалости к себе.

Приступы необъяснимой «гордыни» и следующего за ней уныния испытывают вашу способность к сталкингу и безупречность. Вы заметите, что природа этих чувств уже не связана с вашим социальным функционированием. Услужливый тональ, разумеется, всегда находит рациональные интерпретации – если отсутствует актуальное реагирование в процессе взаимодействия с себе подобными, он предоставляет соответствующие воспоминания или заставляет работать воображение. И все же, проявив определенную бдительность в выслеживании, вы поймете, что не ситуация, не воспоминание и не мысль вызывают чувство, что все это – лишь иллюстрации к энергетической волне, потревожившей кокон. Это полезное открытие – убедиться на собственном опыте, что основа не-безупречности не только и, в конечном счете, *не столько социально-психологическая*. Комплексы и импринтные ситуации, которые мы привыкли считать идеальными фактами, возникшими в результате определенных семантических (смысловых) отношений между окружающим миром и нашим общественным Я, только *закрепили человеческую форму* – полевую структуру, задающую все свойства и параметры нашего организма. Таким образом, они превратились в энергию. Вот почему любые волнения, флуктуации энергообменных полей, способные привести к качественным преобразованиям, вызывают те чувства, которые мы полагаем исключительно социальными.

Соответственно, *безупречность* как психотехническая практика становится откровенно энергетической и окончательно покидает приписанную ей тоналем область психологии и психотерапии. Работа с безупречностью устраняет эмоциональные интерпретации, и в конце концов мы воспринимаем *лишь то, что есть на самом деле*, – движения полей и потоков.

Центр пупка обычно активизируется чуть позже. Впрочем, однозначной закономерности здесь быть не может, поскольку энергетическое тело всегда отражает индивидуальные особенности тоналя конкретного практика. Если в вашей личной истории есть неперепросмотренные и, следовательно, нетрансформированные эпизоды сильного страха, то эта область прореагирует быстро и мощно.

Брюшная полость вообще обладает значительным кинестетическим потенциалом. Трудно перечислить все разнообразие сенсорных сигналов, которые поступают оттуда в ситуации энергетической активности. Недаром «просвет» кокона, расположенный здесь, описывается как основной элемент кокона, обеспечивающий как уровень жизненной силы системы, так и ее способность обмениваться Силой с внешним полем.

К сожалению, в большинстве случаев мы не поглощаем энергию через этот мощный канал, а излучаем ее. Чтобы радикально изменить этот порядок, надо пройти через серьезные испытания (вроде «символической смерти», описанной у Кастанеды) либо в течение десятков лет практиковать интенсивный сталкинг, растворяя страх смерти по частям. Ибо перевод центра пупка в режим поглощения на психологическом уровне обозначает полное и окончательное *принятие собственной смерти*. Только «мертвый воин» готов к радикальной Трансформации энергетического тела – к той неизвестности, которая называется «огнем изнутри».

Пока мы не достигли этого экстремума отстраненности и бесстрастия, активизация брюшного центра неминуемо ведет к выбросу энергии, что сопровождается тревожными (а иногда паническими) реакциями эмоциональной сферы. Давление, холод и тепло, спазмы разной силы и длительности – все это перемещается вокруг пупковой области, свидетельствуя тем самым процесс «расширения просвета». Внимание собирает чувствительность то выше, то ниже (от района желудка до основания живота), иногда в стороне (проекция на печень или селезенку), может погружаться внутрь и формировать «канал» напряженности, упирающийся в позвоночник.

Помимо обычных проявлений страха смерти (воспоминания, ожидания, приступы неуверенности в будущем, тревожные размышления о смерти, одиночестве, собственной беспомощности или бессмысленности), энергетика провоцирует спонтанное пробуждение вытесненных воспоминаний о детстве или событиях многолетней давности, содержащих в себе наиболее яркие чувства, имеющие отношение к страху смерти. Эти воспоминания очень важны для вашей личной истории. Часто они являются узловыми моментами, инициирующими или завершающими формирование импринта, который впоследствии многое определил в вашей судьбе. Следует воспользоваться открывшимся материалом и тщательно его *перепросмотреть*. Вспомнившиеся эпизоды имеют настолько мощный эмоциональный заряд, что их трудно игнорировать. Например, один из практиков, работавших с данной техникой,

столкнулся с детским воспоминанием страха смерти в его непосредственном, «экзистенциальном» проявлении:

«...Вдруг меня охватил просто дикий, немыслимый страх. Это не было детской боязнью темноты... Нет, это был какой-то вселенский *ужас* от осознания неумолимости реальности, какой-то бездны перед собой, впервые понятой неотвратимости смерти.... Это был уже не первый случай аналогичного переживания, но самый яркий и сильный – и самый последний. Мне смутно кажется, что именно тогда у меня включилось намерение от чего-то закрыться». (Из письма N.)

Подобные переживания ведут к разблокировке энергетического канала, что, естественно, ускоряет прогресс и подталкивает точку сборки к более глубокому смещению в момент исполнения техники прямого сдвига.

В дальнейшем активность центров фронтальной пластины войдет в новый гармоничный режим, после чего многие необычные ощущения как бы исчезнут. Но это вовсе не значит, что энергообменные каналы вернулись в прежнее состояние – просто обретенная ими интенсивность нашла поле для конструктивной реализации. Периодическое смещение точки сборки наделило энергетическое тело опытом взаимодействия с теми областями внешних эманаций, где центры фронтальной пластины получили возможность участвовать в перцептивной сборке. Энергия, причинявшая описанные неудобства, теперь направлена *вовне*, что и есть нормальное состояние для воспринимающего субъекта.

Чтобы пройти эту фазу быстро и использовать ее максимально эффективно, следует лишь учитывать известную закономерность: горловой центр связан с жалостью к себе, солнечное сплетение – с чувством собственной важности, центр пупка – со страхом смерти. Энергетические флуктуации в этих центрах трансформируются через специальную работу с соответствующими базальными комплексами.

(3) Психоэмоциональная лабильность

Под «психоэмоциональной лабильностью» понимается подвижность эмоциональных реакций, которые мы полагаем не-безупречными – страх, собственная важность, жалость к себе. Этот эффект еще раз подтверждает, что позиция точки сборки (характер работы перцептивного внимания) определяет интенсивность и качество нашей эмоциональности. На первом этапе практики точка сборки, смещаясь вглубь кокона, ослабляет привычную фиксацию, но не обретает новой. Фигурально выражаясь, ТС попадает в зону «блужданий и колебаний». Усилие практика влечет ее вглубь, но ни энергии, ни навыка управления осознанием пока не хватает для достижения новой гармоничной фиксации. Естественные флуктуации внутренних энергетических полей обусловливают колебания перцептивного центра, и наоборот – колебания восприятия вызывают неупорядоченную активность полей ЭТ. Точка сборки смещается вниз и вверх, вправо и влево, то погружается, то возвращается к поверхности кокона. Эти эволюции делают человека как бы «обнаженным» и беззащитным – волны иррационального страха, жалости, гордости или самоуничижения вдруг поднимаются из темных углов нашей природы. Малейший повод может послужить причиной эмоциональной бури.

По этой же причине возрастает склонность к *индульгированию*. Ведь индульгирование – это, по сути, привычный, «автоматический» способ фиксировать точку сборки, для которой блуждание противоестественно. Самым легким и потому самым опасным является колебания точки сборки вниз или в сторону, ведь такие сдвиги подобны обычным флуктуациям первого внимания и узнаются тоналем как варианты «нормы». Это притупляет бдительность практика и создает предпосылки для патологических фиксаций.

Погружаясь в режим психической реверберации (индульгирования), мы истощаем себя, вновь и вновь испытывая эмоции не-безупречности. Мы активно излучаем энергию, которая уходит на поддержание непродуктивного смещения точки сборки. Этим самым тональ делает невозможным достижение прямого сдвига ТС, – сдвига, который должен вовлечь нас в перцептивную сборку новых стабильных конфигураций внешней Реальности.

Реже случается непроизвольный сдвиг точки сборки вверх. Судя по имеющимся наблюдениям, он, скорее всего, отражает сложившийся у сновидящего навык вхождения в сновидение через вершину кокона. Такой «сдвиг вверх» относительно безопасен в энергетическом смысле, но вынуждает вернуться

к привычному маршруту и тем самым обойти поля энергетического тела, которые нуждаются в трансформации. Заметить подобное отклонение легко – здесь возбуждение не сопровождается тревогой или жалостью, возникает чувство особой легкости, отвлеченности от тела, а восприятие фокусируется немного выше, чем обычно. Практик словно бы смотрит на самого себя и окружающее из точки, расположенной над макушкой головы. Сосредоточение такого рода может даже привести к выделению тела сновидения, минуя фазу засыпания.

Как уже было сказано, в этом нет большой опасности. Но практик должен помнить, что он отвлекается от прямого сдвига точки сборки, возвращаясь к «верхнему методу», в то время, как перед ним стоит задача качественно освоить *оба* способа и, в конце концов, интегрировать их, чтобы получить полноценное тело сновидения как стартовую площадку для тотальной Трансформации. Так что любые колебания точки сборки надо выслеживать и контролировать, и в первую очередь – смещения вниз и в сторону, ведущие к энергетическим потерям. Это объект непрерывного сталкинга.

Кроме того, побочными эффектами психоэмоциональной лабильности, вызванной колебаниями точки сборки, может быть обострение интуиции. Всплески нелокальной чувствительности выражаются в инсайтах либо предвидениях, порождают регулярные синхронистичности, что в целом создает неопределенную атмосферу – повышенная ясность осознания сменяется смятением и неуверенностью. Эти сумрачные периоды могут переходить в необъяснимую рассеянность, явно не связанную с переутомлением, в замирание ментального комментирования, что затрудняет способность к вербализации. Рассеянность, немота и остолбенение волнами накатывают на сновидца, и что-то неясное мерещится за порогом восприятия, какое-то присутствие непостижимого пространства, которое всегда было здесь, но прежде никак не проявляло себя.

Все перечисленные здесь симптомы типичны. Мы имеем дело со сложным психологическим состоянием, которое можно назвать *психоэнергетическим и психоэмоциональным кризисом*, являющимся реакцией на смещение координат перцепции. Тональ считал координаты восприятия незыблемыми и не зависящими от наших произвольных усилий, творением Природы и ее мифической Объективности, – неудивительно, что преодоление этой неосознаваемой, но фундаментальной Иллюзии требует от сновидящего высокого бесстрастия и отказа от озабоченности собственной судьбой.

(4) Восприятие энергетических полей и потоков в теле

Это довольно неожиданное переживание. Нечто подобное имеет место на фоне аутотренинга или иного типа самовнушения. Мы не привыкли совершенно спонтанно ощущать в теле потоки тепла или холода, волны, давления, вибрации, если находимся в состоянии нормального бодрствования. Хочу особо подчеркнуть, что все эти перцепции не являются невротическими иллюзиями ипохондрика, чрезмерно сосредоточенного на телесных переживаниях. Они вообще не вызваны специальной концентрацией внимания и не запрограммированы суггестирующим воображением. Возникая в любое время суток и без всяких причин, кинестетические поля и потоки могут быть яркими и даже навязчивыми.

Эти восприятия кажутся хоть и любопытными, но довольно бессмысленными фокусами нашей чувствительности, если не проникают в сферу сновидческих опытов. Интересно проследить, как меняется характер столь причудливых телесных ощущений в тот момент, когда вы переходите из первого внимания во *внимание сновидения*.

Будучи целостным сенсорным пучком, спонтанно собранным точкой сборки, такая перцепция хоть и является фактом бодрствующего опыта, но по характеру своему *к первому вниманию не принадлежит*. Это фрагмент восприятия энергетического тела, в значительной степени доступного нам только в виде *тела сновидения*. И именно *сновидение* помогает практику понять природу данного явления.

Чтобы воспользоваться восприятием наяву энергетических полей и потоков в теле, попытайтесь его стабилизировать незадолго до засыпания. Добиться этого бывает довольно легко, поскольку те кинестетические феномены, о которых я говорю, – «термические пятна», «пульсирующие кольца», волны, давления в туловище и конечностях, – поневоле захватывают внимание. Перцептивной фиксации способствует сильный диссонанс между фоновым восприятием (продуктом первого внимания) и фрагментом психоэнергетического поля, собранного по законам второго внимания.

Например, вы можете в течение дня ярко почувствовать горячее пятно на ладони (на ноге) или пульсирующее давление в груди. Не пытайтесь избавиться от перцепции, – наоборот, начните расслабление, остановку внутреннего диалога и активизацию периферийного внимания, осторожно и ненавязчиво поддерживая спонтанную кинестетическую конструкцию.

По мере погружения вы, как и положено, будете терять восприятие схемы тела. Если ваше внимание хорошо развито, в какой-то момент вы почувствуете, что физическое тело почти «исчезло». Собранное наяву кинестетическое ощущение поначалу станет ярче и интенсивнее, оно может изменить локализацию, увеличить площадь, а затем, в какое-то неуловимое мгновение вдруг обретет призрачность и словно распространится на поверхностные слои кокона.

Это не что иное, как включение кинестетического внимания сновидения. Чаще всего это происходит после перехода с первого уровня тональной продукции на второй. Разрыв непрерывности осознания поместит сновидящего в характерную позицию, субъективно воспринимаемую как позиция «частичного выхода». Это состояние *локальной интеграции* полей двух тел. Например, практик пробуждается и осознает, что у него есть «руки» тела сновидения и руки физического тела одновременно. В редких случаях он даже сохраняет полный контроль над двумя типами сборки – может, к примеру, пошевелить пальцами сновидческой руки, а затем проделать то же самое с пальцами «физическими». Но такая интенсивность осознания – все же кратковременный всплеск. Обычно перестройка перцепции (из первого внимания во внимание сновидения) ведет к соответствующему смещению контролируемой области: физическое тело перестает подчиняться осознанию, а фрагменты тела сновидения сливаются в целостную структуру и обретают свободу.

Феномен интегральной сборки перцептивных моделей первого внимания и внимания сновидения на какое-то время может зафиксироваться. Тогда второе тело проецирует себя в непосредственной близости[10] от первого, может довольно долго исследовать «физическую оболочку», ощупывать ее, сравнивать и находить любопытные различия – начиная с позы, пропорций и заканчивая более тонкими моментами – качество субстанции тела сновидения, входящие и исходящие потоки эманации, и иные, еще более экзотические детали. Словом, это удобная позиция для самоисследования сновидящего. Следует лишь иметь в виду, что здесь, в *сновидении*, 1)перцепции транслируются не всегда адекватно (например, связующее два тела *поле целостности* традиционно воспринимается как «шнур» или «жгут», что послужило причиной для известного мифа о «серебряной нити», с помощью которой астральное тело привязано к физическому), 2) часть колебания осознанности и внимания мгновенно порождает иллюзии и галлюцинаторные феномены – можно с ужасом обнаружить, что ваши сновидческие формы странно искажены или даже вовсе не имеют ничего общего с «человеческими». Все это чепуха. Тело сновидения в Реальности не имеет никакой формы (так же, впрочем, как и физическое тело) – все это игры собирающего внимания, которое, будучи сосредоточенным на собственном источнике, перебирает фантастические представления тоналя[11].

Надо также отметить, что моменты интегральной сборки время от времени происходят со всеми сновидящими независимо от наличия описанных здесь явлений. Восприятие наяву энергетических полей в теле всего лишь помогает запомнить эти трудно осознаваемые эпизоды.

Независимо от того, помним мы об этом или нет, «встреча двух тел» в сновидении имеет характерные последствия днем. Здесь, разумеется, имеет место синергетизм процессов, вызванный целым комплексом эффектов техники прямого сдвига точки сборки. Так, в течение дня практик может совершенно спонтанно на несколько секунд или минут фокусировать внимание на собственном теле сновидения. Ведь техника провоцирует не только всплески кинестетической сборки в виде упомянутых «полей и потоков», но и приостановку внутреннего диалога, тем самым распространяя эффект на всю массу энергетического тела. В результате мы сталкиваемся с двумя реакциями, не вызванными специальной концентрацией и установкой (в этом их отличие от схожих ощущений, являющихся непосредственным результатом методичного выполнения ОВД и не-делания в течение дня): а) «исчезновением» физического тела, б) переносом чувствительности на поля ЭТ, не входящие в область сборки первого внимания.

«Исчезновение» физического тела, о котором я здесь говорю, отличается от классических моментов «парения», которые известны многим сновидцам, практикующим походку Силы. Во-первых, оно может настигать нас не только во время движения, во-вторых, оно глубже и кажется нелокальным, и наконец, оно радикально трансформирует эмоциональную сферу. Что имеется в виду? Классическое «парение» на фоне остановки внутреннего диалога напоминает по своим характеристикам верхний сдвиг точки

сборки. Практик чувствует, что центр его восприятия сместился (приподнялся или отодвинулся назад), перспектива воспринимаемого поля изменилась, физическая чувствительность почти исчезла, и он «вот-вот взлетит». *Нелокальность*, о которой я говорю, – иное переживание. Схема физического тела просто растворяется или, лучше сказать, становится принципиально *неопознаваемой*. Сновидящий даже может подумать, что физически «перестал существовать». Он не взлетает и вообще никуда не перемещается. Легкость пропитывает его изнутри, убирает телесную форму, вызывая странное чувство невидимости и неощутимости себя в поле внешнего восприятия. Все декорации на месте, нет только актера. Ну а поскольку тональная проекция физического тела является основным носителем *смыслов* описания мира, его семантическим ядром, то окружающий мир, данный нам в опыте, теряет существенные связующие координаты. Действия, поступки и реакции соплеменников озадачивают очевидной бесцельностью. Я называю это состояние *семантической истощенностью* перцептивного Мира. Заметьте – воспринимаемые предметы, животные и явления природы не вызывают столь острого чувства. Это как раз подтверждает, что перцептивный сдвиг в первую очередь охватывает область смыслов (механизм *означивания*) и опытным путем демонстрирует – сборка тела обеспечивает семантикой большую часть воспринимаемого. (Это знание пригодится нам, когда мы вплотную займемся формированием *тела сновидения*.)

Из этой позиции один шаг до «остановки мира». Единственная сила, не позволяющая сновидцу сделать этот шаг, – психоэнергетические ремни, скрепляющие человеческую форму: страх смерти, чувство собственной важности и жалость к себе. Но наступит время, когда практика безупречности ослабит их – и вы сделаете решительный шаг в царство Свободы. Пока же мы можем использовать это продуктивное состояние

как оптимальный перцептивно-энергетический фон для самых разнообразных не-деланий. Надо лишь выработать сталкерские навыки, чтобы в этой бестелесности не утратить интенсивность осознания. Это не просто, поскольку тональные стереотипы при таком смещении восприятия вынуждают осознание сузиться и впасть в беспредметную рассеянность. Преодолев их инерцию, сновидец способен приблизиться к очень необычным, даже «магическим» вещам. Это особенно характерно для тех случаев, когда происходит спонтанный перенос чувствительности на поля ЭТ, не входящие в область первого внимания.

(5) Сенсорные и ментальные конструкты

Мы уже знаем о том, что практик сталкивается с гиперпродукцией тоналя во время самой психотехнической процедуры прямого сдвига ТС. Однако трансформационные эффекты, активизированные упражнением, могут иметь своеобразное «эхо» и вызывать спонтанные переживания на фоне повседневной жизни первого внимания. Чаще всего это продукты первого и второго уровня («поверхностные» или «сновидческие»). Они в большинстве случаев представлены визуально (по крайней мере, визуальный канал наиболее «демонстративен», и необычные явления визуального типа обращают на себя особое внимание, легко запоминаются).

Аудиальные и кинестетические конструкции при этом могут оказывать сильное влияние на характер повседневной психической активности, оставаясь в стороне, на периферии осознания. Слух может предъявлять собранные из шумового фона паттерны – как правило, примитивные (гул, свист, треск). Мы принимаем их за обычные «помехи». (Например, в состоянии замедленного внутреннего диалога мы вдруг «слышим» резкий щелчок или шаги за стеной. Мало кто узнает в этих звуках собственный «продукт», так как мы считаем, что действительно слышали что-то реальное.) Когда накапливается сильное напряжение перцептивной энергии, из сенсорного хаоса рождается более сложная конструкция – можно услышать свое имя или какое-нибудь слово, «произнесенное» в тишине. Такие флуктуации восприятия случаются редко, и мы любим поразмышлять над таинственностью их происхождения.

Кинестетика балует нас необъяснимыми ощущениями, которые приходят на несколько секунд, а потом исчезают, если не привлекать специального, «делающего» внимания. Это могут быть прикосновения, быстро проходящие онемения или покалывания каких-то точек тела, причудливые ощущения, приходящие как бы от внутренних органов.

Все вполне безобидно, пока практик не начинает относиться к этому серьезно. Ни в коем случае не надо потакать себе в мистических фантазиях (духи, союзники, домовые, послания из параллельных миров и т.

п.). И дело здесь не только в очевидном вреде подобных фиксаций для психического здоровья, но и в том, что мы, занимаясь психоэнергетической практикой, способны иногда «порождать призраков» – они будут отвлекать и истощать ваше внимание.

Редкие и небезопасные феномены – это спонтанный выход глубинной и архетипической продукции. Поскольку она всегда связана с мощными эмоциональными импульсами, с содержаниями, имеющими исключительное значение, встреча с ними всегда кажется чем-то судьбоносным. Помните важнейшую в этом случае заповедь дона Хуана – *верить, не веря*.

Не забывайте и о том, что собирающая сила перцептивной продукции неразрывно связана с логикой, типом мышления и характером построения образов и понятий. Ментальные конструкты могут нести с собой чуждую первому вниманию логику и особый тип сновидческого творчества. Здесь мы находим исключительную свободу комбинаций, результаты которой первому вниманию могут казаться совершенно безумными.

Специально не хочу останавливаться на этих мыслительных аберрациях подробно. Вреда от них нет, пока мы не превращаем такие странности в объект размышлений и анализа. В просоночном состоянии и в момент засыпания мы можем легко игнорировать их, относя к нереальному царству чистого воображения. Наяву же (часто в состоянии усталости или рассеянности, увлеченности монотонными процессами) они обретают относительную реальность. Если вы занимаетесь творчеством, энергия подобных конструктов находит для себя адекватное применение. В противном случае – привносят параноидальную окраску мировоззрению и мировосприятию. Многие оккультные идеи, когда они перенасыщены деталями, связанными причудливым образом, имеют вдохновляющий источник в подобном «сновидческом мышлении». Им злоупотребляли европейские алхимики, каббалисты и некоторые теософы. Чтобы не провоцировать магическую паранойю, избегайте бессмысленных размышлений, спровоцированных сновидческими ментальными конструктами.

(6) Фрагменты внешней перцепции как результат сборки сигналов, поступающих с поверхности энергетического тела. Ясновидение, яснослышание, предвидение и психокинез

Это самый поразительный эффект. Он проявляет себя настолько ярко и однозначно, что нет нужды погружаться в подробности их описания. Психоэнергетический смысл феномена состоит во взрывообразной сборке внешних сигналов, поступающих от поверхности кокона, и прежде всего – от активизированных каналов фронтальной пластины.

Конечно, в основе явления лежит спонтанный и кратковременный сдвиг точки сборки. В том случае, если накопившееся в результате практики напряжение полей не реализовало себя непосредственно в момент исполнения техники, т. е. не толкнуло ТС в позицию сновидения, энергетическая разрядка может произойти в любой момент, который наше тело посчитает наиболее подходящим.

Однако осознание, подчиненное ограниченным законам тоналя, часто воспринимает «подходящий» для тела момент как абсолютную неожиданность и даже как неуместную выходку. Известно, что встречаются люди, которые без всякой психотехнической практики регулярно переживают перцептивные феномены этого сорта. Чаще всего их необычные способности связаны с нарушениями фиксации точки сборки в результате нейрофизиологических повреждений[12], сильных энергетических атак внутреннего или внешнего происхождения. Внутренние энергетические атаки на позицию ТС – это длительные психоэмоциональные напряжения, стрессы, расстройства и дисфункции. Внешние – это те или иные виды излучений, контакты с неорганическими существами и др. под.

В этом случае фрагмент внешней перцепции собирается мгновенно. Точка сборки не покидает полей энергетического тела воспринимателя, а лишь перемещается в ту позицию, где сигналы от поверхности ЭТ могут конкурировать с сигналами, поступившими от специализированных органов чувств. Здесь возникает сенсорный пучок, сила которого достигает осознания. Парапсихологи традиционно именуют данную психоэнергетическую флуктуацию *экстрасенсорной перцепцией* (ЭСП)[13]. Иными словами, это всплески ясновидения, яснослышания, предвидения и так называемой «телепатии» – которую следует рассматривать как *ЭСП ментальных образов и структур, производимых психикой других людей*.

Изучая эти процессы в позиции сновидения, мы способны идентифицировать даже степень участия в перцепции того или иного канала – прежде всего, горлового центра, солнечного сплетения и области пупка. Каждый из центров вносит свой специфический вклад в общую структуру пучка. Если практик достигает той степени алертности, в которой может, не прерывая ЭСП, выследить работу центров кокона, у него возникает новая способность – произвольно манипулировать характером перцепции. Например, предельное сосредоточение на области пупка переводит перцептивную сборку в плоскость *силовых* взаимодействий, что пробуждает *психокинетический потенциал* ЭСП. *Восприятие* удаленных объектов и явлений *превращается в манипулирование* ими.

Трансляция сновидения и других ЭСП в *сновидении* происходит наиболее естественным образом, поскольку не встречает сопротивления со стороны описания мира. Ведь только в *сновидении* тональ может игнорировать законы дневного описания и не испытывать по этом поводу потрясений, пробуждающих эмоциональную стихию, способную затруднить осознанный контроль за работой внимания и вызвать непоправимые деформации восприятия.

Все явления такого порядка транслируются как «выход» тела сновидения и его мгновенное перемещение в удаленную позицию перцепции (хотя в большинстве случаев подлинного выхода не происходит, но тональ – как наяву, так и в сновидении – совершенно не озабочен реальным положением дел). Практику кажется, что он заснул и моментально оказался там, откуда «прибыл» пучок восприятия. И, справедливости ради, надо признать, что *в некотором смысле он действительно там оказался*.

Ибо фрагментарная перцепция есть частичная сборка нашего энергетического поля. Последовательно вовлекая себя в интенсивный и всесторонний энергообмен, активизируя схему тела сновидения со всеми его каналами (особенно *областью пупка* и *солнечным сплетением*, способными поглощать и излучать плотные потоки энергии), сновидящий приближается к *оформлению дубля* и полной *телепортации* всех полей кокона.

Таким образом, на заключительном этапе работы по прямому сдвигу точки сборки *телепортационный эффект* становится реальной перспективой. Его *нельзя добиться без полноценного оформления тела сновидения*, поэтому подробнее об этом будет сказано во второй части книги.

Достижение внимания сновидения

Сон – это маленькая дверь, спрятанная в сокровенных и наиболее тайных глубинах психики, открывающаяся в ту космическую ночь, которой была психика задолго до того, как появилось какое-либо Эго-сознание... Сознание все разделяет, но в снах мы тянемся к более универсальному, истинному, более вечному человеку, обитающему в темноте изначальной ночи.

Карл Юнг

Мы подбираемся к вниманию сновидения определенным способом – от периферии к центру. От осознания частных процедур и манипуляций лучом внимания – к осознанию «пульта управления», который может даже репрезентировать наше сакральное, мистическое Я, центр самосознания.

Большую часть этих зацепок и технических приемов пробуждения внимания сновидения от периферии к центру я описал выше (в главах 1, 3 и 4 данного раздела книги). Благодаря им интенсивность осознания возрастает настолько, что сам процесс «засыпания» перестает быть медленным сужением полей осознающей активности. Теперь попробуем понять, чем же является феномен внимания сновидения в чистом виде.

В своих работах В. В. Налимов предложил понимать мир, данный нам в виде перцептивного поля, как Текст. С одной стороны, эта идея давно витала в воздухе, находя различные выражения у мыслителей прошлых веков, с другой стороны – далеко идущие последствия такого подхода вряд ли поняты надлежащим образом даже сегодня. Достаточно сделать единственный шаг – видимо, слишком смелый для традиционного сознания, – и превратить метафору в энергетическую Реальность, чтобы сделать

явным новое измерение сознательного Бытия и указать на экзистенциальную свободу, данную человеку вместе с произвольным вниманием и регулируемой этим вниманием психоэнергетикой.

Ведь если мир – Текст, то Человек – *автор* этого Текста. «Семантическая Вселенная» В. Налимова построена согласно грамматике и синтаксису, совокупности знаков, значений и смыслов, сотворенных нашим мышлением через специальное усилие внимания, названное в нагуализме *деланием*. Все это уже было сказано в предыдущих главах, но здесь сосредоточимся на самом важном моменте для сновидческой дисциплины – на фундаментальном правиле построения мирового Текста, которое разделяет и противопоставляет в нашем опыте «явь» и «сон». Данное противопоставление совсем не умозрительно – именно оно определяет нестабильность и слабость внимания в сновидении, его сосредоточенность на внутренних содержаниях, а значит, и характер энергообменных процессов.

Чтобы войти в сновидение, надо изменить правило мирового Текста. Не-делание, о котором уже столько сказано, *создает паузу, во время которой правил не существует*.

Каким бы способом выхода в сновидение мы ни пользовались, приостановка делания – ключевой момент. Борьба сновидящего сосредоточена а) на прекращении работы общепринятых правил мирового Текста, б) на приведении в действие *нового* правила, в соответствии с которым поля сновидения получают равный с бодрствованием семантический и синтаксический статус. А прогресс сновидящего измеряется тем, как долго и насколько радикально новое правило определяет психоэнергетическую динамику практикующего.

Долгие годы сновидец не может изменить правило дольше, чем на 3-5 минут. Причем достигается изменение непосредственно перед включением внимания сновидения. Дневная жизнь осознания продолжается по классическим законам, как ни в чем не бывало. Это период терпения, когда только безупречность дает несгибаемое намерение для работы, несмотря на кажущееся отсутствие всякого движения вперед.

Итак, вы – безупречны. Вы не пожалели времени и сил на очищение тоналя, на трансформацию страха смерти, чувства собственной важности и жалости к себе. Более того, вы научились высокой бдительности сталкера и успешно выслеживаете свои автоматизмы, поведенческие реакции, обусловленные импринтами, и благодаря этому достигли некоторой «объемности сознания». Все вышеперечисленное, помимо очевидных трансформаций личности и усиления осознания, обеспечивает вас солидным фундаментом в области освоения не-делания. Это – главный инструмент, с помощью которого можно изменить правило мирового Текста. Осталось лишь понять, как им эффективно воспользоваться.

Приостановка делания и «первые врата»

Как уже было сказано, универсальным орудием *делания* является внутренний диалог, и его остановка во всех случаях обязательна. Сновидящие могут использовать ОВД непосредственно либо применять некоторые уловки, прерывающие критические аспекты делания, чтобы вызвать цепную реакцию, направленную на общий паралич тоналя – нашего всемогущего «делателя» Мира.

Непосредственное использование ОВД – это культивирование «тишины», или концентрация на «нуле перцепции». Главные методы этого класса я описал в «Видении нагуаля» (2002), так что не стану повторяться. Остановимся на более глубоком, сущностном аспекте – на том, что дон Хуан у Кастанеды называет «первыми вратами сновидения». Формулировка Нагваля очень важна, но понять ее трудно. Как вы помните, она сводится к тому, что необходимо «осознать момент засыпания».

Я уже говорил, что в соответствии с терминологией В. Налимова это есть не что иное, как погружение сознания в семантический вакуум. Что *практически* дает нам эта метафора? И – главное – как достигается это состояние?

Прежде всего, через *устранение содержаний* (т. е. выделенных, о-значенных элементов, которые очерчиваются вниманием и осознаются, в главной массе своей, *послепроизвольным* образом). Но тут мы сталкиваемся с парадоксом, имеющим вполне практические последствия. Дело в том, что устранение *абсолютно всех* содержаний прекращает сам процесс внимания. Иными словами, останавливается

сборка сенсорных сигналов, интенсивность осознания падает почти до нуля, и мы погружаемся в глубокий сон без сновидений. Это препятствие хорошо известно практикующим. Иногда оно кажется непреодолимым барьером и вызывает ощущение безнадежности. Те, кто оказался в подобном тупике, всем телом чувствуют, что им «чего-то не хватает». Традиционное объяснение – «не хватает энергии». Однако не всегда это так.

Чтобы выяснить самому, в чем хитрость прохождения так называемых «первых врат сновидения», надо обрести специфическую наблюдательность. Обычно она развивается благодаря непрерывному сталкингу, но прирожденные сталкеры, активно пользуясь своей наблюдательностью, чаще всего не способны объяснить, в чем именно она заключается.

Ответ прост и сложен одновременно. Приостановка делания открывает проход через «первые врата», если остановка не распространяется на самого «делателя».

Абсолютный семантический вакуум, который может казаться многообещающим состоянием чистой Потенциальности, из которой вот-вот возникнут галактики и миры, никогда ничего не рождает, *если отсутствует наблюдатель*. Но ведь наблюдатель – это продукт определенного *делания!* Перед лицом такого коана практик столбенеет.

Совсем необязательно формулировать эту логическую загвоздку, описывать парадокс, «называть» его. В любом случае мы бессознательно пытаемся устранить противоречие. Либо мы прерываем делание целиком и погружаемся в забвение, либо продолжаем *делать* и изводим себя бессонницей, которая ничего, кроме усталости, не дает.

Мучения вокруг «первых врат» вызваны как раз бессознательной убежденностью нашего тоналя в фундаментальном правиле мирового Текста. Если воспользоваться лингвистической аналогией, то его можно сформулировать так:

Одно слово не является Текстом.

Поскольку «Текст» в нашем случае есть Мир (Бытие, Существование), то вывод из этого правила следующий:

Одно слово не является Существованием.

Что в переводе на функциональный язык тоналя означает: «одно слово *не существует*». Мы загипнотизированы законом, по которому дано либо Небытие («О»), либо Делатель + Делаемое («2»). Нарушить это правило – значит найти вход в «первые врата сновидения».

Практически это выражается в том, что нужно вычленить *чистое внимание, чья энергия делания направлена на самое себя*. Все приемы и уловки, зацепки и хитрости сосредоточены вокруг этого неявного центра.

Итак, прохождение «первых врат» возможно при *одновременном* осуществлении двух операций:

(1) полном прекращении делания по всему полю, предъявленному осознанию;

(2) поддерживании делания самого внимания и, следовательно, осознания.

Каждый раз, когда нам удается войти во внимание сновидения, мы осуществляем обе операции. И часто не можем объяснить, каким образом. Когда у нас ничего не получается, мы точно так же не понимаем почему. Это неведение и есть причина длительной неуверенности сновидца – смогу ли я сегодня войти в сновидение? Или опять меня ждет неудача? «Накопил» ли я достаточно энергии? И т. д.

Насколько я могу судить по собственному опыту, включение внимания сновидения – вопрос не столько энергии, сколько навыка и верного понимания, *что* следует *делать* и что *не-делать*. Наличие энергии – это решающий фактор для осуществления перехода из внимания сновидения во второе внимание, где энергетическое тело вынуждено совершать работу с внешними полями. Что же касается внимания сновидения, то оно встречает весьма малое сопротивление, выуживая внутренние образы, сотканные из

памяти, манипулируя ими и собирая, таким образом, мнимые «пространства», где разворачивается придуманный сновидцем сюжет.

16-летний опыт сновидческой практики открыл мне, *чем* является внимание сновидения в *чистом* виде. На определенном этапе работы оно доступно практику даже при минимальной сосредоточенности. После того как навык полностью сформирован, можно открывать «первые врата» почти каждую ночь и даже днем, если тщательно провести процедуру *приостановки делания*. Все основные элементы этой процедуры были описаны в предыдущих главах. В благоприятных условиях она занимает пять-десять минут, иногда чуть дольше, максимум до получаса. Именно столько времени уходит на то, чтобы устранить все привычные виды делания, выследить самого *делающего* и зафиксировать его позицию.

В чистом внимании сновидения нет сенсорной или имагинативной (образотворящей) активности. Можно сказать, что оно представляет собой *пустое поле*. И только через несколько секунд, когда восстанавливается тональное делание, мы встречаемся с первыми произведениями перцептивной сборки.

Таким образом, можно сказать, что *внимание сновидения*, полностью реализовавшее свой перцептивный и энергетический потенциал, – *это не просто* «*направленность осознания*» на сновидческое сенсорное поле. В первую очередь, это внимание, *осознающее собственный процесс*. Благодаря этому *вниманию внимания* вы осознаете сам момент засыпания, что и есть встреча с «первыми вратами» сновидения, если мы примем дон-хуановское описание по Кастанеде. На другом терминологическом языке (например, в психотехнологической концепции О. Г. Бахтиярова, которая кажется мне весьма плодотворной) это – специфическое «формирование рефлексивной инстанции»[14]. Специфика же данной «рефлексивной инстанции» заключается в том, что ее задача – объединить, интегрировать в единый поток интенсивного осознавания два качественно отличных режима психической деятельности: бодрствование и сон. И посредством нового усилия, родившегося из такого единства,

распространить психорегулирующий потенциал на ту область нашего опыта, где раньше человек был пассивен и ничтожно слаб.

Перешагивая порог «первых врат сновидения»

Возможно, то, что я считаю правилом мирового Текста, маги дон-хуановской линии назвали бы «командами Орла». Как бы то ни было, победа над правилом (или командой) влечет за собой радикальное изменение отношений между вами и вашим сновидением.

Исчезает множество затруднений и ограничений. Во-первых, мы получаем возможность входить в сновидение без разрыва осознания – не только ночью, но и днем, когда есть возможность уделить практике два-три часа. Дневное сновидение бывает весьма плодотворным. Оно часто запоминается в мельчайших подробностях, а субъективное переживание времени в сновидческом пространстве обычно совпадает с временем наяву. Если верить этому чувству времени, дневное сновидение редко прерывается периодами бессознательности, чего ночью избежать весьма трудно.

Длительность ночного сновидения возрастает с нескольких минут до часа, а иногда и до нескольких часов. Эта растянутость времени сопровождается качественным изменением самого характера переживаний.

Что я имею в виду? На первом этапе практики, который иногда растягивается на пять-десять лет, экспериментатор может иметь за ночь несколько включений внимания сновидения. Но по причине естественных колебаний осознанности сновидец запоминает свои странствия не полностью и искаженно.

Чаще всего имеют место следующие дефекты запоминания.

Либо практик помнит содержание *первого* всплеска осознанности, но забывает последующие (и это самый распространенный случай), либо он запоминает *последний* эпизод незадолго перед окончательным пробуждением. Отсюда странное чувство неполноты: вроде бы было что-то еще, но что? Конец или начало «истории» скрывается в тумане забвения.

Бывают и другие искажения, более причудливые. Например, память может быть «склеена» из нескольких кусков, разрывы между ними тональ заполняет смысловыми связками, которые на самом деле являются моментами совершенно обычного сна. Но сновидец об этом не догадывается, поскольку связки из обычных снов так удачно встроены в «ясные» эпизоды, что память превращает собрание фрагментов в ложное единство.

Полноценное освоение внимания сновидения делает явными все эти заблуждения памяти. Мы видим, как сновидение возникает из пустоты, как оно разворачивается, прерывается и возобновляется вновь, как оно завершается. Наиболее любопытно наблюдать, как сновидческая активность на время замирает – в эти моменты можно осознать пустоту явившихся образов и форм, постичь подлинное состояние своего энергетического тела и многое другое.

В частности, из этой позиции прекрасно видно, *что* было прикосновением ко второму вниманию и *что* – блужданием среди самодельных теней. Исчезает спешка и мельтешение картин. Интересно наблюдать, как истощается творческая энергия тоналя, а внимание продолжает работать. Например, я нередко сталкиваюсь с замершим пейзажем и терпеливо жду продолжения. При этом всегда идет поиск внешней энергии. Если я ее нахожу, то насыщаю ею тело сновидения и оказываюсь во втором внимании. Если не нахожу, то застывшая картина медленно тускнеет, пока на ее месте не останется наполненная неопределенным светом пустота. Когда чувствуешь, что сновидение закончилось, можно сознательно выбрать пробуждение или погрузиться в бессознательный сон, где уже ничего не происходит.

Обнаружение внешней энергии чаще всего приводит нас в первый мир второго внимания – то место, которое кажется совершенной копией нашей реальности. Если энергии не слишком много, на этом все и заканчивается. Можно часами блуждать по собственной квартире, тренируя контроль восприятия и тела сновидения. На первый взгляд, скучное занятие, но на самом деле здесь никогда не бывает скучно. Даже если вы ограничены пространством собственной спальни, это небольшая, но *реальная* тренировочная площадка второго внимания. Каждая минута, проведенная здесь, так или иначе ведет вас к цели.

Лично мне не хочется возвращаться в иллюзорный мир сновидения, где происходят удивительные события, сочиненные моим собственным тоналем, хотя я знаю, что такой выбор всегда есть. Более того, это весьма просто. Достаточно отпустить восприятие, заглядевшись на какой-нибудь предмет, – и вы снова в сюжете прерванного сна либо в новой истории, рождающейся прямо на глазах.

В случае, если вы обладаете приличным запасом энергии, можно отправиться в путешествие по первому миру второго внимания – выйти на улицу, пойти пешком или взлететь, отправиться в какое-нибудь интересное место. Если энергии еще больше, можно вырваться из первого мира и приступить к исследованию других миров. Только не стоит забывать, что чем дальше – тем опаснее, чем дальше – тем большим объемом энергии вы должны обладать, чтобы справиться с давлением эманаций, сохранить и защитить себя, а потом вернуться неповрежденным.

Такие экскурсии возможны далеко не всегда. Есть множество вполне очевидных закономерностей, связанных с безупречностью и сталкингом – качеством осознания наяву, аккумулированием энергии из объектов, доступных в первом внимании, с местом и временем, выбранным для погружения в другие полосы эманаций. Но, кроме перечисленного, есть ряд невыявленных факторов, которые иногда определяют, возможно или невозможно сновидцу попасть в иной мир.

По этому поводу можно строить бесконечные догадки. Складывается впечатление, что в океане нагуаля дуют разные «ветра», перемещаются поля и структуры, влияющие на положение «навигатора». Непостижимая активность Бесконечности что-то делает с нашим энергетическим телом, и чем чаще мы бываем во внимании сновидения, тем явственнее чувствуем эти волны мироздания.

За первыми вратами есть пространство чистого внимания. Хоть оно и кажется пустотой, им не следует пренебрегать. «Пустота» многому учит, если не забывать, что она – не Абсолют, а только позиция внимания, освободившегося от порождений тоналя.

Я уверен, что именно об этой форме усиленного осознания писали тибетские йоги: «Благодаря концентрации сознания на формах и удержанию сознания свободным от мыслей, эти формы божеств настраиваются в созвучие с бессмысленным состоянием сознания, в результате этого возникает Ясный Свет, сущностью которого является Пустота»[15]. Это весьма напоминает переходный опыт сновидящего,

открывшего «первые врата». Для него суть чистого внимания сновидения и есть «Ясный Свет, сущность которого Пустота». Есть и другие сходства, заставляющие подозревать, что мы имеем дело с тем же феноменом. Так, Эванс-Венц в цитируемой работе пишет: «Йогин пользуется таким же живым (ярким) сознанием в состоянии сна, как и в бодрствующем состоянии; и при переходе из одного состояния в другое не испытывает никакого разрыва в целостности памяти». Как видите, феномен перехода во внимание сновидения без разрыва непрерывности хорошо известен в данной традиции, которая, как считается, восходит к древними шаманским практикам. И это обстоятельство вряд ли является простым совпадением.

Всё вышесказанное есть сущность фундаментальных процессов (перцептивных и психоэнергетических), лежащих в основе *перехода к вниманию сновидения из первого внимания*.

Однако в таком чистом виде переход к вниманию сновидения случается крайне редко. Как правило, практик сталкивается с многообразием тональных проекций, с *ментально-символьными* презентациями (представлениями) подобных переходов, которые могут принимать оригинальный и даже экзотичный облик.

Отношение между сновидцем и его *сновидением* – всегда очень личное, интимное, неповторимо-индивидуальное.

Например, существует великая Тайна *намерения*. Именно через *намерение* (всегда невысказанное, поскольку оно вообще невербализуемо) сновидящий соприкасается со своим сновидением.

В этой книге не будет главы или раздела, посвященного *намерению*, несмотря на очевидную важность этой темы. Тому есть несколько причин. Во-первых, говорить о *намерении* можно очень долго, но количество слов, сравнений, моделей и метафор не приблизит нас к сути явления; оно по определению *за* описанием, будучи частью невыразимого бытия *нагуаля*. Во-вторых, практик ощущает *намерение* непосредственно – все, что ему необходимо для этого, заключается в неуклонном использовании описываемых техник.

Не существует (и не может существовать) рецепта вызывания намерения. Следуя дисциплине, вы рано или поздно просто приходите к нему. Все методы, часть которых приведена здесь, содержат в себе тропинку к намерению. Вы узнаете его, когда они заработают.

Внимание сновидения и второе внимание

Чем, в частности, отличается внимание сновидения от второго внимания? Тибетские йоги, например, писали: «Если во сне явится огонь, преврати огонь в воду, средство против огня; и если во сне явятся мельчайшие объекты, преврати их в большие объекты; или если во сне явятся большие объекты, преврати их в малые объекты. Тем самым постигается природа размеров. И если во сне явится единственная вещь, преврати ее во множество вещей...»

Если вы находитесь в перцептивном поле, которое подчиняется таким манипуляциям, значит, перед вами мир сновидения, а не второго внимания.

Конечно, второе внимание тоже демонстрирует пластичность, но несколько иного рода. Второе внимание открывает область реальных энергетических давлений, и наша свобода заключается в способе передачи импульсов, потоков, формаций нашему осознанию. Кроме того, если мы научились управлять телом сновидения, мы можем своевременно покинуть область давления. Но *радикально трансформировать энергетическую ткань мира второго внимания – невозможно*. Я не говорю о высших этапах практики, где сновидящий обретает подлинную текучесть энергетического тела и потому как бы произвольно управляет мирами, – ведь здесь проявляется способность тела перестраиваться в момент каждого контакта, выбирать вариант взаимодействия. Его усиленное осознание знает, что *меняется не Мир, а сам сновидец*, и всегда чувствует, как именно и до каких пределов это возможно в ситуации конкретного энергообмена.

Внимание сновидения отличается от *второго внимания* «плавающей» фиксацией. В чем это проявляется конкретно?

1. *В особенностях сборки тела* (неполнота, неустойчивость). Взглянув на руки, можно обнаружить, что они прозрачные или, например, «светятся голубоватым огнем». Вы не можете найти собственные ноги и никакими силами не способны почувствовать живот или плечи. Наконец, со «схемой тела» происходят регулярные и неуправляемые метаморфозы – например, вы воспринимаете себя в качестве «шара» или «трубы».

2. В особенностях сборки пространства. Перспектива фрагментарна либо совсем отсутствует, поле зрения сужено («туннельность»), а главное – сновидящий сталкивается с *прерывистостью* пространства (переход из одной сцены в другую в результате отвлечения внимания, а не специальных усилий, предпринятых для перемещения).

3.*В неопределенности точки отсчета* (точки «наблюдателя»).

Существуют и другие, более частные отличия, о которых еще будет сказано.

Второе внимание вовлекает в процесс восприятия и энергообмена полевые формации энергетического тела (включая те, что мы полагаем в первом внимании частью своей соматики), поэтому после возвращения из второго внимания сновидец нередко сталкивается с непривычными телесными ощущениями. Это – спастические напряженности (чаще всего в полевых «узлах» тела – солнечное сплетение, центр пупка, горловой центр), характерные изменения чувствительности либо в сторону ее усиления, либо – в сторону ослабления (необычные кинестетические «волны», «разряды», парестезии и синестезии, которые трудно объяснить физиологическими причинами, онемения, термические флуктуации – «холод» или «тепло» в различных точках и зонах организма). Подобные «остаточные» ощущения, переживаемые непосредственно после пробуждения (возвращения в первое внимание), могут отражать конкретные события, имевшие место в ином режиме восприятия, а также смещения и превращения отдельных полевых фрагментов ЭТ.

Вообще, участие тела в энергетических событиях сновидения – важный критерий, часто позволяющий судить, был пережитый опыт вторжением во второе внимание или всего лишь яркой проекцией внимания сновидения, творящего пространства, объекты и процессы исключительно внутри генерируемых шаблонов, состоящих из материала памяти и потенциала комбинирующего воображения. (Конечно, критерий не абсолютный. Следует всегда помнить, что опыт сновидца лежит на границе условно «внутреннего» и «внешнего». Это та самая грань, где торжествует квантовая неопределенность – тональ субъекта создает энергетические модели, которые значительной частью своей словно пребывают «вовне» и этим превращаются в реальность, а внешнее поле «подчиняется» субъективному выбору упорядоченного осознания. И тело следует за этими странными играми *наблюдателя* и *наблюдаемого*.) И все же *масштабные* энергетические последствия, распространенные на всю организмическую целостность или на обширные ее участки, как правило, свидетельствуют о том, что какое-то время перцептивно-энергетический режим второго внимания был активизирован.

Правда, мы должны иметь в виду, что трансформационная и познавательная ценность таких «переключений» может быть очень разной. *Наименее* ценными, на мой взгляд, являются переживания этого сорта, если они являются результатом атаки психоактивных веществ – как растительных, так и синтетических.

Некоторые сторонники «растений силы» не согласны со мной. Они любят вспоминать, как дон Хуан трепетно относился к «дымку», как называл грибы и дурман «союзниками» шамана, и др. подобные эпизоды из книг Кастанеды.

Дело в том, что определенные психоактивные агенты действительно способны *познакомить* практика с энергетическими и перцептивными сдвигами системы, включающими в себя поля физического тела. Но если мы хотим *упорядочить* осознание (восприятие, полевые конструкты и связи ЭТ) в режиме второго внимания, участие *любого* постороннего агента, несущего в себе энергию *биохимического* происхождения, – *недопустимо*. Это «участие» радикально меняет структуру опыта и вынуждает нас воспринимать и изменяться, *следуя несвойственной нам модели*.

Психоактивное вещество (растение) если и является «союзником», то довольно агрессивным. Оно не столько «обучает», сколько «берет в плен». Можно сказать, что с помощью «магического зелья» мы посещаем не свое, а *ЕГО* второе внимание. Вещество «решает» за нас, *как именно* вводить нас в

альтернативные согласованные перцепции («миры» второго внимания), *какие* конкретные поля собирать более тщательно, *предъявлять осознанию в качестве центральных* и главных, *какие* – уводить на периферию и *держать в тени*.

Если психоделические опыты становятся регулярными, они, безусловно, приносят вред. Следующие из них «уроки» кажутся откровением, соблазняют доступностью, восхищают силой и яркостью, но – в конечном итоге – плохо сочетаются с намерением, присущим человеческому виду. Поэтому второе внимание, достигнутое с помощью психоактивных агентов, рано или поздно открывает свою разрушительную сущность. Его сила перестраивает осознание, вызывая чарующие эффекты (иногда вполне «магические»), но *тип этой перестройки – чужой, нечеловеческий*, он чаще всего *убивает* тело в процессе трансформации.

В большинстве случаев человек уязвим перед открывшейся бездной иномирных впечатлений – не потому, что там обитают сущности, стремящиеся нас погубить (как полагают иные верующие), а потому, что нас *увлекают* любые непривычные восприятия. Чем дальше эти впечатления от стандартных, собранных согласно человеческому шаблону, тем больше соблазн. Ведь осознание жаждет абсолютной свободы, оно тянется к превращениям, побеждающим любые поставленные природой рамки и законы. И психоактивный агент предоставляет осознанию вариант такого опыта.

По сути, все ПАВ генерируют ту или иную разновидность *перцептивно-энергетической мутации*. Но, как и мутации биологические, они редко бывают конструктивными. Чтобы победить их разрушительную природу, перестроить их себе во благо, надо иметь *больше* энергии, чем содержит само мутагенное вещество. Вряд ли это возможно на первых этапах психоэнергетического тренинга.

Сущность сталкинга и внимание сновидения. Проблема равновесия

Приближение к стабильно достигаемому *вниманию сновидения* меняет внутренний мир человека и содержательно, и функционально. Его поведение не вписывается в шаблонные схемы, навязанные социумом. Это касается не только вещей, как бы лежащих «на поверхности» личности, живущей в мире себе подобных, – мотивации, иерархии ценностей, убеждений. Прежде и более всего эти изменения касаются *самоощущения, само-осознания* и *самовосприятия*. Эти глубоко внутренние факторы определяют то, что принято называть «внутренней позицией личности» в социальном пространстве.

Позиционирование себя становится более объемным, а значит, диалектическим и даже парадоксальным. Такую трансформацию, с точки зрения личностного роста, следует признать позитивной, но структуры общества, в котором мы живем, по природе своей ригидны и оказывают естественное сопротивление. Если же мы вспомним, с какими социальными силами приходится иметь дело современному практику, становится ясно, что он нуждается в определенной «маскировке».

Одновременно, как мы помним, *главной целью* сталкинга *не является* совершенствование социального поведения само по себе. Сталкинг – это *работа с вниманием и осознанием*. Включить произвольное внимание в момент осуществления автоматизма или поведенческой программы – условие активизации *именно осознания*. Осознание «запускает» энергетические процессы, которые прежде были инертны, но теперь могут и должны быть направлены на достижение внимания сновидения. Таким образом, сталкинг как целостный метод универсален. С одной стороны, он является катализатором всех психотехник, направленных на смещение точки сборки (начиная с остановки внутреннего диалога), с другой – осознанность сталкера влияет на характер реакций, качество общения и социальное поведение в целом, будучи мощным средством реализации *безупречности*.

Еще раз напомню, что **без трансформации страха смерти, чувства собственной важности, жалости к себе сновидящий может опасно приблизиться к психическим расстройствам и деструктивным изменениям личности.** Таким образом, ни один сновидящий не может игнорировать методы «самовыслеживания», если хочет сохранить здравый смысл, эмоциональное равновесие, интеллектуальный и телесный тонус.

Так как эта книга обращена, прежде всего, к сновидящим, нельзя не указать на актуальную для них «проблему равновесия». Природные сталкеры не обращают на это внимание, ибо их, как правило, спасает развитая интуиция.

Дело в том, что выслеживание сновидящих (пока оно не стало *тотальным*, т. е. предельно интенсивным и равномерно распространенным на все сферы опыта) создает сильную фиксацию на внутреннем мире практика. Уравновешенный сталкер с одинаковой бдительностью изучает как *область субъективного реагирования* (внимание, восприятие, эмоции, мысли и проч.), так и *окружающее поле*, откуда поступают сенсорные импульсы.

Если же вы сосредоточили всю силу своего внимания «на себе», нередко возникает непродуктивный для сновидца застой. Какой-то парадокс: чем больше внимания сновидящий уделяет сталкингу реакций, эмоций и чувств, тем реже он воспринимает миры сновидения. Кажется, что сталкинг не способствует сновидению, а мешает ему.

Подобная инерция внимания и восприятия в сновидении легко объяснима. Сновидческие образы, как мы знаем, возникают чаще всего по двум причинам: 1) перцептивное внимание сновидящего направлено вовне и стремится собрать поступающие сигналы в пучки; 2) тональ галлюцинирует, чтобы переработать те или иные энергетические следы, оставшиеся в бессознательной или околосознательной сфере.

Настойчивый и непрерывный сталкинг, нацеленный *исключительно на внутреннее* пространство сознания, устраняет обе предпосылки для восприятия в сновидении. С одной стороны, такой сталкинг создает мощную инерцию, фиксирующую внимание внутри, и эта инерция настолько велика, что продолжает работать даже в сновидении. С другой стороны, этот же вид сталкинга трансформирует значительную часть бессознательных и околосознательных напряжений, спонтанно возникающих наяву, которые потом могут служить причиной сновидческого галлюцинирования. В итоге, внутренний материал уже переработан и ни в каком образном предъявлении не нуждается, а внешний материал игнорируется.

Если сновидящий не осознает возникшего затруднения, он может пребывать в этой ситуации «заблокированности» довольно долго. Чтобы решить данную проблему, важно помнить, что выслеживание внутренних движений (что, по сути, есть *самоиндуцированная интроверсия*) – только *одна* сторона целостного сталкинга. Без второй его стороны – «выслеживания» *внешнего* мира, т. е. сталкинга самого *процесса* восприятия, вы уподобляетесь рафинированному «невротику», которого, как известно психологам, не занимает ничего, кроме собственного Я, собственных мыслей, реакций и ипохондрических ощущений (как правило, самовнушенных) в разных частях его тела.

«Равновесие» сталкера – это правильное распределение акцентов. В первую очередь, его (как существа, живущего в Реальности) интересуют сигналы, поступающие из внешнего поля «больших эманаций». Именно эти, *реальные* сигналы производят многообразные внутренние «ответы» его энергетического тела, которые требуют отдельного выслеживания.

Внешняя сторона сталкинга, по большей части, осуществляется на фоне таких психотехнических приемов, как перцептивное неделание, «ходьба Силы», созерцание, активизация периферийного внимания. И все же это не только и не столько техника. Многое зависит от общего настроения и установки сновидящего. Каждое прикосновение к миру ждет нашего «гостеприимного» внимания.

Часто ли вы наслаждаетесь красотой окружающих пространств? Часто ли превращаете обыденную прогулку в «пир» для зрения, слуха, осязания, обоняния? Разумеется, мы живем в однообразных геометрических формах, среди которых бывает трудно заметить эстетику света и тени, звука и перспективы. Мало кто имеет возможность жить среди великолепного разнообразия природы. Но в этом нет специальной необходимости. Причин нашего безразличия к внешнему не в его блеклости и однообразии. Причина *в отношении*, определяющем интенсивность и направленность внимания. Можно найти радость в созерцании неба и облаков, в порывах ветра, шелесте листвы и звуке шагов, даже в исцарапанной деревянной скамейке посреди городского сквера.

И это не преувеличение. *Радость внешнего восприятия* – часто именно то, чего не хватает сновидящему.

«Прозрение» сталкера

На пути сталкинга, который «выпрямляет путь» к толтекскому сновидению, встречается весьма ценное состояние, о котором трудно говорить с теми, кто еще не сталкивался с ним в личном опыте. Я рискну сказать о нем несколько слов по двум причинам – во первых, это состояние, на мой взгляд, предвосхищает парадоксы не-человеческой Свободы, ожидающей нас в конце дон-хуановского пути, во-вторых, само переживание настолько «странно» и двусмысленно, что может внушить неверные идеи по поводу *безупречности* в отношениях с социальными людьми.

Попытаюсь объяснить.

Прежде всего, мы имеем дело с всплеском высокой интенсивности осознания. Как показывает известный мне опыт, любой сновидец, стремящийся подготовить свое осознание наяву к полноценному сновидению, вынужден заниматься сталкингом. Если намерение его глубоко и непрерывно, этот повседневный сталкинг рано или поздно приводит к взрывообразному расширению свечения осознания, который я называю *тотальным сталкингом*, – к такому состоянию внимания, где критическая масса психоэмоциональных процессов (отраженных в энергетическом теле как некие «движения» или «волны») начинает осознаваться не линейно, а единым объемом – *тотально*.

Тотальный сталкинг (см. подробнее в кн. «Человек неведомый») может быть вызван (сознательно либо бессознательно) перенесением значительной части осознания на полевый каркас энергетического тела. Крайне важно понимать, что полевый каркас – это не только «аура», некие полевые формации, окружающие физическое тело первого внимания. Они в равной степени распределены по всему сенсорному полю, а потому субъективно проецируются как наружу, так и вовнутрь. Там, «внутри» физического тела они становятся «однородной» средой крайне слабых, по сути, подпороговых сигналов. На самом деле эти сигналы – совсем не однородны, и дальнейшее усиление осознания показывает нам, что они имеют разное качество, силу, склонны собираться в паттерны и структуры более высокого порядка. И все же на интересующем нас сейчас уровне сигналы предстают как однородные, как смутное поле, пропитывающее наше физическое тело и обволакивающее его, подобно тому кокону, который воспринимают *видящие*.

Практик может специально культивировать эту особую внимательность (что в какой-то мере ускоряет приближение всплеска тотального сталкинга), но может и работать по традиционной схеме – выбирать отдельные эмоциональные ряды и выслеживать их. В обоих случаях «взрыв внимания» случится.

На первых порах подобные «взрывы» – редкое событие. Они потрясают и становятся подлинными откровениями – так же как *сатори*, случившееся с учеником дзэн впервые, они иногда на годы меняют самоощущение нагуалиста. И так же как у ученика дзэн, взрыв тотального сталкинга может спровоцировать особый тип паранойи, своего рода «дзэнскую болезнь» толтека. Ошеломленный новым *видением* тональ генерирует варианты описания мира, оправдывающие (рационализирующие) этот никуда не вписывающийся опыт.

Но победить эту тенденцию можно – как раз по той причине, что нагуалист «предупрежден, а значит, вооружен». Он знает, как изобретателен тональ, насколько готов отдаться любому самодельному безумию только для того, чтобы убежать от Реальности, вдруг показавшей свое лицо в состоянии тотального сталкинга. И практик, помнящий об этом, спокойно возвращается в мир базового описания, мир разделяемых условностей, держится их как ни в чем не бывало, но *осознает* теперь *принципиально иначе*.

Если вы работаете, следуя этому несложному правилу, то в дальнейшем взрывообразное расширение осознанности происходит чаще. Если верить моему опыту, то несколько лет непрерывного намерения вызывает такой всплеск приблизительно один-два раза в месяц и каждый из них длится 2-6 часов. Поскольку я люблю всему давать названия, то придумал для него метафору – «*прозрение*» *сталкера*.

В мистическом иудаизме архангелов-стражей, охранявших Меркаву (Престол Господень), называли «князьями Величия, Страха и Трепета». Они не позволяли непосвященным приближаться к обиталищу Божества. Нечистых духом, неправедных эти величественные создания поражали трепетом, парализующим давлением, которое останавливало все их дальнейшие попытки узреть Непостижимое. Возможно, тем, кто испытал «трепет», вызванный *прозрением сталкера*, могучие стражи Неназываемого показались бы детскими страшилками[16].

«*Прозрение*» *сталкера* как особое переживание возникает, когда на фоне всплеска тотального сталкинга высшей интенсивности практик общается с обыкновенными, «социальными» людьми стандартного тоналя. Не с монстрами и не с чужеродными созданиями вроде «союзников», а именно с *обыкновенными людьми*. (Если вы пребываете в уединении и просто созерцаете живую природу, переживание меняет характер в сторону умиротворенного просветления, спокойного наслаждения чудом Мира. Это можно назвать «восторгом» – но не экстазом, а, скорее, радостью тела от пронзительной ясности и глубины осознавания.)

При общении с людьми стандартного тоналя чувство – на самом глубоком, экзистенциальном уровне – становится по-настоящему «потрясенным». Потому что начинаешь ясно видеть, что между тобой и ними – *вообще нет ничего общего!* Я знаю людей, с исключительной яркостью переживших это прозрение. Как правило, они не очень-то делятся подробностями, потому что понимают – лишь тот, кто *реально* идет по пути усиления осознания, способен их понять. Ведь само это чувство (не имеющее ни малейшего оттенка высокомерия, собственной важности и всякой «оценочности», повсеместно царствующей в мире первого внимания) устраняет их из списка «социально принятых».

Признаться в факте подобного переживания – значит *подвергнуть себя остракизму* (со стороны социума – почти бессознательному, т. к. подобные явления уникальны и регулируются не законом, а «молчаливым соглашением большинства»), *отчуждению* от общепринятых психологических и эмоциональных связей – любимой паутины социальных людей, которую они самозабвенно плетут всю сознательную жизнь.

Изредка схожие всплески осознания мы переживаем в *сновидении*. Но *там* мы воспринимаем их иначе – конечно, ведь сновидение «нереально», причудливо и порой демонстрирует нам не-человеческие аспекты не только внешнего Мира, но и *нас самих*. Сновидение (независимо от степени его осознанности) всегда транслирует неприемлемые наяву чувства, привлекая архетипйческие конструкты, и этим значительно «смягчает» удар Неведомого.

Я имел этот опыт и хорошо помню, как тональ предложил мне приемлемую интерпретацию. Она (как это часто бывает) имела сразу несколько вариантов. Несмотря на то что формально воспринимаемый в сновидении мир ничем не отличался от мира первого внимания, возникло очень странное чувство – полное *несоответствие своей природы и природы окружающего пространства* (прежде всего, «людей», а уж заодно с ними – улиц, домов, машин, даже неба и почвы под ногами). Возбужденный тональ принял на веру два варианта рационализации: 1) мир вокруг – инопланетный и лишь кажется привычным; 2) мир «наш», но я живу в нем как «замаскировавшийся инопланетянин» и лишь во внимании сновидения смог «вспомнить» это шокирующее обстоятельство.

Две эти фантазии предстали передо мной как равновероятные, и обе казались «убедительными». Вероятно, будь это сновидение неосознанным, оно переросло бы в подлинный кошмар. Мне пришлось приложить специальное усилие, чтобы выследить механизм зарождения «тонального мифа» и остановить его. В результате, как выразительно сказал один из мастеров дзэн, «горы снова стали горами, реки – реками».

Однако наяву мы лишены воображаемой дистанции, перцептивной и эмоциональной «паузы», так что остроту чувства приходится принимать полностью и трансформировать в продуктивный импульс. Это возможно лишь в том случае, если мы способны переместить точку отсчета и этим «сбросить» часть фиксации человеческой формы.

Иногда я думаю: а что же тогда должны испытывать *настоящие мастера*? Ведь они неизбежно проводят в этом состоянии значительную часть свой невероятной жизни.

Наверняка моралисты найдут мое заявление оскорбительным, но в этом высоком сталкерском *прозрении* люди не просто *неинтересны* – нет такого слова, чтобы описать, какими плоскими они становятся! (Впрочем, сказать «плоские» – тоже неправильно. Только испытавший «прозрение» сталкера может подобрать для себя адекватный эпитет. Каждый, кто пережил этот опыт, каждый говорит о нем «на собственном языке».)

Уже потом, если мы пожелаем найти место в инвентарном списке для этого странного состояния, приходят определения, навеянные психологией, метафизикой, взятой из различных книг, и

кастанедовскими метафорами. И тогда мы можем сказать, например, что люди из позиции тотального сталкинга кажутся «пустыми порождениями собственного тоналя», или «фантомами на пути в Икстлан», и т. д. и т. п. Но всё это как-то *слишком* «литературно», *слишком* красиво сказано. Лучше промолчать.

И себя самого видишь точно так же – это огромное и бессмысленное, само себя поедающее чувство собственной важности, жалость к себе – вечно хнычущая и неудовлетворенная. И это индульгирование без конца, и эти автоматизмы, работающие так, словно их завели еще до вашего рождения...

Увидеть все это – наверное, великий подарок духа. Тебя как будто «вынимают» на пару часов из всего «человеческого», и ты вынужден смотреть на окружающих и самого себя, словно ты уже прошел Трансформацию.

Эти эпизоды, по-моему, ясно показывают, что, когда *тотальный сталкинг* достигнут, мы перестаем быть людьми. Добиться этого специальными усилиями нельзя, оно приходит как порыв ветра. Можно лишь сказать, что оно питается намерением и определенным образом приложенным вниманием.

Это знание трудно назвать «удовольствием». Увы, Трансфомация – это совсем не блаженство.

С другой стороны, определить вышеописанное состояние как эмоционально «негативное» – тоже неверно. Природа этого состояния настолько не имеет отношения к привычной шкале тоналя «позитивное-негативное», «приятное-неприятное», что «ужас» может оказаться «восхищением», «чуждость» – тотальной близостью и приятием всего Мира.

Тело явно стремится переживать это «прозрение» вновь и вновь. Оно очаровывает и привлекает, оно содержит в себе неопределенность, свободу осознания в свободном Мире, «ветер нагуаля». В конце концов мы начинаем понимать, что «*прозрение*» *сталкера* – просто одна из реализаций нашей сущности. Это состояние не может быть чем-то «навязанным», поскольку является продуктом высшей степени самоконтроля. Это *мы, какими являемся изначально*, в своей позабытой и лишь потому пугающей *подлинности*.

Можно также заметить, что эта стремительная атака тотального сталкинга приводит нас на последнюю грань – в тот экстремум, где поля первого внимания синхронизируются уже «из последних сил», чтобы закрыть пузырь восприятия. Один крохотный шаг – и практик входит в *сновидение наяву*, которое из этой позиции переживается естественным продолжением, новым порядком, на глазах вырастающим из старого. Ощущение разрыва непрерывности, оглушенности или растерянности практически отсутствует. Мы открываем глубинную связь перцептивных моделей, которые раньше казались несовместимыми. Скорость нашего понимания здесь настолько высока, что, когда «головоломка» складывается, мы можем выследить сам принцип ее устройства и даже разглядеть параллельные множества решений, которые и являются фундаментом всех миров второго внимания.

Инерция психоэнергетической системы и ее преодоление. Фактор новизны

Если отвлечься от объективных факторов (истощение Силы из-за неправильного распределения внимания, перегрузки, агрессивное воздействие среды), то все мы в той или иной степени – пленники некой психоэнергетической инерции. Психологам известно, что во всякой последовательности действий воли и намерения первый акт – самый быстрый. Очевидно, это обратная сторона нашей удивительной *способности к обучению*, которая наделила тональ высокой адаптивностью, установкой на изменение среды, и привела к тому, что всякое повторяющееся действие теряет привлекательность, впечатления от него тускнеют, пока окончательно не превратятся в рутину – то есть в перцептивный и семантический «фон», то, что наше осознание по законам описания должно *игнорировать*. Всякое повторение тональ превращает в монотонию и перестает реагировать.

Надо сказать, это серьезная психотехническая проблема.

С одной стороны, ни один трансформационный навык в психотехнике не формируется сразу. Даже частная способность, чтобы стать контролируемой и стабильной, требует многократного упражнения. С

другой стороны, повторение снижает эффективность приема (техники, процедуры), пока не аннулирует ее полностью. Чтобы вызвать мощную реакцию, которая является главным условием быстрого и качественного обучения, необходимо постоянно использовать либо новые впечатления, либо новые значения и смыслы. Это и есть так называемый «фактор новизны».

Психологи и психофизиологи знакомы с этим эффектом. Существует даже нейрологическая теория на этот счет. Например, утверждается, что у здоровых людей в условиях напряженного внимания возникают изменения биоэлектрической активности в лобных долях головного мозга. Данную активность связывают с работой особого типа нейронов, располагающихся в лобных отделах. Условно их разделили на два типа. Первый тип нейронов – «детекторы новизны» – активизируются при действии новых стимулов и снижают активность по мере привыкания к ним. Второй тип – нейроны «ожидания» – возбуждаются только при встрече организма с предметом, способным удовлетворить актуальную потребность.

С точки зрения естественнонаучных представлений, которые, как мы знаем, в описании работы человеческого мозга особенно часто бывают неполными или неверными, складывается безнадежная ситуация. Можем ли мы воздействовать на собственные нейроны и заставить их работать иначе? Вся эта электрохимия мозговых клеток, синаптические структуры, закодированные в геноме homo sapiens... Если посмотреть на них оторванным от жизни целостного сознания, механистическим взглядом, то – дело гиблое. Законы «темной материи» всегда сильнее какой-то там «произвольности сознания». Мартышка никогда не станет человеком, а корова никогда не станет мартышкой. Но *абсолютно ли подчинен* этому биологическому детерминизму человек?

Существует слишком много как теоретических, так и экспериментальных оснований, заставляющих нас отнестись к человеку иначе. Наше «биологическое пространство», конечно, весьма ригидно, но назвать его *неизменным* нельзя.

Природа сотворила нейрофизиологические предпосылки для Транформации не только у человека, но даже у существ с менее развитым мозгом. У всякого млекопитающего можно в большей или меньшей степени найти характерную *пластичность* нейронных структур. Обратите внимание – мы не можем отрастить себе лишнюю руку или хотя бы изменить устройство глаза так, чтобы, например, видеть в инфракрасном диапазоне (а ведь это бывает жизненно необходимо, если приходится вести ночной образ жизни). Нейроны же в случае чего могут отрастить любое количество синапсов (отростков) и соединяться с другими нейронами разнообразными способами. Именно здесь, в пространстве мозга, живая ткань легче всего откликается на возникшую потребность. Но уникальность человека в том, что его потребность далеко не всегда возникает в связи с биофизическими обстоятельствами, ее природа бывает исключительно «идеальной», семантической, т. е. порожденной *смыслами и значениями*, которые сотворило сознание, принимая или отвергая некое «описание мира». Нейроны *меняются*.

Более того, нейроны или группы нейронов функционально не ограничены. Иными словами, они *могут обучаться* и, обучившись, выполнять любые функции внутри целостного нейронного массива. Обычно исследователи наблюдают этот феномен как последствие черепно-мозговой травмы или операции, в результате которой часть мозговой ткани была удалена. И это давно известно как нейрохирургам, так и психофизиологам.

Разумеется, процессы того же рода происходят постоянно, когда мы занимаемся какой-то психотехнической практикой. Ведь смысл подобной практики и заключается в непосредственном обучении мозга.

Нейроны заменяют друг друга, и, если данная группа клеток не способна пребывать в активном состоянии неограниченное время, найдутся связанные с ними нейронные комплексы, которые возьмут на себя эту функцию, чтобы обеспечить непрерывный режим работы системы в целом. Никаких принципиальных ограничений (например, в отношении характера работы нейронных «детекторов новизны») мы не находим. Масштабы перестройки зависят от эффективности психотехнического метода и настойчивости практикующего.

Ибо биофизический субстрат отражает состояние энергетических полей, а у человека именно осознание играет решающую роль в регуляции доступной ему энергетики – прежде и более всего, в биологическом пространстве собственного организма.

Произвольно манипулируя акцентами внутри поля значений и восприятий, мы способны учитывать «фактор новизны» и использовать его, чтобы быстрее осваивать психоэнергетические навыки. Полностью победить инерцию монотонии – это фактически открыть прямую дорогу к Трансформации. Универсального рецепта здесь до сих пор не найдено. Впрочем, указать на проблему и осознать ее – уже половина работы.

За многие годы я собрал целый арсенал средств борьбы с инерцией и монотонней. Сейчас я еще не готов формализовать и описать их так, чтобы этими приемами мог воспользоваться каждый желающий. Задача, впрочем, поставлена. Надеюсь решить ее в следующей книге.

Пока обращу ваше внимание только на один момент – на *внутреннее прерывание* рутинной цепочки действий. В сталкинге мы используем этот прием, чтобы вызвать усиление осознания. Но с не меньшим успехом его можно использовать в борьбе с инерцией тоналя и его склонностью превращать новое в привычное. Любое рутинное действие можно разорвать, включив в цепочку момент не-делания, ОВД или активизации периферийного внимания. «Разрыв» может длиться всего минуту или несколько секунд – этого достаточно, чтобы дезориентировать тональ. Важно, чтобы всякий раз, возвращаясь к прерванной цепочке действий, вы осознали следующий элемент в последовательности не как ее продолжение, а как *новое начало*. Тогда это действие станет как бы первым, а значит – «самым быстрым». Чем чаще вы разрываете последовательности, тем интенсивнее эффект от того элемента деятельности, что следует непосредственно за «разрывом».

Для процедур, направленных на сдвиг точки сборки, это особенно важно. Лучше всего, если у практика каждый раз возникает ощущение, что он выполняет технику «впервые».

В конце этого раздела хочу сказать, что *делание* тела сновидения, о котором речь пойдет ниже, предоставляет практику отдельное поле приемов и техник, способных внести ощутимое разнообразие в психоэнергетическую тренировку, в ряде аспектов снизить монотонность и этим преодолеть инерцию нашего тоналя.

ПОРОГ ВТОРОЙ. ТЕЛО СНОВИДЕНИЯ

1. Что такое тело сновидения?
2. Методы формирования тела.

Действительно, душа в то время, когда она обслуживает бодрствующее тело, разделяется между несколькими занятиями и не принадлежит самой себе, но отдает известную долю своей деятельности каждому занятию тела: слуху, зрению, осязанию, ходьбе, всем телесным занятиям... Когда же тело отдыхает, душа, движущаяся и пробегающая части тела, управляет своим собственным жилищем и совершает сама все телесные действия. Действительно, спящее тело не чувствует, а она – душа, – бодрствуя, познает, видит то, что видно, слышит то, что слышно, ходит, осязает, печалится, обдумывает, исполняя на небольшом пространстве, где она есть во время сна, все функции тела.

[ученик Гиппократа] «О сновидениях»

ЧТО ТАКОЕ ТЕЛО СНОВИДЕНИЯ?

ТЕЛО СНОВИДЕНИЯ – ДУБЛЬ – ТЕЛЕПОРТАЦИЯ.
ТЕЛО СНОВИДЕНИЯ КАК ПЕРЕХОД ОТ ВНИМАНИЯ СНОВИДЕНИЯ КО ВТОРОМУ ВНИМАНИЮ.

Материальная частица –... не что иное, как небольшой участок энергетического поля. Такой сгусток энергии четко проступает на фоне всего остального поля, подобно волнам, на поверхности водоема, перемещается в пустом пространстве; поэтому мы не можем утверждать, что электрон все время состоит из какой-то определенной субстанции.

Герман Уэлль

С самого начала следует заметить, что *тело сновидения* вовсе не является феноменом, доступным исключительным людям в исключительных обстоятельствах. Вокруг него существует множество мистификаций и суеверий, своя оккультная мифология и потусторонняя метафизика. И все же *телом сновидения* обладают все люди. Чтобы сделать его предметом личного опыта, надо лишь знать технологию и выработать у себя определенные психоэнергетические навыки.

Нельзя согласиться, например, с заявлением американского психолога Арнольда Минделла, который в своих рассуждениях о теле сновидения (*dreambody*) смещает акценты таким образом, что оно («второе тело») лишается функции самостоятельной перцептивной и энергетической единицы, приближаясь, скорее, к квантовой неопределенности бытия осознания как такового. При этом автор, вслед за традиционным оккультизмом, пишет:

«Тело сновидения – самое поразительное переживание, обычно испытываемое только при приближении смерти или в оккультных и шаманских ритуалах» («Shaman's Body», 1996).

Переживание, безусловно, «поразительное», но тем не менее, как показывает экспериментальная психология и психофизиология, встречается оно регулярно и повсеместно. Приближение смерти, оккультные и шаманские ритуалы – это лишь самые впечатляющие (но не самые распространенные, как можно подумать) обстоятельства, при которых *тело сновидения* оказывается доступным.

Существование *тела сновидения* открывается человеку чаще всего в результате специфического переживания, именуемого «выход из тела» или «внетелесный опыт» (*out-of-the-body experience*). Это случается при самых разнообразных обстоятельствах – сенсорная депривация, сонный паралич, гипноз и самогипноз, мощный эмоциональный стресс, роды, медитация, сеанс гипнопедии и т. д. и т. п. Если верить исследователям, несколько процентов населения минимум раз в жизни имели внетелесный опыт независимо от того, занимаются ли они какими-то психотехниками.

Ссылаясь на американские исследования данного феномена (R. Gregory (ed.), The Oxford Companion to the Mind. Oxford University Press, 1987), Л. И. Спивак и Д. Л. Спивак, ученые Института мозга РАН, в статье «Феномен «выхода из тела», в частности, пишут[17]:

«Всё, чем располагает психологическая наука в данном отношении, представляет собой осторожные определения наиболее часто встречающихся признаков этого феномена. Введение же его в академическую науку необходимо именно потому, что он явно принадлежит к полю нормальной психической жизни многих современных людей.

Попытки построения теории данного феномена сводятся к тому, что в необычных условиях существования психика человека в норме сначала переходит на «деградированные перцептуальные модели», а далее в порядке адаптации к возрастающей нагрузке переходит на качественно измененные модели, в совокупности изучаемые теорией измененных состояний сознания».

Переход к «качественно измененным перцептуальным моделям» – не что иное, как приемлемое для науки определение *сдвига точки сборки*.

Можно считать доказанным, что феномен «выхода из тела» не связан непосредственно с физиологическими обстоятельствами вроде значительной потери крови, гипотонического криза, остановки сердца или интоксикации психоактивными веществами – несмотря на то, что в клинических случаях все эти явления могут вызывать «внетелесный опыт». Так, авторы указанной статьи исследовали данное явление у рожениц и сообщили следующее:

«Прежде всего, наше внимание привлек тот факт, что на эпизод «выхода из тела», имевший место при родах, стабильно указывало довольно значительное количество рожениц – около 9 % всех обследованных рожениц, на его появление в течение 3-4 дней после родов – около 5,5 %. Специальное исследование показало, что появление этого эпизода нельзя считать прямо связанным с применением психоактивных препаратов в качестве анестетиков, объема кровопотери в родах, степенью их тяжести, а также наличием психических заболеваний в анамнезе. Таким образом, «выход из тела» должен рассматриваться как синдром психической деятельности при нормальных (физиологических) родах» (Cit. op.).

Данный феномен *не* свидетельствует о мозговой или психической патологии – этот важный вывод сделан учеными на основе объемных и длительных исследований. Электроэнцефалография и другие тесты показывают, что это переход на какой-то иной уровень функционирования ЦНС (отличия наиболее выражены в левополушарных пространственных связях) – не органический, а *энергетический и информационный*. Иными словами, есть все основания говорить о том, что «выход из тела» – одно из перцептивных состояний, входящих в резервные возможности *здорового* человека. Оно *не является результатом патологии и не ведет к патологии*.

Заявления нейрофизиологов, что подобные феномены отражают «высокую генерализованную реактивность» мозга человека как «ведущий способ его адаптации к внешней нагрузке», ничего не объясняют. Особенно в тех случаях, когда адекватность информации, воспринятой во «внетелесном» состоянии, подтверждается, хотя участие в восприятии физических органов чувств абсолютно исключено. Если речь идет о мозговой реактивности, то каким образом мозг получает сенсорные сигналы и строит восприятие? Тем более что изучались, как правило, драматические эпизоды, когда физиологические возможности человека крайне ограничены – его тело неподвижно, зрение частично или полностью пассивно (глаза закрыты), а кинестетика и слух искажены действием наркоза или органическими повреждениями. Тем не менее внешние сигналы поступают и сборка их осуществляется.

Сама возможность подобных эпизодов и их широкая распространенность ставит под сомнение фундаментальную аксиому о том, что весь сенсорный материал, с которым работает сознание,

поступает через телесные органы чувств. Конечно, признать существование энергетического тела как универсального *воспринимателя* – серьезный вызов для естественнонаучной парадигмы. Наука пойдет на этот шаг лишь при наличии однозначных и тщательно подтвержденных экспериментальных доказательств, – и, возможно, этот исторический момент не так уж далек.

Тем временем психотехнология нагуализма позволяет практику лично убедиться в реальности «внетелесного восприятия».

1) Мифология и метафизика тела сновидения

Поскольку психотехническая практика время от времени вызывает всплески внетелесного опыта как побочный эффект медитативных усилий, мировой оккультизм с древнейших времен искал для него способы описания и интерпретации. Это явление, несомненно, сильно повлияло на содержание мистических концепций и породило множество метафизических идей. Некоторые из них сегодня настолько популярны, что стали объектом банальных спекуляций чуть ли не на бытовом уровне. Кто, например, не слышал об «астрале» и «астральном теле», «эфирном двойнике», «тонких планах» и т. д. и т. п.? О них толкуют народные целители, астрологи и хироманты, консультанты по «исправлению кармы», этой теме посвящают телевизионные ток-шоу для домохозяек и развлекательные сериалы. Древняя концепция, «тайная доктрина» для посвященных, превратилась в умственную жвачку для массового потребителя.

Тем не менее идея «астрала» и «астрального тела» многим кажется вполне приемлемой либо даже неоспоримой. Рационалисты часто не желают даже дискутировать, ибо полагают, что эти споры так же бесполезны, как религиозные диспуты, когда-то популярные у средневековых схоластов. Поборники религиозной чистоты не участвуют в дискуссиях, так как усматривают здесь бесовщину и мерзость оккультизма, и ограничиваются простой констатацией: все эти идеи от лукавого и ведут к гибели души.

Что же мы имеем в итоге? Феномен внетелесного опыта есть, и закрывать на это глаза бессмысленно. Разумной же интерпретации феномена нет – не только потому, что такая интерпретация требует исследовательских усилий, разработки научной и философской парадигмы, но и потому, что этой смутной областью занимаются лишь отдельные маргиналы, компетенция которых часто вызывает сомнения.

Так существует ли астрал (*астральный план*) *и астральное тело*? Как относиться к вороху оккультной и псевдонаучной литературы, где словом «астрал» пестрит каждая страница? Может, когда мы в нагуализме говорим *тело сновидения*, то это лишь синоним *тела астрального*, а *второе внимание* – синоним *астрального плана*? **Ни в коем случае.**

Что называют *астральным планом* (*миром, плоскостью*) европейский оккультисты, теософы и их восточные коллеги? Несмотря на многочисленные оговорки, касающиеся локализации этого «пространства»[18], речь идет об области, существующей *объективно*, – независимо от человека и его восприятия, *вне* его, о какой-то форме Бытия, которую можно приблизительно сравнить с определенным диапазоном излучения, частотой вибрации или чем-то подобным. Будем также иметь в виду, что астральная плоскость существует в некой иерархии планов, куда обычно относят *физический, витальный*, или *эфирный, ментальный* и *каузальный* (причинный) планы, часто помещая астрал между витальным и ментальным пространствами.

Обратите внимание на сам принцип иерархической конструкции. Она построена как *проекция на Мир* психических процессов и состояний человеческого сознания. Разумеется, это отголосок древнейшей метафизики, выросшей из магического мышления, которое действовало самым простым способом – наглядным и потому убедительным. Состояния субъекта психической активности (восприятие, эмоции, мышление, осознание) казались первобытному человеку *нереальными*, пока он не придумает для них место («мир») для существования. Это *общий закон развития описания*[19].

На первых этапах эволюции тоналя, когда собственный внутренний мир вызывал у человека изумление, он не мог смириться с тем парадоксальным фактом, что *эмоция, чувство, самость*, явно имеющие другое качество существования, чем поле внешней перцепции, не нуждаются в специальном

пространстве для самореализации. Сейчас это кажется странным, но первобытная психика *действительно так работала* (исследования в области исторической психологии это подтверждают).

В результате психическая реальность отождествлялась с объективным полем (пространством), наделенным соответствующими качествами. Так совокупность *чувственных* переживаний превратилась в *эфирный* план, *эмоциональных* – в витальный, *умственных* – в ментальный. Ну а поскольку впечатления от внетелесного опыта включают в себя и непосредственную сенсуальность, и эмоции, и мысли, пришлось объединить их в придуманном поле, назвать это поле «астралом» и заявить, что оно охватывает сразу несколько областей (эфирный план, витальный и ментальный).

Нагуализм рассматривает Реальность как неделимое и не-иерархическое пространство (*Единое*). Все миры, данные нам в опыте, – это состояния нашего восприятия. Переживания, мысли, уровень рефлексии, тип и интенсивность энергообмена – все это входит в определенное отношение с единой Реальностью и таким образом возникает «мир» (план, плоскость, пространство). *Вне* человека, помимо него, никаких «планов Бытия» не существует.

Вот почему толтеки говорят о *мире внимания* (первого или второго), а не о «плоскости Бытия» или «диапазоне энергетических частот». Стоит убрать *упорядоченное тоналем внимание*, и все эти фиктивные частоты, вибрации, планы исчезают в безвидной тьме единого энергетического поля, где нет ни одного объекта, ни одной вещи, где всё слито и однородно.

Отсюда ясно, что *астрального тела* также *не существует*.

Европейские оккультные традиции обожают умножать сущности. Как правило, авторы этого сорта пишут нечто вроде: «Астральное тело есть связующее звено между физическим телом и Духовным Началом. Физическое тело мертво и инертно, его оживляет лишь астральное тело, управляющее чувствительностью и движением. Астральное тело, постепенно развиваясь, создает по своему образцу физическое тело при развитии зародыша в организме матери. По своей форме оно есть двойник физического тела, *созданный из более тонкой материи, материи в лучистом состоянии*». И так далее и тому подобное. От плана мы переходим к телу, от тела – к «тонкой материи». И, разумеется, тут же выясняется, что выше астрального тела находится тело ментальное, «имеющее овальную форму и состоящее из еще более тонкой материи», а ниже – тело эфирное, которое состоит из материи «более грубой, чем астральная».

Вот как далеко заводит нас наивная логика непосредственных «воплощений». Все эти невинные метафоры можно было бы проигнорировать, если бы они иллюстрировали что-то бесконечно далекое от жизни и практики. Однако стоит нам перейти к конкретной психотехнической процедуре, задача которой – осознание и уплотнение тела сновидения, как выясняется, что воображение тоналя автоматически реализует примитивные образы, и вот мы уже *обусловлены* ими, скованы присущими им ограничениями и тратим изрядный объем перцептивной энергии, чтобы поддерживать какие-то фиктивные тела из «лучистой материи» и передвигаться «по законам» астральной плоскости. Наше внимание в ловушке.

Чтобы избежать неминуемого блуждания в лабиринте оккультных ассоциаций, где мы все время натыкаемся на субстанции, вибрации, уровни плотности и так до бесконечности, надо помнить главное: *способ говорить о* «*материальности*» *тела сновидения – это условность*. Подобно тому как внимание не есть излучение или поток, а является непосредственном отражением состояния осознания как целостной системы, *тело сновидения есть проекция сновидческого внимания*.

Это ничуть не умаляет его значения как самостоятельного феномена и *не лишает тело сновидения физического смысла*, поскольку, как ни странно, осознание *физично* – не в переносном, а в самом прямом смысле этого слова. Как раз *то, что мы называем субстанцией*, материей и т. п., не имеет *самостоятельной* реальности для нас, пока не вовлечено в процесс осознания. Иными словами, пока к Мировому Полю не приложено усилие упорядоченного внимания, все существующее – то, что мы привыкли описывать как «материю», – есть лишь совокупность потенций, виртуальность, квантовое «море Дирака», и нет там никаких тел – ни обычных, ни «астральных».

2) Второе внимание в Едином поле Бытия

Таким образом, если рассуждать строго и последовательно, *тело сновидения* не существует в качестве субстанции, физической или метафизической «отдельности». Мы имеем дело с условностью, которая физична в той же степени, в какой воображаема. При этом мы не должны забывать, что тело сновидения *состоит их полей и энергии*. Более того, тело сновидения оказывает воздействие на окружающую среду, имеет силу, плотность, а порой – даже что-то вроде видимости (т. е. может влиять на органы чувств наблюдателей). Наконец, самое удивительное заключается в том, что тело сновидения может «связать» в себе всю недостающую физическую субстанцию: оно «сгущается» до такой степени, что воспроизводит целостность физического тела – и в этот момент им *становится*.

Однако тело у человека – одно (как и *осознание*, проекцией которого оно является). Пользуясь сновидческим «дублем» даже тем невероятным способом, о котором красочно рассказал Кастанеда, описывая магические трюки дона Хенаро, человеческое существо все равно *не делится на две части*.

Наша свобода и наш прогресс не в том, чтобы «раздвоиться», а в том, чтобы научиться полностью использовать потенциал энергетического поля, окружающего точку сборки.

Естественный сон со сновидениями предоставляет нам все необходимые предпосылки. Поле изначально однородно, оно насыщено сенсорными сигналами и предстает перед осознанием как нечто аморфное. Но мы владеем «описанием мира», и, следовательно, превращаем пятно неопределенной чувствительности в «организм» – структуру, наполненную множеством частей, органов, процессов, имеющую начало и конец, время и смысл.

Так мы поступаем наяву и точно так же мы поступаем во сне. Проблема сновидца – в стабильности и силе осознания. Сила, проявленная с должной стабильностью, «строит» как физическое тело субъекта, так и то «тело», которым он пользуется в иных режимах восприятия.

Конечно, тут же возникает классический вопрос: почему мы говорим, что тело «иных пространств» *реально*, а не *имагинативно*? Для этого есть достаточно философских и даже естественнонаучных оснований. О них я еще скажу.

Но прежде нам следует понять физику среды и объекта. Что делает тело *физическим*? Оно воспринимает, мыслит, ощущает себя, влияет на окружающее в той мере, в какой обладает условной массой. (Условной я называю «массу» всякого физического тела, так как мы вынуждены учитывать принцип неопределенности и прочие квантовые отношения, в которых задействован любой макрообъект как часть квантового поля Вселенной[20].) Если мы говорим о неживой материи, то это просто энергетическое поле, способное совершить некоторую работу и конвенционально отделенное от среды некой «границей».

Когда же мы говорим о *живом* теле, обязательно возникает новый фактор. Во-первых, это *биологическая организация* (метаболизм, движение, способность не просто накапливать энергию, но перерабатывать ее в другие формы, а затем снова воспроизводить), *информационное поле* (прежде всего, генетика – структуры, которые являются не просто сложными молекулами, но еще и содержат в себе информацию, которая может бесконечно реплицироваться) и, наконец, «*собранность*» – и это самое сложное и непонятное. Мы наблюдаем некую силу, которая поддерживает в целостном виде сверхсложное образование, управляет им и, более того, способно через обратную связь корректировать структуру, даже улучшать ее, словно у нее есть план и намерение оформиться не «абы как», а вполне определенным образом.

Значительную часть этого непонятного дела берет на себя некое поле, которому присуща а) целостность, б) склонность развиваться как система с нереализованным (и неизвестным нам) потенциалом. С одной стороны, энергетическое поле, содержащее организм, – однородно, потому что по природе своей есть квантовое «нечто». С другой – оно же необыкновенно усложнено, комплексно, имеет каналы и центры, связи и границы; короче, напоминает машину.

Эта двойственность природы, эта глубинная парадоксальность постоянно демонстрирует себя в любой психотехнической процедуре. Достаточно углубиться в «остановку внутреннего диалога» – и тело становится монолитом, органично вплавленным в океан такого же единообразного, беспредельного энергетического поля. Но стоит обратиться к «деланию» (например, горлового центра или пупка), – «реальность» мгновенно развалится на течения и потоки, затемнения и просветы, воронки и лучи.

«Эманации» уже не будут больше абстрактным словом из словаря, они превратятся в действенные пучки, обретут цвет, силу и предназначение. Как видите, всё зависит от фокуса вашего внимания.

Самый глупый вопрос – *а как оно на самом деле*? Потому что на самом деле оно «никак». Если нет точки сборки, нет осознания и произвольного внимания *наблюдателя* (перцептора), Мир возвращается в То, Чем Он является и был всегда, – в *Хаос* (не в смысле «беспорядок», а в смысле «отверстое зияние Бесконечности, из которой может родиться что угодно либо не родиться ничто и никогда»). Это – странное Знание, оно может испугать, но в нем кроется такая Свобода, о которой никто из людей и помыслить не может. Лично мне кажется, что это великое откровение – знать о том, что мир существует для тебя точно так же, как ты существуешь для мира. Друг без друга – вы ничто.

И то же самое с телом. Физическое тело – *это результат организующего усилия* какого-то *энергетического поля* (какого – мы не знаем). Сила и структура данного «усилия» полностью определена тем, что мы называем в кастанедовской модели *первым вниманием*.

И вдруг... происходит весьма необычное событие. Самовольный субъект, по каким-то неестественным причинам, приступает к «чудовищной» манипуляции – он изменяет силу и структуру своего энергетического поля («осознания») так, что оно прекращает поддерживать те элементы биологического пространства, которые раньше были его «любимыми» (например, некоторые реактивные процессы из сферы психо – и нейрофизиологии, даже биологии и биофизики), но направляет свои освободившиеся силы на элементы, казалось бы, «никчемные», второстепенные, мирно дремавшие в клеточных и полевых массивах.

Во-первых, активизируются обычно инертные зоны коры головного мозга, древней коры, таламуса и гипоталамуса, эпифиза и продолговатого мозга. За ним «просыпается» основание мозга и заторможенные ранее участки ретикулярной формации. Даже неспециалист понимает – гормональная «буря» обеспечена. Перцептивные нейроны заняты интенсивным поиском новых комбинаций, поскольку испытывают сильнейший стресс, который вызван диссонансом с привычными интерпретациями. Согласно законам нейрофизиологии, возбужденные нейроны а) требуют новых структур (*гештальтов*) для «узнавания» сигналов, б) возбуждают все, что с ними физиологически связано, – различные рецепторы, железы и т. д. вплоть до ретикулярной формации, где в первую очередь активизируются изначальные перцептивные паттерны (точки, спирали, круги, аморфные сияния и пр.).

Дон Хуан сказал бы очень просто: «Твой тональ испугался – он готов умереть». Умный нейрофизиолог рассказал бы про новые сигналы, которым нет соответствия в личном опыте, так что в ближайшее время восприятие будет блокировано корой головного мозга. Вы потеряете сознание на несколько минут, если не случится маленькое чудо – соматика не перестроится, не подключатся новые части нейронного массива, чтобы произвести «узнавание» (и энергетическую утилизацию) того, чего раньше в опыте не бывало.

Разница – только в количестве слов. Конечно, если вы вдруг обретете критическую массу новых сенсорных сигналов, соматический (и нейрологический) шок неизбежен. Но мы гибкие существа. Где-то там, «под корой», лежит грандиозный запас «запчастей», дополнительных схем, и т. д. Если запчасти и дополнительные схемы понадобятся и смогут проявить себя (а они, эти запчасти, надо сказать, *очень* причудливые!), то уж тональ, приученный к любым выходкам и информационным заскокам, быстро сотворит семантику, подходящую этим «чужеродным» восприятиям. И буквально через несколько мгновений включит их в свою родную «семантическую вселенную». Через неделю вы, может, подумаете, что в данном опыте было далеко не так много нового, как показалось сначала.

Итак, с точки зрения нейрофизиолога переход из *первого* внимания во *второе* выглядит довольно прозаически. Еще одно обучение, и ничего больше?

Да, если забыть, что структура осознания – это не просто система навыков и понятий. Это *энергия*. Та самая энергия, что управляет метаболизмом, делением клеток, активностью нервных синапсов во всех частях ЦНС. Если *первое внимание* «собирает» знакомое нам с детства физическое тело, то второе внимание «собирает»... что?

Несколько лет практики, и вы сможете узнать об этом не из книжек, а из *личного опыта*.

(1) Например, *второе внимание* «собирает» антиоксиданты. Не те антиоксиданты, которыми торгуют в аптеках, – а *ваши личные*. Они замедляют окисление и, надо полагать, старение. Это легко проверить – попробуйте без всяких дыхательных тренировок задержать дыхание на вдохе после того, как научились входить во второе внимание хоть раз в неделю. Задержка часто возрастает на 10-15 %. Есть и другое объяснение – например, ткани просто начинают меньше потреблять кислорода. Но физика учит, что биологическое тело за всякую работу платит окислением тканей, что без кислорода невозможно.

(2) *Второе внимание* убивает ряд бактерий и микробов. 15-минутное пребывание в этом режиме восприятия может избавить от ангины и нагноений.

(3) *Второе внимание* либо перестраивает иммунную систему либо нейтрализует гистамин. Погружение во второе внимание полностью и надолго купирует, скажем, приступ бронхиальной астмы, снимает кожные реакции, более того, «строит» такое отношение к некоторым аллергенам, что аллергия вообще исчезает. (Так, например, больной аллергией на цветочную пыльцу вдруг полюбил цветы и увлекся цветоводством.)

С другой стороны, во втором внимании можно заболеть (хуже всего, что, как правило, ни один врач не может понять, *что* это за болезнь) и подхватить аллергию – даже в том случае, если вы никогда ею раньше не страдали. Это не прогулка и не простой способ вылечить какое-нибудь заболевание. Это – *ПЕРЕСТРОЙКА СИСТЕМЫ*, можно сказать, *вторжение в организмический процесс*. Она может быть полезной и удачной, но так же может оказаться *крайне вредной*.

Важно понять, что сущность толтекского праксиса, как и сущность Трансформации вообще, – *контрорганизмическая*. Мы движемся «против» организма, «против» природного течения процессов – старения и смерти. Таким образом, то, что делает нагуалист, – есть своего рода «бунт» против самого Мира (или, если Вам нравится кастанедовский миф, – Орла). Нагуалисты идут своим путем, на свой страх и риск.

3) Энергетическое тело и тело сновидения. Влияние тела сновидения на окружающий мир

Вернемся к *телу*, которое пребывает *за* физическим (но не может существовать без него). То самое тело, которое мы так часто и так (увы!) бездумно называем «тело сновидений».

Действительно, впервые значительную часть этого тела мы видим (или как-то ощущаем) в *осознанном сновидении*, реже – в обычном, но ярком сне. Если заниматься достижением второго внимания долго и настойчиво, то какие-то части тела сновидения «явятся» безо всякого засыпания. Сновидение – только мостик.

Впервые *тело сновидения* (энергетическое поле, «собирающее» нас) демонстрирует свою отдельность от «физического» тела тем, что пронзительно вздрагивает от неожиданных звуков или движений. Уверен, это замечали многие. Любой медитатор или практик аутотренинга знает, что от резкого звука его тело может пронзить «наэлектризованная дрожь» или «заряд», напоминающий электрический удар. Кажется, что подобные эффекты только подтверждают: мы имеем «астральное тело» – тонкую субстанцию, отделенную от нашего мира частотой или плотностью базовой Энергии – субстанции бытия.

Тело во всех своих проявлениях едино: физическое, биологическое, энергетическое, эмоционально-ментальное (которое оккультисты-метафизики любят называть «эфирным» или «астральным»). «Поле» может заболеть или страдать от дисфункции – так же как кишечник или печень. От животных мы отличаемся в одном фундаментальном отношении: мы способны произвольно организовывать свое «поле» и этим оказывать целенаправленное влияние на собственную соматику, а животные – движутся в согласии со своим биологическим Дао, отвечают на воздействия внешней среды и делают это в соответствии с эволюционно развившейся формой своего вида – т. е. так, чтобы в данной среде выжить.

Когда мы ощущаем электрические или подобные им волны (разряды), мы всего лишь отмечаем, что человеческий организм содержит, помимо анатомии, физиологии, биохимии и физики, некоторое

энергетическое поле, связывающее структуру воедино и создающую этим «организм». Это «поле» и делает нас *живыми существами* в отличие от скал, камней, песка и т. д.

Важно помнить, что это «поле» *обеспечивает человека осознанием*, которое мы имеем возможность *усиливать* благодаря специальной дисциплине *произвольного внимания* – сталкингу, перепросмотру, неделанию, *сновидению* и *сновидению наяву*.

Категория *реальности* в отношении тела сновидения так же применима, как и к телу физическому. Помните? **«Физическое тело – *это результат организующего усилия какого-то* энергетического поля».** И далее о *живом*: **«Оно воспринимает, мыслит, ощущает себя, влияет на окружающее в той мере, в какой обладает условной массой».** («Условной», как я уже говорил, в квантовом смысле.)

Кажется, что единственной серьезной проблемой является *масса*. Находясь в *теле сновидения*, мы мыслим, ощущаем, воспринимаем. Классическая физика утверждает, что, не обладая массой, влиять на окружающее мы не можем. Однако свидетельства подобных влияний история экспериментальных исследований знает. Дело в том, что успешные влияния трудно повторить, а в лабораторных условиях (совершенно необходимых) это становится исключительно сложной задачей.

Поэтому о влияниях/воздействиях тела сновидения на окружающий мир я могу говорить, опираясь только на личный опыт, полностью отдавая себе отчет в том, что он не может быть воспроизведен по желанию экспериментатора, а потому, строго говоря, не считается научным фактом. Пока с этим обстоятельством приходится смириться.

(а) Живые существа, видимо, испытывают влияние тела сновидения. Самыми чуткими созданиями в этом смысле являются растения. Цветы могут стать более пышными либо увять по желанию сновидца. Иногда (если сновидящий, находясь в теле сновидения, желает вырвать растение) ломается либо повреждается стебель, после чего растение гибнет в течение суток. При этом наблюдаются странные «игры времени» – например, в *сновидении* (ночью) герой «вырывает» цветок из грунта, а он ломается без чьего-либо прикосновения только на следующий день и затем погибает.

После контакта с вашим телом сновидения животные ведут себя необычно. Бывают раздражены и угрюмы без причины, отказываются от еды, уходят в темный уголок, «сновидца-экспериментатора» могут вообще не признавать за своего.

(б) В особых, исключительных случаях остаются следы на поверхности. Их природа непонятна – потемнения, царапины или трещины (на мебели или на стене). Всегда остается неуверенность: а действительно ли эти следы имеют отношение к сновидческим опытам? Не простое ли это совпадение? И лишь когда «совпадения» повторяются второй, третий, четвертый раз, мы начинаем серьезно задумываться над этими странными феноменами.

(в) Запотевшее оконное стекло может оказаться прозрачным в том месте, где к нему «прикасалось» тело сновидения. Возможно, это означает, что тело сновидения поглощает тепловую энергию.

(г) Вневременное «перемещение предметов». Довольно редкое и поразительное явление. Его также проще всего отнести к совпадениям, что я поначалу и делал. Но многократно повторяющееся совпадение – это уже закономерность, не так ли?

Первый раз это случилось много лет назад. Разгуливая в теле сновидения по квартире, я снял со стены картинку (журнальная репродукция «Тайной вечери» Дали в легкой рамке под стеклом). Довольно долго разглядывал ее, пытаясь стабилизировать восприятие, пока сновидение не прервалось. А на следующий день картинка свалилась с гвоздя, хотя к ней никто и не приближался. Обычное совпадение. Или, как это назвал Юнг, *синхронистичность*. Но что-то здесь показалось мне странным. Потом я стал специально прикасаться к мелким предметам, когда ходил по комнатам в сновидении.

При соблюдении некоторых специальных условий «совпадение» повторялось. Для этого:

а) сновидение должно быть плотным и ярким;

б) визуальное и тактильное восприятие выбранного предмета должно быть максимально длительным и стабильным;

в) надо выйти из сновидения, не поставив предмет на место.

И на следующий день что-нибудь случалось – либо предмет падал сам по себе, либо его перемещали «природные» силы (распахнувшаяся от сквозняка дверь, неожиданная вибрация от стука за стеной у соседей и т. п.). Все это кажется несерьезным, – чепухой, про которую и писать не стоит, – пока вы **лично** не столкнетесь с регулярными «совпадениями» такого сорта. Возникает чувство, что вы через сновидение вступили с Миром в игру, правила которой неизвестны или вообще непостижимы.

Я привел только некоторые примеры. Все они воспринимаются наивным практиком (а в таких ситуациях мы, как правило, становимся «наивными») как всплески «подлинной магии». Начинающие сновидцы привыкли чувствовать себя по ночам блуждающим «призраком», бесплотным и бессильным. Совсем другое дело – взять в непослушные пальцы статуэтку, игрушку, фотографию, чтобы она на следующий день оказалась на полу, – то ли в результате вашего воздействия, то ли по воле таинственной *синхронистичности* мироздания.

4) Сборка тела как фактор стабилизации внимания и усиления осознания

В осознанном сновидении, где впервые сновидец хотя бы частично добивается контролируемого восприятия, развитие внимания и его совершенствование начинается в условиях, повторяющих состояние наяву.

Как долго обычный человек, не использующий дисциплину, бывает наяву осознанным? Сколько времени его внимание по-настоящему алертно и отслеживает основные параметры воспринимаемого поля?

Как правило, не более нескольких минут в час. Если бы не стабильность базового состояния, биологическая и социальная вовлеченность в сеть энергообмена, выработанная эволюцией, мы постоянно отвлекались бы от реальности первого внимания и погружались в самодельные грезы, отражающие образы памяти и воображения.

Однако в *сновидении* базовый энергообмен, закрепленный *телом*, не является решающим критерием для различения «внешнего» и «внутреннего». Нетрудно понять почему. Ведь *само состояние сновидения есть диссонанс между перцептивной активностью воспринимателя и сенсорными сигналами физического тела*, которые должны обусловливать точку отсчета и все координаты воспринимаемого. Активное внимание, сосредоточенное на переработке сенсорного материала, **противоречащего** «базовому», идущему от биологических рецепторов организма (которое в первом внимании, как правило, неподвижно лежит или сидит с закрытыми глазами), ведет себя согласно давнему стереотипу, хорошо известному в психологии восприятия, – оно **вытесняет** сигналы, которые не может согласовать со сновидческими восприятиями.

Что мы имеем в результате? Осознанное внимание, повторяя привычку, выработанную наяву, просто *пульсирует*. Пять-десять секунд оно работает, обозревая перцептивное поле, – как бы «проверяя обстановку». А потом может отключиться от внешнего и уйти в себя (направить свою блуждающую активность на внутреннее поле, где любой перцептивный акт, суть которого – вычленение «фигуры» из «фона», невероятно затруднен), пока в сферу осознаваемого вновь не попадет *значимый сигнал извне*, что заставит внимание еще раз просканировать окружающий энергетический фон. А такие *значимые сигналы*[21], надо заметить, далеко не всегда появляются часто. Если иметь в виду, что у большинства начинающих осознанное сновидение длится не больше 5-15 минут, то можно сказать, что одним-единственным «всплеском» все *реальное* восприятие и заканчивается.

Ради эффективной практики *сновидения* мы вынуждены «*осознавать себя*» *наяву как можно чаще* (этому, в частности, и служит сталкерская «внимательность»), чтобы эта привычка перешла и на восприятие в сновидении. *Но и этого недостаточно!*

Усиливая внимание и осознание наяву, мы, прежде всего, отталкиваемся от *тела* и *привычного телу энергообмена*. Чтобы сделать восприятие в сновидении более последовательным и направленным на *внешнее*, чтобы избавиться от галлюцинируемых образов, транслирующих в сновидимое пространство психическую и психофизиологическую активность, вызванную *внутренними* рефлексиями, мы приступаем к технике целенаправленного формирования *тела сновидения*. Формируя *тело сновидения*, мы успеваем осознать себя в сновидении несколько раз и устранить какую-то часть продукции галлюцинирующего тоналя, выработанной в периоды сновидческой «бессознательности».

Как в теле первого внимания, так и в теле сновидения осознание активизируется произвольным вниманием, функция которого – «собирать сигналы (эманации) в пучок». *Осознание* в данном случае – это *регистрация факта сборки*. Осознание максимально интенсивно только в те мгновения, когда сборка сигналов только что осуществлена. «Собранное» становится *привычным* с той же скоростью, с какой угасает наше осознание. Вот почему мы поддерживаем необходимый уровень активности осознания, вариативно повторяя цикл: *сборка перцептивного пучка – разборка – новая сборка*.

Это происходит в любом режиме восприятия. Наяву этот механизм почти всегда используется бессознательно – **мы «пересобираем» себя, когда нуждаемся в быстрой активизации внимания.**

Любая непривычная позиция восприятия (особенно сновидение) требует целенаправленного выполнения этой работы, поскольку автоматизмы, опирающиеся на базовую «телесность», здесь катастрофически слабеют.

В состоянии *внимания сновидения* эпизод глубокой остановки внутреннего диалога или перцептивного не-делания «разбирает» *как* воспринимаемый *мир, так и тело*. Повторная сборка опять дает импульс осознанности.

Этот метод крайне важен. Мы открываем указанный механизм в процессе сталкинга. Иногда он становится явным довольно быстро, иногда затрудненность выслеживания создает проблему, и у практикующего уходят годы на поиск «ключевого звена» – *осознание работы собственного осознания*.

«Сканирующее» тело своей плотностью вызывает осознание внимания и восприятия почти каждую минуту. На это уходит много энергии, и активное внимание быстро устает. Вот почему следующий этап – *поиск энергии в сновидении и утилизация этой энергии* – имеет решающее значение.

Именно здесь начинается «магия» и интеграция. Полученная в *сновидении* энергия влияет на физическое тело. Мы обретаем способность различать иллюзии и реальные сигналы, потому что *тело настроено на обретение силы*, и внимание, следуя этой установке, вытесняет иллюзии, усиливает энергопорождающие структуры. Даже в том случае, если мы не *видим* энергию в сновидении, психоэнергетический механизм тоналя переходит в режим, который знаком организму наяву, – он ищет во внешнем поле *реальные источники силы*.

В дальнейшем, бодрствующее тело своими реакциями разрешает большую часть сомнений по поводу *реального-нереального* во сне. Эти реакции тела могут быть как общими (скажем, психоэмоциональными, переживанием тонуса или истощения), так и весьма конкретными (вплоть до «следов» на коже от контактов в сновидении).

Эта последовательная работа составляет сущность того Пути Сновидения, который ведет от *внимания сновидения* ко *второму вниманию*, плотному *телу сновидения*, переходящему в «дубль», который на высшем этапе интеграции с физическим телом осуществляет целостную телепортацию. Если телепортация физического тела была осуществлена практиком хотя бы однажды – значит, он уже стоит на пороге *третьего внимания*, Тотальной Интеграции.

5) Формирование тела сновидения

Чтобы понять смысл термина *тело сновидения*, следует подумать о том, что же такое «тело». Поскольку нас прежде всего интересует энергетический аспект проблемы, можно сказать, что *тело* – это система каналов энергообмена и некое поле, способное энергию сохранять. Фигурально выражаясь, это некий «сосуд», необходимый для работы осознания.

В чем смысл формирования тела сновидения? В том, чтобы мы получили возможность, находясь в позиции сновидения, поглощать энергию, излучать ее и, наконец, накапливать.

Спонтанный выход тела сновидения – это естественное моделирование каркаса, объединяющего новое поле восприятия и самого воспринимателя. Наше внимание обучено распределять себя так, что всегда есть некий центр, источник внимания, и окружающее его поле. Чем лучше работает воспринимающее внимание, тем явственнее оно по умолчанию строит тело. Воспринимаемое и восприниматель неразрывны в тонале. Если бы такого закона не было, само зарождение тела сновидения было бы невозможно.

Если причиной спонтанного выхода является мощный выброс энергии (а такое бывает в результате травмы, в момент клинической смерти, в состоянии специфических интоксикаций – особенно большими галлюциногенами), сила восприятия «вне тела» настолько велика, что может конструировать подробную копию физического тела субъекта. Но ненадолго. Почему? По очень простой причине – в данном состоянии энергия только излучается, тратится. Можно сказать, что полученная «копия» физического тела, какой бы отчетливой она ни была, – всего лишь один элемент системы. *Излучающий* элемент.

Под «формированием» тела сновидения имеется в виду развитие качественной *поглощающей структуры* и *структуры накопления*. Для этого и нужна специальная дисциплина.

Как уже было сказано, поддерживающая активность внимания осуществляется *циклично* (сборка – разборка – новая сборка), что и объясняет *пульсирующий* характер внимания, про который я упоминал еще в первой части книги. Фаза перцептивной сборки, имеющая место внутри каждого цикла, потребляет энергию и потому для воспринимателя является *моментом излучения*. Таким образом, всякое упорядоченное восприятие некоего фрагмента перцептивного поля инициирует его излучающую активность. Как наяву, так и в сновидении мы не нуждаемся в дополнительных приемах, чтобы излучать энергию вовне. Хотим мы этого или нет, излучение происходит постоянно, так как оно является физическим компонентом собирающего внимания. В тех же случаях, когда возникает необходимость многократно усилить излучение тела сновидения, практик обращается к специальным *перцептивно-энергетическим паттернам*, о которых будет сказано в следующей главе.

Лишь не следует забывать, что полноценная перцептивная сборка, которая формирует согласованное излучение тела сновидения, подразумевает использование *не одного лишь визуального, но и всех остальных модусов перцепции – аудиального, кинестетического, проприоцептивного*, а когда это необходимо – даже обонятельного и вкусового. Интенсивность и направленность *излучения* определяется тем, насколько сновидящему удалось воспользоваться этим сенсорным комплексом – продуктом его биологической целостности, сформированной миллионами лет направленной адаптации живой стихии к внешнему полю.

Пользуясь этим комплексом, практик совершенствует свою способность упорядоченно и целенаправленно излучать энергию в сновидении, когда выполняет в нем какую-то работу, перемещается, повторяет физические упражнения (здесь у него появляется реальная возможность открыть собственные «магические пассы»), пытается влиять на энергетические объекты или процессы.

Поглощение энергии – более сложный процесс для сновидящего. Телесные структуры, обеспечивающие поглощение и накопление энергии, как правило, активны наяву. Тональ не рассматривает сновидение как область, из которой можно черпать силу для своей психоэнергетической активности, – это естественный результат обычной бессознательности и пассивности тела во сне. Практик должен разрушить этот стереотип, поскольку *без активизации поглощающих каналов невозможно добиться полноценного развития и усиления тела сновидения*.

Это, надо заметить, серьезная проблема, с которой практик сталкивается через несколько лет специфического застоя в сновидческой практике. Часто мы встречаемся с разочарованными сновидящими, которые потратили пять-десять лет на тренировку произвольного внимания в сновидении, но не добились ничего, кроме наскучивших повторений одного сценария: взглянул на руки – прошелся – полетал – увидел какую-то подвижную и странную картинку – вернулся в первое внимание. «Ну и что? – спрашивают такие экспериментаторы. – Где обещанная энергетическая реальность, где магические трансформации и прочие кастанедовские «чудеса»? Мы нашли только скопище призраков».

Иного и быть не может. Ведь решающий фактор в развитии *энергетического сновидения* – это усиление *тела сновидения*. А что знают об этом «теле» наши самодеятельные энтузиасты? Только то, что прочли у великого Карлоса: «Посмотри на руки». Лишь всеобщая наивность и безоговорочная вера в кастанедовские «отчеты» мешает понять, что этого *далеко не достаточно*. Исследовательская работа в сновидении требует проницательности и понимания глубинных механизмов психоэнергетической системы человека.

Видение помогает понять многое, но и *видящий* сталкивается со специфическими трудностями, ловушками и заблуждениями. Увы, ничто не совершенно, никто не всеведущ. И если уж мы говорим о нагуализме как о «науке восприятия», то успешный сновидящий должен действительно иметь *разум ученого*, развивать в себе соответствующие таланты и способности. Редкий испытатель обладает всем комплексом необходимых качеств.

Итак, тело сновидения (как и тело первого внимания) развивается за счет поглощения и накопления энергии. Поглощающие способности тела сновидения ограничены его диссоциированностью (разъединенностью) с базовым энергообменом тела первого внимания. Они сводятся к: 1) дыханию; 2) активности поглощающих каналов; 3) использованию энергетических фактов (или «предметов силы») в перцептивном поле второго внимания.

(1) *Дыхание* тела сновидения отличается от обычного дыхания наяву. Чтобы его активизировать, сновидец должен либо имитировать дыхательный процесс, пробуждая соответствующие кинестетические (осязательные) сигналы, либо перенести сам процесс дыхания на поверхность кокона (в данном случае, тела сновидения). Причем перенос дыхания на поверхность тела неминуемо сопровождается рефлексивной активизацией привычного способа дыхания.

На словах это кажется довольно простым делом. Но вспомните, *как часто вы осознаете собственное дыхание, пребывая во внимании сновидения*? Пока сновидящему не укажут на необходимость этого приема, он даже не задумывается о подобных тонкостях.

С другой стороны, надо иметь в виду, что дыхание рефлекторно связано с движениями диафрагмы и грудных мышц, которые сильно влияют на положение точки сборки. Поэтому активизация легочного дыхания часто приводит практика к нежелательному пробуждению (быстрому возвращению в первое внимание). С дыхательными движениями связаны древнейшие рефлексы, обусловливающие степень нашей «пробужденности», т. е. согласованности с привычным миром восприятия. (Это, кстати, объясняет, почему неестественные дыхательные циклы – например, холотропное дыхание Грофа и т. п. – могут сами по себе изменять режим нашего восприятия.) Мы же хотим «активно дышать», но оставаться во внимании сновидения.

Для этого и применяют способ «переноса» дыхания на поверхность тела сновидения. В следующей главе даны описания областей энергетического тела и перцептивно-энергетических паттернов, которые нуждаются в обязательном делании. Эта специфическая осознанность поможет удержать пульсирующее внимание на поверхности тела и использовать ее как поглощающее поле (область активного энергетического «дыхания»). Вы заметите, как сильно меняется качество восприятия и самоощущение сновидческого тела после нескольких осознанных «вдохов».

(2) Но дыхание ЭТ, будучи мощным катализатором энергетического поглощения, открывает целое направление работы. Сосредоточение на поверхности тела сновидения помогает практику обнаружить, что его энергообмен вовсе не однороден. Есть участки, где вы «вдыхаете полной грудью», и есть области, где почти ничего не происходит, и произвольное внимание здесь бессильно.

Так сновидец находит *главные каналы и точки энергообмена*. Некоторые из них я опишу в главе, посвященной *деланию* тела сновидения, но хочу сразу предупредить: *чужое описание – плохой помощник*. Его следует использовать как совокупность самых общих ориентиров, не более. Например, из кастанедовских отчетов нам известно, что каждый человек имеет «просвет» в светящемся коконе (район пупка). Более внимательный читатель узнает, что у человека есть также «горловой центр», где расположен канал энергообмена, определяющий его ментальную и перцептивную активность. Насколько я могу судить из собственного опыта, это – общие элементы. Они есть у каждого, они играют важную роль в нашем энергетическом метаболизме, и этот факт следует учитывать в практике. Все остальное – в большей или меньшей степени субъективно, индивидуально, обусловлено конкретной конституцией и связано с конкретной личной историей. Например, вы можете открыть мощный канал

поглощения в районе селезенки, межбровья или промежности. Экспериментируя с ними, вы узнаете, насколько они эффективны для развития тела сновидения, а заодно вспомните, какие факты личной истории сделали эти формации столь важными для вашего энергообмена. Обратите внимание: *каждый открытый вами канал имеет собственную* «*магическую*» *силу и может выполнять конкретную трансформационную работу*. Они крайне важны для формирования тела сновидения и последующей интеграции первого и второго внимания – не пренебрегайте ими.

(3) Об *использовании энергетических фактов и* «*предметов Силы*» я скажу в третьей части книги. И это логично, поскольку я пишу для практикующего сновидца, а не для праздного читателя. Чтобы пользоваться энергетическими фактами второго внимания, надо иметь уже довольно сильное тело сновидения. Пока вы его не имеете, энергообмен во втором внимании настолько незначителен, что не может быть источником Силы для ваших «телесных» трансформаций.

Завершающим и интегрирующим моментом психоэнергетического развития тела сновидения является *строительство* (*упорядоченное осознание*) *целостной* «*схемы*» *тела* не только как воспринимающей, но и как *энергообменной* структуры. Насколько мне известно, подобная интеграция случается взрывообразно, как переход количество осознанных элементов в новое качество взаимосвязанности и целостности. Похожий процесс имеет место и в первом внимании, например, когда ребенок впервые начинает уверенно ходить на двух ногах. И там, и здесь элементы осознанности как бы сливаются в одно неделимое восприятие – мы обретаем новую «функциональную единицу». Таким образом тональ перекодирует поступающую сенсорную информацию и освобождает значительную часть внимания для новых восприятий и постижений *вовне*.

На этом этапе тело сновидения осознает свою «сердцевину» – стержневой энергоканал, который является главным «накопителем» поглощаемой Силы. По сути, это не что иное, как проекция «стержня» энергетического тела, о котором я уже писал в других книгах и который на биологическом уровне располагается вдоль спинного мозга.

Чтобы укрепить эту формацию во внимании сновидения, я применяю, на мой взгляд, эффективный метод «неподвижного стояния». В сновидении мы часто бываем суетливы – много ходим, летаем, что-то ищем и т. д. и т. п. Это стереотипное поведение для любого млекопитающего в незнакомой среде. Просто стоять, выпрямив спину и прислушиваясь к положению собственного тела, к его ощущениям – странным и неопределенным, поскольку они поступают из недоступных прежде полей существования, – это не совсем обычное поведение. Но, как показывает опыт, «странное» поведение бывает весьма эффективным.

Каждый находит собственный способ такого «стояния». Если я предпочитаю иметь вокруг себя свободное пространство и просто «вытягиваться» всем телом, чтобы лучше почувствовать область позвоночника и спину (заднюю пластину кокона), то другие (как один известный мне сновидец) находят в сновидении «стену», к которой можно прислониться, и чувствуют свой позвоночник, как бы максимально прижавшись к этой «стене». Конкретная уловка не имеет значения. Важен результат – осознание стержневого канала вашего тела сновидения. Всякий раз, обратив на него внимание сновидения, вы автоматически подзаряжаете свой сновидческий «аккумулятор», и тело сновидения от этого становится «крепче».

6) Спонтанный «выход» тела сновидения

Это явление широко известно и неоднократно описывалось многими практиками. Поэтому буду краток.

Прежде всего, тело сновидения на первых порах очень часто «выделяется» спонтанно. Я вынужден брать в кавычки такие слова, как «выделение», «выход» и т. п., поскольку ничего никуда не «выходит» и не «выделяется», о чем уже было сказано. То, что мы воспринимаем как «выход» тела сновидения, – это *тональная интерпретация* внезапной активности осознания *вне привычной схемы* физического тела.

Для практика-нагуалиста это событие – результат включения *внимания сновидения* (о достижении которого подробно написано в первой части книги) и дальнейшего движения точки сборки, ведущего к ощутимому *сдвигу позиции воспринимателя* («идеального центра») *в воспринимаемом поле*. Рассогласование новой позиции воспринимателя и положения тела первого внимания автоматически

вызывает феномен так называемого «выхода» *тела сновидения*. При этом задействованная энергия может быть минимальной и всего лишь имитировать некие структурные фрагменты «второго тела». Все остальное создает галлюцинирующий тональ сновидящего.

Как правило, у сновидцев, не работающих над усилением тела сновидения, возникает то, что можно назвать «фантомным полем». Оно объединено в мнимую «целостность» за счет иллюзорного шаблона, возникшего в результате привычной перцептивной схемы, действующей в *первом внимании*. Этому обстоятельству не стоит огорчаться. «Фантомное поле» – штука весьма полезная, ведь именно оно становится перцептивным «скелетом» для всех дальнейших усилий *произвольного внимания*, структурирующего *реальные* психоэнергетические поля.

На первых порах сновидец *реально* имеет лишь малые фрагменты. Обычно они связаны с руками, глазами, головой *тела сновидения*. Это части («осколки») того древнего «перцептивного треугольника», о котором я еще скажу в следующей главе. Вы можете «увидеть» собственные ноги или живот, но на начальных стадиях освоения *сновидения* это чаще всего – продукты галлюцинирующего тоналя.

Есть несколько вариантов спонтанного «выхода» тела сновидения, которые мы встречаем при «верхнем» типе смещения точки сборки. («Прямой сдвиг», как я уже говорил, обычно ведет к цельной проекции – мгновенному осознанию своего тела сновидения *вне* тела физического. Иногда в пределах собственной спальни, иногда – в одной из относительно удаленных позиций.) Я их просто перечислю, так как в большинстве случаев они, на мой взгляд, не нуждаются в комментариях:

Классический вариант «выхода» тела сновидения при верхнем смещении точки сборки – *через макушку головы*.

Довольно часто спонтанный «выход» происходит через «*переворачивание*» тела сновидения «внутри» тела физического. За ним может последовать «взлет и парение» либо «падение на пол». Само «переворачивание» может происходить как «вокруг собственной оси» (подобно бревну, поворачивающемуся в потоке речной воды, – именно такое сравнение использовал, например, Р. Монро), так и «горизонтально» (этот вариант я назвал «пропеллер», так как в этот момент сновидящий в момент рассогласования со схемой физического тела сам себе может напоминать начавший вращаться двухлопастной пропеллер, и это порой кажется довольно забавным).

Реже происходит то, что можно назвать «вытягиванием через руки». В этом случае сновидец сначала чувствует только «руки» своего тела сновидения, вытягивает их и, как бы опираясь на это ощущение «освободившихся от бренной плоти» кистей и предплечий, «выползает» из физического тела, как бабочка из кокона.

Иногда (особенно в случае неожиданной эмоциональной реакции на резкий раздражитель) сновидящий совершает своеобразный «прыжок» и сразу оказывается в теле сновидения. При этом он может чувствовать себя ошеломленным и дезориентированным.

Довольно сложным и не совсем спонтанным способом является «выход» тела сновидения через нечто напоминающее «позу эмбриона». Он начинается так же, как «вытягивание через руки», но за ним (как правило, неожиданно) начинают «подниматься» ноги тела сновидения и сгибаться в коленях. Сновидящий словно сворачивается в клубок, осознавая при этом, что его «физическая часть» сохраняет неподвижность и даже расслабленность. Затем – «кувырок», и он уже висит в воздухе либо летит в неведомые просторы. Возможно, это наиболее эффективный из всех спонтанных «выходов». Сама процедура невольно вовлекает в оформление тела сновидения наибольший объем энергетических полей. О том, почему подобный способ время от времени имеет место, надо писать отдельно, т. к. феномен связан с некоторыми импринтными схемами, как правило, сформировавшимися в момент родов или в раннем детстве.

Наконец, последний и самый, на мой взгляд, неприятный «выход» тела сновидения – «проваливание сквозь спину». В моем опыте он однозначно связан со смещением точки сборки вниз и, соответственно, восприятием мрачных либо устрашающих перцептивных миров.

Хочу также сказать о таком любопытном восприятии, иногда возникающем у практика, испытавшего «выход» тела сновидения, как «*светящийся* (*серебристый*) *шнур*» или «*нить*», связывающая его

физическое тело с призрачным «двойником». Эксперименты убедили меня, что этот «шнур» (или «нить») – всего лишь *автоматическая проекция* идеи, порожденной *галлюцинирующим тоналем*.

Для такого вывода у меня достаточно оснований. Во-первых, восприятие соединяющего два тела «шнура» **слишком нестабильно.** Оно *не зависит* от качества внимания сновидения и от яркости восприятия остального перцептивного поля. Во-вторых, как много раз было замечено, «нить» появляется тогда, *когда о ней вспомнишь* или *когда возникает опасение* насчет «полного отделения» тела сновидения от физического тела. Иначе говоря, сначала возникает мысль о «нити» (связи), и лишь потом – восприятие. Такая последовательность типична для *галлюцинируемого*.

Кроме того, сама идея какой-то «нити», привязывающей наше восприятие к физическому телу, явно визуализирует хранящуюся «в затылке» *метафору*, имеющую совершенно ясное «энергетическое» значение: две позиции восприятия, понятые нами как «два тела», суть *две неразрывные части целого*, а потому должны быть как-то прикреплены друг к другу. «Нить» – это наивный, но самый убедительный образ бессознательного.

Любопытно, что я вообще никогда не воспринимал ничего подобного, пока не занялся специальным экспериментированием, чтобы проверить степень реальности описываемого многими оккультистами феномена. Думаю, это связано с тем, что кастанедовское «описание» более абстрактно и не внушает практику настолько прямолинейных иллюстраций идеи психоэнергетического единства.

7) Что такое «дубль»? Какова его природа? Превращение тела сновидения в энергетического «двойника»

О «дубле» или магическом «двойнике» всегда много рассуждали, а еще больше – фантазировали, сочиняя легенды и сказки. Не только американские индейцы знают о «двойнике», которым вроде бы может обладать шаман, *брухо, диаблеро*. Даосские мастера имели двойников, тибетские «искатели мудрости», йоги и медитаторы, как утверждают сказания, на высших этапах практики обретали способность «находиться в двух местах одновременно». Несмотря на то что во многих случаях подобные способности – всего лишь плод возбужденного воображения, за ними стоит реальный психоэнергетический феномен, который возможен благодаря тому, что произвольное внимание и осознание является силовыми полями, реализующими себя в квантовом мире как физические процессы и явления.

Конечно, ни я, ни другие экспериментаторы не имели возможность наблюдать формирование, выделение «дубля» в лабораторных условиях и его синхронное с физическим телом функционирование в мире первого внимания. Но нагуализм, в отличие от традиционного мистицизма, по крайней мере предлагает психоэнергетическую концепцию, описывающую данный феномен, в которой он является логическим следствием положений «науки о восприятии», изложенных выше. Замечу, что раньше ничего подобного в оккультно-мистических дисциплинах мы не находили – только экзотические аналогии, метафоры и ссылки на Непостижимость Высших Сил Бытия.

Логика нагуализма вполне понятна. Если тело сновидения есть не только перцептивное, но и энергетическое поле, демонстрирующее возможность упорядоченного восприятия и осознания в позиции, удаленной от позиции классического тела (физического организма), то лишь от интенсивности вовлеченных силовых потоков зависит, в какой мере тело сновидения проявляет себя как «дубль» сновидящего.

Как правило, вовлеченной в тело сновидения энергии недостаточно, чтобы «двойник» стал видимым для наблюдателя, пребывающего в первом внимании, проявлял выраженную активность, влияя на классические объекты, живые и неживые тела, процессы, явления. Однако, исходя из данной теории, не существует принципиальных преград для возрастания энергетического объема, которое повлечет за собой превращение тела сновидения в магический «дубль» индейских шаманов.

Природа такого «дубля» (двойника) должна быть двойственной и оставлять странное впечатление. С одной стороны, он достаточно материален (локален), чтобы воздействовать на привычный перцептивный мир – то есть перцептивно устойчив, вызывает массу психокинетических эффектов и т. д. С другой стороны, он все же отражает не биофизическую, а психическую природу «оригинала» – и этим

объясняется его не вполне обычное поведение, в частности, неопределенность и проницаемость границы между его сознанием и бессознательным, его чрезмерную чувствительность к психической активности других живых существ (прежде всего, людей) и созданной ими атмосфере.

Впрочем, если бы мы могли наблюдать за поведением тела сновидения любого человека из рациональной позиции первого внимания, то увидели бы ту же картину. Самый дисциплинированный сновидец, самый трезвый и рациональный, с полностью пробужденным осознанием, памятью и самоконтролем, должен вызывать у бодрствующего впечатление, будто наблюдаемый субъект немного «не в себе». Да и вообще, не следует забывать, что выработанная наяву манера рационального, последовательного поведения и реагирования – характеристика социального человека. Она предназначена для общества подобных ему рациональных субъектов и вовсе не критерий, скажем, «психического здоровья», а только успокаивающий сигнал, цель которого подтвердить, что наблюдаемое человеческое существо «конгруэнтно» наблюдателю, т. е. находится в той же, что и наблюдатель, позиции точки сборки. Чего никак не скажешь про магического «двойника», ибо само его существование возможно благодаря сильному смещению точки сборки «раздвоившегося» экспериментатора.

В связи с возможностью магического «дубля» иногда возникает теоретический вопрос (который, помнится, занимал и самого Кастанеду): *а где во время раздвоения находится осознание*? Оно также «раздваивается» или происходит что-то другое? Иногда подобные теоретики даже высказывают предположение, что существует «*две* точки сборки» – одна для дубля, другая – для оригинала.

Идеи такого сорта возникает из-за прискорбного непонимания некоторых последователей дона Хуана, *что* такое вообще точка сборки. Б этой и предыдущих работах я много писал по этому поводу, так что не буду повторяться. Каждый читатель Кастанеды и сторонник нагуализма должен понимать, что осознающее существо всегда обладает только одной точкой сборки – иного быть не может ни в каком случае. Мы можем расчленить собственное психическое пространство, вытеснить какие-то его области во тьму бессознательного; шизофреники могут страдать раздвоением личности, а невротики – раздвоением роли и самооценки, но *точка сборки* – поле, которое объединяет и связывает в некую целостность сенсорные сигналы, – *всегда одна*. Но ее поведение бывает необычным и даже феноменальным.

Например, продвинутый «маг» может одновременно функционировать в физическом теле и в теле своего «дубля». Как возможно такое «одновременное осознавание»? Кажется, без двух точек сборки тут не обойтись. Хотя в обычной жизни мы легко допускаем, что человек способен заниматься двумя делами одновременно (или почти одновременно), разделять внимание между руками, ногами и головой. И совсем не нуждаемся в идее двух (или более) точек сборки, чтобы объяснить, как пианист произвольно двигает десятью пальцами, да еще и нажимает ногами на педали.

Конечно, когда речь идет об одновременном функционировании дубля и физического тела, внимание и восприятие расщепляется более впечатляющим образом, но даже здесь – в загадочной магии – *одно* осознание, имеющее *одну* точку сборки, выполняет две последовательности операций параллельно.

Ведь и дубль, и оригинал – только две проекции *одного энергетического объекта* (*поля*). В определенном смысле они относятся друг к другу так же, как внутри одного поля внимания относятся между собой, скажем, центр и периферия. Всё уже «собрано», и внутри этой собранности фокус *сжимается* или *размазывается*, передвигается или остается неподвижным. Если какая-то часть собранного поля оказывается далеко на периферии фокуса внимания, эта часть может на время быть почти «вытеснена» из осознаваемой площади, но никогда не отделится от нее, ибо навсегда связана с целостностью перцептивной силой «сборки».

Таким образом, *одно* осознание, собранное *одной* точкой, способно обеспечить параллельную работу *двух* тел – либо благодаря быстрому перемещению фокуса внимания, либо временно вытесняя на периферию то одну, то другую часть поля.

Надо сказать, что оккультисты нередко приписывают двойнику нечеловеческие качества, что психологически легко объяснимо. В конце концов, двести лет назад человека, погруженного в гипнотический транс, именовали «медиумом» или «одержимым». Стандартное метафизическое мышление приписывает «дублю» какую-то особую «субстанцию», из которой он состоит, как будто речь идет, по меньшей мере, о гомункуле или существе, явившемся «с того света».

Один малоизвестный писатель, воспевающий христианскую Любовь и «умную молитву» исихастов, спекулирующий на своих психологических проблемах, вызванных, в частности, неверным использованием кастанедовских техник, написал, например: «Совсем не понимают наши сновидящие, что такое дубль толтеков. Он составлен исключительно из злых, опасных, разрушительных, хищных, отрицательных энергий своих демонических союзников».(!) Не знаю, из чего «состоит» *дубль* данного автора, но у всех нормальных сновидцев он – не более чем *alter ego*, проявление психики «оригинала, выражающее все его достоинства и недостатки, духовную чистоту и проблемы его бессознательного. Как точно заметил дон Хуан в одной из книг Кастанеды: «*Если сновидящий мрачен, то и дубль его мрачен. Если сновидящий забавен, то и дубль его забавен*».

Проще говоря, *ваш* «*дубль*» – *это вы*. Все «энергии», которые вовлечены в его проявление, собраны и накоплены вами. И далеко не всё это – энергии, полученные в каком-нибудь «мире второго внимания». Гораздо чаще они имеют вполне местное происхождение. Если сновидец небезупречен или он таит в себе скрытый гнев, презрение, гордыню и прочие психологические уродства, его «дубль» без особых сомнений демонстрирует это «грязное белье», потому что не-социален и не озабочен рефлексиями насчет того, что о нем скажут возможные свидетели.

Поэтому, если «маг» в душе «мерзок и гадок», но скрывает это от окружающих, «дубль» обязательно выдаст его. «Дубль» – для «безупречных воинов», а вовсе не для «эго-маньяков», в тайне ненавидящих или презирающих человечество.

Дон Хенаро был весел и обладал своеобразным «индейским юмором». Вполне можно представить, как он в виде дубля летал между эвкалиптами или делал вид, что испускает газы, «сотрясая горы». Но это вовсе не значит, что так же будут вести себя наши или европейские сновидцы. Возможно, их поведение будет менее забавным.

Если говорить о технологии достижения дубля, то здесь многое зависит от индивидуальной конституции сновидящего. Общим является только *метод* – усиление тела сновидения до некоторого критического уровня. Главные аккумуляторы энергии, которые могут вызвать оформление «двойника», находятся ниже пояса. Это – *стержневой канал*, проецирующий себя через *промежность* в сторону Земли, *нижняя часть живота* и *поясница*.

Так или иначе, занимаясь развитием тела сновидения, мы создаем *лишь предпосылки* для проявления дубля. Сама квантовая природа мироздания не допускает однозначности. Это *вероятностная* игра энергий. Возникновения *дубля* – всегда *флуктуация* в высшей степени «уплотненного» осознания.

Одним из часто встречающихся симптомов необходимого для «дубля» *усиления* тела сновидения является стабильное изменение самоощущения во втором внимании. И я, и другие практики отмечают характерную «упругость движений», словно сновидец преодолевает сопротивление среды (как будто движется «под водой»), при этом ярко ощущается поверхность тела, живот, голова, руки и ноги. Можно заметить, что в этот момент энергетическая активность самопроизвольно сосредоточилась где-то в центре туловища (обычно в области пупка). Напряжение здесь настолько велико, что, проснувшись, иногда даже чувствуешь боль в этом регионе какое-то время.

Подобные сновидения с участием больших объемов телесной силы, конечно, сопровождаются ярким, последовательным, а главное – *целостным* восприятием окружающего, из-за чего у сновидца неминуемо появляется чувство, что он пребывает *на грани полной психофизической телепортации*. Так что о переживаниях «на грани телепортации» придется сказать несколько слов.

8) Телепортация энергетической целостности – кульминация Пути толтекского сновидения

Как мы можем определить энергетическую *реальность* телепортационных феноменов? Понятно, что мы живем вовсе не в лабораторных условиях (хотя уже сегодня многие имеют возможность поставить дома видеокамеру и потом просмотреть сделанную ночью запись). Известно, что в большинстве случаев сновидящие склонны фантазировать по поводу своих «телепортаций», выдавая за них эпизоды бессознательного *лунатизма*. Иными словами, вы можете заснуть, пережить яркое люцидное сновидение (даже со всплесками второго внимания), а потом проснуться – стоя в другой комнате или еще где-нибудь недалеко от места, где до этого заснули.

Надо сказать, такой «самонаведенный лунатизм» встречается чаще, чем можно предположить. Расторможенное психотехникой сознание время от времени способно потакать себе в ложной интеграции – то есть не перемещаться в тело сновидения, а, наоборот, активизировать моторные доли головного мозга (для сознания это дело привычное) и этим провоцировать физическое тело совершать те или иные действия в полуосознанном (либо совсем неосознанном) сне. Тогда сновидец начинает двигать руками, может даже встать с постели и пройти какое-то расстояние, не просыпаясь. Следующее за этим пробуждение производит сильнейшее впечатление: «Вот оно! Свершилось! Я добился полной телепортации».

Чаще всего тональ выдает этот трюк, когда стремление к телепортации *полностью завладело* бессознательным сновидящего. Чтобы избежать подобного самообмана, надо применить выработанные навыки самовыслеживания. Вообще, *когда мы равномерно и с должным усердием следуем всему комплексу* нагуалистской дисциплины, а не фокусируемся на одном лишь сновидении, *любые трюки тоналя распознаются* если не мгновенно, то довольно быстро. Что же касается эпизодов самонаведенного лунатизма, то здесь существует несколько простых приемов, которые можно рекомендовать в первую очередь: например, выслеживание осознания и выслеживание тела.

Выслеживание осознания, прежде всего, подразумевает привлечение того *навыка пробуждения*, о котором было сказано в первой части книги (глава *2*. *Образ жизни и практика сновидящего*). Если вы научились, как было сказано, останавливать «формирование барьера между сном и явью еще тогда, когда первая сборка дневного мира не доведена до конца»; никакие дополнительные методы уже не нужны. Сновидец достаточно реактивен, чтобы своевременно *осознать, каким образом* он оказался в месте пробуждения. Он либо вспоминает ту часть лунатического эпизода, которая предваряла включение первого внимания, либо вспоминает весь эпизод от начала до конца.

Кроме того, сам *характер перцептивной сборки* при телепортации заметно отличается от пробуждения лунатика. Несмотря на то что мои личные исследования в этой области сегодня ограничиваются лишь двумя удачными опытами и я не могу считать свои переживания типичными, поделюсь наблюдениями, полностью осознавая их неполноту и возможную ошибочность выводов.

Видимо, на первых порах сборка редко бывает всеохватывающей и гармоничной. Некоторые области вы четко воспринимаете и осознаете, в то время как другие пребывают на периферии перцептивно-энергетического поля. Мы всегда сталкиваемся с этим явлением, когда переходим из одного режима восприятия в другой, – в том числе, и при нормальном утреннем пробуждении. Но здесь дело в том, что *собранные поля не совпадают с привычным расположением перцептивно-энергетической активности в первом внимании!*

В моих случаях я наблюдал следующее: а) *смещение* «*центра восприятия*» – той воображаемой «точки», из которой мы как бы наблюдаем (слышим, осязаем и т. п.) внешнее поле, б) *изменение кинестетики и слуха*, в) устойчивое (до двух и более часов) *изменение ориентации*.

Так, мне какое-то время казалось, что *визуальное восприятие рассогласовано с органами чувств* (глазами). Я как бы видел себя и мир вокруг из какого-то «обзорного окна», расположенного то ли выше головы, то ли за плечами. Локализовать точку восприятия, найти ее и поместить в «нормальное» пространства так и не удалось. Любые попытки добиться этого вызывали сильное чувство «уплывания» или «ускользания». По меньшей мере, две-три минуты я мог визуально воспринимать предметы, находившиеся за спиной, и даже – видеть часть улицы и соседнего дома.

Слуховое восприятие при этом пульсировало. В моменты максимальной интенсивности казалось, что я мог слышать разговор людей, сидящих на скамейке метрах в двухсот от меня, шуршание ветвей, шаги, шум от проехавшего по соседней улице автомобиля, и многое другое. После чего слух на какое-то время слабел и совсем исчезал, словно закладывало уши.

Что касается кинестетики, то она почти пугала своими фокусами. С одной стороны, по поверхности тела перемещались области нулевой чувствительности – я то чувствовал свои руки, то переставал их чувствовать, то способен был осязать губы и язык, когда шевелил ими, то они немели и словно исчезали. Зато кинестетика в области ступней оставалась неизменной и ненормально сильной – жжение, покалывание, другие болезненные ощущения, словно я стоял не на полу, а на куче раскаленного гравия.

Устойчивое изменение ориентации в обоих случаях выражалось в том, что я назвал для себя *эффектом* «*падения*». Это довольно странное переживание, которое нелегко описать. Вообразите, что ваше тело наклонили на 40-45 градусов. Когда вы стоите, возникает иллюзия, что вы сейчас упадете лицом вперед. Если вы легли на спину, с измененной ориентацией происходит метаморфоза – теперь кажется, что постель наклонилась назад, и вы «падаете» затылком на пол.

Все здесь описанное относится как к выслеживанию осознания, так и к выслеживанию тела. Надо также иметь в виду, что целостная телепортация всего кокона, захватывающая эманации физического тела, вызывает как психические, так и соматические *пост-эффекты*, которые мало кто пожелает симулировать. Пост-эффекты настигают практика через пару часов и могут преследовать его сутками. Это – психическое перевозбуждение, которое может перерасти в иррациональную тревожность, доходящую до паники, блуждающие спазмы, иногда болезненные, и др.

Практик должен знать, что трансформационные эффекты такого масштаба не могут протекать легко и безболезненно. Когда перестройка восприятия охватывает энергетические поля, форма которых **тысячелетиями** определяла **биологию нашего вида,** психофизическая встряска достигает поистине революционных масштабов.

Было бы легкомыслием думать, что психоэнергетические трансформации человеческой формы происходят плавно, приятно, наполняют нас исключительно блаженством и благодатью. Когда количество изменений переходит в качество, это всегда скачок и потрясение. «Плавность и приятность» – *атрибуты самовнушения*, за которым не следует серьезных психоэнергетических перестроек.

Будьте готовы к сильному психоэнергетическому удару, если работаете над тотальной Трансформацией. Привычный мир не сдается просто так. **Не пренебрегайте телесным здоровьем –** надо иметь крепкий организм, чтобы выдержать испытания, неизбежные на пути реальной Силы.

9) Сновидение способно исцелять

Нет ничего удивительного, что сновидение влияет на психосоматику человека во всей ее целостности. Практик, работающий над формированием и усилением тела сновидения, может обнаружить эту связь не из книг, а из собственного опыта.

Интересно, что в ряде случаев необходимая для целительного эффекта осознанность возникает спонтанно. Это лишний раз подтверждает, что тело «мудрее» нашего поверхностного ума и способно в критических ситуациях обратиться к неклассическому решению возникшей в организме проблемы.

Если ваше здоровье находится под угрозой, а вы (сами того не ведая) предрасположены к *сновидению*, больной организм может во время обычного сна сместить точку сборки в ту позицию, где второе, «сновидимое» тело обретает впечатляющие возможности *самоизлечения* (что, по сути, есть разновидность самотрансформации).

Я не буду останавливаться на длинном списке психологических и психофизических событий, которые могут подтолкнуть тело к такому варианту «самолечения». Некоторые из них общие и очевидны, связаны с психоэнергетической конституцией конкретного человека (например, он в течение всей жизни часто видит яркие или даже осознанные сны, обладает нестандартной чувствительностью и другими необычными способностями психики), другие – связаны с личностным переживанием, потрясением, особым отношением к своему недугу, убежденностью в бессилии медицины и, наконец, глубокой верой в то, что есть Сила, Бог, которые из Милости или сострадания могут вернуть страдальцу здоровье). В каждом конкретном случае срабатывает уникальное сочетание психологических и психоэнергетических обстоятельств. Нагуалистский подход к сновидению здесь многое проясняет, и этим проблемам следует посвятить отдельную работу.

Здесь же я хочу лишь напомнить то, что известно антропологам, – шаманы любой культуры и любого этноса использовали и продолжают *использовать сновидения, чтобы лечить* себя и соплеменников. Конечно, предсказать эффективность такого лечения трудно. Архаические представления, из которых состоит «мир шамана», сочетают в себе как Удивительные прозрения, так и бесполезные предрассудки, возникшие в процессе специфического творчества сознания, пораженного «магической паранойей».

Если говорить на языке нагуализма, то исцеляющее сновидение всегда происходит с активным участием *тела сновидения*. Степень его «собранности» зависит не только от намерения и способности сновидящего, но и от характера болезни. Именно «проблемная» область тела привлекает к себе основную часть энергии; именно здесь сновидец осуществляет лечебные действия. Когда мир шамана-целителя переполнен традиционными образами и архетипами, сновидение весьма драматично: он отправляется в путешествие, чтобы найти лекарство, преодолевает разные преграды, сражается с враждебными силами и т. д. и т. п. Таким образом сновидящий через близкие ему символы производит определенные энергетические действия, видоизменяет, корректирует энергообменные связи, меняет силу и качество полей в той области организма, которая нуждается в лечении.

Видящий работает иначе. Он воспринимает процессы и явления самым простым и прагматичным образом – через характер свечения, его яркость и неоднородности. Но этот способ трансляции энергетических полей слишком абстрактен для традиционного шамана-сновидца, а потому используется лишь теми, кто наделен редким даром соединять абстрактное и конкретное.

Конечная цель процедуры – коррекция энергетических полей и потоков *тела сновидения* так, чтобы болезнь прошла. Обратите внимание: 1) выздоровление происходит в сновидении, 2) лечебные действия сновидящий совершает с телом сновидения. Казалось бы, какое отношение имеет эта «игра образов» к нашей биофизике, биохимии и физиологии? Тем не менее организм выздоравливает.

И дело не в том, что, как утверждают поклонники шаманизма, тело сновидения («астральное тело») связано с физическим телом, влияет на него и т. п. Дело в том, что эти «два тела» – для Реальности (или, говоря физическим языком, «квантового поля») *одно*. Все, что мы делаем с телом сновидения или посредством него, имеет свои биологические «корреляты», выражая себя через какие-то события в клетках и тканях, гормональной или иной активности. С этим фактом связаны важные и неожиданные перспективы в области психоэнергетической медицины.

Последнее время эта тема привлекает внимание ученых. Написаны десятки монографий и бесчисленное количество статей[22].

Исследователями собраны материалы о психических и соматических исцелениях в результате применения осознанных сновидений. Помимо очевидного психотерапевтического эффекта (избавление от депрессий, неврозов разной этиологии и т. п.) существует немалое количество примеров, когда сновидение влияет на соматику.

Как правило, описываются осознанные сновидения с драматическим содержанием. Противниками выступают либо мифологические существа, либо знакомые, родители, друзья, реже незнакомцы. В сновидении «враги» атакуют ту часть тела, где гнездится болезнь. В иных случаях лечением становятся «полеты», определенные позы, которые принимает сновидец, видение, как болезнь покидает тело через ротовую полость в виде темной жидкости, дыма и др. под. После таких сновидений наблюдались исцеления язвы желудка, гастрита, гипертонии, диабета, артрита, а также других, более «легких» заболеваний (грипп, ангина, люмбаго). Известны даже случаи, когда осознание сновидения остановило рост раковой опухоли. Также имеется довольно много сообщений об «улучшениях» (ремиссиях) тяжелобольных.

Методы формирования тела

«Делание» тела и обретение Силы. Тело сновидения как модель и поле Трансформации

Я показал своим ученикам способ, при помощи которого они могут сотворить, покинув свое тело (созданное четырьмя элементами), другое тело из мыслящей субстанции, со всеми его членами и наделенное трансцендентальными способностями.

Маджхима-Никая, II, 17

Без уравновешенности точка сборки перемещается хаотично, что соответствует хаосу, царящему в обычных снах. Таким образом, в конечном счете тело сновидения достигается безупречностью нашей обычной жизни.

Дон Хуан

Первое высказывание буддистская традиция приписывает Сиддхартхе Гаутаме (Будде Шакьямуни). Обратите внимание – *о том, что можно создать второе тело* «со всеми его членами» (оставим выражение «трансцендентальные способности» на совести переводчиков), *знали издревле*.

Конечно, это не буддистское знание и даже не знание йогическое. Это знание шамана, который в первобытные времена пытался не только общаться с духами и лечить, но и философствовать. Многовековые попытки шамана сделать свое «странное» знание последовательным, непротиворечивым породили *религию*, всё больше удалявшуюся от Реальности, погружавшуюся в мифологию и конструирование культа. Следуя этому направлению мысли, древние по-своему логично решили, что раз у человека есть *тело сновидения*, то есть и «душа», которая, очевидно, бессмертна; что принадлежит она к «*иной, неведомой природе*», и сущность ее сводится к Вечному Существованию – Самосознанию – Блаженству (то, что ведантистская мысль древней Индии называла и называет *Сат-Чит-Ананда*).

Второе высказывание записано Карлосом Кастанедой и принадлежит дону Хуану Матусу – учителю, принадлежащему к совсем иной культуре. Здесь мы не прочитаем, что тело сновидения – это «некое Тело Света» и природа его чуть ли не «божественна» (хотя бы просто «духовна»). Более того, от индейского шамана редко услышишь заявление «Я покажу тебе способ...» Но *практически* от Нагваля и его предшественников-«толтеков» мы узнаём принципиально важные вещи. Помимо откровений по поводу *творящей перцепции* (которые сами по себе изумительны, но кажутся читателю «лишним мудрствованием» и «спекулятивной метафизикой»), мы узнаём о *теле сновидения* множество конкретных сведений и получаем целый ряд наставлений. Многое мы не замечаем, очевидно, потому, что еще более «тупы», чем Карлос. Но если перечитывать книги мэтра «до полного просветления», то можно усвоить, что тело сновидения достигается внимание и осознанием, определенным образом приложенными к психоэнергетическому полю, из которого мы состоим. А внимание и осознание развиваются наяву – за счет «*безупречности нашей обычной жизни*». Ни «астральные учителя» – посланцы Космического Разума, ни «союзники» из параллельных миров, ни демоны из преисподней ни на йоту не способны сделать наше тело сновидения сильнее.

Искусство *делания* принадлежит человеку, ибо человек с самого начала *делает себя сам*. Энтузиасты от религии, эти поборники креационизма, будут возмущены подобным заявлением. «Человек сделан (сотворен) Всевышним!» – вот их безусловная и непоколебимая вера. Но это не так.

И чтобы доказать «самосотворённость» человека не нужны никакие специальные аргументы из области палеоантропологии и теории эволюции. Если мы взглянем на то, как изменились за последние столетия, вдумаемся в сущность психической и интеллектуальной перестройки, которую предприняли *в отношении самих себя*, то поймем, что если речь идет о *психической* эволюции, то нет никакой нужды искать «промежуточное звено» и рыться для этого в костях древних приматов. Ибо всё происходит *прямо на глазах*.

Проповедники сетуют на отсутствие *нравственного* прогресса – мол, «падший человек» не изменился со времен Адама. Во-первых, это преувеличение (все же изменился!), во-вторых, сотворение (*делание*) человека – задача серьезная и нелегкая, мы не переделываем себя по какому-то выдуманному богословами плану и не ориентируемся на «Творца», о котором даже проповедники мало что могут сказать. Мы – существа *практические*. Наше мышление, поведение, эмоциональная реактивность – все это крайне изменчиво и подчиняется двум факторам: *внешней необходимости* и *собственной идее*.

В свое время Кант приписал человеку «божественное» происхождение на том, в частности, основании, что *вселенная – это мир причин и следствий, мир* «*детерминированный*», и *только человек* в этом мире *имеет* «*свободу воли*». Любопытно, что на доводы Канта до сих пор ссылаются богословы. Ибо Кант заблуждался – как и все, живущие в его век ученые, воображавшие вселенную большим механизмом, где каждая шестеренка, чтобы вертеться, *имеет причину* – другую шестеренку, которая вертится от третьей, и так до бесконечности. К счастью, Мир далеко не так прост.

Сегодня кажется, что мы столкнулись с противоположной проблемой – *мир не только не обусловлен, но, скорее*, «*чересчур свободен*». Как видят многие теоретические физики, вселенское поле настолько пластично, что время от времени возникает настойчивая необходимость «удержать» его движение в привычных, хоть как-то «обоснованных» пределах.

Дон Хуан говорил Кастанеде о «намерении (команде) Орла»; мы говорим о *делании* тела сновидения. Вселенную сдерживает вселенское *намерение* (в котором неизбежно присутствует частица нашего, человеческого *намерения*), человек же создает и изменяет себя через собственный план, идею, собственное *намерение*. Возможно, это – единственный способ уйти от хаоса квантового мира. Десятки и сотни тысяч лет мы, люди, прокладываем собственный маршрут, силами собственного внимания устраняемся от полей бесконечной, аморфной Свободы, и каждый раз ищем для себя соответствующее *тело*. Мы выбираем *локальность* и *линейность* ровно в той степени, которая соответствует нашей нынешней *идее о себе*.

Возможно, пришло время реализовать еще одну степень Свободы, в которой мы раньше себе отказывали. Пришло время *делать* тело сновидения.

1) «Делание» тела сновидения

Несмотря на принципиальное подобие явлений, *делание* физического тела и *делание* тела сновидения – далеко не одно и то же. Чтобы адекватно применять психотехническую процедуру, необходимо подробно рассмотреть этот момент. Конечно, на первых порах практик использует схему физического тела либо ее фрагменты в качестве зацепок для формирования двойника, – но это лишь фундамент, от которого отталкивается дальнейшая психоэнергетическая активность.

Делание тела сновидения – творческий процесс, куда обязательно подключается подвижная и загадочная область взаимодействия полей – взаимопроникновения *внешнего* и *внутреннего*, генерирующего причудливые формы, целиком обязанные своим существованием произвольной перцепции. Собственно говоря, в этой ситуации нет ничего принципиально нового. Мир первого внимания (включая физическое тело *воспринимателя*) – результат интенсивного и всестороннего творчества, присущего нашему организованному осознанию. Внимание и восприятие всегда креативны, просто поглощенность стереотипами и автоматизмами успешно маскирует от нас этот факт.

Мы живем в мире психоэнергетических формаций, созданных перцептивными силами. Диапазон наших физических возможностей и способ их реализации – не только и не столько объективность природы, это еще и «произведение» *осознания*.

Важно понять, что подобное заявление совсем не ведет нас к абсолютному иллюзионизму («нет ничего объективного, все создано нашим воображением»). Энергетическое поле Реальности, безусловно, существенно влияет на творчество восприятия, предопределяя содержание и качество его продукции. И все же существует неучтенная степень свободы. Она опирается на сильный элемент *неопределенности*, присущий Бытию как системе, лишенной *наблюдателя*, – обоснования этому странному положению, как уже говорилось, дает квантовая физика. В рамках этой *неопределенности* произвольно организованное восприятие и есть та активность субъекта, которая позволяет ему собирать и разрушать миры по собственному усмотрению. То обстоятельство, что нетронутая *наблюдателем* Реальность и реальность, собранная им в любом порядке, – одинаково *объективны*, понять труднее всего.

Поскольку *делание* физического тела (тела первого внимания) опирается на древнейшие перцептивные структуры, являющиеся результатом адаптации восприятия к энергообмену, нацеленному на биологическое выживание, данное *делание* приобрело практически безусловный и крайне ригидный характер. Конвенциональность подкрепляет и усиливает данную ригидность, обогащая делание многочисленными отражениями в «социальном зеркале». Так, рост, фигура, черты лица и цвет волос, благодаря «описанию мира», перестают быть *только* антропометрическими данными – они определяют качество самоосознания. Телесная «красота» и телесное «уродство», будучи фикциями, полностью обусловленными социальным договором, нередко определяют характер внутреннего мира и в конечном счете судьбу конкретного человека.

По этой причине даже здесь, в первом внимании, мы наблюдаем «тайную власть» *делания* физического тела. Не только самочувствие, но и внешность мы регулярно корректируем и согласовываем с некоей идеальной конструкцией, которую активно воображаем.

Сегодня, когда различные техники самовнушения и психологической помощи стали предметом массового потребления, подобные идеи кажутся тривиальными. Упрощенные, выхолощенные, они – тем не менее – работают, что лишний раз доказывает их непреувеличенную эффективность. Простейшая убежденность – «Я здоров», «Я обаятелен», «Я внушаю уважение окружающим» – способна изменить *объективное* качество перцепции окружающих вас наблюдателей. В результате почти каждый, научившись нескольким несложным приёмам самовнушения, становится *тем, кем и должен быть*, – решающим, «ключевым звеном» своего маленького мира, существом, способным влиять на автоматическое восприятие ближних, целенаправленно изменять его в благоприятную для себя сторону. Так неудачник становится счастливчиком, непримечательный человек со средним интеллектом – лидером и даже «надеждой нации».

Таким образом, мы всегда *делаем себя* – не только тело, но и *психоэмоциональный образ* (теперь его любят называть «имидж»), впечатление, которое *определяет судьбу* социального человека. Если угодно, это – бытовая «магия», искусство социальных иллюзий. Уверенный в себе человек *кажется* выше ростом, апатичная и малоподвижная мимика *кажется* «философской задумчивостью», любой сказанный трюизм – глубокой мыслью. Все «великие вожди» тоталитарных режимов хорошо владели этим искусством. Скажем, впечатляющий образ Гитлера (который, как известно, буквально пленил своими поверхностными рассуждениями многих интеллектуалов) или якобы «таинственный» образ Сталина, который превращал свое молчание в «мудрость», чуть ли не в «откровение Истины», – просто потому, что был плохо образован и, в отличие от красноречивого Адольфа, не имел ораторских способностей. Теми же приемами пользуются современные лидеры.

Во *внимании сновидения* мы, наконец, имеем возможность полностью реализовать все возможности перцептивного *делания* в отношении собственного тела.

2) «Делание» тела сновидения и перцептивно-энергетические паттерны

Энергетическое тело человека существует в Реальности как однородное поле, если оно не является объектом упорядоченного восприятия. Понятно, что тело без восприятия – это почти невозможный случай, пока осознание живо. Даже новорожденные младенцы собирают элементарные структуры перцепции (причем первые всплески перцептивной активности возникают еще в эмбриональном состоянии тела), поскольку простейшие паттерны унаследованы человеком от приматов и передаются генетически.

Мы можем допустить экстремальные случаи полного паралича осознания (например, глубокая кома или серьезные повреждения ЦНС), когда человек временно лишается абсолютно всех проявлений перцептивной активности. Точка сборки сворачивает свое свечение до такой степени, что функционирование приостанавливается. Но это редкие и нетипичные события.

Во всех остальных случаях, даже на минимальном уровне осознания, мы производим некоторые *паттерны – шаблоны, которые создают в энергетическом теле неоднородности*. Собственно говоря, *жизнь субъекта заключается в производстве структур*, поэтому функционирующее ЭТ всегда «собрано» определенным образом.

Наяву (в *первом внимании*) перцептивно-энергетические паттерны демонстрируют себя с высокой интенсивностью, а в режиме обычного сна со сновидениями теряют четкость и становятся нестабильными. Они словно перебирают различные варианты, блуждая по разным участкам сенсорного поля. Таким образом, схема *тела сновидения* во сне начинает «плыть» и пульсировать вслед за ослабленным вниманием – это обстоятельство лишает его возможности целенаправленно и эффективно функционировать.

Поскольку становление человеческого осознания происходило в базовом режиме *первого внимания*, все перцептивные паттерны сформированы здесь. Они функционируют автоматично, навязывая нам сочетания и последовательности восприятия, реакций и действий. Академическая психология, исследуя

восприятие человека и его поведение, обнаружила эти организованности и назвала *гештальтами*. Если же пользоваться языком энергетической парадигмы дона Хуана, то речь идет о *структуре пучков эманаций*, устойчиво собираемой осознающим телом в процессе восприятия. При смещении точки сборки в область комплектации могут попадать ранее незадействованные эманации, но наше осознание стремится строить из них уже известные структуры, пока существует хотя бы малейшая возможность аналогизации. Эти структуры я и называю *перцептивно-энергетическими паттернами*.

На первый взгляд, может показаться, что подобные шаблоны – вредная штука, которая только тормозит развитие осознания, препятствует достижению максимальной гибкости и текучести. И это верно – но лишь с философской, а не практической точки зрения. Как бы мы ни старались, невозможно одним скачком достичь качественно иного перцептивного мира, мгновенно превратиться в иную энергетическую форму. Если мы хотим, чтобы практика была продуктивной, перестройка внимания должна происходить постепенно. На каждом этапе работы мы нуждаемся в *стабилизации внимания*, а значит, в некоторых перцептивных структурах, которые могли бы служить фундаментом.

Как иначе может развиваться и трансформироваться тело сновидения? В любом случае мы сначала должны его «сделать», то есть удержать произвольным вниманием некие структуры, отталкиваясь от которых сновидец может производить те или иные модификации, трансформации.

Мой сновидческий опыт показал, что существует 11 областей, которые образуют *перцептивно-энергетические паттерны* (или структуры) в процессе «делания» тела сновидения. Их следует называть именно «перцептивно-энергетическими», поскольку, с одной стороны, они созданы и удерживаются воспринимающим вниманием (перцепция), с другой же – являются в собранном виде некими силовыми единицами или энергетическими фактами, оказывая влияние как на соматические процессы, так и на окружающее поле.

Области, о которых идет речь, осознаются по-разному, – в зависимости от того, как близко находится данная область тела сновидения к центру, где привычно сосредоточено перцептивное внимание. В процессе тренировки (как наяву, так и в сновидении) качество восприятия и осознания (сборки) удаленных областей возрастает. Эта практика, на мой взгляд, – один из важнейших аспектов делания тела сновидения, если вы ставите перед собой цель максимально расширить свои энергетические возможности во втором внимании.

Я назову области, из которых формируются перцептивно-энергетические паттерны, в порядке их удаления от центра перцептивного внимания и, соответственно, усложнения их осознавания в сновидении:

(1) Ладони и пальцы, кисти рук.

(2) Лицо и голова (лоб, межбровье, затылок).

(3) Внутренняя поверхность рук и предплечий.

(4) Полость рта, нёбо, язык.

(5) Горло.

(6) Солнечное сплетение.

(7) Пупок.

(8) Промежность и внутренняя поверхность бедер.

(9) Ступни ног.

(10) Спина, центр между лопатками.

(11) Поясница.

Конечно, порядок усложнения сборки тех или иных областей у разных практиков может несколько отличаться. Здесь большую роль играет конституция и опыт, который сновидец приобрел в течение жизни. Вы заметите, что порядок делания сновидческого тела – не что иное, как телесная проекция вашей импринтной истории. То и дело сновидец сталкивается с неожиданными и яркими воспоминаниями импринтных ситуаций – как правило, давно забытых. Это существенный аспект процесса психоэнергетической интеграции.

По сути, сновидящий, занимаясь деланием тела сновидения, восстанавливает осознание и память всей целостности энергетического кокона. Выражаясь дон-хуановским языком, это «восстановление свечения осознания», во многом подобное тому восстановлению, которое происходит в результате перепросмотра.

Здесь мы находим тесную связь техник, открывающих глубинное единство всей психотехнической процедуры трансформации энергетического тела в нагуализме. Многие практики отмечают, что интенсивный перепросмотр оказывает сильное воздействие на характер и качество внимания сновидения. Точно так же как сновидцы, приступившие к деланию тела сновидения, время от времени переживают спонтанные всплески специфического *вспоминания*, подобного перепросмотру. Достаточно небольшого усилия внимания, чтобы заметить – «место встречи» этих практик находится именно *в теле*.

В конкретном опыте сновидящего переплетения психического и телесного может приобретать самый разнообразный и неожиданный характер. Здесь, можно сказать, заключена тайна нашей целостности. Более того, *здесь скрыты мощные психоэнергетические механизмы саморегуляции, самокоррекции и самоисцеления*.

Шаманы многих культур и народов занимаются *развитием тела сновидения бессознательно* – иногда через целительство, о котором было сказано в предыдущей главе, иногда через традиционное путешествие по «шаманскому миру» сновидений.

Как правило, «карьера» шамана начиналась с того, что он в сновидении исцелял самого себя. Разумеется, «шаманские сновидения», с которыми сталкиваются антропологи, заметно отличаются от *энергетического сновидения* в нагуализме. Обычные сегодняшние шаманы не культивируют такой уровень *осознанности*, и уж тем более не разрабатывают технологии достижения плотного «дубля», описанного в книгах Кастанеды. И все же есть некая фундаментальная общность для всех этих экзотических сновидцев, погруженных в древнюю мифологию и верящих в довольно «странные» для нашего века идеи. *Везде речь идет о* «*ясном сне*», *а также – в той или иной степени – эффекте* «*телесного присутствия*».

То, что шаманы вызывают при помощи сюжетных визуализаций, в систематически разработанной дисциплине толтекского *сновидения* происходит прямым путем – через *активизацию собирающего внимания*. Например, типичным сюжетом является «путешествие сновидящего в поиске Силы». В процессе этих многотрудных поисков шаман (неважно, сибирский или латиноамериканский) блуждает по горам, взбирается на деревья, пересекает реки, спускается в пещеры и т. д. и т. п. Иными словами, он *вовлекает в сновидение значительную телесную активность*. В результате этих трудов он либо встречает сущность («духа»), который дарит ему «Силу», либо сам находит «Силу» – в виде растения, напитка или иной субстанции, предмета. Тут же, в сновидении, шаман использует то, что явлено ему как «носитель Силы» (поедает, выпивает, вдыхает в виде дыма, совершает символический акт «приобретения» и т. п.). В большинстве случаев этот момент также сопровождается сильными переживаниями *тела сновидения*[23].

Если практик сосредоточен на *делании* тела сновидения, он вряд ли отправится в сновидческое «путешествие шамана». Скорее всего, практик, избегающий имагинаций, просто встретится с «проблемной» областью своего тела в нарушение того общего порядка, что был приведен выше. Это и *симптом* (порой даже диагностика), и одновременно *лечение*, если оно необходимо.

Например, если в процессе делания сновидческого тела практик после сборки рук и головы обнаруживает, что все его перцептивное внимание без специального усилия сосредоточилось на селезенке (т. е. на той области, где внимание сновидения проецирует селезенку), значит, функционирование этого органа не соответствует идеальному образцу, к которому стремится энергетическое тело. Второй причиной того же происшествия может быть вытесненный из сознания

факт личной истории, связанный с какой-то атакой на орган или соответствующую ему часть полевого кокона. Если дело в личной истории, сновидец так или иначе переживает травмирующее событие вновь. Если же речь идет о дисфункции или заболевании, существуют специальные приемы самоисцеления.

Описывать их слишком долго (как я сказал, это тема для целой книги) – здесь лишь упомяну, что главным пунктом в сновидческом лечении является обнаружение «источника Силы». Он всегда находится *внутри нас*, но избыточное воображение сновидца может транслировать его поиск как ряд внешних действий и явлений в пространстве сновидения. «Источник Силы» в большинстве случаев и оказывается тем самым «шаманским лекарством», которое с таким усердием ищут сновидящие знахари во всем мире.

И все же давайте исходить из того, что вы ничем не больны.

В этом случае порядок осознания и «делания» областей сновидческого тела у вас более-менее совпадает с приведенной выше последовательностью. Индивидуальные импринтные и другие значимые события личной истории могут внести несущественные коррективы в порядок пунктов от 5-го по 9-й, но на это можно не обращать внимания.

В идеале, осознавание областей тела происходит без участия сильных проприоцептивных сигналов, которые негативно или позитивно окрашивают момент окончательной перцептивной сборки. Опыт ограничивается чувством привлечения перцептивных сил и обретения нейтральных, но четких ощущений от телесного локуса. Но поскольку полевый кокон часто имеет отличия от соматической организации (исключением являются люди абсолютно здоровые, чей физический организм качественно очищен от шлаков и структурно полностью совпадает с «генетическим планом», а это сегодня бывает редко), во многих случаях сборка удаленных от центра внимания областей сопровождается термическими «волнами» (жар или холод), тяжестью, вибрацией и другими странными переживаниями.

Когда сновидец начинает пользоваться своим «новым» телом, он бессознательно и хаотически использует *перцептивно-энергетические паттерны*, выученные наяву телом первого внимания. Как уже было сказано, такая хаотичность (неизбежная в новом режиме восприятия) приводит к нестабильности схемы сновидческого тела. Схема «плывет», пульсирует вслед за колебаниями самого внимания, из-за чего «плотность» тела сновидения невысока, а энергетический (силовой) потенциал – ничтожен.

В связи с этими затруднениями я рекомендую использовать целенаправленную работу с перцептивно-энергетическими паттернами, список которых приведен ниже. Надо сказать, что это особые, «сновидческие» паттерны, которые я открыл в процессе работы с собственным телом сновидения. Тем не менее опыт показывает, что в данном случае можно говорить о закономерностях, общих для большинства представителей человеческого рода. Полагаю, что это связано с эволюцией осознания у homo sapiens в ранний период становления тоналя и детерминировано нашей биологией и нейрофизиологией. Впрочем, каждый сновидец может на собственном опыте проверить, работают ли данные паттерны, помогают ли они ему стабилизировать и усилить тело сновидения.

Здесь я приведу список из девяти моделей, которые показали себя наиболее эффективными:

Первая группа:

(1) Ладони – внутренняя поверхность рук – грудь.

(2) Ладони – руки – нёбо – язык.

(3) Ладони – руки – межбровье.

Вторая группа:

(4) Горло – солнечное сплетение.

(5) Горло – солнечное сплетение – пупок.

(6) Горло – солнечное сплетение – пупок – промежность.

Третья группа:

(7) Пупок – солнечное сплетение – центр между лопатками.

(8) Пупок – центр между лопатками – поясница.

(9) Пупок – межбровье – ступни ног.

В большинстве сновидений «с участием тела» реализуется одна из перечисленных девяти моделей, причем сам сновидец может этого даже не осознавать.

Как вы заметили, модели легко разделить на три группы. В отношении перцептивной сборки их сложность последовательно возрастает. Я полагаю, что данная последовательность обусловлена характерным развитием произвольного внимания у человека. Действительно, если мы проведем специальный перепросмотр ранних этапов формирования своих перцептивных способностей, то обнаружим схожий процесс: сначала ребенок учится согласованно воспринимать все, что связано с руками, лицом и головой (условным центром индивидуального «пузыря восприятия»), затем – учится упорядоченно чувствовать фронтальную часть туловища (в меньшей мере – спину), где сосредоточен основной массив нашей реактивности, и, наконец, учится ходить, что привлекает его специальное внимание к нижним конечностям, завершая представленную восприятию схему тела и способствует адекватной ориентации и обучает чувству равновесия.

Сразу замечу, что приведенные девять моделей не исчерпывают осознания нашей телесности. Они исполняют роль «перцептивного скелета», который мы так или иначе используем, пытаясь «делать» тело сновидения. Кроме того, не следует забывать, что данные перцептивно-энергетические паттерны образуют так называемую «человеческую форму» – и в этом смысле тоже являются всего лишь фундаментом для активности сновидца во втором внимании. Если сновидящий ищет экзотических областей перцепции, а потому экспериментирует с метаморфозами сновидческого тела, он вносит произвольные изменения в перцептивно-энергетическую модель.

Однако если практик желает достичь высокой интенсивности тела сновидения, он вынужден сначала изучить и освоить свой «перцептивный скелет» – человеческую форму.

Следуя этой стратегии, *делание* тела сновидения проходит через три этапа. На первом этапе активизируются руки и связанные с ними паттерны, на втором – фронтальная пластина энергетического тела, третий этап является интеграционным, где в перцептивно-энергетическую сборку вовлекаются вся телесная целостность, становясь осознанной и функциональной.

Мистики и оккультисты, разнообразные поклонники «тайного знания» предпочитают рассуждать о «втором теле», или «призраке живых», общими фразами. С одной стороны, они преклоняются перед интуитивными прозрениями, полагая их дарами Силы, с другой – желают оставаться избранными носителями Знания, не предназначенного «для толпы». Их настроение легко понять, но дисциплина нагуализма, по моему глубокому убеждению, не совместима с подобными идеями. Она и без того недоступна широкой аудитории любителей эзотерической литературы, так как требует упорного и систематического труда. Вот почему я считаю неверным усложнять описание «оккультными метафорами». Рассмотрим психоэнергетическую процедуру *делания* тела сновидения как алгоритм. Он состоит из четырех пунктов:

(1) Включение внимания сновидения.

(2) Контроль перцептивной сборки – «руки».

(3) Контроль перцептивной сборки – внешнее поле.

(4) Активизация паттернов.

На первом пункте останавливаться не буду – о *внимании сновидения* и методах его достижения много написано в первой части книги.

Если исходить из «уроков дона Хуана», то «взгляд на руки» (2) – это *тестирующий и стабилизирующий прием*. С одной стороны, он подтверждает, что вы имеете дело с вниманием сновидения, с другой – помогает закрепить собранные пучки восприятия. Некоторые практики полагают, что взгляд на руки не так уж важен для сновидящего. Ссылаются на текст самого Кастанеды, где дон Хуан говорит: «вообще-то, можешь смотреть на что угодно». Однако мой личный опыт (да и опыт других исследователей) показал, что руки все же имеют особое значение. Мы можем отойти от классической схемы, но всегда возвращаемся к ней – словно «тело знает», что у этого приема есть конкретное *энергетическое* значение. И связано оно с *деланием* тела сновидения.

Во-первых, сборка кистей рук обычно одна из самых простых и естественных задач во внимании сновидения. В других книгах я уже писал, что у этого обстоятельства есть как биологические, так и психологические причины. Если говорить о телесных проекциях нашего произвольного внимания, то руки, с помощью которых мы выбираем и удерживаем предметы, создаем и переделываем их, производим множество манипуляций с окружающей средой, – *самая главная проекция* активного осознания. А в том случае, когда мы говорим о *теле сновидения* (т. е. энергетической единице, способной не только воспринимать, но и действовать в перцептивном мире), то кисти рук, ладони и пальцы – это те сенсорные якоря, «пучки эманаций», что являются своего рода эмбрионом будущего «дубля».

Здесь располагается *фокус* нашей *упорядоченной и произвольной чувствительности*. Многие сновидцы обнаруживают это самостоятельно. Например, частичное «выделение» сновидческого тела в большинстве случаев *начинается именно с рук*. Это – общее явление. Случайно оказавшись во внимании сновидения или, например, в состоянии «сонного паралича», практик чаще всего сталкивается с феноменом так называемых «бесплотных (эфирных) рук». Конечности физического тела неподвижны, но сновидец чувствует, что может пошевелить кистью, вытянуть или согнуть руку, коснуться пальцами какого-то предмета и т. д. С феноменом «эфирных рук» то и дело сталкиваются экстрасенсы, когда входят в транс и осуществляют диагностические либо целительские операции.

Проще всего объяснить данный феномен тем, что в кисти и особенно в пальцах руки чрезвычайно много нервных окончаний, а потому они проецируются на значительный участок головного мозга, где и возникают кинестетические иллюзии. Конечно, это так. Но это ни в коей мере не опровергает – скорее, подтверждает – представление о том, что *в руках, ладонях и пальцах сосредоточен наибольший потенциал произвольности внимания и кинестетического восприятия*. С другой стороны, биоэнергетические опыты, проводившиеся в течение последних десятилетий, показали, что именно руки (особенно ладони и пальцы) наиболее чутко реагируют на разнообразные явления в психике человека. Можно сказать, что «физика сознания» наиболее ярко демонстрирует себя в электрохимии (кожно-гальванических реакциях) и биоплазменных эффектах в районе кистей рук.

С точки зрения нагуалистской науки о восприятии, мы вполне можем допустить, что активизация произвольного внимания в области рук инициирует всякую работу внимания, *направленного вовне*. Ведь именно через руки мы контактируем с внешним полем, их кинестетика берет на себя значительную часть перцептивной ориентации. Поэтому вполне логичным следствием произвольного восприятия рук в сновидении становится включение визуального канала либо заметное усиление его организованности.

Так мы приходим к третьему пункту (3) нашего алгоритма – контролю перцептивной сборки через внешнее поле, транслируемое, в основном, визуально и – чуть менее – аудиально.

Повторюсь, это – классическая схема. Особенности личной конституции и иные факторы могут вызвать те или иные флуктуации (например, неожиданно сосредоточить перцептивное внимание на аудиальном или даже обонятельном канале), но отклонения, как правило, временны, а классическая схема повторяется практически у всех сновидцев.

«Внешнее поле» подвижно и всегда состоит из причудливой смеси *внутренних сигналов*, поступивших от автоматических интерпретаций тоналя (проекции памяти, ожидания и воображения) *одновременно* с неким объемом *сенсорных импульсов, вызванных непрерывным потоком* «*больших эманаций*» (энергетической Реальности вне биологического пространства человеческого тела и совокупности генерируемых телом полей).

Важно помнить, что как раз интенсивность произвольного внимания определяет соотношение «внутренних» и «внешних» сигналов в перцептивном пространстве. Если интенсивность внимания сновидения ниже критического уровня, то внешнее поле целиком состоит из галлюцинируемого материала. В этом случае мы можем интерпретировать любые сновидческие образы как проекции нашего биофизического либо психологического состояния. (К сожалению, это случается не так уж редко. Судя по имеющимся наблюдениям, больше всего такому развитию событий способствуют различные имагинации, визуализации, техники «осознанного (люцидного) сновидения» в духе Лабержа, сниженная критичность, связанная с религиозностью или пристрастием к традиционному оккультизму, приверженность к анализу сновидений как метафор или архетипов (*аналитизм*), которые направляют внимание сновидения на поиск содержаний собственного бессознательного, пренебрежение безупречностью и сталкингом, и проч.) Однако здоровый сновидец, не склонный к перечисленному выше, как правило, встречается с сенсорным полем, где присутствует, как минимум, один-два сигнала из потока больших эманаций. Чаще всего, они демонстрируют восприятию нечто «обыденное» – какие-то предметы, находящиеся недалеко от спящего, обстановку его спальни либо фрагмент улицы за окном.

Хочу предупредить любителей строгого эксперимента: «чистой картинки» (т. е. картинки, *во всем* соответствующей первому вниманию) вы не получите даже в том случае, если ваш тональ чист и безупречен, а уровень вашего бесстрастия приближается к уровню самого Будды. И причина этого вполне физична.

Поскольку любое упорядоченное восприятие в необычном режиме есть результат смещения точки сборки, вы, как наблюдатель, неизбежно собираете в перцептивный образ ту часть Реальности, которая недоступна вам в первом внимании. Вот почему вы наблюдаете не какой-то фрагмент мира первого внимания, а, как было сказано неоднократно, «первый мир второго внимания» (*очень похожий* на вашу явь, но обязательно *содержащий в себе отличия* от нее). Понятно, что никаких точных критериев для различения у вас на первых порах нет и быть не может. Поэтому рекомендуется брать для тестирования те объекты или элементы, что наверняка совпадают с вашим восприятием в режиме первого внимания.

Чтобы удостовериться в принципиальной возможности *делания* тела сновидения, достаточно найти хотя бы один такой объект (или элемент).

(В собственных опытах я часто использовал корешки книг на полке в соседней комнате – их вечно перечитывают и ставят как попало, просил жену оставить что-нибудь на столе в кухне – чашку, стакан, тарелку, блюдце и т. п., на улице возле дома пытался найти и запомнить в сновидении мелочи, которые наверняка пролежат там до утра, когда можно будет выйти и проверить, – пластиковый стаканчик под скамейкой, пустую сигаретную пачку и т. п. Не всегда из этого выходило что-то путное, но *само усилие*, направленное на «поиск реальных объектов» *положительно влияло* на стабилизацию внимания сновидения.)

Реальный сигнал из внешнего поля, если он найден, вновь обращает нас к собственному сновидческому телу. Ибо в процессе поиска внешних сигналов совершенно естественно выясняется, что последовательность и яркость внешнего восприятия сильно зависит от степени сформированности вашего тела сновидения.

И здесь мы переходим к четвертому пункту алгоритма – к «активизации паттернов» (4). Пока они реализуются спонтанно, в процессе восприятия, когнитивной деятельности, действий и влияний в сновидении, мы редко обращаем внимание на то, как они включаются и как влияют на характер сновидческого опыта. Во многих случаях сновидящие автоматически переносят телесные стереотипы, сформированные наяву, в *сновидение*, а суть этих стереотипов – *пассивное ожидание* и *автоматическая обусловленность ситуацией* реагирования.

Чего же ожидают сновидящие, на ощупь блуждающие в своих не слишком просторных ночных «мирах»? Явится неорганическое существо и *научит*. Либо нападёт и *вынудит* вовлечь в защиту большую часть тела сновидения. Но если практикующий наяву упорно работает с собственной безупречностью, то к этому бесстрастному экспериментатору, скорее всего, никто не явится. Что с него взять? Сновидец, практикующий нагуализм во всей его полноте, – как правило, *зрелое* (и в психологическом, и в энергетическом плане) *существо*. «Паразиты» к нему не лезут, а дон-хуановские «союзники» в большинстве случаев – просто не нужны.

Отсутствие внешних угроз и стимулов приводит к специфическому застою в практике сновидения. На фоне такого «застоя» возникают вопросы: а что делать дальше? а почему я не могу сдвинуть точку сборки в другой мир второго внимания? а где обещанные «магические влияния» второго внимания на первое? наконец, где трансформационные эффекты – как психические, так и телесные?

Все очень просто. Любой прогресс в мирах сновидения и второго внимания происходит за счет либо «уплотнения», либо «преображения» сновидческого *тела*. Когда тело, едва оформившись, застывает, это значит, что точка сборки освоила один-единственный маршрут смещения. Практик достиг нового вида гомеостазиса и не делает ничего, чтобы продолжить трансформацию.

Целенаправленная активизация перцептивно-энергетических паттернов вынуждает тело разнообразить свою энергообменную активность и этим преодолевает застой в смещении точки сборки.

Первая группа паттернов (иначе, моделей) собирается «от рук» и поэтому часто активизируется раньше других. Паттерны (1) и (3) могут заработать уже при первых попытках *делания* тела сновидения. Само понятие подразумевает, что в каждом случае мы имеем дело со специфическим характером энергообмена, с собственной динамикой и темпом возрастания интенсивности. Более того, каждый паттерн имеет собственный потенциал внешнего внимания, т. е. может, согласно своей конфигурации, направлять конкретный объем перцептивного внимания на внешнее поле, на поток «больших эманаций» за пределами кокона. И, наконец, каждый паттерн представляет собой вполне определенный сдвиг (смещение) точки сборки со всеми вытекающими отсюда последствиями – от перестройки психоэнергетической активности организма до области структурируемого тоналем восприятия.

(1) Ладони – внутренняя поверхность рук – грудь.

Необходимо сразу сказать, что все три паттерна первой группы являются вариантами того древнего перцептивного треугольника, который сформировался еще в эпоху палеолита (т. е. в тот период, когда человек принялся *создавать руками* орудия труда), а в какой-то степени даже раньше – в эпоху человекообразных приматов и гоминидов, которые при совершении многих действий предпочитали передние конечности. Этот треугольник имеет три вершины: **правая ладонь – левая ладонь – глаза.** В поле животного внимания приматов руки оказывались часто, но только творческая активность первых людей сфокусировала на руках произвольное внимание высочайшей концентрации. Ибо все, что создавали древнейшие наши предки, свершалось *при помощи рук*. И подлинной революцией в распределении произвольного внимания стало художественное творчество (рисунки, картины, скульптуры), а позднее – письменность.

На этом «треугольнике внимания», в силу своей древности утратившем свою специфичность (а потому для нас теперь нейтральном), возникли надстройки, каждая из которых впоследствии породила психологические типы и повлияла как на поведение (в том числе перцептивное), так и на энергообмен.

Паттерн (1) – возможно, самый древний, потому что он связан с нашей склонностью защищаться или нападать, а также с нашей социальностью. Независимо от того, учитываем ли мы такие факторы, как распределение внимания и энергообмен, мы догадываемся, что внутренняя поверхность рук и грудь – довольно уязвимы. Можно привести сотни примеров, когда язык жестов подтверждает это простое положение: проявление дружеского расположения – объятия, закрытости и изоляции – скрещенные руки на груди, и т. д. и т. п.

Поскольку тело сновидения проецирует энергетические явления, характерные для бодрствования, ясно, что специальное выделение с помощью произвольного внимания «открытого» варианта этого паттерна есть не что иное, как *усиление остроты восприятия*, готовности к новому, *приглашение к коммуникации* с любыми силовыми потоками, транслируемыми как сущности, организмы или неживые процессы, объекты и явления.

В сновидении (втором внимании) мы бессознательно избегаем открытого варианта паттерна (1) и, наоборот, стремимся воспроизвести его закрытые формы. Прежде всего, сновидец избегает фокусировать перцептивное внимание на своей груди. Кроме того, он, как правило, не раскидывает в стороны руки, а держит их либо опущенными вдоль туловища, либо согнутыми в локтях, чтобы кисти находились приблизительно на уровне солнечного сплетения. Это – позиция «настороженности». Для тела сновидения это символ *замедленного и слабого энергообмена с внешним полем*, ограниченности

восприятия небольшой («безопасной») зоной и соответствующей суженности перцептивного диапазона – слишком сильные сигналы «пугают», слабые – игнорируются, потому что основное внимание надо уделить неопределенной угрозе, шаблонным ожиданиям тоналя, которым он научился в жизни наяву.

Чтобы расширить диапазон воспринимаемого и область сборки, сновидящий должен научиться сознательно работать над открытыми вариантами паттерна (1) – **разводить руки в стороны, прислушиваться к ощущениям в верхней части груди, в плечах и предплечьях.**

Ниже, где речь пойдет о теле сновидения как о перцептивно-энергетическом поле, я подробнее скажу о специальных *перцептивных эффектах*, которые может (и должен) вызывать каждый из описываемых здесь паттернов.

(2) Ладони – руки – нёбо – язык.

Второй паттерн также очень важен. Он связывает энергетическое тело (в данном случае, тело сновидения) с циклами *поглощения-излучения* внешних энергетических потоков. Его физиологическая символика очевидна, но в случае психоэнергетической практики нас интересует более всего схема распределения перцептивного внимания.

Конечно, наша биология для получения энергии извне нуждается во множестве внутренних органов (весьма специальных, надо сказать) – легких, желудке, печени, селезенке, кишечнике и т. д., но активность перцептивного внимания более всего сосредоточена не там, а в ротовой полости. Здесь мы чувствуем, что пища и жидкость поступили в организм, здесь мы воспринимаем ее вкус, а через носоглотку, непосредственно связанную с ротовой полостью, – запах. Здесь же, в носоглотке, мы ощущаем поступающий в организм поток воздуха и определяем его насыщенность кислородом.

Для тела сновидения перцептивно-энергетический паттерн, включающий в себя нёбо и язык, – *целиком направлен на внешнее поле*.

Помните, как дон Хуан советовал Карлосу удерживать внимание на нёбе, чтобы усилить сновидческое восприятие? Когда практик находится во внимании сновидения, все схемы его энергетического тела чрезвычайно активизируются. Они влияют друг на друга, управляют системой в целом и подчиняют себе перцептивную сборку.

Палеолитический человек (так же как и наш современник) берет в *руки* пищу, кладет ее *в рот* и пережевывает. Человекообразные приматы поступают подобным образом. Кому-то покажется смешным заявление, что такая тривиальная последовательность действий обусловливает один из важнейших перцептивных стереотипов. Но это так.

Мы повторяем это действие на протяжении десятков тысяч лет истории человеческого вида, и каждый раз наше внимание и восприятие направлены вовне, они активны и по-своему весьма сосредоточены. Дыхание, питье и еда – важнейшие регуляторы энергетического метаболизма целостной системы, живущей в первом внимании. На чтение или интеллектуальное творчество, как ни странно, вовсе не запланировано тратить так уж много произвольного внимания и перцептивных сил.

Поэтому мощным средством усиления тела сновидения является активизация данного паттерна. (Надо сказать, что иногда он проявляет себя спонтанно. Если в сновидении или втором внимании по каким-то причинам мы поглощаем значительным объем энергии, тональ транслирует это образами, связанными с «едой» или «питьем». Что-то проникает в нас через ротовую полость, иногда мы «чувствуем» губы, язык, нёбо и т. д. К этим случаям надо отнестись внимательно – ведь не всегда «проникающая в нас энергия» благотворна.)

Взгляните на руки и заставьте себя поднести их к губам. Потрогайте губы, подвигайте языком, прижмите язык к нёбу.

Помимо ряда перцептивных эффектов, о которых ниже, вы быстро заметите *обострение чувствительности тела сновидения* по отношению ко всем «энергетическим фактам» второго внимания.

(3) Ладони – руки – межбровье.

Третий паттерн возник несколько позже и связан с упорядочиванием картины мира. Важно иметь в виду, что он самым тесным образом связан со всеми мимическими мышцами лица, а равно с общей кинесте-тикой головы и затылка. В этом смысле «межбровье» – только отправной пункт для работы собирающего внимания.

Указанные связи с мышцами лица, кожей головы и затылком не нужно выносить на периферию перцептивного поля. Все они отвечают за осознанность важных участков самовосприятия и – главное – за *качественное оформление отдельного воспринимателя* в пространстве, где всякая «отдельность» сомнительна.

Легко догадаться, что данный паттерн более всего связан с интеллектуальным и художественным творчеством. В базовом режиме перцепции, где все восприятия автоматичны, мы часто забываем о фундаментальном факте, а именно: **восприятие есть первейший, изначальный процесс творчества, на основе которого** индивидуум **строит и развивает все остальные формы творчества,** от примитивных до наиболее утонченных.

Упомянутое выше «наведение порядка» в картине мира, структуризация перцепции, создание «инвентарного списка» – все это действия *творящего* сознания. И, конечно, одно из самых первых действий творца – сотворение себя самого. Без этого действия все остальные операции невозможны. А самосознание, пребывающее в физическом теле, манифестирует себя через поток реакций, которые более всего отражаются в характерных движениях мимических мышц лица. Таким образом, система «творчество-структуризация-интеллект-самосознание-эго» оказывается системой взаимопорождающих и взаимообусловленных элементов. И все они теснейшим образом связаны с перцептивно-энергетическим паттерном (3), объединяющим в систему руки, лицо, голову.

Сегодня этот паттерн весьма активен, поскольку на перцептивно-энергетическом уровне воплощает *менталъно-манипуляционный* характер нынешней цивилизации. Он работает, когда вы пишете или читаете, смотрите телевизор, слушаете чье-то выступление или говорите сами, работаете за компьютером, играете в шахматы, карты, домино. Человек не замечает, как он обустраивает мир, творит его, так как перцептивное творчество не знает покоя.

В сновидении активизация паттерна (3) сильно меняет качество восприятия. В той или иной форме она его «глобализирует». Перцептивное поле сильно расширяется, меняется его геометрия. Поскольку сдвигается точка отсчета, сновидец либо начинает активно перемещаться по сно-виденным мирам, либо испытывает иллюзии такого перемещения. В любом случае, это мощный фактор усиления тела сновидения.

Вторая группа паттернов собирается от *горлового центра*. На первых этапах практики она редко проявляет себя со свойственным ей масштабом. Обычно мы сталкиваемся с редкими и довольно слабыми всплесками осознанности, связанными с характерно структурированной чувствительностью в солнечном сплетении, иногда – в горловом центре и в области пупка.

Если практик использует радикальную психотехнику «прямого сдвига точки сборки», которую я привел в первой части книги, перцептивно-энергетические паттерны первой и второй группы проявляют себя быстро и зачастую беспорядочно. Тело сновидения, как было сказано в соответствующем разделе, формируется *не постепенно и последовательно, а сразу и целиком*, что вызывает наплывы переживаний, которые кажутся резкими и во многом хаотичными. Знание схем, по которым работает внимание и распределяются энергетические поля, помогает смягчить нежелательные эксцессы. Но риск, свойственный этому подходу, остается.

Тело сновидения – это, если угодно, «великий анархист». Его энергетическая «сердцевина» расположена там, где энергообменные поля всегда были наиболее интенсивны, – то есть в середине туловища. Разумеется, если оно формируется свободно, непосредственно и стихийно, сновидящий сразу же встречается с мощным давлением как изнутри, так и снаружи, как раз в тех областях сновидческого тела, которые для гармоничного оформления требуют высокого мастерства и большого опыта. Но тело сновидения не желает знать никаких планов и никакого рационального порядка.

(4) Горло – солнечное сплетение.

Этот паттерн определяет нашу готовность к коммуникации, имитирующей в том или ином виде социальные модели. Наиболее ярко его активность проявляется в тех случаях, когда мы контактируем с неорганическим существом, принявшим человеческий облик, либо имеем дело с тональной проекцией «другого человека» – собеседника, приятеля, возлюбленного, учителя и т. п.

Суть и смысл этого перцептивно-энергетического паттерна – в установке на эмоциональное и речевое реагирование. Вообще надо сказать, что все паттерны, опирающиеся на горловой центр, – весьма активны. В тех случаях, когда их активность рефлексивно или целенаправленно возрастает, мы совершаем в сновидении гораздо больше действий – как простейших, двигательных, так и ментальных, которые порождают эмоции и разговоры. Несомненно, в конечном итоге **улучшается запоминание** сновидческих событий и значительно **усиливается восприятие схемы тела.** Отсюда начинается цепная реакция оформления тела сновидения, ранее бесплотного, неустойчивого, то и дело превращающегося в «шар», «перцептивный туннель», либо сосредоточенного на избранных фрагментах, собранных вниманием в результате конкретного действия.

(5) Горло – солнечное сплетение – пупок.

Эта модель – продукт эволюции и усиления предыдущего паттерна. Она возникла благодаря тому, что экспансия эмоциональных полей является логическим следствием распространения и усиления нашей реактивности в процессе сновидческой коммуникации. В первом внимании можно наблюдать тот же процесс: когда мы вступаем в общение с реальным или воображаемым партнером, вместе с уровнем эмоционального участия возрастает готовность нашего энергетического тела к силовым взаимодействиям.

Совсем не обязательно полагать, будто эта связь – следствие агрессивности и биологического соперничества, которые во многом определяют ход эволюции всего живого. Человек не только конкурирует, но и сотрудничает, он готов принимать ту или иную роль в группе, и если уж говорить о древнейшем прародителе этого перцептивно-энергетического паттерна – то это наша «стадность», где умение общаться и прилагать совместное усилие связаны самим способом существования группы.

Кроме того, область пупка и прилегающая к ней часть брюшной полости работает для закрепления и отчетливого распознавания такой важной социальной эмоции, как *страх*. В предыдущей книге я говорил, что страх смерти – источник всех человеческих страхов и больше всего оснований для этих частных страхов дает *социум* (стадо, стая, первобытное племя и т. д.). Здесь он часто сплетается в клубок с чувством собственной важности, что порождает паттерн (7), относящийся к третьей группе (о нем см. ниже). Но и в рассматриваемой модели ЧСВ активно и демонстрирует свою энергетичность через солнечное сплетение.

Если попытаться передать **чувственный** опыт паттерна (5), то это некая «*волна чувствительности*», *которая распространяется от горлового центра* (*иногда даже от основания черепа*) *по фронтальной пластине, возбуждает солнечное сплетение и опускается в центр пупка*. Такая «волна» может транслироваться по-разному – как жар, тяжесть, прохлада, озноб, вибрации или волны, напоминающие электрический разряд.

Как правило, центр пупка, активизированный «волной», тут же становится самым активным и своим участием определяет многие аспекты энергетической деятельности участков, расположенных выше. Он пульсирует, может генерировать спазмы, иррадиирует напряженности. Таким образом, солнечное сплетение и даже горловой центр начинают «вторить» ему. Большого вреда от этого нет, если центр пупка не искажает радикально воспринимаемое. А такие моменты случаются, если осознание слабеет, а внимание начинает блуждать. Об этом еще будет сказано в подразделе «перцептивные эффекты».

(6) Горло – солнечное сплетение – пупок – промежность.

Надо сказать, это – особый паттерн. У него есть важная энергетическая функция, которая при использовании паттерна (6) определенным образом ведет к максимальному усилению тела сновидения и формированию «дубля». Но чаще всего сновидящий не подозревает о перспективах, открывающихся на

этом пути, и бессознательно активизирует данную модель самым банальным образом – для осуществления сексуальной функции.

Для примата это логично. Общение – совместное силовое взаимодействие – половой акт. Если паттерн (6) активизировался спонтанно нейтральный до этого «собеседник» превращается в «сексуального партнера». Схема инстинктивного поведения сновидящего приводит его в «суккубу» или «инкубу». Такой способ реализации паттерна широко распространен, о чем знают как практики, так и читатели оккультных книжек, где подробно расписаны радости секса в осознанном сновидении.

Конечно, ничего ужасного в этом нет. Глупо думать, будто в мире сновидения нас поджидают красотки или восхитительные любовники, которые коварно «вытягивают» из сновидцев энергию через имитацию сексуального соития. В абсолютном большинстве случаев все эти суккубы и инкубы – образы, созданные нашим тоналем, либо обычные неорганические «паразиты», которые нашли еще один способ получить от нас малую толику энергии. Нет никакой принципиальной разницы – получат эти созданию вашу энергию через страх, ЧСВ или сновидческий оргазм. «Ловушки», которые они используют, *одинаково* истощают и замедляют наш прогресс.

Если вы хотите как можно быстрее оформить плотное *тело сновидения*, «сексуальные похождения» – не для вас. Активность центра промежности в сновидении следует направить на формирование дополнительного потока Силы, который способствует утверждению вашей отдельности в виде развитой схемы тела сновидения.

Об этой особенности хорошо знали древние даосы. Они же открыли, что поток Силы, входящий через промежность, следует быстро поднять до центра пупка, чтобы она не обретала форму сексуального возбуждения и не создавала искушения потратить ее на подобную активность. Одновременно мы должны помнить, что избегать этого центра (как поступают некоторые аскеты) – неверно.

Третья группа паттернов собирается от области пупка. Значение этих паттернов огромно, но работа с ними требует исключительной дисциплинированности и опытности сновидца. Они интегрируют все перцептивно-энергетические поля, включая в себя все предыдущие группы. Несмотря на то что в самих паттернах не говорится специально про руки, нёбо, лицо, язык, горловой центр, позвоночник и многое другое, сно-видящий замечает, что самые разные, не упомянутые здесь части тела сновидения участвуют в этой части работы.

Дело в том, что поля, которые охватывает модель распределения внимания, идущая от области пупка, слишком объемны. Они по природе своей не фрагментарны, поскольку захватывают *функциональную целостность* тела сновидения. Соответственно, они лежат глубже остальных и не связаны с конкретными навыками, выработанными собирающим вниманием, чтобы выжить в условиях биосоциальной среды. Эти поля, можно сказать, удерживают тело независимо от конкретных биосоциальных условий. В виде чувственного опыта они даны как базовые и одновременно высшие проявления самоосознания человека, наделенного телом.

(7) Пупок – солнечное сплетение – центр между лопатками.

Это – центральный паттерн нашей ментальной, эмоциональной и социальной *идентичности*. Человек редко осознает эту психоэнергетическую «ось». Если наяву можно применить специальное усилие сосредоточенного внимания, чтобы выделить это неподвижное единство тела, энергии и психики, то в *сновидении*, где все восприятия текучи, ощущение тела призрачно, – это по-настоящему трудно.

Особая статика и интегрирующая сущность этой области энергетического тела обычно заставляет медитатора именно здесь «поместить» неведомое Я, которое иногда называют «божественным».

Активизация этого паттерна в *сновидении* вызывает чувство необыкновенного контроля и одновременно усиление способности познавать, перемещаться, развиваться, сохраняя при этом все богатство собственной личности.

(8) Пупок – центр между лопатками – поясница.

Здесь мы имеем дальнейшее развитие чувствительности энергетического тела по всей его площади. С точки зрения функциональности тела, мы готовим высокую осознанность конечностей – как рук, так и ног. Легко заметить, что, если вам приходится в сновидении активно передвигаться (не просто летать, а ходить, бегать, ползать, взбираться на вершины и т. п.), паттерн (8) включается сам по себе. Он связан с бдительностью, быстрым реагированием всего тела, он раскрывает энергетические резервы, которыми мы обладаем, и направляет освобожденную Силу на восприятие либо на действие. Вообще, следует знать, что в области поясницы находятся самые значительные «накопители» телесной энергии.

В отношении познания этот паттерн также имеет уникальное значение. Активность двух ведущих центров задней пластины энергетического тела как бы «открывает» нас Неведомому. Выражаясь фигурально, там «расположены» мириады миров, с которыми мы раньше никогда не встречались. С этой стороны много пугающего, и только *безупречность* может устранить бессознательные искажения восприятия, которые превращают Неведомое в Ужасное.

(9) Пупок – межбровье – ступни ног.

Этот паттерн в определенном смысле «возвращает нас на Землю». Он как бы интегрирует три области нашего бытия – *познание* (ум, интеллект, эмоции), *силу* (способности действовать, двигаться, влиять на внешнее и внутреннее, изменять его) и *стабильность* избранного перцептивного пространства. Когда паттерн (9) срабатывает со всем присущим ему масштабом, могут произойти самые странные и удивительные вещи – например, телепортация целостности в пределах мира первого внимания или в один из миров второго внимания, мощные энергетические воздействия (чаще всего психокинетического рода). Не столь яркие проявления этого паттерна вызывают пугающие эффекты, которые можно назвать «затягиванием» в *сновидение* (об этом см. в третьей части книги).

Поскольку ступни ног редко участвуют в энергетическом сновидении полноценным образом, может появиться характерное жжение в ступнях или другие, довольно сильные и даже неприятные ощущения.

Во всех случаях активизации паттернов третьей группы обостряется чувство «стержня» – «позвоночника» энергетического тела. Сновидя-щий может заметить, что через «стержень», оказывается, все время идут потоки, волны, вибрации, что там вообще много чего происходит. Эта структура скрепляет тело сновидения, питает его энергией. Благодаря его активности мы и получаем возможность войти во *второе внимание*.

Перцептивно-энергетические паттерны, степень их активности и стабильности определяют *реальную* (а не воображаемую) *форму* тела сновидения. Они же во многом определяют, *что* и *как* мы воспринимаем в *мирах второго внимания*.

Об этом надо сказать отдельно.

3) Тело сновидения как перцептивно-энергетическое поле. Перцептивные эффекты «телесных» паттернов

Язык данного описания вынуждает нас постоянно говорить о *теле сновидения* как о чем-то, имеющем субстанцию, чуть ли не «материальном» в привычном смысле этого слова. Хочу еще раз напомнить, что такое описание – всего лишь метафора. *Тело сновидения* не субстанция и не материя. Это присущий человеку *потенциал осознания*, реализованный в соответствии с тональной моделью и проявляющий свою активность в измененных режимах восприятия.

При этом *тело сновидения* вовсе не является лишь перцептивным феноменом, не обладающим никакой «физической» силой. Тело сновидения так же «физично», как и всякое иное *реально* существующее тело.

Мы имеем дело с формацией, природа которой – поле. То же можно сказать о любом объекте окружающей нас Вселенной. Тем не менее, когда речь идет о физическом поле, мы не можем сказать, что оно «состоит из субстанции». Поле проявляет себя как совокупность физических сил. Описывая электромагнитное, гравитационное, ядерное поле, ученый создает *модель распределения энергии в*

пространстве. Несмотря на разнообразные проблемы, ожидающие исследователя, он, по крайней мере, не испытывает философских затруднений, ибо имеет дело с *одной* природой – природой *физической*.

Стоит обратиться к сфере психического, как внушенная нам дихотомия «тело-дух», «физика-психика» останавливает дальнейшее рассуждение. Все мы загипнотизированы описанием мира. Ученый не может допустить, что явления и процессы, которым тысячи лет автоматически приписывали *идеальную* природу, – в конечном счете так же «физичны» и «энергетичны» и в своих проявлениях принципиально не отличаются от электричества или какого-то излучения.

На самом деле *нет никакой фундаментальной разницы* между «перцептивным полем» и, скажем, «гравитационным полем». В обоих случаях имеет место распределение физических сил в пространстве, а проявления этих сил могут быть описаны одним и тем же формальным языком. Затруднение связано лишь с тем, что «перцептивное поле» относится к *наблюдателю*, будучи его непосредственной реализацией, а человек не привык рассматривать самого себя, дистанцируясь от собственного осознания.

Пребывая в привычном, автоматическом режиме восприятия, мы отождествляем себя с *идеальным субъектом*, пребывающим в описании мира, где осознать единство «психического» и «физического» почти невозможно. Здесь опыт полностью подчинен изначально принятой интерпретации и предстает перед нами в таком виде, чтобы бесконечно подтверждать ее.

В тонале *невозможно усомниться*.

А закон тоналя гласит – *психическое только отражает физическое, но не влияет на него*. (Точно так же мы не способны заметить искривление пространства, если сами находимся в этом пространстве.) Бессознательная убежденность в том, что психика – это зеркало[24], а все, что она делает, – это игра с отражениями, изгоняет психику из «физического царства».

Однако во внимании сновидения, и тем более во втором внимании, эта «бессознательная убежденность» тоналя в психической пассивности субъекта все больше противоречит опыту и вызывает сомнения.

Правда, и здесь мы сталкиваемся с затруднениями, обусловленными перцептивной привычкой. Если мы научены воспринимать себя как существо определенных пропорций, с двумя ногами и двумя руками, головой и определенным набором органов чувств, то *внимание сновидения*, следуя привычке воспринимающего аппарата, удалит из осознаваемого поля все, что не соответствует образу, исказит и перестроит сенсорное ноле и сделает нас такими, как наяву. Отличия возможны, когда дело касается деталей, но основная схема тела всегда стремится быть неизменной.

На самом деле перцептивное поле пластично и легко изменяет свою конфигурацию, следуя за произвольным вниманием. И чем внимание сильнее, тем наше существо более «текуче».

Внимание и восприятие определяют, *как именно* распределена энергия тела сновидения, поскольку само осознанное сновидение предполагает *свободу от биологического шаблона*. Мы работаем с телом, пользуясь привычными образами, выученными в первом внимании, но они – только удобные «зацепки», ничуть не отражающие того, что происходит *на самом деле*.

Видение, как известно, открывает, насколько форма энергетического тела человека отлична от формы, воспринимаемой в первом внимании. Независимо от конкретной ситуации видения, речь всегда идет о каком-то сфероиде, «коконе», «шаре», «яйце» – более или менее вытянутом, сплюснутом и т. п.

Когда сновидец предпринимает конкретные действия, форма его тела меняется. Характер метаморфоз зависит от того, какие именно участки (центры) его перцептивного поля активизируются. Иногда активизация случается непроизвольно, автоматически, но самые яркие проявления пластичности тела сновидения происходят при целенаправленном использовании каких-то паттернов.

Ведь описанные структуры – это не какие-то абстрактные модели, упражнения для развития внимания и т. п. Они возникли как отражение действий, функций и проявлений телесной активности. Привлекая каждый из описанных выше паттернов, вы словно даете команду своему телу подготовиться к совершению того или иного действия. И тело в ответ принимает необходимую форму.

Когда мы работаем с перечисленными в начале одиннадцатью областями, все проще и статичней. Сами по себе они не являются функциональными командами, и потому ответы тела на фиксацию произвольного внимания, как правило, автоматичны. Тело «уплотняется» в данной области, его свечение становится «ярче», поле может несколько расшириться – вот, собственно, и все.

Поскольку паттерн – это работа либо подготовка к работе, тело сновидения реагирует куда более бурно. У каждой их девяти основных моделей – собственная форма проявления. Опишу их коротко.

(1) Ладони – внутренняя поверхность рук – грудь.

Все тело вовлекается в процесс ознакомительного восприятия. Поля, относящиеся к силовому взаимодействию (пупок и тем более промежность), пассивны. Сновидец ожидает от пространства сновидения встреч и путешествий, он немного опасается окружающего, поскольку оно ему незнакомо, но испытывает естественное любопытство. Пока побеждает осторожность, он не столько ищет, сколько ждет, пока найдут его самого.

Нижняя часть тела сновидения в этом состоянии практически не собрана – ведь сновидящий на самом деле вовсе не собирается странствовать, а если и собирается, то думает, что проще летать. «Просвет» прикрыт, и силовые взаимодействия при активизации только этого паттерна крайне редки.

(2) Ладони – руки – нёбо – язык.

Это более активная с энергетической точки зрения модель. Она подразумевает вовлечение дополнительных ресурсов, о чем сновидец чаще всего не подозревает. Мы готовимся поглощать и излучать Силу через различные каналы тела сновидения.

Несмотря на то что большая часть энергии излучается и поглощается через центр пупка («просвет»), мы настолько не привыкли воспринимать эту область своего тела в смысле канала энергообмена, что даже во втором внимании либо чувствуем аморфные «волны», впитываемые или излучаемые всей поверхностью ЭТ, либо традиционным способом транслируем эти процессы как «поедание», «вдыхание» и, наоборот, – «выдох», «испарение» и проч.

Форма тела сновидения значительно стабилизируется, поскольку поглощение-излучение энергии – важнейший процесс в жизни организма. С этим связана активизация ориентировочного рефлекса, обострение внимания и восприятия, повышение общей алертности. В первую очередь стабилизируется фронтальная пластина кокона и область горлового центра.

(3) Ладони – руки – межбровье.

Логическим следствием этого развития формы тела сновидения становится распространение активности к основанию головы и, наконец, к самой голове. Таким образом, переход к третьему паттерну обусловлен не только технической, но и энергетической необходимостью.

Здесь происходит весьма важная и интересная вещь – пробуждение творческого потенциала, присущего нашему восприятию и породившему все наши ментальные способности. Если практик следует приведенной последовательности, то он неизбежно начинает активно передвигаться, касаться руками предметов, манипулировать ими.

Поскольку каждое действие тела сновидения обязательно возбуждает в нем энергетические области, так или иначе связанные с организми-ческой целостностью и особенностями совершаемой работы, все энергетическое поле испытывает воздействия собирающего внимания, строится и перестраивается. На этом этапе выясняется, что тело сновидения, следуя творческому импульсу перцепции, может «превращаться» в самых поразительных и порой фантастических существ.

Кроме того, сильно возрастает способность сновидца к познанию в сновидении. Он посещает далекие места, видит реальных людей и реальные события, постоянно беседует с незнакомцами, может слышать то, что считает «голосом эмиссара».

(4) Горло – солнечное сплетение.

Активизация центральной области тела сновидения. Если раньше сновидящий в виде реального поля более всего был представлен руками, головой и горловым центром, то теперь эпицентр его «плотности» опускается на фронтальную пластину. Восприятие становится более красочным, восприятие приобретает особенную убедительность.

Однако следует иметь в виду, что эта позиция может сделать практика в некоторых отношениях уязвимым. Во-первых, он испытывает множество сильных, часто ничем не обоснованных, но все более «убедительных» эмоций. Во-вторых, это неминуемо ведет его к регулярным контактам с разнообразными неорганическими «паразитами», которых более всего эти эмоции, которые вызывают всплески энергетического излучения, привлекают.

В итоге практик может стать импульсивным, переполненным иррациональными чувствами, то и дело испытывать приступы вдохновенной любви и восхищения по адресу одних существ и «миров» и отвращения – в отношении иных. Почти каждое сновидение приводит его к встрече с любимым или ненавидимым персонажем, а в голове вырисовывается параноидальная картина мира типичного оккультиста, забравшегося без подготовки слишком далеко. Тут требуется высокая осторожность и безупречность.

(5) Горло – солнечное сплетение – пупок.

Этот паттерн завершает формирование фронтальной пластины кокона, и тело сновидения становится уже по-настоящему действующим агрегатом. Если говорить о *форме* тела сновидения, то на данном этапе она в основном достигла своей «человекообразной» кондиции.

Особенность этого паттерна в том, что здесь впервые полностью реализуется связь между восприятием и мышлением, речью и действием, которая раньше для тела сновидения была затруднена. Перцепция обретает «силовую» составляющую, с которой она связана в первом внимании и должна быть так же связана в мире сновидения.

Говоря проще, практик может сделать многое из того, что привык делать в мире первого внимания, а также ряд вещей, которые в первом внимании невозможны. Например, попробуйте увидеть в сновидении камешек, нагнуться, подобрать его и бросить. Эту последовательность действий можно совершить только тогда, когда паттерн (5) в *теле сновидения* полностью активизирован. То же касается *передвижения*. Сновидцы часто думают, что они ходят или летают, перемещаются из мира в мир, но в большинстве случаев – это иллюзия. Потому что *реальное* передвижение тела сновидения в мире второго внимания невозможно без участия центра пупка. Когда у сновидящего этот процесс начинает получаться по-настоящему, он на первых порах жалуется на особую болезненность в этой части тела, как будто во сне выполнял физические упражнения или таскал тяжести и надорвался.

(6) Горло – солнечное сплетение – пупок – промежность.

О перцептивных эффектах, связанных с этим паттерном, я уже говорил. Это пресловутые «инкубы» и «суккубы», а также всякая сексуальная активность. Если же говорить о форме тела сновидения, то паттерн (6) «уплотняет» всю целостность за счет резкого усиления энергообмена в стержневом (позвоночном) канале.

(7) Пупок – солнечное сплетение – центр между лопатками.

Этот паттерн важен не для формы тела, которая уже определена предыдущей работой, а более всего – для правильной, стабильной и согласованной перцепции.

Добиться активизации этой энергетической модели трудно прежде всего потому, что ее суть и смысл – *психоэнергетическое отражение безупречности*. Три центра, участвующие в создании паттерна, отражают фундаментальные для качества восприятия вещи: эмоции (солнечное сплетение), силу (пупок) и позицию точки сборки (центр между лопатками).

Только у безупречного воина эти три центра способны взаимно контролировать друг друга. Иначе неконтролируемый всплеск эмоций, пришедший со стороны солнечного сплетения, сместит позицию точки сборки, страх или небезупречное применение Силы изменит форму «просвета» – и сделает то же

самое. Для не-безупречного человека точка сборки – всегда послушное «зеркало», пассивно отражающее те энергетические процессы, которые самовольно протекают в районе фронтальной пластины его кокона.

Активизация паттерна (7) – это преодоление стереотипа, утверждение нового порядка вещей, когда уже никакая неуправляемая эмоциональная или энергетическая буря не собьет точку сборки без вашего позволения. Научившись этому равновесию в сновидении, вы можете использовать его наяву и лишний раз убедиться в том, насколько высокий контроль оно дает.

(8) Пупок – центр между лопатками – поясница.

Область поясницы в энергетическом теле – это, как было сказано, один из мощнейших накопителей Силы. Если вы в общих чертах овладели телом сновидения, то можете сами проверить. Попробуйте в сновидении выполнить любое физическое упражнение или йогическую асану, где требуется задействовать поясницу, – яркость и стабильность восприятия ощутимо возрастет.

В случае паттерна (8) накопленная Сила непосредственно связывается с позицией точки сборки (центр спины), что открывает возможность произвольно переходить из одного мира в другой и многое другое, что относится к «продвинутым» уровням освоения сновидения.

(9) Пупок – межбровье – ступни ног.

На этом этапе тело сновидения полностью сформировано. Объединение межбровья (головы), пупка (туловища) и ступней ног в один перцептивно-энергетический каркас возможно лишь при одном условии – всесторонней активизации энергообмена с привлечением энергоресурсов «стержня» и других телесных «накопителей». Один крохотный шаг отделяет сновидящего от его «дубля».

В заключение этой главы хочу сказать о *принципе*, на котором строится всякая работа по *деланию* тела сновидения.

Тело, если оно манифестирует энергетическую Реальность, дано осознанию в двух неразрывно связанных и не существующих по отдельности модусах внимания – *делании* и *не-делании*. Это свойство всего, что *реально*, а не продукт самоформирующихся тональных галлюцинаций. Можно даже сказать, что представленность факта как в режиме *делания*, так и в режиме *не-делания* – один из критериев, по которому можно судить о наличии *подлинной энергии* за феноменом, образом, чувством.

Работа с *телом сновидения* в конечном итоге сводится к использованию этих двух режимов: сборка должна чередоваться с разборкой, внимание – сгущаться и рассеиваться. Схемы, алгоритмы, модели и паттерны – это пути, по которым мы проводим наше делающее внимание, чтобы вновь вернуться к *не-деланию*. А затем выйти из *не-делания* и произвести определенное *делание*.

По-моему, через этот подход *осознание* и проявляет присущую ему Силу.

ПОРОГ ТРЕТИЙ. СИЛА СНОВИДЕНИЯ

1. Мир сновидения
2. Перцептивные феномены и встречи с энергетическими сущностями
3. Видение и странствие сновидящего
4. «Пробуждение», целостность и Трансформация

Кто научился понимать смысл времени и
рассматривать вещь в себе не извне, а изнутри,
кто, проникнув в сны и судьбы, умеет разглядеть
за преходящей повседневной мишурой вечный
символический смысл, тотв нужный момент
всегда произнесет нужные имена, и демоны подчинятся ему.

Густав Майринк

МИР СНОВИДЕНИЯ

Да будет известно всем, что понятие пространства –
лишь одно из порождений разграничивающего сознания,
что за ним не стоит никакой реальности...
Пространство существует только по отношению к
нашему разграничивающему сознанию.

Ашвагхоша

Когда *внимание сновидения* обретает необходимую стабильность, тональ практика производит первичную интеграцию сновидческих впечатлений. Если на первых этапах, погружаясь в сновидение, исследователь фиксирует только небольшие фрагменты опыта и на них тренирует свою осознанность, то в дальнейшем пространство сна демонстрирует связность и «мироподобие».

«Фрагменты», о которых идет речь, – это психическое отражение естественных пульсаций внимания, которые сновидящий пытается поставить под контроль. Каждый импульс внимания чаще всего захватывает только один пучок сенсорных сигналов внутреннего или внешнего происхождения. По мере того как импульс затухает, тональ генерирует серию интерпретаций и создает ментально-символьное обрамление (контекст), благодаря которому пучок получает право на существование в согласии с временно активизировавшейся частью описания мира.

Содержание так называемых «осознанных сновидений», характерных для первых месяцев (а иногда и лет) тренировки, сводится к выловленной из тумана сна перцептивной единице, за которой следует вспышка творческой фантазии, привлекающей, прежде всего, визуальный материал памяти. Все это мало отличается от обычного сновидения. Конечно, существенно возрастает интенсивность ощущения и яркость гал-люцинируемых образов, которые по ошибке могут отождествляться с подлинным проникновением в толтекское сновидение. При этом практик должен помнить, что его прогресс не равномерен. Я уже писал, что для сновидящего характерны чередования энергетических подъемов и спадов. В момент подъема, который нередко случается уже в первые недели занятий, точка сборки может неплохо зафиксировать позицию сновидения, но это не значит, что состояние достигнуто. Наступает спад, и практик возвращается к описанному сценарию – фиксация одного пучка и ворох галлюцинаций.

Собранный пучок всегда состоит из двух компонентов – внешнего воздействия и резонирующего с ним возбуждения энергетического тела. Это очевидно, поскольку никакая, даже самая мимолетная перцепция невозможна без участия телесной активности. Благодаря этому *внимание сновидения* само по себе создает все предпосылки для оформления *тела сновидения*, о чем было подробно написано в предыдущей части книги.

Стабилизация внимания сновидения начинается с последовательного удержания двух и более сенсорных пучков. Если вы тренируетесь по классической схеме, то первым фиксируемым пучком становится «взгляд на ладони». Это достижение вдохновляет сновидца, и ему может долгое время казаться, будто он переживает настоящее *сновидение*. Опыт развивается по следующему сценарию: во сне вспомнил, что надо посмотреть на ладони, поднял руки, бросил на них взгляд и отправился гулять среди фантастических декораций. Это и называется «побывать в сновидении». На самом же деле, «поймав» руки, начинающий сновидец не имеет достаточной энергии, чтобы собрать еще что-нибудь. Активность произвольной сборки после фиксации первого пучка длится ровно столько, сколько нужно для *вспоминания себя* и *пробуждения готовности к восприятию пространства*. Именно это «вспоминание» и эта «готовность» создают ложную уверенность, будто мы и дальше способны некоторое время упорядочение воспринимать нечто внешнее. Факт реальной сборки перцептивного пучка окружен ореолом ясности, внутри которого разворачивается якобы «осознанное» сновидение, являющееся по сути просто ярким и хорошо запомнившимся сном. Второй пучок только *предстоит* собрать, но до него наше внимание не успевает добраться.

Характерным симптомом первых этапов стабилизации является *неоднократное восприятие одного и того же пучка внутри непрерывного сновидения*. Если вы можете смотреть на свои руки, затем – на окружающее, а затем снова вернуться к рукам и т. д., значит, вам удалось собрать по крайней мере *два сенсорных пучка*.

С этой сборки начинается формирование перцептивного пространства. Неважно, сколько в нем реального, сколько воображаемого (тональ всегда стремится заполнить несобранные области самодельными иллюзиями), но это уже первый шаг к *миру сновидения*.

Здесь я буду называть *миром сновидения* все виды последовательных восприятий, полученных при помощи пробужденного и контролируемого внимания после «засыпания». Мне кажется, это терминологически верно. Ведь, как уже было сказано, перцепции, полученные во внимании сновидения, как и перцепции, полученные во втором внимании, содержат сигналы извне. Разница лишь в *объеме* и *уровне энергетического участия* субъекта в воспринимаемом поле.

Мир сновидения – это бесконечная вселенная, разные области которой отличаются друг от друга интенсивностью и качеством сборки. Он начинается с видения рук и собственной спальни, а заканчивается – в безднах «темного моря осознания». Можно сказать, что *мир сновидения* – это Бесконечность, представленная нашему ограниченному осознанию в процессе его последовательного усиления. Это *нагуаль*, или «большие эманации Орла».

То, что мир сновидения (нечто, как нам кажется, «субъективное и туманное»), описывается как проявление *над-человеческой Объективности мироздания*, может показаться странным.

Не смешно ли *во сне* искать *Реальность*? («Когда низший слышит о Дао, – давным-давно писал Лао-цзы, – он смеется над ним. Если бы он над ним не смеялся, оно не заслуживало бы имени Дао».) В сновидческой работе толтека можно найти великий парадокс, который лежит в самой основе мирописания. «Внутреннее» превращается во «внешнее», субъективное – в объективное.

И недаром Кастанеда называл энергетическое поле Вселенной не только нагуалем, но и «темным морем осознания». Ибо объективный Мир дан нам через непрерывно разворачивающееся осознание – *внешнее* проявляет себя через *внутреннее*.

Но почему сказано, что море «темное»? Эпитет мрачный и вызывающий неприятные ассоциации. Почему Кастанеда не последовал индоевропейской мистической традиции в своей интерпретации уроков дона Хуана? Ведическая концепция, лежащая в основе культурного языка европейской цивилизации, кажется массовому читателю ближе и «понятней», ее архетипическая символика «света» и «тьмы» как Добра и Зла, Рая и Ада (в самом широком смысле) настолько укоренилась в тонале нашей цивилизации, что даже не нуждается в специальном усилии переводчика. В образном языке, которым мы привыкли пользоваться, Сознание и Свет – почти синонимы. И наоборот, бессознательность – это Тьма. Из этих смысловых полей возникли древние ассоциации индо-ариев: Бессознательность-Неведение-Тьма-Страдание-Зло.

Я специально обращаю ваше внимание на то, о чем иными словами не раз говорил дон Хуан в книгах Кастанеды: мы живем в описании ми-ра, который существует как текст, написанный на конкретном языке с использованием конкретного письма, построенного на образах и идеях, порожденных ограниченным культурным пространством. Культурное пространство, сформировавшее язык описания мира, – это древнейший слой осмысления Реальности внутри данного этноса. Он не универсален. У американского индейца – наследника ольмеков, толтеков, майя, инков – один образный лексикон, у китайца или японца – другой, у европейца, впитавшего в себя культуру ариев, распространившуюся когда-то по большей части Евразии – от Индии до Средиземноморья, – третий.

Дон-хуановский нагуализм в трансляции Кастанеды «многоязычен». С одной стороны, он в полном согласии с собственной концепцией, призывающей выйти за границы всякого привычного «описания», – при-рожденный «полиглот», который сознательно держит дистанцию между направленным на безусловную Свободу мышлением и набором языко-вых инструментов, куда входит не только лексика, образы, понятия и категории, но также грамматика и синтаксис, от которых зависит логика, линейность или нелинейность суждений, и многое другое. Это его принцип, один из немаловажных путей освобождения от автоматического воспроизведения мыслительных стереотипов тоналя. С другой стороны, сам Кастанеда – транслятор и неизбежный со-автор того нагуализма, который мы получаем посредством его книг, – многоязычен и, в силу особенностей его биографии, имеет, так сказать, «межкультурный статус». Даже на собственной почве Латинская Америка неминуемо порождает *транскультурные* (индейско-испано-португальские) феномены; в еще большей степени это относится к перуанцу, эмигрировавшему в США, но при этом испытывающему мощное воздействие ментальной и образной системы месоамериканского шаманизма. Это идейное и символическое многоязычие Кастанеды, безусловно, помогло ему понять и принять над-национальный, над-этнический импульс Учения, его свободу и независимость от конкретной традиции, но в некоторых отношениях усложнило положение читателя. Ибо то, что понятно дону Хуану, не всегда понятно Кастанеде, а то, что понятно Кастанеде, не всегда понятно нам[25].

Язык символов, на котором говорят дон Хуан и Кастанеда, то и дело пробивается сквозь старательные трансляции Карлоса, обращенные к европейскому миру читателя, и тогда мы испытываем недоумение. Если мы все еще мыслим стереотипно, то бессознательно искажаем символ (образ) в соответствии со словарем, которому нас обучила наша культурная традиция. Но если мы достаточно отрешены, дистанция между «языками» еще раз напоминает о специфическом усилии, которое необходимо приложить для того, чтобы верно понять кастанедовский пересказ идей, пришедших из «мира толтекских магов».

В языке нагуа (*nahuatl*) Непостижимое традиционно ассоциировалось с «ночью» и, следовательно, с «темнотой». Выражение «темная сила» в символическом описании месоамериканских индейцев не имеет никакого отношения ко Злу. Это всего лишь «неведомая сила», Неизвестное и, возможно, Непознаваемое. Это то, что является Тайной, «лежит в тени», за границами дневного, освещенного и потому опознанного мира. «Темное море» лежит в основе всего явленного, оно является началом нашего собственного осознания, недоступным для различающего восприятия. Оно не может быть разобрано аналитическим умом, «освещено» им посредством манипуляций интеллекта, использующего абстрактные слова, искусственно разрывающие Реальность на фрагменты. Ведь только фрагменты можно увидеть как что-то яркое и обманчиво ясное, потому что это *фигуры*, которые мы выделили из *фона*. Однако любые «фигуры» всегда бесконечно меньше Бытия, из которого они извлечены. Это очевидно как философу, так и практику, постигающему Реальность.

Подобную символику «темноты» мы находим в других не-арийских культурах – у китайцев, тибетцев и японцев. Об этом сказано, например, в известном афоризме дзэнского практика Тюнь-шан Лянь-ши: «Есть лишь одна вещь: наверху она поддерживает Небеса, внизу она объемлет Землю: она *темна, как черный лак*, и всегда активно действует».

Мир сновидения – это беспредельные поля, данные осознанию, но не освоенные им. И в этом отношении работа сновидящего не имеет конца. Оставаясь отдельным наблюдателем, мы в любом случае имеем дело с фрагментом, с некой частью, где собранная нами энергия трансформируется и перемещает пучок светимости – центр нашего осознания, но «море», омывающее нас, дающее возможность прикоснуться к своей неопределимой и ничем не ограниченной массе, переполненное потоками и течениями, повсюду доступное нам как пространство целенаправленного роста и изменения, – это море *остается темным*.

И все же прикосновение к *темной*, непостижимой Реальности порождает «свет» осознания – вынуждает собирать и «освещать» недоступные ранее области психики. В этом есть известная афористическая логика: мы отправляемся в странствие по *темному* океану и зажигаем мощный *источник света*, чтобы отыскать в этих неведомых пространствах свой уникальный путь.

«Проекция места» и второе внимание

Поскольку наш перцептивный аппарат сильно отличается от «прожектора» или иного источника света, направленного всегда на какую-то часть внешнего поля, «темное море осознания» – Реальность вовне – постоянно ускользает от нас, скрываясь в потоке самоотражений и созданных нами галлюцинаций. Чтобы воспринять миры второго внимания и войти с ними в энергетический контакт, сновидящему надо победить «толпу призраков». Разумеется, все они – наши собственные порождения, но питаются энергией бессознательного, привыкшей бесконтрольно буйствовать, выражая архетипические формы или другой вытесненный материал.

И это не только и не столько проблема контроля. Психоэнергетическое поле *отдельного* осознания, однажды выделившего себя из космической «Пустоты», изначально следует перцептивной и «физической» логике *расчленения*. Аналитический импульс *стремится разделять внутренний мир на части* всякий раз, когда в нем оформляется содержание, в чем-то не согласующееся с другим содержанием. Даже в случае исключительного самоконтроля мы автоматически исходим из *одной* точки, одного психического локуса, где решили «поместить» стержень собственной личности. Значит, функция контроля сводится к *согласованию* всех остальных, противоречивых в содержательном отношении, периферийных областей психики с контролирующим центром. При этом человек чаще всего пользуется самым «популярным» в его обычной жизни стереотипом «согласования» – *подавлением*.

В итоге мы получаем типичную и по сути деструктивную картину психического самоконтроля: *идеальный контроль – это абсолютное подавление*. Большинство адептов, декларирующий *само-совершенствование*, не осознают, что называют «само-совершенствованием» тот или иной тип *само-подавления*, вытеснения из себя частей психического поля, которые им «не нравятся» (по идеологическим, этическим, эстетическим либо иным причинам). Эти части, конечно, не исчезают, а просто удаляются туда, где их не потревожит «центральная власть».

Но и без угнетающего давления «контролера» психический мир дробится, поскольку в процессе жизни рождает разнообразные «идеи», каждая из которых заряжена собственным импульсом. Все эти импульсы не могут быть реализованы одновременно и сразу, а потому занимают какую-нибудь отдельную позицию, создавая этим собственную психоэнергетическую формацию. Где-нибудь в стороне эти формации потихоньку живут, эволюционируют, самореализуются в виде бессознательного воображения. Часто они накапливают собственный потенциал, аккумулируют энергию и готовы извергнуть ее в виде образов и чувств. Их наивысшей актуализацией является *галлюцинирование*. И *внимание сновидения* предоставляет самые благоприятные условия для подобных актуализаций.

Работа занятого *сновидением* нагуалиста, который, как всякий исследователь собственного сознания, знает о раздробленности психического мира человека, опирается на другой принцип. Здесь речь идет об *усилении внимания*, а не о контроле, выражающем себя в подавлении. Объекты (содержания), которые попадают в поле усиленного внимания, трансформируются *не потому*, что мы требуем от них подчинения. Крайне важно осознавать, что мы от них ничего не требуем. Мы *только осознаём* – наблюдаем, и при помощи перцептивных сил «пересобираем» их, разбираем посредством не-делания, затем собираем снова. Здесь нет ни оценщика, ни контролера, ни командира, которые постоянно запугивают обнаруженные части, прятавшиеся в бессознательном. Когда обнаруженные содержания, части нашей психики, начинают доверят спокойному «взгляду» внимания, их структуры разворачиваются и всту пают в процесс безупречного осознавания. В конечном итоге они меня ют свой смысл и эмоциональный заряд, что и есть «маленькая транс формация» конкретного участка психоэнергетического поля.

И, наконец, существуют вполне нейтральные перцептивные шабло ны – так сказать, «самоотражения» тоналя, которые функционирую автономно не потому, что избегают подавляющего контроля, а в силу автоматизированности той или иной серии процессов восприятия. Они мешают проникать в новые

области перцепции только потому, что, как многие стереотипы, исполняют роль «ловушки» для внимания. Если практик осознает их природу и механизм, такие перцептивные шаблоны становятся ступенькой, от которой сновидец может оттолкнуться при сборке внешних сигналов – и этим принести определенную пользу.

Типичным перцептивным шаблоном, который необходимо *осознать* и правильно использовать, для сновидящего является «*проекция места*». О нем непременно надо сказать, ибо этот феномен, во-первых практически всегда предваряет переход сновидящего от внимания сно-видения ко *второму вниманию*, а во-вторых, создает весьма тонкую иллюзию – перцептивную картинку, убедительно *имитирующую второе внимание*, внушая тем самым практику, что он уже приступил к сборке внешних сигналов. Переживая «проекцию места», начинающий сновидец может расслабиться, потерять драгоценное время, так и не приложив должное усилие, чтобы попасть в режим второго внимания. Это распространенный случай – насколько я могу судить по известному мне опыту.

Что же такое «проекция места»?

Когда внимание сновидения усиливается и стабилизируется, сновидец время от времени воспринимает одно и то же «место». Это «место» (перцептивное поле) может расширяться, оно обогащается ясными деталями и подробностями, отражая тем самым возрастающую фиксацию воспринимающего аппарата (не за счет энергетического контакта с новыми полями, а благодаря специфической логике галлюцинирующей части тоналя).

Это весьма тонкий момент. Ведь пока у сновидца нет достаточного опыта второго внимания, он путает данное относительно стабильное пространство («проекцию места») с реальным миром энергетических фактов. Разрешить эту проблему помогает *опыт активного действия* в новом режиме восприятия, вовлекающий различные *перцептивно-энергетические паттерны тела сновидения* (которые были подробно описаны в предыдущей части книги). Этот целенаправленный опыт *делания* дает сновидцу невербализуемое *знание тела*. Однако это знание приходит далеко не сразу. И более всего практику мешает непроизвольное чувство стабильности и гармонии, характерное для «проекции места», иллюзия «достижения цели», которая вызывает успокоение и значительно снижает активность установки восприятия.

Существует ряд формальных признаков, которые помогают более-менее точно определить, с чем мы имеем дело – со стабилизацией и развитием галлюцинаторного поля либо с подлинной реальностью второго внимания. Чтобы охарактеризовать их, надо ответить на следующие вопросы:

(1) Что такое «проекция места»? Как она проявляет себя в опыте сно-видящего? Откуда она возникает?

(2) Чем «проекция места» отличается от мира второго внимания?

«Проекция места» – это совокупность гештальтов (узнаваемых схем), галлюцинируемых тоналем на основе материала памяти, ожидания и воображения. Когда дон Хуан предлагал Карлосу непосредственно перед *сновидением* вообразить «место силы», аудиторию в его университете, куст дурмана, который тот лично посадил и этим сделал его собственным «растением силы», он предлагал ему простейшую инструкцию по созданию «проекции места».

Если сновидец не производит подобных операций сознательно, «проекция места» возникает стихийно – как результат автоматических ожиданий и ассоциаций.

В абсолютном большинстве случаев *сновидения* первое, что собирает восприятие, – это проекция места. Сама проекция может быть стандартной или экзотичной, впечатляющей или скучной. Все зависит от темперамента, эмоциональности и настроения практика. Если вы много размышляете о мире неорганических существ, тональ приложит все силы галлюцинирующего аппарата, и вы увидите свою бессознательную фантазию на тему, каким должен быть мир неорганических существ. Подобные видения будоражат сознание сновидца, они являются любопытными продуктами сновидческого творчества, но, на мой взгляд, создают препятствия для реальной психоэнергетической работы.

Я считаю более продуктивной «проекцией места» картинку, соответствующую обстановке, окружающей нас перед засыпанием. И вот почему. Если практик в сновидении созерцает место, где он

«на самом деле» заснул, существует высокая вероятность, что среди галлюцинируемых образов есть и отражение внешнего энергетического поля. Даже в том случае, когда перцепция полностью построена из материала памяти, мы не дезориентированы и можем правильно приложить усилие внимания, чтобы внешние сигналы проникли сквозь визуализацию.

Я говорю прежде всего о сновидце, находящемся на первых этапах практики. Когда его энергетический статус достигает критического порога, за которым пространство превращается в условность, уже не имеет значения, какое именно место сновидящий выбрал для проекции. Если же он еще не достиг этого уровня, то довольно обычным является разочаровывающий опыт примерно такого содержания: практик погружается во внимание сновидения и воспринимает удаленное или не существующее в первом внимании место. Он блуждает в нем, пытаясь поддерживать контроль восприятия, стабильность и последовательность образов, вроде бы перемещается и действует, и вдруг, в момент «прояснения», находит себя зависшим в собственной спальне. Оказывается, тело сновидения и не думало никуда перемещаться.

Разочарование, однако, заключается не столько в этом, сколько в том факте, что большая часть перцептивной энергии уже израсходована. Как правило, сновидец успевает только оглядеться, понять, что он находится не там, где думал, после чего выходит из состояния – либо погружается в забвение глубокого сна, либо пробуждается в первом внимании.

Таким образом, мы узнаём, что «проекция места» отличается от мира второго внимания тем, что здесь абсолютно доминирует галлюцинирующий тональ. При высокой алертности осознания мы способны уловить лишь проблески внешней Реальности, фрагменты перцептивного поля, собранного из внешних, а не внутренних эманации. Обычно они смешиваются с галлюцинируемым, после чего интегрируются в поток галлюцинаций, в результате чего возникают причудливые конструкции, либо игнорируются тоналем как не имеющие самостоятельного значения и противоречащие сотворенному перцептивному шаблону.

Мир второго внимания ведет себя иначе. Во-первых, здесь изначально нет стабилизирующего каркаса из галлюцинируемых образов, а потому практику приходится преодолевать естественную для Реальности текучесть. Мы испытываем замешательство, во время которого тональ перебирает множество интерпретационных моделей, пытаясь найти в своем опыте что-то, хотя бы отдаленно напоминающее осознаваемые пучки эманаций. Разумеется, адаптационные возможности тоналя огромны, так что замешательство длится недолго, и все же сопротивление новых полей нельзя не заметить.

Второе отличие реального восприятия от «проекции места» – характерная динамика расширения перцептивного поля. «Проекция» дана сразу, и все ее метаморфозы сводятся к уточнениям, детализации, превращениям воспринимаемого в узком диапазоне психологических ассоциаций. Допустим, цветок на столе может стать кактусом или сухой веткой, стакан воды превратиться в чашку кофе или чая, картина на стене станет фотографией и т. п. Точно так же вы можете «увидеть» сначала комнату, в которой спите сегодня, а потом – квартиру, где жили несколько лет назад. Это *не значит*, что за изменением проекции *нет вообще ничего реального*, но совершенно очевидно, что галлюцинирование определяет основное содержание перцептивного поля.

Второе внимание, собирающее внешние пучки, вызывая чувство *энергетичности* и характерного *сопротивления*, вынуждает тональ перейти к более свободной системе интерпретаций. Ассоциативная логика отступает на второй план (хотя вряд ли полностью перестает участвовать в восприятии), и мир часто становится непредсказуемым. Энергетические потоки, определяющие сборку сигналов, часто транслируются необычной освещенностью пространств и объектов, возрастает уровень сенсорного «шума» – сигналов, которые не распознаются либо распознаются весьма приблизительно. На фоне всего перечисленного сновидец сталкивается с необычным объемом телесных (кинестетических и проприоцептивных) ощущений. Их характеристики и динамика соответствуют тем перцептивным феноменам, что описаны в главе о паттернах тела сновидения. Использование паттернов и движений тела сильно влияет на перцепцию, чего не бывает, если мы находимся в «проекции места».

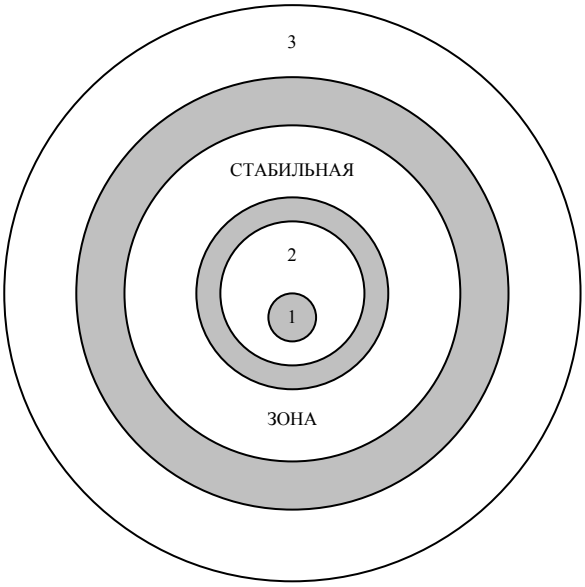


Рис. 3. Зоны внимания в мире сновидений

1 – «Проекция места».

2 – Первый мир второго внимания.

Серое поле – Области перцептивной неопределенности, энергетического перехода. «Архетипическая спутанность».

СТАБИЛЬНАЯ ЗОНА – область альтернативной сборки.

3 – Интегрируемые области. «Удаленные миры».

От «проекции места» к мирам второго внимания

Мир сновидения является результатом взаимодействия двух сил – внешних энергетических полей (*больших эманаций*) *и перцептивной энергии наблюдателя. Каждая из этих сил следует своим законам*.

Пока энергетическое тело практика поддерживает человеческую форму, большие эманации предоставляют осознанию хоть и большое, но все же не бесконечное число вариантов сборки сенсорных пучков.

В силу психоэнергетической предрасположенности мы имеем дело не с аморфным квантовым полем (как можно было бы предположить), а с определенным распределением вероятностей. Иными словами, внешняя энергия создает *тенденции* к некоторым формам психической презентации. В одних позициях точки сборки сновидец склонен созерцать бесконечные равнины или иные плоскости (поверхность моря, пустыню и т. п.), в других – горы, холмы или башни. В некоторых позициях доминирует статичность, в других – движение. Одни области безжизненны, другие переполнены деятельными формами, «существами».

Все это – предпочитаемые нашим тоналем презентации воспринимаемых энергетических импульсов. Благодаря тому, что все люди имеют некоторые общие черты психоэнергетической конституции, Большой Мир не превращается в сенсорный хаос и не порождает абсолютную произвольность интерпретаций. Это создает предпосылки для возможного перцептивного соглашения и оформления разделяемой реальности даже там, где мы прежде ничего не воспринимали.

С другой стороны, сильное влияние на структуру мира сновидения оказывают особенности функционирования нашего внимания. Как уже было сказано, интенсивность внимания имеет пульсирующий характер. Когда сновидящий собирает внешние сигналы в прежде недоступном перцептивно-энергетическом поле, пульсация его внимания проецируется на конструируемое тоналем

пространство. На схеме я графически представил результат такой проекции. (См. рис. 3.) Мир сновидения напоминает слоёный пирог. Каждый «слой» – это слияние импульса внимания и внешнего поля больших эманаций. Рассмотрим полученную карту подробнее.

Прежде всего, об «объеме» мира сновидения. Объем целиком зависит от того, насколько развито *внимание сновидения* у практикующего. Если вы не способны поддерживать второе внимание достаточно долго, ваш опыт слишком фрагментарен, чтобы узнать в схеме структуру своих сновидческих восприятий. На первых этапах практик сталкивается с бессвязной чередой погружений различной длительности и интенсивности. То сновидящий созерцает собственную спальню («проекция места»), то посещает незнакомые города или видит причудливые ландшафты. Иногда ему кажется, что он побывал на другой планете, в параллельной вселенной, либо в местах, не поддающихся никакому человеческому описанию. Когда сновидение относительно стабилизируется, он обнаруживает, что между мирами существуют проходы, что они проникают друг в друга, путаются и смешиваются. Уловить какой-то порядок в потоке феноменов не представляется возможным. Это период растерянности, который длится довольно долго, но все-таки заканчивается – в тот момент, когда сновидец находит новый тип порядка, базирующийся не на тональном описании, а на закономерностях взаимодействия тоналя и нагуаля.

И вот что выходит.

Первичная активизация восприятия во внимании сновидения приводит нас в «проекцию места».

Как было сказано выше, «проекция места» дает возможность стабилизировать восприятие с минимальными затратами перцептивной энергии. Если «проекция» отражает то место, где вы на самом деле спите, она, как правило, содержит хотя бы один сенсорный сигнал, который связан с *внешним* энергетическим фактом. Вот почему практичнее настраивать *намерение* на восприятие ближайшего к спящему физическому телу локуса (спальня, соседняя комната и т. д.). Тогда *тело сновидения* получает возможность сразу же сфокусировать перцептивные силы на вычленении внешних сигналов, оставив в покое воображаемые «декорации». Как только практику удается собрать хоть один энергетический пучок (комплекс *внешних* сенсорных сигналов), его восприятие перестраивается на *первый мир второго внимания*.

Это важно для развития сновидящего по нескольким причинам. Во-первых, *первый мир* воспроизводит многие существенные черты перцептивного поля первого внимания, что позволяет эффективно тренировать функции тела сновидения и этим «уплотнять» его. Во-вторых, данное перцептивное поле второго внимания и мир яви *энергетически пересекаются*. Действия сновидящего в этом пространстве могут вызывать эффекты наяву. Иногда эти эффекты настолько очевидны и однозначны, что убедительно подтверждают реальность «сновидческой магии». Этим пересечением перцептивно-энергетических полей пользуются экспериментаторы, изучающие так называемый «внетелесный опыт», – пытаются влиять на других людей, на живые и неживые объекты, получать информацию и т. д.

Надо лишь помнить о том, что разница между первым вниманием и первым миром второго внимания все-таки существует. Она касается как конкретных форм собираемых структур, так и характера распределения энергии, понимаемого нашим тоналем как пространственно-временной континуум. Далеко не всегда сновидящий «маг» находит точное соответствие между внетелесным опытом и опытом бодрствования. И прежде всего это касается информации. Обнаружив соответствие (объект, место, человека), гораздо проще осуществить энергетическое воздействие, чем получить или передать информацию. С этим затруднением сталкиваются все экспериментаторы, что у многих вызывает вполне объяснимый скептицизм. Почему так трудно, «покинув тело», правильно прочитать текст или ряд цифр и этим доказать реальность своего опыта в лабораторных условиях? Если знать о специфике первого мира второго внимания, проблема становится понятной.

Во-первых, условная информация, созданная тоналем, – это не энергия, а интерпретация. Интерпретация условных знаков – одно из *высших проявлений* собранности первого внимания. Она возможна при максимальной согласованности внешних сигналов и используемого описания. Если говорить о первом мире второго внимания, то там максимальной согласованности почти никогда не бывает. Либо внешние поля, порождающие сенсорику, смещены, либо способности описания недостаточно активизированы. (Переработка условной информации – настолько сложная вещь, что даже наяву мы не всегда справляемся с этой задачей. Стоит воспринимателю оказаться в необычных условиях или впасть в рассеянность, и его способность к узнаванию условных знаков резко падает – он

может неправильно прочитать слово или вообще не заметить надпись и т. д.) Во-вторых, сам сигнал, который исследователь желает расшифровать, может отсутствовать. Помимо того, что сигнал не может быть собран из-за недостающих полей, он может быть смещен во времени и быть по отношению к воспринимателю *еще не начавшимся* или *уже закончившимся* событием.

Силовые воздействия, требующие минимальных операций с семантикой сигналов, осуществляются гораздо проще. Достаточно найти объект приложения сил. Чаще всего экспериментаторы сообщают именно о таком типе обнадеживающего опыта.

Итак, первый мир второго внимания – это «область магии». Этот мир так же бесконечен, как и тот, что дан человеку наяву. Здесь можно странствовать десятилетиями, наслаждаться полетами и телепортациями тела сновидения, находить экзотические места и еще более экзотических обитателей, встречаться с другими сновидящими. Но если мы хотим двинуться дальше, стабильность перцептивно-энергетического взаимодействия с внешним полем нарушается. Сновидец попадает в зону «перцептивной неопределенности».

Как это происходит? Осознание начинает свидетельствовать несовместимые ряды впечатлений. Неожиданно открываются «области пустоты», разные сцены наползают друг на друга, воспринимаемое (и до этого «странное») либо перестает качественно собираться, вырождаясь в плоскость, фрагменты и т. п., либо становится принципиально неузнаваемым. Это *кризис сновидческого внимания*. Довольно долго он является непреодолимым барьером. Практик не имеет энергии, необходимой для перехода в следующий мир. Истощение приводит к тому, что сновидение прерывается.

По мере усиления осознания мы начинаем немного дольше задерживаться в этом неопределенном состоянии. Хотя это обстоятельство обнадеживает, оно может сопровождаться неприятными и драматическими переживаниями. Состояние несогласованного энергообмена приводит тело в панику. Привычные схемы самоощущения (нормальное напряжение центра пупа, солнечного сплетения и горлового центра) сначала становятся чрезмерно интенсивными и даже болезненными, потом искажаются, и сновидящий чувствует, как его словно «выворачивает и выкручивает» неведомая сила. Возрождаются страхи, всплывают содержания бессознательного, и практик входит в фазу, которую я назвал «*архетипической спутанностью*».

Тональ привлекает череду глубинных архетипов, транслируя опыт перцептивно-энергетической перестройки. Это состояние частично совпадает с тем, что описывают люди, прошедшие через ЛСД-терапию. Видения богов и демонов, космических пространств и засасывающих туннелей, растворения и, наоборот, угнетающий изолированности. Здесь являются сияющие «учителя» и жуткие «хранители порога» (о которых еще будет сказано ниже). Все это именно «спутано», поскольку ни один из архетипов не может собрать нестабильные сигналы. Тональ спешно перебирает самые невероятные комбинации, а энергетическое тело в это время так же спешно ищет новую форму согласованного энергообмена с внешним полем. И все эти усилия опять-таки завершаются пробуждением.

Сновидец, таким образом, проходит серьезное испытание. Если он недостаточно безупречен, если от перепросмотра укрылись деструктивные содержания, все это выходит на поверхность и атакует его. Некоторые практики не выдерживают психоэнергетической бури и бросают дальнейшие занятия. Эти сновидящие бывают настолько испуганы, что больше никогда не возвращаются к своим экспериментам. От таких, как они, можно услышать много страшного про «черную магию» Карлоса Кастанеды.

Если же ваш тональ достаточно чист и вы безупречны не только на словах, то наступает момент, когда внимание выбирается из зоны архе-типической спутанности. С удивлением и облегчением вы обнаруживаете, что все это время боролись с призраками. Оказалось, что пропасть, которую вы так долго преодолевали, была шириной всего в один шаг. Но в итоге ваш мир сновидения многократно расширился и перед вами лежит *стабильная зона* – область параллельных миров второго внимания.

Сколько здесь перцептивных полей, которые можно считать «мирами», я не знаю. Но каждый из них по-своему впечатляет. Мне по-прежнему кажется, что ближе всего находится «черный мир», исполняющий роль своеобразной «прихожей» ко многим иным областям альтернативной сборки. Перцептивная однородность этого пространства служит неким фоном, из которого внимание вычленяет все остальное – миры неорганических существ, «параллельную Землю» и многое другое.

Так или иначе, все, что мы находим в *стабильной зоне*, содержит явный элемент не-человеческой организации. Тональ, истощенный борьбой с архетипами, частично смиряется с Неведомым и «отпускает» восприятие. Это не значит, что архетипы больше не участвуют в строительстве перцепции, но их *эмоциональное содержание*, безусловно, нейтрализовано. Возможно, именно этим объясняется ощущение *не-человеческого* в новом режиме восприятия.

Исчезновение эмоционального импульса масштабным образом очищает перцептивное поле от искажений и способствует формированию стабильных энергообменных процессов со средами, которые никогда ранее не осознавались человеком. Есть только одно негативное следствие – *замедление скорости* движения внимания.

Я не имею в виду реактивность или перемещения тела сновидения в новых полях. Речь о другом – каждый сенсорный пучок становится объектом неторопливого изучения, что сопровождается необычным переживанием чувственной или информационной перенасыщенности. Пока трудно сказать, в чем главная причина этого торможения. Возможно, сознание действительно переходит на новый уровень перцептивного синтеза и поэтому содержание собранных объектов настолько насыщенно, что требуется длительный период адаптации внимания.

Может, это связано с изменением мотивации или отношения ко Времени.

Как бы то ни было, в *стабильной зоне* сновидец может сильно задержаться. Объект, существо, ландшафт – все содержит в себе затягивающую перспективу для созерцания. Параллельно тело сновидения обретает новое качество. Если в первом мире второго внимания оно наращивает одну лишь плотность, то здесь к плотности добавляется характерная «вязкая» текучесть. Пусть вас не смущают эти кинестетические метафоры – мы вынуждены к ним обращаться из-за естественных ограничений описательного языка. Во всяком случае тело сновидения чувствует, что перестраивается в соответствии с той формой активности, которую предпринимает. Оно может вытягиваться, расплющиваться, концентрироваться и сжиматься. Видимо, где-то здесь находятся ресурсы для оборотничества и всевозможных превращений.

Если сновидящий преодолевает заторможенность стабильной зоны, он вновь сталкивается с архетипической спутанностью. На этот раз область энергетического перехода ощущается намного спокойнее. Панический страх, имевший место в прошлом, почти не проявляет себя. Отсутствие согласованной сборки проявляет себя через чувство очень сильного физического давления на всю поверхность тела. Поскольку давление часто сопровождается туманным желтовато-серым светом, не имеющим определенного источника, можно предположить, что эта область и есть описанная Кастанедой «стена тумана». Преодолеть ее сложно, так что мой опыт здесь ограничен. Обрывочные впечатления намекают, что там лежат некие «удаленные миры», очень плотные и энерге-тичные. Они как бы «переплавляют», интегрируют крупные структуры и формации, объединяют пространства в полосы все возрастающей интенсивности.

Заманчиво предположить, что осознание, постигая «удаленные миры», приближается к *третьему вниманию*. Но наверняка это неизвестно никому, кроме тех, кто там побывал.

Так выглядит *мир сновидения* согласно моему опыту и моему способу интерпретации. Каждое проникновение туда изменяет. Чем дальше вы входите в перцептивно-энергетические поля, тем сильнее меняетесь. Чувствительность в первом внимании после странствий в иных мирах приобретает новые черты, трансформируя оценки, отношения, эмоции и масштаб осознания.

Повседневный мир, оставаясь прежним, все же становится иным, словно увиденным при свете этих безмолвных пространств. Это непередаваемое ощущение, которое, возможно, и есть приближение к Трансформации, все чаще погружает нас в *сновидение наяву*, где второе внимание прокладывает себе тропинку в наше обыденное восприятие. И явь становится сном, а сон – явью.

ПСИХОНАВТИКА VS. АСТРОНАВТИКА

Как было уже неоднократно сказано, жизнь осознания есть результат напряжения, возникающего между субъектом и Объектом. Несмотря на увещевания проповедников «духовного просветления», мы

чувствуем, что именно огорчительная отделенность осознания является изначальным условием многообразия процессов, составляющих содержание Жизни во всех ее проявлениях. Ориентальные доктрины полагают, что этот жизненный импульс – результат Неведения. И, если рассуждать философски, они совершенно правы.

Человек неотделим от Бытия, от Абсолюта. Он его часть и наделен всеми характеристиками Целого. Только забвение этого факта, создание иллюзорного барьера между нами и Реальностью вынуждает страдать и действовать, заблуждаться и познавать, разрушать природу и строить собственную среду. Тогда высшим просветлением для нас является уничтожение барьера и возвращение в неразличимость предустановленной («божественной») гармонии.

Однако есть ряд обстоятельств, которые делают философскую истину на практике абсолютно неприемлемой. Прежде всего, «иллюзорный» барьер между Человеком и Абсолютом не так уж иллюзорен. Изначально он сотворен описанием (тоналем), но, поскольку человеческое внимание – явление вполне физическое, барьер превратился в психоэнергетическую формацию (поле), удерживающую сознание в положении самостоятельного бытия. Если трезво взглянуть на окружающее нас мироздание, можно догадаться, что, как ни странно, психоэнергетический барьер – не только ограничение, вызывающее страдание, но и уникальный дар. Он делает нас людьми, он порождает упорядоченное осознание, противостоящее бесконечным потокам «темного моря» безличной вселенной. Разрушив барьер, мы исчезаем. Экстаз неописуемого просветления – вовсе не обретение Сверхбытия, а всего лишь последний рубеж опыта, вдохновляющий миг, предваряющий наше исчезновение. Поэтому мы вынуждены смириться со своей отделенностью от Абсолюта.

И это не безнадежность и не повод для пораженческих настроений. Только метафизический взгляд, пытающийся превратить мир в совокупность неподвижных абстракций, находит здесь мрачный фатализм и отсутствие перспективы. Нагуализм как антропологическая концепция, наполненная глубоко диалектическим содержанием, преодолевает надуманный парадокс и показывает, что человек способен бесконечно раздвигать границы, сохраняя свои уникальные качества. Ибо в *реальном* процессе мироздания психоэнергетический барьер, отделяющий человека от Абсолютного Бытия, перестает быть барьером – он *становится волной*. И сущность этой волны – экспансия нашего трансформирующегося сознания.

Мы уже привыкли, что слово «экспансия» означает что-то нехорошее и, в любом случае, противоположное «духовности». Собственно говоря, это реакция на удручающие плоды технократического развития. Человеческая экспансия в земной биосфере ведет к уничтожению экологических систем, воплощающих в себе высшее равновесие Жизни и поддержание ее; социально-экономическая экспансия унифицирует общественную среду, уничтожая самобытные формы и естественное разнообразие; идеологическая и культурная экспансия закрывает все альтернативные линии самореализации человека в сфере интеллектуального и эстетического развития. Словом, негативные стороны экспансии демонстрируют себя повсюду.

Отсюда – желание вернуться в «менее глобальный» мир. Помимо политической, социальной и экономической реакции, которую мы наблюдаем в самых разных формах (многополярный мир, антиглобализм, изоляционизм и т. д.), существует реакция культурная, религиозная и в широком смысле «духовная». Она выражает себя через реставрацию древних учений и верований, отражающих «малые миры» этносов, народов и племен, сегодня не существующих, радикально преображенных ходом Времени, но активно идеализируемых человеческой памятью. Можно сказать, что значительная часть возрождаемой ныне «духовности» является на самом деле воскрешением памяти о далеком прошлом. Неудивительно, что в среде духовных искателей слово «экспансия» приобрело исключительно негативный смысл.

Современный «толтек», распространяющий упорядоченное осознание на иные миры – перцептивно-энергетические области, традиционно вдохновляющие «археологическую» духовность предков, – как бы продолжает общечеловеческую экспансию. В глазах певцов «подлинной духовности» – занятие предосудительное.

Следует признать, что метафизические идеалы религиозных проповедников оторваны от реальности. Они не предлагают человечеству реальных путей, не разрешают проблемы, а «снимают» их. Все их призывы, если отвлечься от богословских спекуляций, метафизических догм, в переводе на операциональный язык сводятся к двум позициям: 1) признать вышеупомянутый барьер «священным»,

т. е. установленным Высшим Бытием, и ждать Милости, нечеловеческой Воли, которая позволит непостижимым способом пройти в царство Абсолюта; 2) разрушить барьер собственными силами, растворить отдельность и самому стать Абсолютом. Либо пассивное упование, либо «подвиг» исчезновения. Вот как это выглядит, если развеять туман, сотканный из красивых слов и избавиться от самообмана.

Человечество выбирает путь экспансии не потому, что оно безнадежно испорчено «первородным грехом» или экзистенциальным неведением. Просто другие пути отрицают природу нашего сознания. И смысл человеческого развития заключен в *поиске нового качества экспансии*. Мы последовательно переходим от самых грубых, примитивных форм, сопряженных с насилием и разрушением (проекция нашей биологии), к тонкой форме, максимально отражающей человеческую сущность.

На этом фоне непреодолимое влечение к освоению иных миров нашло выход в перспективе астронавтики. Можно усмотреть здесь «технологическую метафору» для бесконечного познания Реальности. Она увлекает и обнадеживает, обещает новое знание – как практическое, так и теоретическое, новую энергию и безграничное поле для ее применения.

И в этом свете «психонавтика» многим кажется областью мало перспективной. Она как бы направляет продуктивное усилие сознания внутрь – в сферу бесконечной субъективности, грез и фантазий, туда, где возможны пусть важные, но *только психологические* открытия, не имеющие отношения к Большому Миру. Мы даже готовы признать, что пространства иных режимов восприятия исключительно важны для будущего человека, но вряд ли верим, что они могут быть *главным источником* опыта и знания. Колонизация Марса – куда более достойное дело для современной цивилизации, чем освоение второго внимания.

Этот предрассудок естественным образом вырос из искаженных идей нашего тоналя, внушившего себе, что внимание и восприятие только *отражают* мир, ничего сами по себе не создавая. Мы почему-то не верим, что мир сновидения, пространство второго внимания – область реального бытия, в которой точно так же проявлены планеты звезды и галактики, которая точно так же транспортирует энергию и тела. Кроме того, мир сновидения имеет бесценное преимущество – здесь человек *может произвольно выбирать законы существования*.

Первое внимание держит человека в плену грандиозного шаблона психических репрезентаций. Если мы хотим побывать в какой-то точке предъявленного нашему осознанию пространства, надо следовать закону описания и найти для этого адекватную технологию. Операции с объектами требуют привлечения энергии, которую мы также собираем извне при помощи хитроумных технологических костылей. Это не пря-мой и крайне трудный путь.

Если энергетическая теория нагуализма верна, то мы совсем не нуждаемся во всех этих ухищрениях. Само внимание «переделывает» реальность так, как мы захотим. Препятствие (будь то «физический» закон или какое-то частное ограничение) преодолевается разборкой перцептивно-энергетических полей и последующей сборкой новой конфигурации, в которой препятствие оказывается преодолено. Так, например, маги осуществляют телепортацию и «побеждают» расстояние.

С точки зрения этой концепции, психонавтика – вовсе не блуждание в лабиринтах собственной психики. Это *использование энергетического потенциала внимания и восприятия в целях объективного познания Реальности – как внутренней, так и внешней*. (При этом надо помнить, что в этой позиции термины «внешний» и «внутренний» теряют смысл, и я использую их только для того, чтобы совместить репрезентации первого и второго внимания в вашем восприятии.)

Иначе говоря, *мир сновидения так же объективен, как и вселенная, воспринимаемая человеком в режиме первого внимания*. Разница между ними – *в способах трансляции сигнала и психической репрезентации его*. Это утверждение может показаться слишком смелым и откровенно «мистичным». Можно подумать, что экстравагантные представления такого рода возникают исключительно у сновидящих, радикально перестроивших свое отношение к опыту, запутавшихся в ярких галлюцинациях. Скептики склонны видеть здесь даже психопатологию, возникшую в результате самовнушенного размывания границ между объективным и субъективным, иллюзорным и реальным.

И все же, как ни странно, «безумная» идея древних толтеков имеет основания в современной физике. Остановимся на этом моменте подробнее.

В 1982 г. группа исследователей под руководством Алена Аспекта экспериментально подтвердила то, что предсказывала квантовая теория, – существование нелокальных связей между элементарными частицами[26]. Эта связь не зависит от пространства, разделяющего частицы, и всегда осуществляется мгновенно. Группа Аспекта обнаружила, что в определенных условиях электроны способны *мгновенно* «сообщаться» друг с другом на *любом* расстоянии.

Значение этого открытия трудно переоценить. Математические выводы, так долго вызывавшие сомнение и даже негодование у сторонников классической парадигмы, нашли подтверждение в эмпирическом опыте.

Казалось бы, какое отношение все это имеет к реальности мира сновидения? Самое непосредственное. Поскольку опыты Аспекта легли в основу *голографической модели* мироздания. Эта модель, разработанная великим физиком XX века Дэвидом Бомом, является наиболее радикальной и в то же время последовательной интерпретацией новых экспериментальных данных.

Когда физики говорят о Реальности как о голограмме – это метафора. Но, надо признать, метафора весьма удачная и влекущая за собой поразительные выводы. Как известно, голографическое изображение (интерференционная картина объекта в поле когерентного излучения) не просто трехмерно, оно содержит исчерпывающую информацию об объекте в каждом отдельном фрагменте голограммы. Пластину с голо-графическим изображением можно разбить на любое количество частей, пленку – разрезать на кусочки, и, тем не менее, каждый осколок, обрезок изображения будет содержать картину целиком. Этот любопытный факт сегодня известен даже школьнику – каждый участок голограммы содержит исчерпывающую информацию об объекте во всей его целостности.

В этом принципе («часть содержит целое») заключен смысл голографической метафоры. В научно-популярных текстах часто пишут что-то вроде «вселенная – это голограмма» и «плотной реальности не существует». Высказывания впечатляющие, но не вполне корректные.

Потому что дело в другом. Мир *не является* голограммой, он лишь *проявляет себя подобным образом*. Физический смысл «голографической парадигмы» заключается в том, что нелокальные связи между микро – и макрообъектами во вселенной осуществляются не с помощью таинственного «агента» (излучения, потока частиц и т. п.), а потому, что объекты *нераздельны*. Квантовое поле мироздания, которое раньше было удобно понимать как математическую модель, эта знаменитая сплетенность, «запутанность» всего во всем есть объективно существующее Бытие – подлинное Единство реальности. Многообразие явлений, процессов и объектов – проекции единственного Поля, которое является фундаментальной сущностью явленного нам мира. Психоэнергетика нашего внимания разделяет поле на части, превращает иллюзию отдельности в энергетический факт, но не способно устранить сущность. Будучи воспринимателями, мы просто *вытесняем* единство из перцептивного поля, и этим делаем его нереальным – но только по отношению к нам. Напрашивается аналогия с Майей, Космической Иллюзией отдельности, но тут важно понимать принципиальное положение, к которому приводит нас теория нагуализма, – «*иллюзия*» *обретает реальность и определяет реальную энергетическую структуру нашего тела и нашего осознания посредством произвольного внимания, активно собирающего мир человеческой судьбы*.

Чтобы избавиться от Иллюзии, недостаточно простого «пробуждения», как провозглашают многие мистические школы. Надо *разобрать и пере-собрать мир энергетическим усилием организованного внимания*.

Итак, по мнению Д. Бома, мы видим частицы раздельными потому, что мы воспринимаем только некий срез Реальности. Частицы, объекты, явления – не дискретные образования, а проекции глубинного единства. Из этого логическим образом следует, что каждая представленная нам перцептивно-энергетическая «отдельность» бесконечно связана с всеми иными «отдельностями». Элементарные частицы, образующие биологическое пространство, нейронные сети нашего мозга сплетены с элементарными частицами других организмов, планет, звезд и галактик. На уровне квантовой Реальности мы проникаем во все сущее, а сущее проникает в нас. Это глубинное взаимопроникновение и взаимодействие устраняет придуманное человеческим тоналем различие между астронавтикой и психонавтикой. За некоторым критическим порогом осознания странствие «внутри» становится

странствием «вовне». Пространственные и временные координаты – тот контекст, в который мы поместили свое осознание, – всего лишь условность, которая превратилась в реальность *нашим* перцептивным, психоэнергетическим усилием.

Наиболее известным приложением голографической модели мира к работе мозга и психики является теория Карла Прибрама. Работы ученого известны, так что я не буду их пересказывать[27]. В нашем случае важно лишь заметить, что сознание, погруженное в энергетический океан квантовой Реальности, изоморфно ему – то есть может также рассматриваться как голографическая структура. Чувствительность нашего энергетического тела универсальна, и принципиальных преград для перцепции не существует. Все сущее потенциально доступно нашему осознанию как для восприятия, так и для энергетического взаимодействия.

Чтобы реализовать эту грандиозную потенциальность, мы нуждаемся в новой системе трансляции. Такой системой может стать режим восприятия и усиление осознания. Проблески обычно скрытых от нас когнитивных и энергетических способностей можно наблюдать в феноменах экстрасенсорного восприятия и иной парапсихологической активности. По причине высокой ригидности психоэнергетической конституции человека, биосоциальной обусловленности его перцептивного мира эти достижения фрагментарны и непредсказуемы. Альтернативный режим восприятия и интерпретации сигналов крайне редко вовлекает в эффективное взаимодействие с внешними полями всю нашу природу целиком. Только мир сновидения может предоставить человеку шанс радикально перестроить его целостность.

Таким образом, сновидение, ведущее в миры второго внимания, есть обретение измененных позиций согласованных перцептивно-энергетических резонансов с недоступными областями единого поля вселенной. Описательная модель нагуализма, согласно которой сместившаяся точка сборки собирает большие эманации Мира и перетягивает в новую позицию не только осознание, но и все тело воспринимателя, больше не кажется совершенно невероятной.

Действительно, то и дело исследователи фиксируют более чем странные явления информационных и силовых взаимодействий человека и внешней среды. Классическая парадигма не объясняет их и, судя по всему, не способна даже в перспективе предложить какое-либо адекватное описание.

С одной стороны, измененные состояния сознания время от времени предоставляют человеку информацию, которая по классическим представлениям *никак* не может быть воспринята. Это стало особенно очевидным, когда экспериментаторы приступили к регулярным исследованиям психоактивных триптаминов, ЛСД и некоторых других психоделиков. Об этом свидетельствуют многие ученые, но более других нам известен Ст. Гроф, собравший богатый фактический материал во время сеансов ЛСД-терапии. Его пациенты точно описывали объекты и явления, не знакомые им в обычном опыте, – биологические виды, с которыми они отождествлялись, строение кристаллов, молекул и прочих «материальных» структур; переживая воплощения в иных временах, сообщали известные лишь специалистам подробности жизни древних народов (детали быта, одежда, обряды), имели видения, включавшие в себя сцены из индийских, китайских и иных мифов, которых они знать не могли. Результаты Грофа неоднократно подтверждали другие ученые, работавшие с психоделическим опытом. Позже оказалось, что многие из описанных явлений могут возникать и без участия психоактивных агентов – в результате дыхательных упражнений и специальных психотехник.

С другой стороны, есть немало свидетельств об энергетических эффектах необъяснимой природы, которые также очень часто связаны с измененными режимами восприятия. Это психокинетические феномены, разнообразные силовые влияния на живые и неживые структуры, стигматы и другие следы на теле в результате контактов с реальностью, которую традиционно считают воображаемой, «иллюзорной». В отдельном ряду стоят необъяснимые исцеления и столь же необъяснимые заболевания, вызванные тем или иным изменением психики.

Все эти многочисленные, хоть и нерегулярные наблюдения с разных сторон демонстрируют явно не-классическую связь сознания и объективной реальности.

Таким образом, у нас все больше оснований считать, что физика сознания не менее могущественна, чем физика привычного мира восприятия, который мы автоматически полагаем «внешней реальностью». Осваивая сновидение, мы вторгаемся в поле объективного Бытия, и странствия «психонавта» с этой

точки зрения являются таким же освоением мирового пространства Реальности, что и межпланетные путешествия, столь возбуждающие воображение человека технологической эры.

Миры второго внимания и безупречность

Кроме того, путь непосредственной экспансии осознания («психонавтики») имеет неоспоримое и принципиальное преимущество. В отличие от технологического развития, этот путь предполагает *целостность*.

Здесь *всякое внешнее достижение есть одновременно достижение внутреннее*, что гарантирует гармонию личностного развития, которая для технологической эволюции человека является необязательной.

Что я имею в виду? Когда Карлос Кастанеда спросил у Нагваля, где находятся миры второго внимания, дон Хуан ответил так:

«В различных положениях точки сборки. Эти положения доступны для магов вследствие движения точки сборки, а не ее сдвига. Путешествия в такие миры могут совершить в сновидении только сегодняшние маги. Маги древности были далеки от них, потому что такие путешествия требуют от магов *великой непривязанности и полного отказа от чувства собственной важности в любом его проявлении*. Старые маги не могли пожертвовать всем этим. Для магов, практикующих сновидение в наши дни, это сновидение является свободой достичь миров, не укладывающихся ни в какое воображение».

Обратите внимание на это условие – «великая непривязанность и отказ от чувства собственной важности в любом его проявлении». За этими словами скрывается большая часть психоэмоционального опыта *безупречности* – «великая непривязанность» невозможна, пока нами движет страх смерти и жалость к себе. Но причем здесь наша внутренняя позиция, совокупность личных отношений к окружающему миру и собственной судьбе, когда мы говорим о странствиях тела сновидения в удаленных мирах? Мы уже привыкли к кастанедовским аллегориям – мол, безупречность позволяет накопить энергию, энергия сдвигает точку сборки, от количества накопленной энергии зависит, как далеко сместится точка сборка и, следовательно, какой мир сновидения будет нами воспринят.

Эти объяснения просты, а модель легко вообразить. Но какая реальность скрывается за моделью? Крайне важно правильно осознать ее, ведь искусство сновидения опирается не столько на технологические приемы, сколько на *качество осознанности* тех процессов, которые обеспечивают перестройку перцепции и силу внимания. Надо постичь и прочувствовать то, что стоит за словами.

Когда мы собираем привычный сенсорный мир со всеми его ограничениями, мы следуем перцептивным шаблонам. Сборка любого мира сновидения также осуществляется при помощи набора шаблонов. Известно, что большую часть паттернов, стереотипов и схем мы выучили в детстве, когда копировали социальное поведение окружающих. Все они возникли и закрепились под влиянием трех базовых комплексов – страха смерти, чувства собственной важности, жалости к себе. Важно заметить вот что: повзрослев, человек не теряет способность к обучению окончательно. Конечно, когда социализация завершилась, он предпочитает бесконечно повторяться, становится монотонным и все более жестким, но *сама способность научиться* чему-то качественно новому *не исчезает*. Человек всего лишь перестает ей пользоваться. И происходит это как раз потому, что страх смерти, чувство собственной важности и жалость к себе вынуждают воспринимателя собирать сенсорные пучки по одному и тому же принципу. Всякое отклонение от шаблона автоматически вытесняется как угроза для человеческой формы. Комплексы не-безупречности стоят на страже; они активизируются всякий раз, когда есть малейший намек на «отклонение от курса».

Таким образом, мы *не можем научиться* воспринимать что-то качественно новое, потому что страх смерти, чувство собственной важности и жалость к себе нам это не позволяют. Энергетическая интерпретация (то, что безупречность позволяет «накопить личную Силу») – это уже результат субъективных ощущений, которые испытывает сновидящий. Неспособность к обучению часто ощущается как бессилие, нехватка энергии. Невольно практик начинает бороться с собственной ригидностью, из-за чего устает еще больше.

Но если безупречность – это не «надежда на совершенство в будущем», а *реальное чувство*, принесшее покой и отрешенность в сегодняшнюю жизнь, то она освобождает от борьбы и возвращает способность меняться, обучаться новым перцептивным навыкам. Приходит великая *непривязанность* к своей форме, к привычному способу видения и понимания, что и открывает проход в миры сновидения.

Чувство собственной важности – это не только эмоциональный комплекс, который так часто ограничивает наше социальное поведение, влияет на реакции, формирует характер субъекта, его симпатии и антипатии, мотивы и уровень притязаний личности. ЧСВ – хитрое устройство, прежде и более всего влияющее на человеческую способность познавать. Оно фильтрует поступающие сигналы, искажает и вытесняет их. Более того, оно как бы помимо нашей воли «решает», *что* для нас близкое и понятное, *что* – чужое и далекое.

Этот навык изначально формировался как *социальный*. Он приближал сторонников, поклонников, подхалимов, преграждал путь соперникам, потенциальным и реальным ненавистникам и врагам. Подробнее о его происхождении и механизме можно прочесть в книге «Человек неведомый: Толтекский путь усиления осознания» (2003). Однако психология восприятия «глобализировала» чувство собственной важности и на ранних этапах антропогенеза превратила обычный инстинкт примата в фундаментальное препятствие на пути восприятия и познания.

Чувство собственной важности делает «чужие и далекие миры» *несуществующими*. Это положение имеет исключительное значение для сно-видящего. Если *наяву* наш тональ привык покоряться неизбежному давлению энергетического поля, в социальной среде играть разные роли (бывает, некоторые из них сильно уязвляют чувство собственной важности), но *при этом удерживать позицию точки сборки* в месте согласованной и ясной перцепции «этого мира» – по умолчанию принятого как базовый, как «универсальная опора», обеспечивающая *выживание* биосоциального организма, то в сновидении и во втором внимании власть чувства собственной важности над восприятием возрастает многократно.

Ведь недаром человек посвятил десятки тысяч лет на всестороннюю адаптацию своего осознания к данному типу энергообмена со средой. Нас нелегко обмануть. И если мы добились снижения фиксации точки сборки до такой степени, что временами допускаем к осознанию качественно иные модели сборки сенсорного поля, обладающие «мироподо-бием», то безусловно понимаем – «мир», который мы посетили, явился *с нашего позволения*. Если этот мир нам чужд, неприятен или враждебен, достаточно сместить точку сборки – и он исчезнет из нашего опыта, словно это не мир, а дурной сон, призрак воспаленного воображения. Зачем же утруждать себя, заставлять себя страдать – испытывать страх, чувство собственной важности, жалость? «Запрет на перцепцию» – самое простое и радикальное решение.

Вот почему дон Хуан заметил, что «такие путешествия требуют от магов *великой непривязанности и полного отказа от чувства собственной важности в любом его проявлении*». Для восприятия чужих и далеких миров нет большего препятствия, чем ЧСВ. Даже страх не связан с таким сильным запретом на восприятие. Во-первых, страх – это всего лишь указатель. Его задача – *показать* воспринимателю *предмет страха* – если не полностью, то частично; дать *представление, общий контур*, чтобы субъект *знал, чего именно* он боится. Страх, если он включается впервые, *обучает*; он предлагает *опыт*. А чувство собственной важности работает более всего в двух направлениях – во-первых, оно *подтверждает само себя*, т. е. повторяется («я имею значение, я важен – подтвердите!»), во-вторых, оно *запретительно* («я *запрещаю себе* видеть или знать, что окружающий мир не считает меня важным»). Поэтому ЧСВ сильно ограничивает восприятие и познание всего нового. Это чувство изначально подозрительно», оно опасается всего, что может ему не соответствовать. Вполне логично с его точки зрения, что *чем восприятие и знание меньше похоже на привычные, тем больше риск* столкнуться с отрицанием тех или иных компонентов собственной важности.

Это не гипертрофированный психологизм, как может показаться. Мы редко осознаем в полной мере, насколько *насторожены* во всякой необычной для нас обстановке. Наяву мы постоянно ограничиваем область воспринимаемого, если озабочены впечатлением, которое должны произвести на других. Это легко проверить: много ли посторонних деталей вспомнит тот, кто пришел на экзамен, на интервью (собеседование), отборочный конкурс или кастинг? Все знают о поразительном сужении восприятия в подобных ситуациях.

Что же касается *сновидящего*, попавшего в тот или иной *мир второго внимания*, то он уязвимее в сотни раз. Если он мало работал над собственной безупречностью, его тональ рефлексивно активизирует как страх, так и чувство собственной важности, что предопределяет и объем, и содержание перцептивного поля. Случайно собранный образ либо элемент из «далекого мира» будет вытесняться практически мгновенно, а это, в свою очередь, сместит точку сборки в более «близкую» и приемлемую позицию.

Из всего сказанного легко сделать вполне практическое заключение: *способность сновидящего воспринимать и постигать необычные для человека перцептивные миры полностью зависит от психологических характеристик его целостной личности*. В значительной степени **психоэнергетические способности познающего субъекта обусловлены зрелостью его психологического мира, его установками и ценностями, которые обеспечивают саму возможность специфического контроля осознания и его саморегуляции.**

Иными словами, это как раз тот случай, когда возможность познавать, обретать Силу и использовать ее по назначению, в соответствии с объективными законами, по которым работает психоэнергетический механизм человеческого осознания, зависит от мудрости и безупречности познающего.

Внимание сновидения и Познание

Мы должны учитывать, что исследование внимания, восприятия и осознания во всех отношениях неизмеримо сложнее, чем опытное изучение любого феномена или объекта, которые существуют *вне* наблюдателя, каким бы странным и непредсказуемым ни казался этот феномен нашему познающему началу.

Ибо внимание и восприятие творят куда более впечатляющие «вещи» – они создают *само поле*, внутри которого Познание становится возможным.

И если мы забываем об этом «чудесно возникшем фоне», то *не понимаем самого главного* – как и почему существует Мир во всех его неисчислимых проявлениях. Почему Беспредельность, океан неопределенностей, где все силы в конце концов уравновешивают друг друга, где даже *локальность* – фикция, потому что любое «местоположение» дано как бесконечность, как волна, живущая вне Времени, явлено нам в качестве структуры со множеством компонентов, как нечто, подлежащее разбирательству и постижению?

Причина *в нас*, в нашей психике с присущим ей вниманием и перцепцией. *Там* возникает форма, «фигура», которую мы стремимся познать. И что бы ни расследовали мы в этом, *нами же* порожденном поле, – атомы, электроны, кварки, поля и волны, квантовые «суперструны» или искривления пространственно-временного континуума, – они всегда лишь изощренные конструкты сознания, столкнувшегося с Непостижимым.

Об этой Тайне нельзя забывать, какую бы область Мира мы ни исследовали. Естествоиспытатель, которого интересуют не поверхностные модели, не комбинации ментальных форм, не исчерпаемые никакими теориями и концепциями (которыми, следовательно, можно разнообразить семантические просторы человеческого ума до скончания времен), а *Реальность, Океан Энергии* и *Существования* вокруг нас, *вынужден быть психологом* в самом прямом смысле этого слова. Ибо так или иначе он приходит *к началу Всего в собственном внимании, восприятии и осознании*.

Поэтому познать собственное внимание и созданное им восприятие – значит познать Всё. Но как это сделать, если внимание, автоматизированное и полностью замаскированное собственными продуктами, всячески убегает от наблюдения? Я вижу только один способ – разорвать связь между вниманием и его предметом, т. е. самим режимом восприятия, который оно привычно «обслуживает».

Этот «разрыв» происходит в *энергетическом сновидении*. Возможно, здесь мы столкнемся с чередой новых, не менее сложных проблем и препятствий (ибо перцептивные поля второго внимания также связаны с вездесущим *наблюдателем*, обусловлены им, пребывают в семантической, эмоциональной зависимости от личной истории субъекта), но сила познания наконец выйдет из вечного мрака и продемонстрирует свою оформляющую Мир активность. Множество парадоксов, сбивающих нас с

толку, включая великий Антропный Принцип, приобретут смысл. *Само-осознание*, пришедшее к человеку через *сновидение*, вернет воспринимаемым явлениям и формам подлинные, но забытые связи.

И тогда, может быть, мы сможем по-настоящему *познавать* – видеть одновременно целостность и разъединенность, Единое и его части, Время и Вечность, Пространство и Пустоту.

Почему бы нет? «Избранные» находили эту Мудрость во все времена. А *сила сновидения* доступна *всем*, как бы ни возмущались последователи мистических иерархий и прочие любители «избранности» Волею вышнего Промысла.

Перцептивные феномены и встречи с энергетическими сущностями

Предметы силы и другие объекты в сновидении

Когда бессмертный зародыш впервые выходит из исходной полости духа, практикующий... никогда не должен говорить с привидениями, которые приветствуют его, но должен неукоснительно держаться правильной мысли... Если практикующий поддастся страху или восторгу, он соскользнет на путь демона.

Лу Куань Юй

Когда сновидец побеждает великую инерцию тоналя, порождающего в сновидении поток галлюцинаций, он встречается либо с *вниманием сновидения* в чистом виде (семантический вакуум – «Свет Пустоты», о котором я уже упоминал), либо привлекает перцептивно-энергетический потенциал *тела сновидения* и входит во *второе внимание*, где его ожидают многообразные проявления внешней Реальности.

То, что я скучно называю «перцептивными феноменами», на самом деле – бесконечное множество разных странностей и чудес. Они воспринимаются как процессы, как явления (иногда космического масштаба), как объекты и предметы, а самые необычные и активные – как нечто «живое», сущности, «потусторонние» организмы или знаменитые «союзники». Невозможно даже перечислить все формы процессов, явлений и существ, с которыми время от времени встречается сновидящий. Поэтому в данной главе я скажу лишь о тех, которые кажутся наиболее любопытными, вызывающими вопросы, сомнения и проблемы.

Во-первых, целые классы явлений и сущностей, воспринимаемых сновидящим, связаны исключительно с характером смещения его точки сборки. По отношению к сдвигу ТС их можно разделить на три категории: а) те, что являются следствием определенного смещения и, соответственно, изменения характера сборки сенсорных сигналов; б) те, что являются провокаторами, т. е. сами вызывают определенный сдвиг точки сборки; и, наконец, в) нейтральные феномены, появление которых, судя по всему, возможно в любой позиции ТС.

В книге «Видение нагуаля» я описал типы неорганических существ, которые к типу смещения точки сборки прямого отношения не имеют. Они в основном нейтральны; единственная зависимость, которую тут можно проследить, это степень «удаленности» точки сборки от позиции дневного восприятия. Некоторые «нейтральные» сущности являются уже в первом мире второго внимания, другие обитают в отдаленных областях перцептивной сборки либо свободно мигрируют по всему диапазону позиций восприятия, обладающих качеством «мироподобия». Чтобы не повторяться, постараюсь об этих сущностях подробно не говорить.

Кроме того, есть общий вопрос, имеющий прямое отношение к характеру сдвига точки сборки сновидящего, – *являются ли сущности и существа реальными энергетическими полями* (*структурами*), *а если да, то в какой степени они могут причинить вред*?

Если *сновидение* исполнено «правильно» и практик осознает перцептивные поля *второго внимания*, то почти все живые сущности, воспринятые сновидящим, являются трансляцией внешних энергетических

фактов (полей, потоков, организмических структур). Существует масса тонкостей, связанных с полнотой и адекватностью восприятия, есть диапазон искажений (иногда довольно широкий), который обусловливает, *как именно* мы «видим» или «чувствуем» явление (существо), но его внешняя природа несомненна.

Подробно рассматривать проблему реальности-нереальности явлений и существ в данном случае не имеет смысла.

Известную степень уверенности придает сновидящему стабильность его внимания, а также сформированность и плотность *тела сновидения*. Заметьте, что множество встреч с ангелами, духами, жителями параллельных миров, высшими существами из «тонких планов» случаются на фоне собственной «бестелесности», когда сновидец забывает о теле, воспринимает себя как однородное сферическое поле или даже как абстрактную точку. Для практика, изучающего *сновидение* нагуалистским способом, «забытье тела» – тревожный симптом. Ведь, как уже говорилось, сборка *внешнего поля* всегда *происходит в комплексе* со сборкой энергетического поля самого *воспринимателя*.

Отсюда следует простой вывод: *чем меньше сновидящий осознает свое тело, тем меньше внешних полей проходят перцептивную сборку*. Из чего же тогда состоит содержание его сновидческого опыта? Несобранный поток сигналов, в котором разнообразно представлены как внешние, так и внутренние стимулы, предъявлено осознанию как аморфное, текучее единство. Любопытно, что в этом единстве регулярно возникают живые персонажи, которые кажутся автономными. И это естественно – ведь внутренний мир сновидящего всегда содержит в себе импульсы и образные их манифестации. Неужели эти импульсы, воплощая часть неосознанных или полуосознанных стремлений, опасений или ожиданий живого существа, тональ станет описывать как абстрактные формы или неживые объекты? Разумеется, нет. Все эти движения, напряжения и флуктуации становятся призрачными героями сновидения. Ну а поскольку несобранная сенсорика извне участвует в потоке опыта, «герои» приобретают обманчивую реальность, «плоть и кровь» из самых причудливых комбинаций сигналов. Эти комбинации часто настолько неожиданны, что мы не можем не верить в объективную реальность пригрезившегося существа.

Сновидящий может легко убедиться в истинности этого положения. Столкнувшись в *сновидении* с сущностью, которая кажется «неорганическим существом», проверьте себя: а осознаете ли вы собственное *тело сновидения*? Грубо говоря, чувствуете ли вы руки, ноги, грудь и т. д.? Можете ли произвольно двигать частями тела? Судя по наблюдениям, недостаточно опытные практики в большинстве случаев пребывают в рассеянности и никакого тела не собирают. Попытайтесь приложить усилие произвольного внимания и вернуть себе плотность. Чаще всего «существа», монстры, «учителя» и проч. под. исчезают бесследно. Если же никакое, даже самое полное осознание тела сновидения не устраняет перцептивный феномен из сновидения, к нему стоит отнестись серьезнее.

Если же практик последовательно прошел все этапы психоэнергетического тренинга, описанные в первой и второй частях книги, то он без труда различит реальность перцептивного феномена, особенно в том случае, если испытывает его *силовое*, т. е. конкретное воздействие. Метод определения реальности довольно прост: если сновидящий, сохраняя тело сновидения *сделанным, может без проблем изменить воспринимаемое поле так, что силовое воздействие сущности исчезнет, значит, он имел дело с продуктом собственного тоналя*. Есть исключения из этого правила, но в рамках необходимой для начинающего сновидца «техники безопасности» они нас не интересуют. Дело в том, что исключения касаются высокоорганизованных и, возможно, разумных структур, которые не интересуются человеческим видом и не заманивают его в свои ловушки информацией, которая кажется нам исключительно важной – либо в «магическом», либо в экзистенциальном смысле. Это редкие экземпляры, не склонные делиться ни знаниями, ни Силой.

В абсолютном же большинстве случаев так называемые «союзники», «неорганические существа» и прочая живность имеют паразитическую природу. Общение с ними может принести некую энергетическую выгоду только на высших уровнях практики (недаром дон Хуан называл эту ситуацию «окончательным сталкингом»).

Почему эти сущности в широком смысле этого слова являются «паразитами» – даже тогда, когда вид их благороден и они якобы готовы бескорыстно делиться своей не-человеческой мудростью?

Это обусловлено последствиями, вытекающими из общеизвестных в нагуализме положений, – положений, подтверждаемых практикой самых разных по типу своей конституции сновидящих.

Поле восприятия, которое становится доступным для энергообмена, – результат поведения точки сборки. Что же касается самого поведения точки сборки (сдвиг, движение, выбор областей доминирующего энергообмена), то оно зависит от нескольких факторов, из которых самыми важными следует считать: (а) *качество безупречности*, выработанной наяву, и (б) технический *навык управления вниманием*.

Причем именно безупречность и обеспечивающий ее сталкинг более всего обеспечивают гармоничность новой ситуации восприятия во внимании сновидения или во втором внимании. Это ключевой фактор, неразрывно связанный с силой и характером личного намерения.

Порой бывает, что технический навык сдвига точки сборки не обеспечен достаточным уровнем безупречности. В таком случае человек оказывается беззащитным. Именно в этой ситуации – обратите внимание! – он чаще всего сталкивается с активными по отношению к нему сущностями неизвестной природы (чаще всего он именует их «неорганическими существами», «союзниками», «эмиссаром»). Я же называю их «неорганическими паразитами», поскольку при любом сценарии знакомства и формирования энергообменных связей они используют его как «пищу» – источник активного и часто беспорядочного излучения энергии.

Если исходить из концепции точки сборки, то понять причину такого положения дел несложно. Когда экспериментатор погружается в сновидение (второе внимание), не избавившись целиком от страхов, агрессивности и прочих не-безупречных психоэмоциональных комплексов, его точка сборки имеет сильную склонность уходить вправо или влево от сбалансированной позиции (на языке Кастанеды, «человеческой полосы»). При этом точка сборки, как известно из практики и концепции энергетического тела, непосредственно связана с «просветом»: чем больше смещается в сторону точка сборки, тем шире открывается «просвет». Стоит «просвету» расшириться до критического уровня, как излучаемая из него энергия привлекает всех, кто стремится ею «подпитаться», – то есть неорганических паразитов.

Многократное повторение данной ситуации формирует устойчивую тенденцию выходить во *второе внимание*, чтобы потерять энергию от контакта с неорганическим существом. Это – *патологическая фиксация*. Практик оказывается в ловушке, потому что «паразит» словно следует за ним по пятам. Разорвать сформировавшуюся связь, уничтожить патологическую фиксацию можно только одним способом – добиться, чтобы безупречность соответствовала «технически» обеспеченной подвижности точки сборки. Часто для этого нужно отвлечься от сновидения на какое-то время и полностью сосредоточиться на качестве осознания наяву. И только после трансформации страха, чувства собственной важности и жалости можно продолжить сновидческую практику. Если тело обрело дурную привычку входить в сновидение небезупречно, на это уходит немало времени.

Некоторые практики возлагают особые надежды на встречу с союзником. При этом они, конечно, исходят из того, что прочли в книгах Кастанеды. При этом мало кто вспоминает, что, во-первых, союзника *надо встретить наяву* (т. е. в *сновидении наяву* – весьма энергетичном состоянии, которого можно достичь только в результате десятилетий упорной работы), а во-вторых – с ним *необходимо вступить в поединок и победить его*. Допускаю, что при соблюдении этих условий контакт с союзником может ускорить прогресс сновидящего. Но если смотреть на вещи трезво, то таких «продвинутых толтеков» – раз-два и обчелся. Я не встречал ни одного. Обычно мы имеем пустые упования на то, что в сновидении явится союзник (или «голос эмиссара) и подарит нам некое «важное знание». По-моему, это все равно что, подобно известному литературному персонажу, ходить по улицам и каждый день надеяться, что найдешь на тротуаре кем-то потерянный кошелек, набитый деньгами. Я убежден в том, что *любое неорганическое существо, специально привлекающее наше внимание в сновидении, всего лишь интересуется, может ли оно вытянуть из сновидца энергию*. Глупо оценивать этот факт с моральной точки зрения. Я уже высказал свое мнение на этот счет в «Видении нагуаля»: живые существа постоянно эксплуатируют друг друга в энергетическом смысле. Так поступают и люди, и животные, и растения. С какой стати «неорганические» создания должны быть исключениями из этого закона живой стихии?

Если же вы не доверяете моему скептицизму – проверьте. К вам зачастили неорганические существа? Сфокусируйте свою практику на безупречности и сталкинге. Обратите специальное внимание на

последовательную и качественную трансформацию страха смерти, жалости к себе, особенно – *чувства собственной важности*. Как только вы добьетесь ощутимого результата в этой области, вы лично убедитесь в том, что больше не представляете для «союзников» интереса. Не странно ли?

Сталкеры и сновидящие: контакты с неорганическими существами в сновидении

Сталкеры и сновидящие контактируют с сущностями по-разному. Казалось бы, сталкер должен встречать их намного чаще, поскольку в бодрствующем состоянии больше настроен на коммуникацию. Логично было бы предположить, что в сновидении сталкер продолжает искать общения с сущностями и существами и потому регулярно с ними сталкивается. На самом деле такой закономерности не существует. А если судить по доступным мне наблюдениям, то, скорее, не сталкеры, а сновидящие чаще встречают что-то живое и пытаются с ним по-своему «общаться».

Основное различие между сталкерами и сновидящими заключается не в том, насколько часто они воспринимают неорганических существ в сновидении, а в самом характере коммуникации и некоторых иных особенностях перцепции и энергообмена.

Но прежде я хочу сказать несколько слов об одном распространенном заблуждении по поводу самой природы этих психоэнергетических типов.

Иногда люди считают себя сновидящими, а не сталкерами просто потому, что *не любят общения*. Они интровертивны, избегают компаний и на этом основании полагают себя сновидящими. Сам дух и настроение сталкинга (как он описан в книгах Кастанеды) их откровенно отталкивает. А ведь экстравертность и общительность – вовсе не главные черты сталкера. Различие между этими типами лежит совсем в другой плоскости. Если уж говорить о коммуникабельности, то человек избегает общества совсем не потому, что он сновидящий. Чаще всего причина замкнутости – вполне психологическая. Это неуверенность в себе, тривиальный комплекс неполноценности, заниженная самооценка, которая может совершенно логически перерасти в тайную манию величия, презрение к окружающим и общую мизантропию.

Когда мы говорим о сталкерском типе, решающими оказываются иные качества психики.

Например, неверно думать, что сталкер – это человек, которому *нравится общение* с другими людьми. Еще меньше его можно назвать «душой компании», весельчаком, любителем поговорить, способным развлекать посредственную аудиторию. Сущность и предназначение сталкера в ином – он использует разнообразные формы коммуникации для *усиления своего осознания* и (или) *смещения точки сборки*.

Сталкер, как правило, относится к людям, испытывая своеобразное любопытство, – он наблюдает, вступает в диалог, совершает поступки как член группы или коллектива, но все это не свидетельствует о его коммуникабельности и тем более пристрастии к эмоциональной погруженности в мир человеческого общения.

Если сновидящий *предпочитает созерцать*, погружаться в созерцаемое (как наяву, так и в сновидении), поскольку именно так у него лучше получается смещать точку сборки, что разнообразит его восприятие, то сталкер *использует* разнообразные *движения собственного или чужого внимания* ради этой же цели. Разница между сталкерским и сновидчес-ким типом заключается, можно сказать, в том, что сталкер психоэнерге-тически более *динамичен*, а сновидящий – более *статичен*. Отсюда и вытекают все особенности их социального поведения.

Ровно в той степени, в какой общение кажется сталкеру *динамичным*, оно ему интересно. И точно так же – в той степени, в какой общение мешает сновидящему использовать статические состояния, он – нелюдим и замкнут.

Динамика подразумевает определенную *манипуляцию* – не в смысле влияния или управления реакциями и поступками других людей, а в изначальном смысле «перебирания вариантов». Поэтому дело вообще не в людях: можно манипулировать предметами и связями между ними, временем и пространством, «абстрактными» последовательностями. Конечный смысл этих «манипуляций» – *произвольная перестройка собственного внимания*.

Социальные образования (группы и коллективы) – всего лишь наиболее удобная среда для такого манипулирования, поскольку человеческая подвижность и вариативность уникальна. Только встречаясь с другим человеком, мы можем выследить такой объем многоуровневой информации и такое разнообразие реакций. Вот почему ни «экстраверсия-интроверсия», «общительность-замкнутость», «конформизм – нонконформизм» не определяют сновидческий или сталкерский тип конституции субъекта. Сталкер может быть конформистом или нонконформистом – это выбор политической и культурной позиции в социуме. В конечном счете сталкеру безразлично, какую маску он носит. Экспериментируя с социальным миром, он может на время стать бунтарем; убедившись, что нонконформистская позиция исчерпала себя и здесь нет ничего интересного для «выслеживания», сталкер может принять статус непримечательного, стандартного человека, как бы «послушно следующего» за большинством.

Иногда возникает ложное впечатление, что почти все сновидящие – нонконформисты, маргиналы, аутсайдеры. Непонятые и не принятые социумом чудаки, эпатирующие обывателей своим безразличием или нетрадиционными взглядами на мир.

Если сновидец потакает себе, пренебрегая даже простыми формами сталкинга, он производит именно такое впечатление. А поскольку время от времени мы встречаемся с таким потаканием, выходит, что общество чаще «не принимает» сновидящих, чем сталкеров. Социум *не понимает* сновидящих, а сталкер, как бы он на самом деле ни относился к окружающим, *кажется* понятным. Такие сновидцы-созерцатели блуждают на периферии общества в качестве нелюдимых, замкнутых, никем не понятых чудаков.

Однако в *мире сновидения* всё меняется. Неорганические существа, видите ли, совершенно не интересуются социальными стереотипами. Когда они вступают в контакт с практиком, их занимает лишь уровень его энергии, наличие либо отсутствие навыков психоэнергетической защиты, сила внимания и осознания, траектория сдвига точки сборки. Этими факторами определяется отношение «сущности» к посетителю.

Для неорганической живности важны качества и способности человека, которые не так легко заметить в их бодрствующей жизни. Однако у сталкеров чаще встречаются черты, которые затрудняют общение с союзниками. Обычно сталкеры быстрее, их энергообмен слишком резко меняет свои параметры (направленность, интенсивность, качество). В конечном итоге они менее предсказуемы в мире второго внимания, чем сновидящие. Их труднее привлечь и очаровать – то, что для «союзников» и им подобных существ является обычной манерой поведения. Правда, самые простые «паразиты» не различают сновидящих и сталкеров, с одинаковым упорством цепляясь к любому, кто окажется в поле их энергообмена.

Так или иначе, практикующий должен иметь в виду, что он может стать жертвой неорганического существа независимо от того, к какому типу он себя относит – к сталкерам или сновидящим.

Неорганические сущности – провокаторы смещения точки сборки

Об этом типе «существ» (структур или потоков неорганической энергии во втором внимании) надо сказать специально. Именно «провокаторы» – наиболее агрессивные и потому опасные в психоэнергетическом отношении объекты. Если другие типы сущностей либо безразличны к человеку, либо их можно контролировать, если сновидец безупречен и добился качественного оформления *тела сновидения*, то энергоинформационная агрессия «провокаторов» бывает настолько явной и бесцеремонной, что напоминает поведение атакующего хищника. Контакт с подобными существами становится серьезной проблемой для практика. Они навязчивы, они пытаются вами манипулировать, они вызывают наиболее яркие и регулярно повторяющиеся восприятия. Думаю, именно эти создания породили вокруг себя целую мифологию, описывающую легионы духов и иных сверхъестественных существ.

«Ангелы» и «бесы»

Когда речь идет о *реальных* энергетических фактах, а не о призраках, сотворенных нашим сновидческим воображением, то исследователь может столкнуться с существами, которые подозрительно напоминают ангелов или демонов. Поскольку мы уже привыкли рассматривать подобные феномены как антропоморфные выдумки древних, мифологические фантазии, сохранившиеся лишь усилиями религиозной метафизики церковников, у трезвомыслящего практика возникают естественные сомнения в адекватности своего восприятия, а порой даже – в собственном психическом здоровье.

О галлюцинациях я говорить не буду. Остановимся на той *Реальности*, что иногда скрывается за подобными явлениями.

Конечно, эти сущности подобны ангелам или бесам не столько *образом*, сколько *функцией*. Как я уже заметил, они относятся к типу «провокаторов» сдвига точки сборки. Что это означает? Их явление не связано с психоэнергетической активностью практика, уровнем его личной Силы, намерением и опытом сновидения. Ни «ангелы», ни «бесы» не являются обитателями определенных перцептивных полей, однако при этом они совсем не пассивные паразиты, блуждающие повсюду в ожидании, когда всплеск излучения, вызванный ошибкой в практике или иными внутренними причинами, притянет их к потенциальной «жертве».

Эти твари весьма активны. Можно сказать, они «не ждут милостей от природы» – приходят сами и предпринимают все, что могут, лишь бы вывести вас из энергетического равновесия. Явление подобных существ лично на меня навевает скуку и тоску, ибо пользы от них никакой, а избавиться от этих упрямцев сложно.

Во-первых, надо заметить, что, как правило, «*ангел*» *и* «*бес*» – *одна и та же сущность*. Более того, сущность наносит практику одинаковый вред, независимо от того, какую «ипостась» она выбирает – ангельскую или демоническую.

Религиозные люди трепетно относятся к явившимся «ангелам», приписывают им разнообразные благие влияния, «советы» (как правило, исходящие из их собственного бессознательного) и часто не замечают, как деформируется их жизнь, как она теряет самостоятельный смысл и ценность, превращаясь в бесконечное ожидание следующего «посещения ангела». Эти «сияющие и благостные вестники» постепенно отбирают у человека волю, делают его пассивным и нежизнеспособным. Взамен они дарят сомнительное блаженство и туманные обещания, которые чаще всего не исполняют.

«Ангелы» эксплуатируют нашу симпатию, наше блаженство, вызванное контактом с ними. Они вызывают привязанность и стремление встречаться с ними снова и снова. Они обещают и улыбаются нам. Их яд – медленный и сладкий, очаровывает, гипнотизирует, заманивает. Они как опиум. Спустя годы, насосавшись энергии, они спокойно удаляются и оставляют того, кто им поверил, в пустоте и отчаянии. Визионеры и духовидцы, очарованные такими «ангелами» и их голосами, превращают свою жизнь в череду несчастий и разочарований.

В ипостаси «беса», «демона» они действуют грубо – атакуют, пытаются запугать, наносят травмы энергетическому телу, угрожают захватить в плен и даже уничтожить. Вот и вся разница между «ангелами» и «бесами». Иногда (по утверждениям отдельных сновидящих) они захватывают в плен и пытаются что-то имплантировать в полость рта (нёбо) или в голову. Могут выступать в роли «инкубов» или «суккубов», имитировать сексуальный контакт в сновидении и использовать для своих целей высокоэнергетичный у каждого человека «канал промежности». Конечно, это фокусы нашего тоналя, пытающегося через данную систему образов сообщить сознанию, что имело место «вторжение» в самые уязвимые и энергетически важные зоны тела. Так или иначе, ангелы и демоны – просто «ловушки». Их цель – обесточить, парализовать практика и выкачать из него все силы.

Реальную гармонию и прогресс приносят не «сущности». Это – результат личной работы практика со своим осознанием. Удачу, гармонию и покой приносит намерение, которое становится доступным благодаря безупречности и тщательному выслеживанию себя. И тогда возникает ощущение, что Мир – твой союзник и помощник. Без богов и ангелов Мир сам поворачивается к тебе нужной стороной, обстоятельства выстраиваются необходимым образом, – короче, судьба соответствует избранной цели.

«Учителя» и «собеседники»

Это особый тип существ, которых можно считать «провокаторами» смещения точки сборки. Природа этих энергетических структур непонятна. Она смущает своим откровенным антропоморфизмом. Невольно возникают предположения, что это некие «странствующие маги» или «духи покойных». С другой стороны, они подозрительно напоминают хитроумных союзников, которые научились использовать близкий нам «человеческий» облик и модели, имитирующие символьно-понятийное общение, – ведь очевидно, что человекоподобие вызывает у нас доверие, а умный разговор способен полностью обезоружить того, кто бессознательно ищет учителя или собеседника. Все эти разговоры и «уроки» – занятие увлекательное и приятное, если бы не одна настораживающая закономерность: в процессе общения «учителя» и «собеседники» каким-то образом (и неизвестно зачем) *отбирают у нас часть осознанности*. Они вовлекают нас в «урок» или беседу, на протяжении которых им все труднее сопротивляться – возникает странное чувство «оглушенности». Окружающее становится смутным, неярким – все внимание уходит на поддержание контакта с незваным приятелем.

Развитие беседы дезориентирует нас до такой степени, что явившиеся сущности начинают казаться продуктом нашего бессознательного. Возможно, это связано с чрезмерной активизацией внутреннего монолога, который ослабляет сознание и сужает воспринимаемое поле. Если же учитывать, что контактирующая сущность пользуется ментальными и языковыми моделями собеседника, то неудивительно, что в какой-то момент начинает казаться, что говоришь сам с собой. Однако не стоит поддаваться этому обманчивому чувству – «собеседник» *может быть реальным*. Единственный шанс определить его реальность мы получаем в первые мгновения контакта, когда беседа или урок еще не начались. Если интенсивность осознания до появления существа была высокой, если сам факт появления воспринят ярко и сопровождается своеобразными *телесными* ощущениями, существо, скорее всего, является отражением некоего пучка *внешних* сигналов.

«Учителя», как правило, дают уроки каких-то манипуляций с энергетическим телом и точкой сборки в *сновидении*, а «собеседники» просто разговаривают, задают вопросы, что-то сообщают или рассказывают. Если верить моему личному опыту, «собеседники» встречаются реже, но они могут оставить сильное впечатление и потом заставить возвращаться в памяти к этим странным встречам и разговорам на протяжении многих лет. Подобные «собеседники» тревожат тем, что ведут речи, касающиеся скрытых аспектов нашей внутренней жизни, и этим также напоминают проекции каких-то образов, порожденных бессознательным. Среди «собеседников» чаще всего встречаются феномены, природа которых мне непонятна. Для проекции тоналя они слишком энергетич-ны и самостоятельны, для реальных пучков внешней энергии – слишком человечны и заинтересованы в разного рода «разоблачениях». Более всего мне запомнились встречи и беседы с неким субъектом, которого назвал про себя «старым китайцем», потому что он был немолодым, невысоким, имел желтоватую кожу. Например, он говорил мне: «Ты хитрый» или «Ты жадный» – намекая на то, как я обращаюсь с известным мне знанием. То рассказывал, как надо себя вести в определенных ситуациях, всегда указывая на подлинные, по его мнению, причины моих действий наяву, – хотя я даже в сновидении не мог согласиться с его толкованием моих мотивов. Так или иначе, «старый китаец» почти всегда выводил из равновесия, заставлял думать и сомневаться. Казалось, он контролировал мою осознанность, в результате чего я ни разу не смог задать ему простой и очевидный вопрос: «А ты, собственно, кто такой?» Из всех сущностей-«провокаторов» он – единственный, о ком я не могу однозначно сказать, был ли он энергетическим паразитом. Остается пожелать вам (и себе) высокой бдительности и наблюдательности при столь странных контактах.

«Лазутчики» и «союзники» в сновидении

Из активных энергетических форм, которые тональ сновидящего интерпретирует как живые, чаще всего приходится вступать во взаимодействие с так называемыми «лазутчиками» и «союзниками». Я лично не уверен, что эти названия хоть в какой-то степени адекватны природе этих сущностей и их роли в мире больших эманаций Вселенной. В книге «Видение нагуаля» (2002) я описывал основные разновидности этих созданий. И по сегодняшний день я считаю их в основном *нейтральными* по отношению к сновидящему.

Однако должен сразу предупредить, что не намерен рассуждать о *тех* неорганических существах, которые описывал Кастанеда. Причина даже не в бессмысленности повторений рассказов Карлоса и не в том, что мне не хотелось бы выступать в роли начетчика и заполнять страницы чужими цитатами. Просто я не имею доказательств, что в собственном опыте встречался *именно* с ними. Поэтому давайте

исходить из того, что сущности, называемые мною *лазутчиками* или *союзниками*, могут отличаться от загадочных и порой грозных явлений, участвующих в эпопее Карлоса Кастанеды.

Именно несоответствия в описании неорганических существ являются одной из причин, по которой рассказы о подобных контактах (воображаемых или реальных) вызывают вполне понятный скептицизм не только у недоверчивых рационалистов, но и у ортодоксальных последователей Кастанеды.

Действительно, *что* называют «союзниками» наши сновидящие? И *чем* от них отличаются те же «лазутчики»? Надо честно признать, что описание существ сновидения, точно соответствующее кастанедовско-му, – редкость в опыте большинства практикующих. Гораздо чаще фигурируют антропоморфные образы, какие-то сгустки черной либо, наоборот, ярко светящейся субстанции, реже – структуры, напоминающие насекомых, а также имитации животных и птиц.

Доказывает ли это, что описанные Кастанедой существа труднодоступны? Или они плод писательского воображения? Не думаю. Скорее всего, мы имеем дело просто с *иной интерпретационной системой* некоторых энергетических фактов второго внимания. Сформировалась она, главным образом, по двум причинам.

Во-первых, суггестивный потенциал «магического описания мира», вольно или невольно транслируемый учителем. Так же, как человек нашей цивилизации на протяжении веков был обучен воспринимать образы *первого внимания* так, а не иначе, Хуан Матус был обучен индейскими шаманами приписывать перцептивным феноменам из «иных миров» вполне определенную внешность, которая нам может казаться слишком экзотической и невероятной. Нагваль, в общем-то, и не скрывал от Карлоса, что передает ему свою систему интерпретаций, признавая, что обучение *магическому описанию мира* было одной из его задач в работе с учеником.

Захватывающая сила «реальности соглашения» даже в обычных ситуациях передачи перцептивного опыта исключительно велика; тем более она велика в том случае, когда субъект, транслирующий описание, обладает непререкаемым авторитетом, искусно пользуется психотехническими приемами, а сама область передаваемого опыта не доступна никому, кроме учителя и группы единомышленников, разделяющих предлагаемое соглашение. Неофит практически обречен воспроизводить предложенные ему шаблоны.

Хочу, кроме того, обратить ваше внимание на то, что сам механизм индукции почти не изучен и многие его аспекты нам непонятны. Ибо формирование перцептивного соглашения далеко не ограничивается языковыми средствами. Во многих случаях речь не участвует в трансляции – главную роль исполняют психоэнергетические резонансы, масштаб которых соответствует личной силе учителя. Само его присутствие, со-участие в перцептивном режиме преобразует характер репрезентаций специфического опыта. Описательная модель толтеков говорит, что инструктор смещает точку сборки ученика в позицию, аналогичную его собственной позиции. Конечно, это лишь «способ говорить», но, поскольку мы не знаем, *что* происходит *на самом деле*, то вынуждены ограничиться этой метафорой.

И здесь мы снова сталкиваемся с общим для человеческого рода процессом. Во «времена сновидения», когда человек переходил из животного осознания в мир первого внимания, видовое описание не было глобальным – оно формировалось внутри племен, и именно шаманы и первобытные мудрецы, будучи главными авторитетами сообщества, были первыми его авторами. Они закрепляли перцептивное соглашение о реальности, санкционировали интерпретации, расставляли по местам явления опыта, налагали запреты на восприятие и т. д. Дон Хуан сыграл в жизни Кастанеды такую же роль.

Во-вторых, на конкретное восприятие неорганических существ не могли не повлиять *психоактивные агенты* – «растения силы». Их участие в формировании мировосприятия и мироощущения было важным фактором в жизни всей месоамериканской цивилизации. Что же касается магического опыта, то здесь психоделики придали визуальному творчеству тоналя поистине грандиозный масштаб.

Эти два фактора – *этнокультурное описание* толтекских магов и *катализирующая психоделия* – объясняют уникальные черты «потусторонних» существ в восприятии Кастанеды.

Пребывая вне этого специфического контекста, сновидящий может лишь констатировать, что в своих странствиях встречает *нечто живое* – способное двигаться, действовать, влиять, а иногда даже

передавать знания. Поскольку современный практик, как правило, действует на ощупь, он должен относиться к перцептивным феноменам такого рода *с большой осторожностью, трезвомыслием и критичностью*.

Лично я называю «лазутчиками» очень простые формы неорганической живности. Они подобны «перекати-полю» – все время мигрируют, странствуют. В тех случаях, когда сновидящий сильно фиксирует внимание на какой-нибудь из этих форм, она может «перенести» его восприятие в один из миров *второго внимания*. На мой взгляд, лазутчики не связаны с миром туннелей и лабиринтов, который в описании Кастанеды является родиной «неорганических существ», склонных захватывать и порабощать наше осознание. Но, будучи неконтролируемыми «скакунами» по энергетическим полям, «лазутчики» могут завести вас в этот путающий зеленоватый лабиринт. Кроме того, в мир туннелей и лабиринтов заводит «голос эмиссара», к которому я испытываю неприязнь. Его путаные речи, переполненные «магическими» намеками, затягивают в себя, как трясина. Слушаешь его и не замечаешь, как мир вокруг «превращается в ад».

Мои визиты в эту малоприятную область всегда были спорадическими и непроизвольными. Поэтому любители «описаний неорганического ада» не узнают от меня душераздирающих подробностей. Могу сообщить лишь несколько деталей.

Во-первых, «мир туннелей и лабиринтов» слишком сложен, плохо подчиняется стабильным схемам интерпретации общечеловеческого тоналя, и потому *в нем торжествует субъективность сновидящего*, когда речь заходит о подробностях, которыми это запутанное перцептивное поле просто переполнено. По моим наблюдениям, например, даже «цвет» туннеля отражает состояние вашего осознания и вашей энергетики.

Если сновидец истощен или напуган, стены туннеля становятся грязно-коричневыми, словно «построены» из ноздреватого камня (какие-то покрытые сажей катакомбы, горизонтальные или ведущие вниз под уклон). Такие «стены» непроницаемы и вызывают отвращение.

Когда сновидец пребывает в хорошем тонусе и настроении, «стены» туннеля преображаются. Они словно отлиты из зеленоватого полупрозрачного стекла. За ними угадывается неопределенное движение каких-то теней – впрочем, в этом нет ничего мрачного и угрожающего.

Скверный тонус и негативное эмоциональное состояние сновидца влияет на перцептивную картину туннелей и лабиринтов – часто у туннеля (темно-коричневого, «ноздреватого») мало поворотов, он не расширяется, а, скорее, постепенно сужается. Высокая осознанность и безупречное спокойствие трансформирует мир в другую сторону – сновидящий воспринимает обширный лабиринт: множество туннелей с многочисленными ответвлениями, ярусы, какие-то «ячейки», перерастающие в «пещеры», из которых, опять же, ведет великое множество ходов. Туннели направлены во все стороны – даже вертикально вверх и вниз.

Когда туннели кажутся зеленоватыми и полупрозрачными, в этом пространстве довольно шумно. Сновидящий воспринимает неразборчивый гул, словно работает электрический трансформатор или разбушевался пчелиный улей.

Из всего это легко сделать вывод, что мир неорганических существ, описанный Кастанедой, расположен в слишком «далекой» позиции точки сборки. Сенсорный материал, который воспринимать получает, наблюдая за этими полями, многомерен и динамичен. Подозреваю, что в этих позициях мы вынуждены привлекать всю мощь своего галлюцинирующего аппарата, чтобы привести поступившие извне сигналы хоть в какой-то порядок. Так или иначе, мы не в состоянии согласовать восприятие со стабильными интерпретационными схемами. Признаться, я всегда стараюсь сбежать оттуда поскорее. Что-то есть неприятное и разрушительное для осознания в этих энергетических полях.

Однако длительные размышления о таинственных мирах Кастанеды могут так взбудоражить воображение сновидящего, что он попадет туда в простом «ясном сне», а не в энергетическом сновидении. В этом случае его опыт вообще не имеет смысла обсуждать, поскольку он полностью построен из галлюцинаций. Для себя я нашел *способ окончательного тестирования реальности* данного мира второго внимания. Реальность сновидения определялась просто: после пробуждения у меня покалывало все тело и во рту оставался характерный (подобный «металлическому») привкус. Если

же практик то и дело попадает в мир лабиринтов и туннелей, но, проснувшись, не имеет никаких особых телесных переживаний, то, скорее всего, он воспринимал туннели и лабиринты собственного бессознательного («лабиринт» – один из частых архетипических образов, при помощи которых бессознательное визуально транслирует свои многочисленные проблемы).

Что же касается «союзников», то этим словом я называю другой тип существ. Они в любом случае кажутся более массивными. Часто «союзники» демонстрируют себя в антропоморфном виде – молчаливые и таинственные незнакомцы с сияющими глазами, обычно смуглые и темноволосые. Иногда они являются в виде «сгустков тьмы», «спрутов» или неагрессивных насекомоподобных существ. Этот тип неорганических структур в основном занимает выжидательную или наблюдательскую позицию. Если они путают, то, как мне кажется, непроизвольно.

«Хранители Порога»

Когда мы говорим о «стражах сновидения» или, пользуясь красивым словосочетанием, придуманным теософами, «Хранителях Порога», термин «перцептивный феномен» подходит сюда как нельзя лучше. Потому что речь идет об иногда ярком, поразительном явлении, которое, тем не менее, относится исключительно к нашему перцептивному аппарату, отражающему *внутренние* психоэнергетические процессы, но не к внешней картинке Реальности, собранной из «больших эманаций» Вселенной.

Дело в том, что любой психоэнергетический праксис протекает неравномерно, и в первую очередь это относится к сновидящим нагуалис-там. Отсюда ведет свое происхождение древняя метафора о «вратах сновидения», «порогах» и, разумеется, стражах, приставленных к каждой области. Энергетический тонус и качество внимания возрастает «скачками». Для сновидящих такой скачок может превратиться в драматическое переживание, если он произошел во внимании сновидения.

Что для нашей целостности обозначает столкновение с подобным скачком энергетики и осознания? Прежде всего – опасность. Потому что каждый шаг в сторону от гомеостазиса нашего вида воспринимается тоналем как угроза выживаемости. С другой стороны, энергетический скачок открывает дверь в обширные пространства, которые никогда не входили в сферу опыта. Они неведомы, а их обитатели (каковые наверняка обнаружатся) – новые враги, соперники, конкуренты, «хищники», которые видят в нас только экзотическую «дичь». С третьей стороны, само переживание энергетического скачка для энергетического тела вряд ли приятное событие. Это потрясение для структур всех уровней – от информационно-энергетических до гормональных, биохимических, соматических.

Все перечисленные факторы дают о себе знать уже *в преддверии* скачка. Существует целый ряд предупредительных систем, которые бдительно охраняют от любых решительных трансформаций, способных изменить наш статус в живой среде, а значит, подвергнуть «излишнему» психологическому и биофизическому риску.

Некоторые сновидящие посредством безупречности и формирования психологической установки на продуктивное самоизменение могут снизить реактивность своих предупредительных систем. Но, к сожалению, не у всех и не всегда это получается.

Тогда происходит следующее. Если сновидящий переживает при ближение энергетического скачка в сновидении или во втором вни-мании, он встречается *с* «*подлинным ужасом*». Как именно его тональ оформит восприятие этого «ужаса», не имеет ровно никакого значения. В любом случае, то, что получится, вызовет непередаваемый страх и мощную реакцию тела (тахикардию, спазмы, последующую бессонницу и многое подобное). Весь адреналин, который может выработать его тело, будет выброшен в кровь за считанные секунды. А тот образ, который сновидящий воспримет в этом состоянии, и есть могущественный «Хранитель Порога», или «страж сновидения».

Если практик не слишком утруждает себя безупречностью и сталкингом и, кроме того, склонен к «застревающему реагированию», «Хранитель Порога» может стать большой проблемой и подлинным препятствием. Всякий раз, когда практик будет приближаться к определенному уровню сновидения, наработанные автоматизмы будут включаться вновь и вновь. Восприятие монстра, поджидающего во сне, будет обогащаться деталями, усиливаться, чтобы защитные реакции не слабели. Иногда (особенно в

юности) «защитные системы» способны опекать нас с такой интенсивностью, что доводят сновидца до сердечного приступа или гипертонического криза.

Решение этой проблемы очевидно и универсально – *трансформация страха смерти*. Только пассивизировав страх, сновидец увидит, что никаких «стражей» нет и никогда не было. Воевать с ними смешно, а позволить им остановить вас – значит потерпеть поражение и навсегда посадить свое сознание на цепь.

«*Страж сновидения*» – *это персонификация вашего страха перед изменением*. В первую очередь, перед изменением режима вашего восприятия, но не в меньшей степени – всякого *изменения жизни вообще*.

Вы боитесь собственного сна? Боитесь собственной жизни? Нет ничего глупее, потому что *самое ужасное, что вы можете сделать* со своим сознанием и своей жизнью, – *вы делаете при помощи этого страха*. Абсурдное занятие.

Защита от «сущностей» в сновидении

Как я уже сказал, мой опыт убедил меня в том, что все эти союзники, лазутчики, демоны, ангелы или монстры – энергетические *паразиты*.

Часть из них к тому же является «провокаторами» конкретных смещений точки сборки: они активно притягивают наше восприятие в свою область, где им удобнее с нами «работать». Именно этот агрессивный и навязчивый тип существ чаще других заставляет сновидца переживать специфические вибрации, рев и грохот – что является субъективным отражением *негармоничного и резкого смещения точки сборки*, вызванного приближением «провокатора».

Многие практики, столкнувшись с подобными сущностями, замечают, что они словно «запоминают» нас и потом пытаются вступать в контакт снова и снова. Этим самым неорганические существа указывают на то, что в нашей защите есть «прореха» и они ее обнаружили. Практика подтверждает простую закономерность – если энергетический тонус сновидца высок, если наяву он максимально безупречен и приучил себя выслеживать любые истощающие реакции, то сущность (к какому бы типу она не относилась) быстро теряет интерес к сновидящему.

Таким образом, повторяющиеся атаки надо рассматривать как диагноз, указывающий на скрытые проблемы, и несовершенство вашей психоэнергетической защиты. Разумеется, в каждом конкретном случае мы находим глубоко индивидуальные причины, которые в общем можно разделить на следующие категории:

1) *Психоэмоциональные причины*

Думаю, нет необходимость расшифровывать, что именно я имею в виду. Так или иначе, это наши «комплексы», неперепросмотренные страхи, надежды, желания. Они могут быть вызваны ранним или поздним импринтированием, особенностями воспитания и социализации, тайной неудовлетворенностью собственной ролью или образом, будучи отголоском далекого прошлого либо настоящего.

Понять, что ваша «прореха» имеет психоэмоциональную природу, очень просто. Неорганические существа откровенно эксплуатируют ваши деструктивные эмоции, буквально вынуждая практика задумываться об этих проблемах и перепросматривать их.

Чтобы изменить сложившуюся ситуацию, необходимо привлечь весь *комплекс мер* по «очистке тоналя»: перепросмотр, безупречность и сталкинг. Занимаясь перепросмотром, сновидец непременно найдет ключевой дефект своей эмоциональной конституции. Но не следует ограничиваться одной вскрытой проблемой – чтобы избавиться от паразитирующих существ раз и навсегда, не пожалейте сил на полную трансформацию страха смерти, чувства собственной важности и жалости к себе. Отрешенность и бесстрастие, отказ от страха и озабоченности, развитая способность выслеживать малейшие проявления реакций, обусловленных комплексами, – все это сделает вас «неинтересным» для любых разновидностей неорганических тварей.

2) *Телесные причины*

О них часто забывают. Энергетические слабости и дефекты на уровне тела могут быть совершенно незаметны наяву, но в сновидении играть заметную роль в привлечении существ и монстров. Обратите внимание на энергетику тела. Для этого есть масса эффективных методик. Их можно брать из традиционной хатха-йоги, из цигун, можно пользоваться некоторыми пассами Тенсегрити. Работайте с телом и наблюдайте за результатами в сновидении. Только так, эмпирически, вы найдете свое слабое место и индивидуальный рецепт «исцеления».

Отбирая упражнения (асаны, движения, пассы), надо помнить, что ваша цель – прежде всего, усилить энергетический тонус самых уязвимых зон: горлового центра, солнечного сплетения, области пупка. Иногда «прорехи» возникают в проекции печени, селезенки или почек – это тоже надо иметь в виду. Реже «проблемной зоной» оказывается область межбровья. «Непорядок» в этой области диагностировать проще всего – это тревожность, эмоциональная неустойчивость, низкий самоконтроль, проблемы с вниманием и реагированием.

Даже стандартный комплекс хатха-йоги может решить многие проблемы, вызванные обычной запущенностью энергетики тела. Универсальным эффектом обладает, например, *ширшасана* (стойка на голове), «поза льва» укрепляет горловой центр, *уддияна, наули, йога-мудра* усиливают основные центры фронтальной пластины кокона (прежде всего, солнечное сплетение, пупок, нижнюю часть брюшной полости).

Одновременная работа над психоэмоциональной и соматической сферой наиболее эффективна. Параллельное усиление тела и психики в большинстве случаев избавит вас от сущностей, домогающихся вашей энергии. Конечно, когда ситуация слишком запущена, придется приложить немало усилий и настойчивости.

«Предметы силы» в сновидении

«Предметы силы» – заманчивая тема для тех авторов, которые спекулируют на магии конкретного, особенно на ритуальной магии и ее многочисленных вариантах. Я вынужден разочаровать любителей оккультной экзотики – техника создания или обретения «предмета силы» наяву довольно сложна, я бы даже сказал громоздка, и требует исключительного мастерства в сфере управления собственным вниманием и психоэнергетикой.

Если же мы говорим об *энергетическом сновидении*, то здесь практик может найти *особую форму* «предмета силы». Чтобы понять, о чем идет речь, надо прежде всего понять, какова функция «предмета силы» в сновидении и его (предмета) природа.

Функция «предмета силы» – служить *аккумулятором* для всех видов энергии, которые сновидящий использует во втором внимании. Диапазон аккумулируемых сил довольно широк: энергия внимания и осознания, энергия перцептивной сборки, психоэнергетические потоки, которые исполняют роль влияющих и транспортирующих агентов, энергия *сделанных* полей самого тела сновидения и т. д.

Смысл подобного «предмета» (объекта, явления, сущности) заключается в том, чтобы *ускорить* сновидящего в тех действиях, которые касаются накопления энергии и ее целенаправленного использования.

Вопреки распространенному заблуждению, сам «предмет» редко является независимым от сновидящего источником (генератором) энергии, Силы. Обычно наш тональ, пользуясь творческой силой сновидения, *автономизирует* некий резервуар собственной энергии. Это не значит, конечно, что «предмет» полностью сотворен самим сновидцем. Во втором внимании можно найти много полей, возникших в результате, например, «*коллективных*» перцептивно-энергетических сил людей-сновидящих, а также, возможно, полей *не-человеческого* происхождения (не обязательно живых, как, скажем, последствия активности союзников или лазутчиков, но и организации, подобные «кристаллам» либо «сгусткам плазмы», – если пользоваться аналогиями из мира первого внимания). По большей части эти структуры – пустые или полупустые резервуары, которые сновидящий может использовать как хранилища для запасов собственной энергии.

Мы поступаем так чаще инстинктивно и бессознательно, чем целенаправленно и осознанно. Этому явлению нашей психоэнергетической предрасположенности мы и обязаны самим феноменом «предмета силы».

Однажды возникнув благодаря нашей энергии, «предмет силы» (как бы мы его ни воспринимали) *всегда остается с нами*. Его невозможно потерять или дать кому-то «попользоваться». Рассказы о том, что сновидящий N «нашел в сновидении предмет силы», а потом оказалось, что этот «предмет» принадлежит кому-то другому – такому же сновидцу или неорганическому существу, – либо выдумки, либо ложная интерпретация каких-то явлений, случившихся с практиком в *мире сновидения*.

Кроме того, есть категория сновидящих, совсем не склонных (или не умеющих) создавать подобные «резервуары». Они никогда не находят никаких «предметов» и в них не нуждаются, поскольку энергетическое тело в их случае использует другие методы аккумулирования и, соответственно, восприятия подобного аккумулирования. Но это – отдельная тема, которую я здесь не буду затрагивать.

Природа «предмета силы» может быть живой или неживой. О том, *как* их интерпретирует перцептивный аппарат (*тональ*), каким «образом» их наделяет, скажу отдельно. Если сновидец пользуется внешним «резервуаром», то им чаще всего являются:

(а) примитивное неорганическое существо, чей уровень организации подобен бактерии, одноклеточному или мелкому растению;

(б) что-то, подобное «кристаллу», или иная неживая структура, способная накапливать энергию.

Образная репрезентация «предмета силы» – это ваша тональная проекция. Поскольку в любом случае природа предмета выходит за границы привычного описания, его перцептивный образ никакого отношения к его *реальной* сущности не имеет. *Живое* может восприниматься как *неживое* и наоборот.

Какие здесь можно выделить характерные черты?

Тональная проекция чаще всего «показывает» воспринимающему что-то, ему как бы «принадлежащее», – предмет одежды, безделушка, для женщин это часто украшение, для мужчин – орудие труда, например «отвертка», либо что-то «ценное» – золотая монета, перстень, старинный пергамент, рукописная книга и т. п.[28]. Иногда *тональ* сновидящего впадает в рассеянность и порождает сюжетные рационализации, «поясняющие», *почему* этот странный предмет вам «принадлежит»: например, его «купила жена», а вы забыли, он достался по наследству от бабушки, его неожиданно подарил друг (учитель) и т. п. В случаях наиболее суженного осознания тональ «скатывается» к самым банальным приемам, типичным для неосознанного сновидения, – предмет превращается в то, что наяву хотелось иметь, купить, достать: от дамской брошки до редкой книги или даже автомобиля. В этому случае отличить его от бесплотной фантазии («Сон – это осуществление желания», как сказал Фрейд) можно лишь благодаря его специфическим проявлениям (функционированию), о которых я скажу чуть ниже.

После пробуждения «предмет силы», если он является *энергетическим фактом* второго внимания, никуда не исчезает. Он лишь «отступает» за порог восприятия, отделяющий *второе внимание* от *первого*, и существует возле сновидящего (внутри его психоэнергетического поля), будучи невоспринимаемым и для бодрствующего воспринимателя *несуществующим*. Тем не менее, если мы не выразили *намерения* отказаться от данного «предмета», он исполняет свои аккумулирующие функции и перераспределяет энергию, поглощаемую телом наяву. Каждый раз, когда практик вновь входит во второе внимание, он находит возле себя «предмет силы», однажды признанный им как его *собственность*. Иногда его перцептивный образ стабилен, иногда он преображается, но в любом случае символически демонстрирует оформившуюся между снови-дящим и предметом связь.

На мой взгляд, именно эта необходимость демонстрации «связи», привязанности, приводит к тому, что так часто «предмет силы» выглядит в сновидении как часть одежды либо как амулет, украшение, которое надо «иметь при себе».

В отдельных случаях, особенно если в роли «предмета силы» выступает мелкая неорганическая живность, его можно воспринять как нечто *съедобное*. Тогда акт *приобретения* выглядит как *поедание*

или *поглощение*. Когда нечто подобное происходит с вами впервые, это может шокировать. (Мне известен такой случай.)

Влияние *энергетического факта второго внимания*, используемого вами в качестве «предмета силы» и *стабильно выражающего себя* в виде *конкретного символа* (предмета или, что бывает реже, мелкого животного – жука, белки, котенка и пр. под.), часто использует поле вашего дневного восприятия для «напоминания о себе». Сновидец то и дело сталкивается с чем-то подобным, иногда удивительно похожим – находит на улице камешек или монетку, видит это в витрине магазина, на экране телевизора, слышит в разговоре приятелей или прохожих, читает о нем в «случайно» подвернувшейся под руку книге и т. д. Это и есть те знаменитые *синхронистичности*, которые открыл Карл Юнг.

Иногда возникает ложная иллюзия, будто напоминающий предмет или синхронистичность можно использовать так же, как вы пользуетесь «предметом силы» в сновидении. Хочу предостеречь от подобных заблуждений. Психологическое влияние таких совпадений и «имитаций» неоспоримо. Иногда, на волне вдохновения и энтузиазма от встречи с *синхронистичностью*, мы действительно творим удивительные вещи. Но не думайте, что «предмет силы» – это что-то, *действительно* существующее в первом внимании. Это лишь тени, отражения, напоминающие о нашей *целостности*. Энергетическое поле, исполняющее роль «предмета силы», всегда *возле нас*, и его Сила принадлежит нам *независимо* от того, обнаружили мы или нет что-то, напоминающее его образ в первом внимании.

В том, что функционирование «предмета силы» обусловлено *внутренней* энергией самого сновидящего, убедиться просто. Чаще всего мы способны ощутить его работу кинестетически. Давая сновидцу большие возможности и фокусировку осознания, «предмет» словно перетягивает на себя энергию кокона и излучает ее через «просвет» (центр пупка). Не только в сновидении, но и наяву мы можем почувствовать эти концентрации полей – в области пупка чувствуется давление, жар, характерный спазм, характерное чувство «вытягивания» наружу.

Все сказанное выше подтверждает известную опытным практикам истину – энергия, которая содержится в так называемом «предмете силы», является всего лишь формой, которая воспринимается тоналем сновидящего как максимально удобная в инструментальном смысле. А Сила, которая содержится в этих мистических «артефактах сновидения», в той же мере принадлежит внешнему энергетическому полю, в какой она принадлежит *нам самим*. Этим и объясняется давно замеченная закономерность: *если у сновидящего Силы нет, то и* «*предмета силы*» *в сновидении ему не найти*.

Видение и странствие сновидящего

Бытие в своей проявленности должно быть
расщепленным – таково наше восприятие.
Вне расщепленности для нас просто ничего нет.

В. В. Налимов

У него нет ни формы, ни признаков, нет
корней, нет истоков, нет места обитания,
но при этом он стремительный и бодрый.

Линь-цзы

Странствие сновидящего по мирам *второго внимания* либо транслируется тоналем в виде бесконечной галереи сцен, образов, пейзажей, невоспроизводимых сочетаний сенсорных сигналов, где в тайфуне синестезии сплавлены невероятные перцептивные поля, либо воспринимается в принципиально ином режиме восприятия – *видении*, о природе которого и формах его практического проявления я скажу особо.

Кастанеда, рассказавший читателям о «вратах сновидения» как бы из уст дона Хуана, смутил умы тех сновидящих, которые научились время от времени посещать иные перцептивные миры. До сих пор не

утихают споры и по поводу самого определения «врат», и о том, кто может считать себя преодолевшим «первые (вторые, третьи) врата сновидения».

На мой взгляд, во многих случаях разговоры о вратах сновидения не имеют особого смысла. Энергетические скачки, переходы с одного уровня перцептивной сборки на другой, превращения и уплотнения тела сновидения – все это может быть описано без привлечения метафоры «врат» и их «преодоления».

В чем суть эволюции сновидящего, к чему сводится смысл его *странствий*? В конечном итоге речь идет о том усилении осознания и качестве перцепции, которые постепенно помогают отделить продукт сборки внутренних эманаций от потока внешних сигналов, увести внутренний продукт на периферию внимания, где он будет минимально вмешиваться в упорядочивание внешней перцепции, перестанет навязывать собственные содержания и отношения в виде потока образов и этим дезориентировать воспринимающего субъекта в энергетических полях второго внимания.

В процессе сновидческого усиления осознания и восприятия мы проходим несколько стадий. Можно называть их «вратами», «порогами», «ступенями» и т. п. Лично я предпочитаю не называть никак.

Первая стадия – это активизация («включение») самого *внимания сновидения*, когда восприниматель овладел деланием самого внимания как процесса перцептивной сборки независимо от предложенного опытом характера и объема воспринимаемых сигналов. Здесь практик открывает, что способен пользоваться упорядоченной перцепцией даже в том случае, когда его психика покинула привычное перцептивное поле, а наиболее информативные органы чувств либо отключены, либо сильно заторможены.

Вторая стадия – это активизация *тела сновидения*. Структуры и модели, которые «включаются» благодаря характерной организации воспринимаемых сигналов перцептивно-энергетическими паттернами сновидческого тела, наделяют внешнее поле определенными чертами «мироподобия». Пучки собираются в определенном порядке, имитируя пространство, в котором расположены «объекты» и появляется возможность совершать действия, «перемещаться».

На этой стадии могут существовать многочисленные подуровни, каждый из которых соответствует силе и ясности вашего внимания, качеству используемой перцептивной энергии. Активность галлюцинирующего аппарата пульсирует так же, как концентрация самого внимания. Каждая схема, используемая для организации внешних сигналов, вызывает симметричный внутренний продукт, который стремится к *экстери-оризации*, «воплощению» в качестве ряда образов (визуальных, аудиальных, кинестетических) и дальнейшей экспансии, чтобы заполнить большую часть воспринимаемого поля.

Если сила внимания и осознания у сновидящего недостаточно высока, внутренняя продукция тоналя может успешно замещать те незначительные и плохо структурируемые объемы внешних эманаций (сенсорных пучков), которые в первое время доступны осознанию сновидца. В этом случае тело сновидения у практика формируется фрагментарно, а его реальная подвижность и функциональность равна нулю. Его странствия по мирам сновидения – по большей части, самодельные сюжеты, фантазии и мечты. Когда происходит всплеск осознанности, он разочарованно отмечает, что на самом деле существует в виде неподвижной и бессильной проекции неподалеку от спящего физического тела.

1 Однако регулярная тренировка и несгибаемое намерение через какое-то время приносят плоды. И тело сновидения становится наконец стабильным, сильным, способным отличать внутренние сигналы от внешних, что открывает сновидцу возможность *реальных* странствий по миру сновидения.

И только тогда он встречается с внешними энергетическими барьерами, которые отражают объективные затруднения в перестройке (трансформации) тела сновидения, поскольку качественно новое перцептивное поле для своего восприятия требует адекватной конституции тела самого воспринимателя. На этом уровне каждый новый мир второго внимания – психоэнергетическое достижение, момент Трансформации, количество которых в конце Пути должно перейти в радикально новое качество нашей целостности.

Неизбежное и значительное усиление собирающего внимания, увеличение его объема и интегрирующих возможностей в качестве впечатляющего, почти «сверхъестественного» эффекта позволяет практику достичь *дубля*. Наконец, экстремальный энергетический скачок собирающего внимания позволяет ему «проснуться» в позиции сновидения – иными словами, осуществить *тотальную телепортацию*.

Что из всего вышеперечисленного можно назвать «вратами сновидения»? Не знаю. Где начинается приближение к вратам, где заканчивается их преодоление – думаю, это все туманные и не очень важные для *реальной* практики вопросы. Вот почему я в своих работах обхожусь без специальных интерпретаций дон-хуановской аллегории. В ситуации восприятия иных миров нам куда важнее осознать, что же такое подлинное *понимание*.

О ПОНИМАНИИ И ПОСТИЖЕНИИ ИНЫХ МИРОВ ВОСПРИЯТИЯ

Есть два, казалось бы, противоположных высказывания по поводу понимания. Оба эти высказывания я уже цитировал в разных книгах. Настала пора попытаться указать на их роль и значение в *реальной* познавательной ситуации. А что такое *реальная* познавательная ситуация? Это когда осознающий воспрниматель встречается с *принципиально новым* опытом, к которому нельзя применить обычную комбинаторику нашего интеллекта, складывающего мозаику из известных ему элементов, – будь то перцептивные шаблоны или ментальные конструкции.

Даосы говорили: «понимание – это *порыв бытия*, а не разум». Они на собственном опыте открыли, что разум не понимает, а создает интерпретации, которые вызывают ложное чувство понимания, имитируют его. С другой стороны, Гордон Оллпорт, выдающийся ученый XX века, сказал: «Понимание есть апперцепция стереотипа как такового». Исследуя психологию мышления, он увидел, что понимание – это *предвосхищенное узнавание* уже существующего в уме стереотипа, модели, паттерна. Речь идет о двух сторонах одного и того же процесса.

Даосы акцентировали описание на самом моменте нового постижения, а современный психолог указал, что разум ассимилирует новое и превращает его в стереотип. Вот почему понимание – это «порыв бытия, а не разум»; но разум *не способен узнать* понимание, пока не испытает «апперцепцию стереотипа».

Познавательная ситуация для человека была бы неразрешимым парадоксом (ведь «новое» и «стереотип» – явления противоположные, и никакой компромисс между ними невозможен), но мы способны к обучению новым стереотипам. Здесь и находится решение.

Каждый перцептивный акт, собирающий незнакомые миры второго внимания, содержит в себе обучающий потенциал. В какой степени мы им воспользуемся – другой вопрос. Мы вполне способны проигнорировать порядок сборки и вернуться к стереотипу, вытесняя огромные массивы сенсорных данных, не вмещающиеся в его прокрустово ложе. Это будет понимание «по-оллпортовски». Можем, наоборот, сосредоточить осознание на целостном потоке Иного и почувствовать «порыв бытия», о котором говорили даосы. Во втором случае разум займется поиском новых порядков – организованностей, которые неминуемо станут «стереотипами» при каждом последующем узнавании. И тогда наша способность *понимать* обогатится.

Разумеется, даже во втором, более благоприятном случае *реальной* познавательной ситуации мы не станем обладателями прилагающегося к пониманию «набора» транслирующих инструментов. Ибо инструменты даны языком, а язык – творение базового режима перцепции, совокупности инвариантов, на почве которых возникает «конвенциональное описание». Однако *в сфере личного, интимного постижения* возникнет *новое* знание и, соответственно, *новая* способность. Для трансформанта это главное условие психоэнергетического прогресса, обеспечивающее саму возможность реального познания «иных миров» и «иного себя».

Другое дело – *безмолвное знание*. Оно касается таких масштабов Реальности и осознания, которые не могут быть оформлены *никаким меншальным стереотипом*. Странствуя по мирам, мы регулярно сталкиваемся с ним. Безмолвное знание остается тем фоном, где две бесконечности (Я и Мир) проникают друг в друга. То, что подобное знание нельзя описать, передать, превратить в семантическое поле, вовсе не значит, что оно бесполезно. Само по себе это знание исключительно прагматично – хотя

бы потому, что никаким другим способом выразить себя в пространстве наших действий не может. Оно не было и никогда не будет «теорией»; более того, оно не способно быть даже символом, даже мифологемой, так как относится к ним как бесконечно далекий «прародитель».

Зато в непосредственном действии сновидящего, когда концепты и предшествующие концептам смыслы отступают, безмолвное знание *определяет всё*. Действуя, мы не пребываем в формализованном поле, где царствуют теоремы, а потому всегда есть неучтенные элементы, рассматриваемые интеллектом как периферия событийного поля. Когда мы действуем, мы автоматически выходим *за* пределы ментальных проекций – здесь периферия имеет такое же значение, что и центр (поле опыта просто не делится на «центр» и «периферию»). Даже голографическая модель, будь она доступна ограниченному человеческому тоналю, не исчерпывает актуальной для нас Реальности. Лишь безмолвное знание всегда содержит то, что приводит нас к единственно верному способу действия. Только в нем преодолевается «изображение» (составляющее суть нашего опыта) и Реальность равна самой себе. *Презентируемое* равно *презентации*. Все отношения между объектами, между Я и внешним полем, свернуты и приведены в тождество[29].

Так мы познаем миры второго внимания, осваиваем их и движемся дальше.

Видение и его роль в сновидческой практике

Странствия сновидящего рано или поздно приводят к *видению*. Поскольку именно этот уникальный режим восприятия во многих случаях помогает точно определить, *перемещается* сновидящий по мирам или только галлюцинирует, он крайне важен.

Описать ***видение*** невозможно. Прежде всего, по той простой причине, что содержание *видения* совершенно не умещается в наборы перцептивных моделей и штампов, составляющих содержание используемого нами *описания мира*. С одной стороны, оно бесконечно богаче любого тонального восприятия, потому что включает в себя пучки и потоки сигналов, не достигающие осознания человека, пребывающего в рамках перцептивной картины, которая сформировалась в результате нашей эволюции, – базового режима перцепции (первого внимания) либо альтернативного, но допускающего аналогизацию сигналов и их комплексов (второе внимание). С другой стороны, видение «телесно» и «целостно» – поскольку в этом состоянии сигналы либо равномерно распределены по перцептивным модусам (визуальный, аудиальный, кинестетический и т. д.), и это делает невозможным идентификацию вос-принимаемого согласно структуре, опирающейся на сенсорные модальности, либо свободны и «хаотически» перемещаются из модальности в модальность, при высокой скорости провоцируя различные синестезии, в более медленных случаях – вызывая странные впечатления «видения в одном многого» (один и тот же пучок сигналов дрейфует то в пределах визуальных интерпретаций, то слуховых, то осязательных, каждый раз формируя как бы «новое» восприятие, хотя мы контактируем с одним и тем же энергетическим фактом).

Содержательное описание *видения*, таким образом, почти невозможно. Любые попытки его описать сопровождаются столь значительными искажениями, так далеки от реальной сути явления, что лишь сбивают с толку читателя. Поэтому мы можем говорить лишь о *перцептивно-энергетических предпосылках*, условиях, вызывающих *видение*, а также *о специфике самого механизма*, лежащего в основе феномена.

Видение – это уникальный феномен. Природа его, казалось бы, однозначно относится к восприятию, но если исходить из классического понимания восприятия, то ***видение*** невозможно. Иными словами, это *преодоление невозможности*. Если угодно, мы можем назвать его ***трансперцептивным феноменом***. И вот почему.

Как известно, восприятие отличается от ощущения своей организованностью, обеспеченной вниманием. Восприятие – это результат ограничений чувствительности, вытеснений и вычленений, ослаблений и усилений сенсорных сигналов, следствием чего становится реализация гештальтов и глосс. Перцепция устанавливает порядок в сенсориуме согласно описанию, создает изображение и наделяет его смыслами. Совершенно ясно, что восприятие требует вполне определенных усилий и психических условий: дифференцирующего внимания, внутреннего диалога, вовлеченности инвентарного списка тоналя. Все это входит в нормальное состояние сознания.

Однако ситуация, в которой реализуется ***видение***, в ряде отношений прямо противоположна «нормальному состоянию». Его предпосылкой является *максимально рассредоточенное внимание* – не-делание восприятия, а триггером – глубокая остановка внутреннего диалога. Инвентарный список тоналя в этом случае максимально дистанцирован от потока сенсорных впечатлений, ибо без такого дистанцирования остановка внутреннего диалога просто невозможна. Если мы не прилагаем специального намерения сохранить осознанность, культивирование данных условий «выключает» не только восприятие, но и всякое самосознание. Это – «*нуль перцепции*», автоматически переходящий в сон без сновидений.

В случае ***видения*** мы имеем парадоксальное состояние, которое я и назвал *преодолением невозможности*. Восприятия быть не должно, но оно есть. Напряжение, вызванное прямо противоположными установками, – *сохранить осознание* и пребывать в состоянии *тотальной остановки интерпретации*, – разрешается неожиданным и непостижимым для разума способом. Напряжение намерения выводит нас из неразрешимого противоречия за пределы двух полюсов, *трансцендирует*, и мы оказываемся в новом, принципиально неизвестном качестве – новом модусе осознания.

Очевидно, это следствие интеграции, но *способ* интеграции остается формально непонятным. Предположительно, это возвращение к **первичным структурам –** даже не к архетипам восприятия, а к «атомам» архетипов. Визуальная трансляция воспринимаемого приходит к своей основе – точкам, линиям, «сеткам» и «спиралям». Сила светимости этих начальных форм оказывается единственной характеристикой, в которую «свернулись» многочисленные дискретные качества, возникшие в процессе эволюции описания. Критерии формального различения сводятся к совокупности первичных форм и остаются на этом уровне, предшествующем началу анализа и синтеза воспринимаемых сигналов.

Можно подумать, что это – примитивность, экстремально приближенная к хаосу. Особенно если учесть принципиальное отсутствие статичности явленных форм: они превращаются друг в друга, распадаются и вновь собираются, отражая подвижное взаимодействие самого осознания и пересотворяющейся каждый миг Реальности. Хаос, «первичный бульон», *materia prima*, еще не *ставшая*, но лишь *становящаяся*. Логично предположить, что это неконструктивное состояние, своего рода «перцептивная олигофрения».

Однако осознание в этом «архаичном» поле не деградирует, напротив – оно качественно возрастает. И это тоже парадокс, видимо, связанный с тем, что мы не возвращаемся вспять, а *превосходим себя*. Царство тоналя не рушится, а воссоединяется со своим истоком. Отдельные смыслы, организации и структуры, весь массив тональной продукции неявно участвует в соприкосновении осознания с «распавшимся» на элементарные частицы Миром. В результате возникает удивительная объемность, в которой одновременно существуют все доступные опыту уровни – от космического Хаоса до высшей организованности дискретного мира.

Этот объем, эта недостижимая ранее целостность дает Знание. Возвращаясь в режим выбранной структуры, в присущую человеку *отдельность* субъекта, мы сохраняем опыт обретенной перспективы и действуем с новым пониманием. Невидимое вторгается в жизнь, Целостность входит в Отдельность.

На практике это мгновенные переходы, «переключения фокуса», которые в состоянии идеальной безупречности и тотального сталкинга могут даже не прерывать потока *видения*. Точнее, сам акт прерывания интегрируется в поле видения и управляет им. Передать это словами невозможно, поскольку языка для интегральных состояний такого масштаба не существует.

Как в сновидении, так и наяву неизменной (хоть и не всегда осознаваемой) предпосылкой ***видения*** является *обнаружение* «*фона*». В бодрствующем состоянии «фон» обнаружить проще, поскольку он прошел через все манипуляции воспринимающего аппарата. Иными словами, «фон» был сначала воспринят как совокупность сигналов, тональ попытался его собрать как одну или несколько значимых «фигур», оценил его как нечто малозначительное для воспринимающего и, кроме того, обладающее однородными чертами, из-за которых его трудно удерживать в центре произвольного внимания. В результате произведенных операций тональ приписывает данному сенсорному полю значение «фона», уводит его на периферию внимания, полностью или частично вытесняет из сферы ясного осознания.

Поскольку сам принцип ***видения*** подразумевает высокую интеграцию всех сенсорных полей, отражающих окружающий нас океан эманаций, «фон» надо вновь обнаружить и вернуть ему

перцептивную значимость. То есть остановить процесс автоматического вытеснения сигналов, которым тональ приписал статус «фона».

Наяву практик использует комплекс методов, которые, на первый взгляд, прямого отношения к ***видению*** не имеют, – сталкинг, перепросмотр со специфическим осознаванием дыхания, не-делание, остановка внутреннего диалога.

Обратите внимание: в книгах Кастанеды дон Хуан неоднократно утверждает, что его цель – научить Карлоса *видеть*. При этом никаких техник, непосредственно направленных на вызывание *видения*, учитель не дает. Зато он постоянно говорит о безупречности, сталкинге, остановке внутреннего диалога и т. п. Так и должно быть. Потому что техники самого *видения* не существует; зато есть масса приемов, которые создают условия для включения *видения*. И все эти приемы (перечисленные выше), помимо усиления осознания, последовательно ведут к тому, что я назвал обнаружением «фона».

Не-делание, остановка внутреннего диалога, сталкинг и перепросмотр – все это наяву приводит к открытию (или, можно сказать, *вспоминанию*) **внутреннего пространства,** стоящего за психическими движениями. В ряде отношений это – *вспоминание целостности*. Поля восприятия, эмоциональные и полубессознательные силы, от века пребывающие «в тени», на периферии осознающей себя человеческой психики, вновь становятся равноправными объектами нашего внимания. Распространяя присущую нам алертность по этому обширному пространству, мы входим в специфическую позицию восприятия, которую можно назвать разновидностью «деконцентрации». Мы постигаем слишком много, воспринимаем больше, чем способны структурировать, следуя привычным схемам описания мира. Разнообразие подпороговых, периферийных сигналов, которые наш тональ вычеркнул из главного потока восприятия и автоматически поместил в темный угол под названием «фон», возвращает свое природное право на *ясную осознаваемость*. А там, надо заметить, много всякого – противоречивого, загадочного, наделяющего человека новым смыслом и новой перспективой.

Все это требует иного типа согласования, а потому – смещает точку сборки, чем вызывает отрешенность и бесстрастие, схожее с «безупречностью воина», и в конечном счете – приближает практика к *сновидению наяву*, где усиленное и измененное восприятие вовлекает массу психоэнергетических сил, которые принято считать «паранормальными». Таким образом, «магия» и ***видение*** наяву неразрывно связаны, будучи, по сути, проявлениями одного и того же трансформационного процесса, меняющего все энергетическое тело человека.

Обретенный навык иного согласования психоэнергетических полей (как перцептивных, так и эмоциональных, когнитивных, наконец рефлексивных) может вызвать видение как наяву, так и в сновидении. Кому-то впервые это приходит наяву, кому-то (как мне) – в сновидении. Но сам навык, само усилие и намерение – идентичны. Если первый опыт ***видения*** возник в сновидческом созерцании, то он возможен и во время бодрствования. Потребуется лишь некоторое время, чтобы осознать, *что* и *как* вы делали.

Благодаря ***видению*** вы узнаете об удивительном, казалось бы, положении – первое и второе внимание отличаются друг от друга *только тем, как* они представляют (репрезентируют) феномены Мира. В близких позициях точки сборки сама воспринимаемая Реальность практически **одна и та же.**

Это весьма странно, особенно поначалу. Но *интегрирующий* режим сновидения наяву все расставляет по местам. И действительно – странно обнаружить, что «порыв ветра» или какой-нибудь «лишайник» на дереве во втором внимании транслируется как «лазутчик». Начинаешь иначе понимать, *почему* мексиканский шаман Хуан Матус называл какой-нибудь куст дурмана «союзником» или утверждал, что в «водяной дыре» живет «дух», требующий почтения.

Если исходить из моего опыта, ***видение*** в сновидении достигается проще. Правда, здесь возникает ряд иных трудностей – например, проблема с сохранением должного уровня контроля и алертности. Но если сновидящий научился качественно стабилизировать внимание сновидения, то, пользуясь новым типом перцепции, он здесь может узнать много больше, чем наяву, где тело стремится вернуть нас в базовое состояние, пользуясь древнейшими рефлексами млекопитающего.

Поскольку я изначально хотел понять, как устроен Мир, то сразу же сфокусировал ***видение*** на тех моментах, которые казались в этом свете принципиальными – например, на том, как относятся между

собой первое, второе и третье внимание, а главное – возможно ли третье внимание вообще и чем оно на самом деле является?

Мы обязаны относиться к любым перцептивным феноменам скептически, поэтому я расскажу совсем немного – и только то, что получает хотя бы косвенное подтверждение в процессе всего комплекса исследований.

Итак, первое и второе внимание подобны. Они могут отличаться друг от друга способом репрезентации воспринимаемого и областью, на которой сосредоточено воспринимающее внимание. Важнейшее различие, которое существует между первым и вторым вниманием, касается не воспринимаемого Мира, а того, какие возможности каждый из этих режимов восприятия предоставляет *для работы с собственным телом*. В этом смысле второе внимание – поистине революционный шаг. Через *делание* тела сновидения, *осознавание* перцептивно-энергетических полей и паттернов мы находим множество путей влиять на свое тело, корректировать и трансформировать его. Несмотря на то что наибольшая свобода видится нам в способностях воспринимать и перемещаться, смысл сновидческих странствий все-таки заключается в произвольной сборке, разборке и пересборке энергетического (а значит, и «физического») тела воспринимателя.

При этом общий объем первого и второго внимания тоже примерно одинаков. Впечатляющие различия между ними связаны *не с объемом*, а с *характером распределения* произвольного внимания.

И только *третье внимание* ведет к радикальному увеличению объема. Видение есть интегрирующий перцептивный процесс, который, с одной стороны, создает предпосылки для достижения третьего внимания, с другой – обеспечивает саму его возможность. Это все равно что перейти на другой «язык», где каждое слово содержит мегабиты информации, где линейность и даже мерность знакового пространства – только один-единственный символ в семантической вселенной, которая содержит мириады символов, объединенных в невообразимые поля и структуры. Именно так второе внимание переходит к третьему.

Видение намекает на то, *как* осознание может пройти через столь грандиозную Трансформацию. Здесь мы встречаемся с первым этапом перцептивной, семантической, полевой интеграции, благодаря чему и возрастает ранее неизменный объем доступного внимания.

Здесь у нашего тоналя возникают настоящие проблемы – что-то в нем должно радикально измениться, чтобы более масштабное осознание стало ему доступно. Лично у меня тональ очень долго не справлялся с прорвавшимся потоком сенсорных сигналов. Он вытеснял все, что выходило за рамки привычного объема, – и «забывал».

Например, усилив свое внимание и осознание, человек способен спорадически получать доступ к сенсорному полю, удаленному от его физического тела. Можно сказать, что это – кратковременное и бессознательное достижение «дубля». Однако с усилением осознания воспрниматель может фиксировать подобные флуктуации восприятия, не забывая о них (т. е. не вытесняя их в бессознательное). Эти явления приходят вместе с первыми всплесками видения. Их можно назвать «экзотической редкостью» (по крайней мере, на первых порах), но здесь заключается важный урок, касающийся природы нашего осознания. Скажем, когда мы осознаем «удвоенное» поле восприятия не как две чередующиеся области, а *именно как интегральное целое* (что соответствует реальному положению вещей), тональ буквально «захлебывается» и стремится вытеснить это переживание из памяти.

Но именно здесь, в этом интегральном состоянии, содержатся все ответы на, казалось бы, «неразрешимые» вопросы пространства и времени. Здесь мы открываем, что пространства и времени не существует, – и это не метафизическая идея, а конкретный чувственный опыт. Осознание позиционирует себя «над» пространственно-временными координатами и этим устанавливает свою онтологическую Реальность. Оно с изумлением «узнаёт» о себе, что является главным регулятором, *метапроцессом*, который обусловливает все энергообменные процессы, а потому сам производит пространство-время и наделяет его свойствами в соответствии со своими потребностями. Поэтому, когда говорят, что энергетическое тело *растягивается*, чтобы соединить в одно две позиции («дубль» и «оригинал»), это – метафора, очень далекая от реальности. Пока мы пребываем в описании мира, нам очень трудно вообразить себе, что энергетическому телу *негде* растягиваться, поскольку никакого расстояния между двумя позициями восприятия (или областями осознания) *просто не существует*.

Перцептивные и интеллектуальные концепции «пространства», «объекта», «субстанции», исполняющей роль агента, связующего либо разделяющего «объекты», – результат сужения осознания, его редукции до некоторого среза, плоскости, внутри которой мы привыкли реализовывать только один тип энергообмена, ставший основным в процессе конкретной эволюции биологических структур.

Видение, языковая модель и Знание

Помимо того что ***видение*** – это первый шаг к психоэнергетической интеграции, выражающей себя через восприятие, той самой интеграции, которая является *фундаментальной предпосылкой достижения* в будущем *третьего внимания*, оно в сегодняшней практике выполняет как минимум две насущные задачи: 1) *видение* является показателем возрастающего уровня энергообмена между субъектом и внешним полем;

2) *видение* является уникальным источником *знания*, пребывающего за любыми образными системами и ограниченными нашей конституцией типами психических репрезентаций.

Чтобы знание, полученное при помощи ***видения***, имело практический смысл, надо *мастерски владеть вниманием*, распределить его в равной степени по всем сенсорным каналам и одновременно приобрести навык специфического самонаблюдения (т. е. создать рефлексивную инстанцию, которую можно назвать «внимание внимания»). Только в этом случае перцептивное поле во всей его *целостности* становится объектом ***видения***. Только так объем осознаваемых сенсорных сигналов перерастает в новое качество, которое становится тем, что кастанедовские толтеки именовали *безмолвным знанием видения*. Вступив в контакт с «безмолвным знанием» и оставаясь в режиме *видения*, мы можем попробовать использовать его импульс, чтобы сфокусировать избранную часть внимания на конкретном сенсорном канале. В этой ситуации визу-альность одарит практика системой сверхсложных образов, фокусировка на кинестетическом канале сделает всё тело практикующего сверхчувствительным «радаром», концентрированная аудиальность приведет к «яснослышанию» либо будет транслирована через так называемый *голос видения*.

Важно понять, что с проблесками ***видения*** надо обращаться крайне осторожно. Практики, читавшие отчеты Кастанеды, ожидают не столько самого *видения*, сколько узнаваемых образов и моделей, предложенных Карлосом. Поскольку Карлос не предложил концептуального описания режима ***видения*** (быть может, он *просто не знал*, как объяснить европейскому читателю, *что* он имеет в виду), а методы его достижения слишком объемны и скрыты в нерасчленимом массиве всего «магического» праксиса его индейских учителей, остались простые и, казалось бы, универсальные признаки – *видение* кокона (энергетического тела), его «просвета», точки сборки, эманаций и неорганических существ. Все это описано противоречиво и, честно говоря, не слишком тщательно. Но, за неимением ничего лучшего, некоторые сновидящие так и определяют для себя – увидел кокон или эманации, значит, это оно и есть – знаменитое ***видение*** толтекских магов.

Казалось бы, есть повод упрекнуть мэтра за то, что он не оставил более конкретных, детальных, а главное – прагматичных описаний. Хотя, если мы дадим себе труд вдуматься в саму суть явления (а мы чаще всего не утруждаем себя подобными тонкостями), то проясним для себя как минимум два существенных момента: 1) видению вообще нельзя дать адекватное (т. е. общее для всех людей) описание; 2) язык, которым пользуются Кастанеда и дон Хуан, все равно «непереводим» – несмотря на отчаянные усилия профессиональных лингвистов, ибо он в той же мере «непереводим» для англоязычного читателя, который в этом отношении ничуть не лучше русскоязычного, вынужденного продираться сквозь текстуальные дебри личных ассоциаций переводчика и сомнительных плодов его находчивости.

И я нисколько не преувеличиваю. Даже внутри описания мира, основанного на обычном режиме восприятия, возникли культуры и традиции, которые невозможно транслировать без сильных искажений и без ущерба для их фундаментальных содержаний. Эта банальная истина известна любому синологу или японисту.

Если же мы касаемся нетрадиционного опыта, в целом чуждого большинству этнокультурных описаний, существующих сегодня на нашей планете, возникает то, что можно назвать «проблемой несоизмеримости». Аллюзии и реминисценции, семантические и психосемантические параллели –

короче, любые инструменты языковой и культурной трансляции, – во многих (если не в большинстве) случаев оказываются бесполезными.

Однако, несмотря на все эти барьеры, мы живем *в одной Реальности* и, поскольку биоэнергетическая конституция всех людей относится к *одному* виду, – опыт переживания Реальности должен иметь сходные черты. Чтобы заметить это сходство (а на определенной глубине – единство), необходимо отвлечься от традиций, культур и языков, нас разделяющих.

Это древняя проблема, о которой безрезультатно рассуждают уже не одно тысячелетие. Ее все равно придется решать. Одними из первых на необходимость «освобождения» от языка указали даосы, буддисты и прочие представители «непереводимых» для европейцев ориентальных традиций.

Более того, наиболее эффективные психотрансформационные направления (особенно названные даосы, буддисты и последователи Дзэн, а также, разумеется, нагуалисты) считали и считают освобождение от языка («растождествление») *главным* условием работы по опытному постижению Реальности.

Все это изначально содержится в «истинной паре» нагуализма – в разделении мира опыта на *тональ* и *нагуаль*. Отделить *описание мира* (а это и есть лингвистическая, логическая, ментальная и символическая репрезентация опыта в сознании) от *Реальности* (самого Мира, т. е. энергетического поля, порождающего феномены нашего психического опыта) – вот *практическая* задача «человека знания».

Конечно, такое растождествление с языковой и ментально-символьной системой вовсе не означает, что надо превратиться в безмолвного и неразумного истукана. Оно требует *сотворить дистанцию* между набором *инструментов* (языком, мышлением, символами, иными формами репрезентации) и самим *осознанием опыта*. Тогда можно пользоваться любым инструментом, сохраняя сам факт опыта «вдали» от той искажающей и ограничивающей силы, которой всякий инструмент обладает.

Человечество давным-давно оторвалось от непосредственного чувства, от живого эмпирического опыта. Сотворив языки и описания, мы узаконили словами, концептами, логикой и синтаксисом *только один тип опыта* – массовый и потому ничем не примечательный. Поэтому *идеи* перестали быть мыслью, выражающей *непосредственное прикосновение человека к Бытию*. «Идеи» превратились в культурные «фикции» – они существуют к некотором понятийном поле, в культурной и языковой традиции. В других же культурах и языках эти «идеи» вообще отсутствуют. Какова же *реальность* этих «идей», если само их существование обусловлено *только* культурной традицией?

Подобные «идеи» необходимо *преодолеть* (или, как говорили даосы, слова «надо забыть»). Тогда, если мы по-настоящему *внимательны* к своему «онемевшему» сознанию, есть шанс оживить *реальное* переживание, *реальный* опыт, который по природе своей не нуждается в переводе. А все вытеснения, ограничения и искажения, которыми чреват язык или иной инструмент культуры, оказываются вынесенными за скобки.

Некоторые критики Кастанеды находят подозрительным, что проблема языка и его отношения к Реальности, которая в XX веке привлекла к себе внимание множества философов, антропологов и психологов, так созвучна идеям магического описания мира, острова *тоналя*, отделившего нас от океана Реальности – *нагуаля*, весьма далекого от любого структурированного языком восприятия. Вспоминают Гуссерля и Витгенштейна, «теорию лингвистической относительности», этнометодологию Гарфинкеля.

Независимо от степени аутентичности кастанедовских сведений о «толтекском знании», на Карлоса грешат напрасно. Ибо пропасть между языком и Реальностью разверзлась многие тысячи лет назад, а влияние языка на восприятие было осознано еще во времена Чжуан-цзы и Будды Гаутамы. Лингвистический позитивизм XX века просто сделал еще одну бесплодную попытку решить проблему, существующую от века и осознанную древними мыслителями, – ответить на вопрос, *как* Реальность, То-что-есть-на-самом-деле, *относится* к сказанному (написанному, формализованному). Можно ли построить мост между *описанием* и *Бытием*?

На мой взгляд, нет ничего странного и удивительного, что жители доколумбовой Америки тоже думали об этом и пытались найти собственные решения. Если человеку свойственно *познавать*, то неминуемо возникает всеобщая тенденция развития сознания, ищущего способ приблизиться к Реальности.

Видение, судя по всему, и есть плод такого специализированного развития. Здесь *описание* и его составные части (язык, символ, синтаксис) наносят ощутимый вред. Они не транслируют опыт, а искажают его до неузнаваемости. Даже в том неизбежном случае, когда мы используем некоторые понятия из дон-хуановского лексикона, чтобы *просто указать* на имевший место опыт, если мы ходим избежать искаженных интерпретаций, нужны бесчисленные оговорки и уточнения.

И прежде всего это касается специфических деталей – «просвета», точки сборки, «фронтальной пластины», «стержня», «воронок» на «поверхности кокона» и т. д. и т. п. Ибо в каждом конкретном случае реально воспринятая структура в сотни и тысячи раз сложнее, многомернее, чем привычно используемые слова-указатели из магического описания.

Когда мы по-настоящему *видим*, ни одно из перечисленных слов не отражает той бесконечной перспективы энергетических полей и той «квантовой неопределенности», неоднозначности, что пытается репрезентировать наша психика, обратившись к ресурсам интерпретационного механизма – ресурсам, которые часто имеют отдаленное отношение к *человеческому* способу описания.

Видящий, например, узнаёт, что «кокон» – совсем не кокон, а много больше; потому что энергетическое тело непрерывно меняет форму, качество восприятия его поверхностных слоев только в отдельных случаях ассоциируется с «коконом». Энергетическая структура, которую мы в первом внимании называем «человеком», может вибрировать, менять яркость, вытягиваться либо становиться шире: внутри постоянно текут и колеблются потоки светимости, которые можно назвать «каналами». Поскольку структуры приповерхностных слоев могут менять яркость, плотность, «прозрачность», видящий иногда способен воспринимать «стержень» – центральный поток энергии, состояние которого, кажется, определяет мощность силового поля, из которого состоит энергетическое тело человека, в иных ситуациях – не способен, так как «стержень» скрывается какими-то масштабными возмущениями, происходящими ближе к поверхности.

Восприятие такой важной структуры, как «просвет» (центр пупка), зависит от стабильности *фронтальной пластины*. «Пластина» бывает стабильной намного чаще, чем разнообразные потоки, воронки, форма самого «кокона». Но и она порой ведет себя «странно» – чаще всего в тех ситуациях, когда воспринимаемый субъект переживает сильные эмоции или психосоматический шок, связанный с болезнью. Например, в тех случаях, когда у человека высокая температура (выше 38,5° по Цельсию), *фронтальная пластина* почти недоступна ***видению***. Термически активная зона своим сиянием полностью маскирует структурные особенности фронтальной поверхности энергетического тела. Можно поставить приблизительный диагноз – например, если нездорово-красное свечение имеет эпицентр в груди, у больного, скорее всего, пневмония, если в горле – ангина, и т. д. В других случаях (например, человека трясет от злости или страха) передняя поверхность кокона покрывается множеством «волн» и неоднородностей свечения, она колышется и становится «пятнистой». Внутренние слои эманируют на поверхность, поверхностные формации уходят вглубь – в конечном итоге о фронтальной пластине (как о стабильной структуре, доступной спокойному наблюдению) ничего не скажешь. В эти минуты может возникнуть ошибочное впечатление, что никакой фронтальной пластины просто не существует.

В тех случаях, когда фронтальная пластина воспринимается стабильно, область пупка (называемая «просветом») невольно привлекает внимание. Это своего рода «воронка», размер и форма которой – всегда индивидуальны. По состоянию «просвета» иногда можно многое сказать о человеке – его психоэмоциональной конституции, физическом тонусе, даже о некоторых моментах его личной истории. Иногда «просвет» вытянут вниз или вверх, вправо ли влево, иногда он заметно смещен. В любом случае неизменным остается его связь со страхом смерти (насколько безупречность повлияла на его активность) и точкой сборки.

Сложнее всего говорить о восприятии *точки сборки*. Несмотря на то что она у нормального человека жестко зафиксирована, существует множество препятствий для ее ***видения***. Во-первых, она находится на задней поверхности кокона, которая сама по себе как бы «скрывается» от нескромного взгляда постороннего (кстати, у этого обстоятельства также есть биологическая причина, связанная с тем, что некоторые хищники способны воспринимать ее «отблеск» и по яркости, смещенности и пр. определять степень уязвимости жертвы). Во-вторых, точка сборки находится рядом со стержнем, который создает «гало», ореол из ровного и сильного свечения, чем маскирует многие структуры, расположенные относительно недалеко от него.

Но эти два обстоятельства для опытного *видящего* не проблема. Как ни странно, самые большие трудности при видении точки сборки вызваны *психолингвистическими* (т. е. исключительно перцептивными) факторами. Все дело – в *описании*. Дон-хуановская картина описывает перцептивный центр как ***точку*** сборки. С одной стороны, иначе описать ее невозможно; с другой стороны, такое описание сильнейшим образом *искажает реальную* перцепцию видящего, если он пытается транслировать свое видение через визуальную систему.

Ибо тот самый собирающий перцепцию агрегат, который может смещаться и двигаться согласно кастанедовской модели, *совсем не похож* на «точку» или «шарик», когда дело доходит до образной репрезентации.

Прежде всего, видение выходит за границы тонального описания – с одной стороны, объем воспринимаемого превышает способности воспринимаемого аппарата и принципиально не структурируется привычными шаблонами, с другой стороны, «видимое» в этом режиме восприятия колеблется, следуя собственным не-тональным закономерностям: пульсирует тело воспринимателя (энергетическое тело видящего), пульсирует внимание и, наконец, пульсирует и движется само поле, которое видящий воспринимает.

Все это приводит к любопытному результату. Даже в том случае, если видящий на время вытеснил наложенные на перцепцию сигналы, которые стремятся нарушить законы визуального поля и непроизвольно генерируют помехи в виде синестезий (подключая кинестетические, аудиальные и иные интерпретации), он обычно воспринимает *не точку сборки, а сам процесс сборки*.

Чтобы именно *увидеть* точку сборки, надо последовать за импульсом, собирающим энергию в наблюдаемом ЭТ. Он приведет видящего в небольшую сферическую область, где свечение определенным образом циркулирует. Здесь ничто более не «собирается», здесь многие пучки слиты в один, который поддерживает свою активность этим «кругообразным» движением. Это движение, если ты ***видишь*** его определенным образом, чем-то напоминает постоянно движущийся («вращающийся») шарик. Можно сказать, что это сфероподобное энергетическое поле, удерживающее само себя где-то в области задней пластины «кокона». Судя по всему, оно и есть точка сборки.

Восприятие этого поля затруднено еще и потому, что здесь локализуются *все* сенсорные сигналы наблюдаемого объекта. «Сферичность» удерживается только тогда, когда эти сигналы равномерно доступны видящему. Малейшее колебание перцептивного внимания – и структура распадается, исчезает. Неопытный исследователь может подумать: раз появилось и пропало, значит, – галлюцинация. Но в отношении точки сборки это неверно. Будучи концентрацией всех типов собранных структур, в этому случае видение настолько избыточно, что может блуждать, следуя за пульсирующим вниманием, в поиске сенсорного канала, через который оно может достичь осознания. Практик не сразу понимает, что такого канала не существует, а потому любое ***видение*** (тем более, видение точки сборки) возможно лишь через одновременную активизацию *всех* модусов восприятия и – затем – возвышение над ними.

Что я имею в виду, когда говорю о *видении* сдвига точки сборки или тем более о «траектории» сдвига? В моем случае это – ***видение*** последствий. Волны собирающей активности (которые у обычного человека являются статичными, неизменными последовательностями; их растекание и распределение по энергетическому телу со всеми сопутствующими качествами – скоростью, интенсивностью и пр. – запрограммировано, подчинено шаблону) изменяют характер и направленность движения. Есть многие области энергетического тела, которые в обычных ситуациях, когда точка сборки неподвижна, абсолютно инертны, – их активность регулярна и предсказуема, они работают так, чтобы поддерживать телесный и психический гомеостаз. Однако смещение точки сборки вызывает в них необъяснимую с естественной точки зрения бурю – пробуждаются токи, активизируются зоны и поля. Во многом благодаря этим последствиям мы можем угадать, как и куда сместилась точка сборки. Тогда мы говорим о «траектории» и ее эффектах.

Странствие по мирам второго внимания

Рассказы о самих «странствиях», описания бесконечных приключений в «мирах» и тех странных областях, которые я назвал «зонами архетипической спутанности», – любимое содержание бесконечных рассуждений визионеров и оккультистов, намекающих на свои исключительные способности. Несмотря

на то что описывать конкретные перцептивные поля необходимо, чтобы иметь материал для выявления сходств и различий в опыте разных типов сновидящих, я избегаю останавливаться на этих подробностях. Во-первых, меня останавливает нездоровый интерес доморощенных оккультистов к сновидческим откровениям, во-вторых, это слишком объемная тема, требующая серьезного и последовательного подхода. Иными словами, для этого надо писать другую книгу.

Поэтому буду краток.

Реальное восприятие миров второго внимания – это, с одной стороны, результат смещения точки сборки и согласование энергетических пучков в определенном порядке, с другой – фиксация внимания на *внешних* событиях, а не на переработке психологических содержаний различных областей внутреннего мира, иногда осознанных, иногда – бессознательных. Это напрямую не связано с тем, куда смещается точка сборки – *внутрь* или *наружу* энергетического тела. Ибо точка сборки в любом случае работает с окружающим полем. Посредником здесь выступает либо поверхность энергетического тела, ассоциированного с «физическим», либо поверхность *тела сновидения*. Любая позиция точки сборки предполагает упорядочивание поступивших внешних импульсов, и если сдвиг имеет место «внутри» кокона, того, что мы считаем полевым массивом собственного тела, меньше таких «внешних» импульсов не становится. Собственно говоря, для точки сборки само противопоставление *внешнего* и *внутреннего* по отношению к телу теряет смысл. Значение имеет только направленность внимания, собирающего импульсы, характер его селективности.

Более важным для качества перцептивной картины является категория привычного-непривычного, знакомого-незнакомого, узнаваемого-неузнаваемого. Здесь внешние энергетические импульсы и выученные паттерны, схемы интерпретаций вступают в сложное взаимодействие. Поскольку внутренние привычки являются единственной опорой перцептивного аппарата при столкновении с Непостижимым, гештальты и паттерны генерируются *в условиях минимальных предпосылок*. Иными словами, достаточно, чтобы внешнее энергетическое поле, попавшее в сферу восприятия, содержало *хотя бы один* «знакомый» элемент (пучок сигналов), который может послужить *триггером* для возникновения гештальта, паттерна, интерпретационной схемы, модели. Этот элемент-триггер способен вызвать ураганную реакцию и породить в конечном итоге немалые объемы перцептивного творчества, где принципиально «неузнаваемые» ряды сенсорных сигналов будут подвергнуты вытеснению либо радикальным метаморфозам, чтобы сделать их совместимыми с активизированным гештальтом.

Однако следует учитывать, что подобная адаптация не всегда является «уничтожением *незнакомой* Реальности». Прежде всего, это касается *первого мира второго внимания*, который в ряде аспектов очень близок или даже идентичен миру наяву. Это особенно заметно сразу же после выделения *тела сновидения*: мы видим собственную спальню, другие места, расположенные недалеко, можем прогуляться там, выйти на улицу и т. д. «Первый мир» по большей части состоит из знакомых образов. И это касается не только перцептивной картины, но и энергетических эманаций, порождающих восприятие. Иначе влияние и взаимодействие, существующие между первым миром второго внимания и миром яви, были бы невозможны.

Зачем же перцептивному аппарату прикладывать творческое усилие и создавать для этого поля какие-то «экзотические» образы? Ведь это не только сложившийся набор интерпретаций, это – образный язык, с помощью которого мы работаем, иногда узнаем что-то новое (в «оговоренных» языком масштабах), выполняем «магическую работу», используем его, когда встречаемся во втором внимании с другими сновидцами.

В иных мирах второго внимания привычные паттерны и интерпретационные схемы ведут себя куда агрессивнее. Адаптирующему «превращению» подвергаются объекты, группы объектов, целые области восприятия, которым тональ навязывает взятые из яви идеи пространства-времени, верха-низа, живого-неживого, даже «разумного-неразумного».

Поскольку во многих областях второго внимания присутствует элемент-триггер, способный включить искажающий гештальт или целую интерпретационную модель, очень часто конкретные образы восприятия, пришедшие из второго внимания, *обманчивы*. Это не значит, что *все* они *выглядят совершенно иначе*, но значительная их часть – несомненно.

Как правило, здесь сосуществуют «знакомые» и «незнакомые» пучки. В «незнакомых» – изменения («смещенность» Реальности) касаются более всего *структуры*. В самых простых случаях их структура

не совпадает с выученным наяву гештальтом по вполне понятным категориям – центр становится периферией, главное – второстепенным, вид не соответствует функции. Я уж не говорю о тех поразительных случаях, когда, казалось бы, наверняка «неживое» оказывается «живым» или пространственная идея становится подлинным издевательством – скажем, *крайне удаленное* оказывается *самым близким*. Подобные феномены характерны для далеких и, судя по всему, сложных пространств с большим числом элементов.

Когда «непривычный» пучок опознается как «привычный», его вскоре выдает какая-нибудь «странность». Интуиция («знание тела») заставляет сновидящего пристально исследовать объект, что и приводит к причудливым открытиям. И только присущая всему живому активность объясняет тот факт, что чаще «маскируются» неорганические существа – из разряда наиболее простых и пассивных.

Из «неживых объектов» во *втором внимании* почти все «странные» образы – это проекции пучков, которые *нельзя полностью собрать*. Такие пучки предстают перед нами как дома, окна, двери, лестницы. Они привлекают особое внимание. Наблюдаешь их – и вдруг осознаешь, например, что «дом» вырублен из цельной скалы, войти в него нормально нельзя, но можно особым способом – скажем, его надо несколько раз обойти, от чего в нем появляются какие-то «щели», предназначенные для проникновения. Проникнув таким странным способом внутрь, попадаешь в черную пустоту, а под тобой серая пустыня до самого горизонта.

Все эти фокусы ведут к своеобразному расширению инвентарного списка тоналя. Попадая во все более далекие миры второго внимания, тональ продолжает пользоваться привычными образами. Он лишь понемногу добавляет к ним новые черты. Так он учится и обогащается.

И лишь в редких, наиболее экстремальных случаях тональ *полностью* выходит за рамки инвентарного списка. Тело переживает это крайне болезненно – его охватывает «холод», нестерпимый ужас или оно подвергается давлению. Тогда восприятие вообще невозможно описать.

В заключение главы хочу сказать о «захватывающих» позициях сновидения. Рано или поздно сновидящий попадает в особую ситуацию, где либо перцептивные силы замкнуты в изолированной схеме, обреченной бесконечно повторять саму себя, либо структура воспринимаемого поля провоцирует однообразные движения излучающих и поглощающих потоков.

Такая завораживающая монотонность, будь она энергетической или обусловленной какими-то характеристиками, способными вызывать стереотипизацию воспринимаемого, может «захватить» внимание сновидца и «парализовать» его. Это и есть так называемая «*захватывающая*» *позиция сновидения*. Она сопровождается резким усилением фиксации точки сборки.

С одной стороны, это вдохновляет сновидящего, поскольку восприятие в этом положении настолько стабильно, что не отличается от бодрствования; мир второго внимания предстает как яркое, отчетливое, абсолютно согласованное перцептивное поле; этой всесторонней синхронизацией «мир» вовлекает тело сновидящего в адекватный энергообмен практически с тем (а порой и большим) участием всех уровней телесно-энергетической конституции, который присущ обычно только *базовому* режиму (*первому вниманию*). С другой стороны, по тем же причинам приходит ощущение «завершенности» окружающего мира и, следовательно, его «*замкнутости*», *невозможности его покинуть*; ведь именно этими характеристиками мы наделили *мир первого внимания*, мир яви, «дневной» мир нашей судьбы.

Следует правильно относиться к таким эпизодам. Они – большой подарок для практика во всех отношениях. Очевидно, что настолько качественная сборка другого мира и плотный энергообмен с ним *трансформируют энергетическое тело в исключительных масштабах и с огромной скоростью*. Кроме того, это – великое испытание для вашей безупречности. Из *тех*, «окончательных» испытаний.

Ведь «нормальная» реакция нетрансформированного тоналя в подобной ситуации – *паника*. Вас «затягивает» с каждым мгновением и возникает чувство, что вам уже никогда не вернуться. Чем больше вы паникуете, тем более *чуждым* кажется перцептивный мир, который вас «затягивает». Возрастает сама сила бесповоротного согласования всех ваших чувств, восприятий, энергий с не-человеческим пространством, который для человека – *воплощение чистого ужаса*.

Надо написать целую монографию, чтобы разъяснить, откуда вообще возникает такой непереносимый ужас при контакте с чужеродными силами и структурами. Это древний инстинкт, питающий своей черной энергией пространство бессознательного. Только *высокая безупречность и тотальный сталкинг*, применяемый с максимальной интенсивностью, способны рассеять эту «древнюю тьму» и погасить первобытный ужас перед чужим, непознанным и Непознаваемым.

Ведь мир, который нас вроде бы «затягивает», – ничуть не более чужой, чем повседневная жизнь наяву. Он принадлежит к той же Природе и сам по себе не является «тюрьмой восприятия» (как и первое внимание не является подобной «тюрьмой»). Сновидящий воспринимает *обычные* силы перцептивной и энергетической *настройки*, которые сами по себе *нейтральны*, так же как нейтральна гравитация, зловещим образом – словно явившийся ему «мир» намерен лишить странника самого ценного и, по сути, единственного дара – *свободы*. Это искажение и есть изначальная причина невыносимого ужаса, который, едва возникнув, начинает перестраивать восприятие так, чтобы оно подтверждало обоснованность этого мощного и крайне негативного чувства. «Мир» становится все более чуждым, мрачным, пугающим.

Чтобы пройти это испытание, надо немедленно активизировать все установки и настроение безупречности. Если вам удалось это проделать, ситуация изменится радикальным образом. Во-первых, «захватывающая» позиция просто перестанет «захватывать». Вы вновь почувствуете себя свободным странником, созерцающим один из открывшихся вам «миров». Во-вторых, вы с удивлением откроете, что наблюдаемое пространство не содержит в себе ничего ужасного, невыносимого, мрачного и т. д. Вместо ужасов вы найдете разнообразные странности, любопытные явления, возможно, своеобразные чудеса. В-третьих – и это для практика самое главное, – вы с помощью непосредственного чувствования окружающего пространства откроете *абсолютную равнозначность* всех позиций (всех «миров») второго и первого внимания. Это не значит, что вы утратите интерес к воспринимаемому – скорее, наоборот, вы по-настоящему *полюбите* его, но с иным чувством, с чувством Единого Начала, лежащего за видимым разнообразием. Вы сможете не спеша перебирать удивительные красоты миров, и ничто вас больше не испугает.

Существует множество методов перемещения тела сновидения по мирам второго внимания и внутри миров. Можно было бы остановиться на этом, но, мне кажется, в рамках данной книги они не так уж важны.

Если сновидящий вошел во второе внимание, овладел некоторыми навыками «второго тела», то большую часть приемов он обнаружит сам. Усиление внимания и оформление телесных перцептивно-энергетических паттернов подводят сновидящего к множеству путей. Как правило, мы выбираем те, что ближе нам по конституции и соответствуют личному энергетическому статусу.

Характер работы может сильно измениться, если вы участвуете в группе и по мере возможности пытаетесь войти в *совместное сновидение*. Здесь большое влияние как на восприятие, так и на манеру ваших сновидческих действий оказывает сила «перцептивного соглашения». Она работает не только через разговоры и обсуждения, но и через коллективное намерение, согласующее сдвиг точки сборки, через неминуемое сближение отдельных частей бессознательного, происходящее в момент остановки или замедления внутреннего диалога, группового не-делания и других направлений практики.

Групповая работа со *сновидением* рано или поздно приводит всех в общую «реальность» с едиными правилами и, соответственно, ограничениями. Преимущества коллективного постижения «иных миров» очевидны, но путь Одинокой Птицы дает уникальную Свободу. Он вынуждает нас победить одиночество в себе и найти свою неповторимость в бесконечной Реальности.

«Пробуждение», целостность и Трансформация

Возвращение в Ничто достигается на окончательном этапе тренировки, на котором практикующий, сохраняя в сердце безмятежность, позволяет всеохватывающему положительному духу покинуть свою телесную оболочку, чтобы появиться в пространстве для выполнения своей задачи по спасению, то есть для облегчения человеческих

страданий, лечения больных и т.д.

Наставник Ляо Кун[30]

«Пробуждение»

«Пробуждение» в одном из миров второго внимания – это обретение новой целостности. Можно сказать, что это одна из Трансформаций, поскольку всякое «пробуждение» в пространстве, построенном по законам, отличающимся от законов базового режима энергообмена, ведет к возникновению нового тела – носителя измененного восприятия и осознания.

Конечно, такую Трансформацию нельзя назвать окончательной. Она отвечает лишь на один вариант изменения перцептивно-энергетического поля и демонстрирует не столько нашу Свободу, сколько взаимосвязанность, взаимообусловленность тела и среды.

Даже на уровне современной академической науки идея о «преображении целостности» методами нагуализма является хоть и дерзким допущением, но все же не религиозно-мистическим фантазмом, полностью лишенным рациональных оснований. Ибо теория восприятия, которая является фундаментом нагуализма, во многих аспектах пересекается с экспериментальными исследованиями психологии XX века. Важнейшие открытия в психологии и психофизиологии восприятия подтверждают идеи, высказанные на языке иной культуры индейским учителем Карлоса Кастанеды. Закрытость «пузыря восприятия», торжество описания мира, посредством перцептивных механизмов подтверждающее само себя, – все это так или иначе нашло подтверждение в опытах: начиная с «сенсорного обусловливания», открытого Перки в 1910 году, затем – в кортикофугальной теории, программирующей перцептивную информацию, в психологической теории перцептивных гештальтов, «перцептивных гипотезах» (от Пирса до Грегори), «кодировании» Гибсона и мн. др.

Физический смысл процессов внимания и перцепции разрабатывали биофизики и биоэнергетики, где самые яркие результаты были получены в исследованиях психической саморегуляции.

Если учесть весь массив экспериментальных данных и теоретических моделей, существующих сегодня, можно понять, что трансформация психических, психоэнергетических, биофизических процессов через согласованное, целенаправленное изменение (перестройку) восприятия и внимания (т. е. через «смещение точки сборки», выражаясь кастанедовским языком) – не столь уж безумное занятие из разряда «принципиально невозможных».

Конечно, когда мы говорим об окончательной Трансформации, – это идея, которую надо относить к разряду философско-практических целей человечества. Это – допущение, которое выходит за рамки любого научного знания и опирается лишь на высшую логику философской антропологии, то есть на мировоззрение, где в центре пребывают «проклятые» вопросы: что такое человек? какова цель его существования? зачем мы «свободны» в отличие от всех известных нам биологических объектов и неживых структур? и если мы действительно свободны (произвольны), то входит ли в нашу видовую задачу довести эту свободу до ее логического конца? Если да, то нагуализм возник, чтобы помочь в осуществлении этой задачи.

Окончательная Трансформация – это раскрепощенность, осознание себя как «текучего существа», для которого внешнее поле всегда сводится к Бесконечности вариантов, где «миры» переходят друг в друга с той же легкостью, с какой мы переводим взгляд с одного слова на другое, читая, например, этот текст. И вслед за «мирами» течет наше тело – неопределенное, не привязанное ни к одной из форм, но знающее себя и свою способность бесконечно меняться.

Поэтому окончательная Трансформация – это одновременно окончательная целостность, то есть интеграция всего, что существует в нас как Сила и собранные вниманием организованности. Чтобы решить, стоит ли сил вся эта затея с Трансформацией и обретением целостности, надо ответить на фундаментальный вопрос философской антропологии: что такое человек? В любом случае, это будет наш ответ, определяющий наше понимание судьбы и наше предназначение – просто потому, что наука на подобные вопросы не отвечает.

Что такое человек?

Мы, люди, обладаем уникальным даром – упорядоченным *осознанием*. Именно это *упорядоченное осознание* порождает в человеке чувство индивидуальности, извлекает его из животного царства и делает «личностью».

Ни психологи, ни философы, ни богословы не знают, что такое личность. Они рассуждают о следствиях, эффектах, проявлениях, забыв о *главной побудительной силе*, снова и снова трансформирующей каждое поколение человеческих существ и этим хранящей преемственность «человеческого духа». Эти ученые и мыслители забывают, что первейшим импульсом любого человеческого действия (физического либо ментального) является *произвольное внимание* и построенное с его помощью *восприятие*. Стоит забыть об этом, – и возникает ложное представление, будто человек становится Человеком каким-то «метафизическим» способом.

Богословы твердят об «образе и подобии», философы – об изначальном «духе», психологи-позитивисты сводят все к *поведенческому копированию* человеческой социальности через участие в деятельности группы. Неудивительно, что в их концепциях внимание и восприятие – это *последствия* человеческой природы. В их монографиях *восприятие – это* «*отражение*», а *произвольное внимание – идеальный* акт, вызванный мышлением. Рассуждая таким способом, легко прийти к выводу, что произвольное внимание – это вообще «контроль за осуществляемой деятельностью» (как утверждал, например, проф. П. Я. Гальперин).

Всё перевернуто с ног на голову – ведь ни мышление, ни разумная деятельность *не возможны без произвольного внимания и организованного с его помощью восприятия*. Чтобы в голове первобытного индивида возникла идея осуществить хотя бы простейшее запланированное действие, он должен *уже иметь произвольное внимание* и с его помощью **собрать** некий **перцептивный мир.**

Вот из чего возникает личность и сама идея человеческой Свободы. Поскольку человек владеет произвольным вниманием, из этого факта происходят все те следствия, которые отделяют нас от животных и делают людьми: 1) произвольным вниманием создается *мышление* и *язык*; 2) мышление и язык создают *описание мира* со списком *смыслов* и *значений*; 3) *смыслы* и *значения* вновь обусловливают работу произвольного внимания. Таким образом, круг замкнулся.

Авраамитская теология преклоняется перед начальным и одновременно конечным Смыслом-Логосом («аз есмь альфа и омега»), который, как провозвещено, был сотворен Всевышним и по-прежнему принадлежит Ему, наполняя человека как «сосуд», направляя человеческую жизнь назад, к Источнику – Творцу и Хранителю Смысла. Эта окончательная мысль дошла до нас из Евангелия от Иоанна, но еще за тысячелетие до него была универсальным тезисом, хранящим высокий пафос монотеистического служения. И древние евреи, и последователи Иисуса из Назарета, и правоверные ученики Мухаммада – основателя Ислама, все трепетно несут в сердце заветную мысль: Он – Смысл, и жизнь в Нем исполнена Смыслом. Даже простое допущение, что жизнь может быть самовозникшим и самостоятельным явлением, – невозможно, поскольку обесценивает Бытие человека, превращая его в одно из проявлений животного царства – в смышленую обезьяну, непрерывно изобретающую орудия труда, но не способную открыть Путь, который *превратит ее во Что-то Большее*, в существо, имеющее Смысл.

Всякая идея о человеческом само-становлении может быть только плодом разрушительной гордыни. Здесь спрятан краеугольный камень религиозной веры в Единого Бога и здесь же таится великий страх. Достаточно признать, что человек *сам* производит Смысл (смыслы), что именно эта его способность является двигателем произвольного *самоизменения* и опорой *самоосознания*, как он *освобождается* – не только от традиционной религии, но и от границ познания и восприятия, которые автоматически принимались как безусловная, нерушимая Объективность – проекция того же независимого от нас Смысла, только выразившая себя в «законах Природы».

Если человек действительно сам производит Смысл, он свободен по отношению к Природе, включая сюда организацию собственного энергетического тела. И окончательным Смыслом человека становится его бесконечное развитие, реализация любых потенцией его сознания, воплощенного в биоэнергетической стихии, и самотрансформация. Собственно говоря, это и значит *стать Человеком*.

Когда говорят об уникальной природе Человека, всегда упоминают Свободу, которая прежде всего обозначает *свободу выбора*.

Религиозная вера лишает нас этой Свободы, так как внушает, что есть *хороший* и *плохой, правильный* и *неправильный, благородный* и «*низкий*» выбор. Для Реальности эти, казалось бы, «внутренние» идеи становятся настоящими *физическими* ограничениями. Если я могу видеть волну *только* как частицу, я никогда не смогу встретиться с Бесконечностью. Эта волна бесконечна, частица – всего лишь передвигающаяся точка. Если я могу увидеть *только* волну, то никогда не узнаю, что такое отдельность, объект, «вещь мира».

Свобода – это умение *произвольно* выбирать какой-то вариант структуры воспринимаемого, какую-то перцептивную модель – опираясь на личные предпочтения и согласуясь с практической необходимостью. Реализацией такой Свободы и занят нагуализм, используя сдвиг или движение точки сборки.

Трансформация. Шанс на успех

Конечно, надо помнить – шанс тотальной Трансформации всего массива энергетического тела (включая его физическую составляющую) *ничтожен*. Пока не разработан Путь, успех всегда будет уникальным феноменом, результатом исключительного таланта и колоссального труда.

Вообразите, что эти вещи невозможны в том масштабе, как их описывал Кастанеда. Но даже невозможность окончательной Трансформации не отменяет насущной необходимости исследовать сновидение, видение, другие режимы восприятия, практиковать сталкинг и другие техники усиления внимания и осознания.

Так или иначе, человек стремится к познанию пределов своих возможностей, к максимальной реализации собственной природы, и Путь нагуализма дает ему эту возможность.

Может, кастанедовские «сказки» вечно останутся сказками, пустыми фантазиями романтического писателя? Принять эту позицию – значит проиграть битву, превратить и без того крохотный шанс – в ничто. Ведь никто из нас не знает Истины. И сомнения всегда остаются только сомнениями. Каждый имеет право отказаться от этого пути и считать эту Цель несбыточной мечтой. Только не надо указывать другим, что реально, что нереально, что достижимо, что недостижимо. Ибо на самом деле на этой Земле никто не знает, как устроена Реальность и как работает наше осознание. А ведь именно здесь скрывается истина.

Целостность и Свобода

Достижение целостности и достижение Свободы – одно и то же. Целостность – это интеграция всех областей психики, всех энергетических полей, из которых мы состоим, включая то, что тональ воспринимает как «телесность». Окончательная целостность достигается в момент «огня изнутри» – при переходе в третье внимание. Целостное существо выходит за пределы восприятия стандартного тоналя и для нас, оставшихся здесь, «исчезает».

Именно из-за непонимания того, что такое «целостность» и почему она есть «Свобода», поисками этой самой «Свободы» занимаются самые разные учения и школы, но не достигают ее. Они достигают свободы психологической, но не свободы экзистенциальной – свободы *целого* существа. Способы могут меняться, корректироваться, уточняться, а цель «Целостность-Свобода» изменить нельзя. Иначе это будет уже не нагуализм, а что-то другое.

«Свобода *от чего*?» – чаще всего спрашивают те, кто знаком с нагу-ализмом поверхностно.

Самый абстрактный и одновременно самый конкретный ответ на этот вопрос – *свобода от описания*. Это не значит, что мы стремимся *устранить* тональ или *растворить* его в нагуале. Свобода – это преодоление рабства.

Мы не пользуемся описанием, мы – его рабы, мы *являемся* описанием. И оно ограничивает не только наше восприятие, оно ограничивает абсолютно все наши свойства как действующего и живущего существа. Описание определяет наш энергетический потенциал, так как обусловливает объем поглощаемой и используемой нами энергии.

Стоит нам вернуть описанию (тоналю) статус инструмента, и у человека появляется новая степень свободы. Можно совершенствовать инструмент, оттачивать его, можно видоизменять описание и делать его более прагматичным, но при этом *не становиться* им. С другой стороны, можно одинаково эффективно рассматривать *несколько* описаний мира, применять их в случае необходимости и – вновь-таки – не «сливаться» с этими описаниями, не расщеплять личность, следуя несовместимым интерпретационным схемам.

Всякий раз, сохраняя эту *дистанцию* («пространство свободы»), *мы можем усиливать свое осознание*, применяя разные находки того или иного варианта описания.

В конечном итоге мы «открываем» опытным путем то, что всегда знали теоретически, – любое описание «сделано» *нами*, и законы, по которым описания «делаются», *тоже созданы нами*. Благодаря этому осознанию универсальных принципов самого делания начинается интеграция первого и второго внимания, всех миров, всех позиций точки сборки.

Можно сказать, что вся эта интеграция касается только «человеческой полосы эманаций». Но такой способ говорить не позволяет нам понять сути происходящего. «Полоса» – всего лишь слово, а мы уже вообразили себе то ли коридор, то ли огороженную со всех сторон тропинку. Слова сбивают с толку. Никакой «человеческой полосы» в Реальности не существует. Есть область, где мы можем применить свойственное человеческому существу (его психическому аппарату и его биологии) *делание*. Интегрировав эту область, собрав ее и полностью осознав, мы как бы очерчиваем границу *человеческого*. И теперь, полностью собранные и «вооруженные», мы можем обратить взгляд *наружу*.

Только на этом этапе начинается жизнь целостного существа и само «странствие». Тональ, исчерпавший возможности человеческого делания, но имеющий доступ к энергии Бесконечности (ибо он способен направить туда свое внимание), впервые учится деланию другого типа – такого, которого он никогда не знал. Можно допустить, что первый успешный акт *не-человеческого делания* и есть то, что называется «третьим вниманием» или «огнем изнутри». Человек выходит *за границу себя* – рискованный шаг, но ведь именно так осуществляется его Свобода. Если *делание* удалось произвести и удержаться в новом состоянии, мы, условно говоря, «переходим на следующий виток».

Не думаю, что там все гармонично и безоблачно. Вполне возможно, что нас ждут новые проблемы, решение которых требует еще больших усилий. Потому что так устроен процесс жизни.

Человек любит сочинять мифы о себе и о Мире, идеализировать и мистифицировать как Цель пути, так и сам Путь.

Известен, например, древний пережиток, от которого духовные искатели никак не могут освободиться, – **искатель мистифицирует практику. Он не принимает учение как технологию, инструмент, –** ***он воображает, будто ему дана теория, в которой содержится окончательная Истина Бытия***.

Между прочим, если вдуматься в смысл истинной пары «тональ – нагуаль», то там заключена оптимальная установка, самое правильное настроение. Ибо, как это ни парадоксально, из нее выходит, что *нет никакой Истины вообще*. Есть наше *описание мира* (тональ) и Непостижимая Реальность, стоящая *за* «описанием» (нагуаль). О Реальности сказать ничего нельзя. Вот почему в толтекской науке нет никакой *Истины о Мире*.

Это настроение далеко не всем очевидно. Впервые, наверное, учение о Трансформации четко разделило *технологию* и *содержательное описание*.

Когда искатель принимает не технологию, а *содержание* (оценку, описание), он становится «рабом» конкретного Учения – и даже не самого Учения, а *своего представления о нем*, рабом собственного воображения.

Например, почти в каждом Учении есть понятие о «Свободе» как Цели. Пока мы не отождествляем себя с конкретным описанием, мы думаем о Свободе как о чем-то позитивном. Мы просто знаем, что свобода – это хорошо.

Но стоит нам погрузиться в конкретное описание избранной доктрины, и вместо Свободы мы получаем иллюзию о ней. У христиан – «блаженная любовность», у буддистов – «безличный покой, равнодушие», у кришнаитов и бхактов – «буйный восторг, экстаз соединения, духовный оргазм», у даосов – «природность, близость к Земле, гармония». Мы уже не просто занимаемся практикой, мы *вызываем воображаемое настроение* и автоматически принимаем это настроение за настроение самого Учения.

Это – стереотип. И он приводит к ложному ощущению, что за каждым учением стоит свой «поток». При этом Свобода-как-она-есть исчезает.

Свобода – это Абстрактное. Вот почему, кстати, дон Хуан, по словам Кастанеды, называл учение толтеков «магией абстрактного».

Если же правильно воспользоваться толтекским описанием с его истинной парой «тональ – нагуаль», то обнажается ситуация в чистом виде: мы стремимся к свободе и нам дан инструмент для ее достижения. Пользуясь этим пониманием, мы можем с удивлением обнаружить, что во всех традициях есть более или менее удобные, эффективные инструменты. И тогда мы можем ими правильно воспользоваться.

При этом мы всегда остаемся сами собой – свободными.

А как поступают обычно? Человек не *пользуется*, например, буддистскими техниками – он *становится* буддистом, не *пользуется* техниками исихазма, а *становится* христианином. Некоторые «толтеки» делают то же самое: они не *пользуются* техниками, они *становятся* «магами», видят Орла, «неорганическую энергию» и т. п. Они – *рабы* принятого описания.

Все, что происходит с такими практиками, – лишь проекция их ожиданий, воображений и представлений. В результате, каким бы путем мы ни шли, мы не приближаемся к Реальности, а занимаемся *реализацией собственного бессознательного*. Оно ведет нас в ловушку – в мир архетипов, на «склад неосуществимых желаний», чтобы бесконечно усиливать их.

Духовное и научное Знание

Я долго размышлял об отношении *духовного* знания (подразумеваю здесь и религиозное, и мистико-оккультное знание) к знанию *научному*. Ведь первый мой интерес (всегда, с ранней юности) был **именно духовный**, а наукой я занялся позже.

Поначалу я, как многие, принимал разделенность (даже разорванность) духовного и научного знания автоматически, ибо это уже вошло в привычку современного человека.

Действительно, это так естественно! *Духовное* занято сокровенным человеком и запредельным Бытием, *научное* – человеком в его эмпирической проявленности и вселенной, доступной наблюдению. Как многие, я считал, что на известном уровне духовное и научное знание не пересекаются. И я не слишком переживал по этому поводу – пусть наука говорит о своем, а духовное знание – о своем. Так или иначе, духовное «выше» научного, и если наука противоречит духовному знанию, – это проблема науки.

Понадобилось много лет, чтобы я усомнился и серьезно спросил себя: а верна ли такая позиция? Откуда взялась эта безнадежная пропасть между духовными и мистическими учениями (выражающими себя то в форме религии, то в форме эзотерических культов) и наукой?

Изначально, в далекой теперь древности, *духовное* и *научное* знание не разделялось, поскольку было очевидно, что проявленное Единство Объекта требует единого познавательного усилия. Это был, если угодно, «золотой век» Познания: *духовные* учения и религиозные доктрины не стеснялись ставить *научные* задачи и с этих позиций вопрошать о Мире и Человеке, а древняя *наука* не стеснялась пользоваться итогами своих исследований, чтобы корректировать свод *духовных* знаний. Откровение было не *ставшим, а становящимся*; оно не было Догмой.

В результате тысячелетних поисков языки духовного и научного описания отдалились друг от друга на космическое расстояние. Но нагу-алистский подход подарил надежду, что решение все-таки возможно. Более того, найти его *необходимо и естественно*, так как это предполагает вся известная нам история когнитивного усилия человечества.

Ведь мы всегда и во всем сначала разделяем (*анализ*), а потом соединяем (*синтез*). Первоначальный синкретизм становится полем, на котором зарождаются виды, подвиды, направления внутри подвидов и т. д. Но когда возникает критическая ситуация в познании, все эти отростки «вспоминают» друг о друге и вновь стремятся к слиянию. И сегодня мы видим, насколько плодотворными оказываются работы, возникающие в точке «срастания» прежде разобщенных научных дисциплин. Именно здесь современный человек, направивший свои силы на Познание, находит самые многообещающие перспективы. И *масштаб* открытий часто напрямую связан с той умственной дистанцией, которая лежит между дисциплинами, требующими интеллектуального синтеза. Например, совершенно очевидно, что синтез химии и физики (физикохимия), геологии и физики (геофизика) и т. п. предполагает менее значительный прорыв в познании, чем слияние наук о *живом* и *неживом* (биофизика, биохимия, биоэнергетика, психофизиология и психофизика, биоэлектроника и т. д. и т. п.).

В точке экстремума мы должны вновь иметь качественно иное *единство*, обогащенное знанием собственных частей. Чем может быть такое новое единство? Откровением, построенным на гениальном синтезе духовного, психологического, биологического, физико-энергетического знания. Подобно тому, как физики упорно ищут Единую теорию Поля, вершиной *всего* человеческого Познания может быть *Единая Теория Человека и Мира*, где «высшие» психические формы найдут сокровенные связи с «низшими», а осознанная Трансформация человеческого вида станет одним из многих ее «прикладных» разработок. Я вижу в нагуализме импульс, способный привести человеческое Познание к этому синтезу.

Конечно, это, как теперь говорят, весьма «амбициозная» задача – работать над проектом такого масштаба. Однако подобная задача плодотворна даже в том случае, если мы в ближайшее столетие не достигнем поставленной в конце пути Цели. Ибо в любом случае *сама природа* этого Пути содержит в себе океан знаний и непредсказуемых открытий. Разве может быть иначе, если мы выбрали тернистый маршрут, где придется все время искать новые знания и новые интерпретации, «сливающие» знание *духовное* и *научное* в единый непротиворечивый Гнозис.

Для дона Хуана нет сформулированной две тысячи лет назад «Воли Духа», на которую он ориентируется. Непостижимость Духа, как и положено, – абсолютна. Это динамичное взаимодействие *меняющегося* человека и недоступного пониманию универсального импульса. Как у Лао-цзы: «Дао, выраженное в словах, не есть Дао». Высшее Откровение происходит *вне* любых зафиксированных представлений, а его содержание обусловлено самостоятельно проделанной работой.

Три внимания и три тела. Итоги

Можно сказать, что *внимание сновидения* полностью подчинено совокупности *перцептивных гипотез* (если воспользоваться термином Р. Грегори), сотворенных стандартным человеком за тысячелетия биологической эволюции.

Переход из внимания сновидения ко второму вниманию происходит вместе с проникновением в осознание сигналов (пучков сигналов), которые вызывают настолько сильный диссонанс в отношении привычных *перцептивных гипотез*, что тональ вынужден перестраиваться и создавать новые «гипотезы». Продукт этих новых «гипотез», на первый взгляд, мало чем отличается от прежнего, ибо от воспринимателя ускользает, что *сам принцип* построения гипотезы («сборки восприятия») *изменен*.

Во втором внимании мы встречаемся с такими сочетаниями сенсорных пучков, которые в первом внимании не могут быть представлены в виде концептов (тем более «миров») восприятию, использующему привычные перцептивные гипотезы.

Таким образом, во втором внимании мы *учимся* принципиально новым восприятиям. А во внимании сновидения мы тренируем осознание, чтобы само восприятие сделать возможным. Ведь внимание сновидения вынуждает нас привлечь весь багаж тоналя и его перцептивных гипотез, чтобы моделировать ряды восприятий там, где их не существует, – там, где сенсорный материал дан либо как

аморфная масса, пребывающая на далекой периферии осознания, либо как внутренние или внешние фрагменты, своего рода «предпосылки» перцепций, комбинации гештальтов, так и не реализовавших присущую им семантику.

Несмотря на то что второе внимание – это огромное поле, где происходит перцептивное обучение, его объем и возможности *также ограничены*. Предполагается, что здесь, во втором внимании, мы способны значительно измениться как энергетические тела, поскольку научение любой *принципиально новой* перцептивной гипотезе[31] провоцирует новый способ энергообмена – излучения и поглощения силовых потоков, о самом существовании которых мы прежде не догадывались.

Чем же в таком случае ограничен ряд перцептивных гипотез, предлагаемых вторым вниманием? Двумя решающими параметрами – *объемом* и *формой*. Объем ограничен *отдельностью* воспринимающего сознания и *предельной способностью* удержать в поле внимания только фрагмент бесконечного потока «больших эманаций» вселенной. Ограничения *формы* связаны, во-первых, с биологической конституцией, которая помимо нашего желания следует некоему *универсальному паттерну* (не только у человека, но и у всякого живого существа, имеющего организм, органы чувств и определенным образом «собранную» нервную систему), во-вторых, с укорененной в отдельном существе *идеей функции* и *функциональной структуры*.

Если угодно, любая отдельная форма обречена быть структурно ограниченной. Даже в том случае, если мы побеждаем темную инерцию материи и делаем ее пластичной, податливой, произвольно мутирующей, границы демонстрирует наша психоэнергетика – вступают в силу законы силовых полей самого осознания. Если мы желаем оставаться отдельным энергетическим фактом (*воспринимателем*), окружающее нас Бытие следует этому расположению энергий: мы обретаем *центр* и *периферию, движение* и *статику*. Внешнее поле также не может быть однородным – мы тут же находим в нем желательное и нежелательное, притягивающее и отталкивающее нас, помогающее и препятствующее.

Как видите, сложившаяся ситуация *требует от нас что-то делать* – иными словами, наше существо должно быть *функциональным*. Дальнейшая логика очевидна. Функция реализует себя через структуру, а структура многоэлементна и не может не порождать новые функции и, следовательно, новые структуры. Таким образом, мы вступаем в бесконечное многообразие мировых пространств, которые могут быть сколь угодно измененными, необычными, но остаются «параллельными мирами» – вариантами, пусть и самыми удивительными, уже известной нам антропной Вселенной.

Это и есть *ограничение формы*. Реальность устроена так, что не предоставляет *наблюдателю* третьего варианта – либо растворение, бесформенный Хаос и не знающая пределов Потенциальность Мирового поля, где *всё возможно*, но *ничего не происходит*; либо производство шаблонов, гештальтов, за ними – комплексов и структур, где Бесконечная Сила распадается на множество конечных и ограниченных сил, взаимодействующих, растущих, мутирующих, и тогда энергетическое Поле Мира становится *пространственно-временным континуумом* (какими бы причудливыми ни оказались родившиеся Пространство и Время). Так или иначе, Вечность (как отсутствие времени) и Безвидность (как отсутствие пространства) – атрибуты Реальности-как-она-есть вне воспринимателя – покидают вселенную, в которой нам предстоит *жить*.

Можем ли мы, оставаясь воплощением *отдельного сознания*, найти решение этой экзистенциальной проблемы? Толтекский путь, которому дон Хуан учил Кастанеду, заявляет, что решение есть. «Огонь изнутри», третье внимание, «окончательное путешествие» по темному морю осознания – что это? И возможно ли это?

Если мы *не* имеем в виду «растворение в Абсолюте», *слияние* с большими эманациями Орла, консервацию осознания в таинственном «мире», где время работает так, что замедляет движение психоэнергетики и просто превращает нас в «долгожителей» космического масштаба (вроде планет, звезд или галактик), то третье внимание должно быть весьма необычным и предельно *диалектическим* состоянием. Ибо здесь разрешаются все антиномии, присущие бытию нашего тела, восприятия и сознания. Единство не разрушает отдельность, многообразие – однородность, порядок не лишает Хаос его творческой силы.

Для того чтобы случилась эта невероятная реализация, осознание должно *полноценным и всесторонним образом* явить свою *целостность вместе* с полем больших эманаций, из которого оно возникло и в котором продолжает существовать.

И мы вновь вынуждены говорить о *целостности*. Всякий раз мы понимаем *только часть* того, что скрывается за словом, аналогией или метафорой. Эти «части», безусловно, важны, но сами по себе бесконечно далеки от того, чем является третье внимание в учении о тотальной Трансформации энергетического тела человека.

Проще всего понимать под *целостностью* то, что является любимой темой аналитиков юнгианского толка, – *устранение психических барьеров*, разбивших *целое* сознание на различные пласты *бессознательного* и *сверхсознательного*. Большая часть этой работы осуществляется нагуа-листом, когда он занимается сталкингом и перепросмотром на катализирующем фоне толтекской безупречности. Многое также прорабатывается усиленным осознанием во время *сновидения*, когда архетипичес-кий материал ярко демонстрирует себя в виде потока образов.

На следующем уровне *целостность* понимается как *единство телесного и психического*. Такое откровение также не является исключительным «прорывом». Сам характер используемых психотехник непрестанно указывает на то, с какой интенсивностью одно проявляет себя через другое, в конечном итоге предъявляя себя в личном опыте практикующего как *целокупностъ – одно*, имеющее два вида манифестации. Даже «автоматический» человек, мало склонный к рефлексиям, время от времени открывает в себе частные проявления этого уровня целостности. Он маскирует эти наблюдения разными доводами, рациональными объяснениями, вытесняет как что-то несущественное, но не может полностью игнорировать психосоматическое единство, которое часто оказывается причиной его реактивности, эмоционального и энергетического тонуса. Ну а в случае специальной тренировки «психоэнергетизм» из умозрительной концепции быстро превращается в полноценный эмпирический опыт – в тотальное чувство, определяющее не только отношение к вниманию и восприятию, не только реакции и поступки, но *все содержание* нашей жизни.

Дальнейшее стремление постичь и осознать собственную *целостность* (особенно в русле нагуалистской практики) ведет к объединению психосоматики и перцептивно-энергетического поля. (Именно об этом аспекте много было сказано в данной книге.) Не-делание и делание, остановка внутреннего диалога, созерцание, достижение внимания сновидения и второго внимания, делание тела сновидения – все эти приемы недвусмысленно показывают практикующему, что *внимание и восприятие – это энергия*, что *энергия реализует себя* в конкретной работе всего *психоэмоционального мира человека* (вплоть до высших, семантических организованностей *тоналя* – описания мира и «инвентарного списка»). А уж *тональ* регулирует, корректирует, *трансформирует* так называемое «*физическое тело*».

Однако и этот уровень осознанной и реализованной *целостности* недостаточен для третьего внимания. Ибо «темное море осознания» по-прежнему дано нам как Непостижимое – не в философском смысле (мыслитель понимает, что Абсолют по природе своей должен быть непостижимым, и никакие труды по развитию внимания и трансформации энергетики не могут изменить это положение), а в смысле «оторванности» его Бытия от нашего личного существования. Мы по-прежнему не способны плавать по этому «темному морю» – лишь отдельные волны фонтанами брызг окатывают мореплавателя, лишь куски подвижных морских просторов иногда выхватывает из тьмы луч фонаря, который мы научились зажигать сосредоточенным огнем своего усиленного внимания.

Очевидно, третье внимание – это еще более высокий уровень *целостности*. Выражаясь поэтически, это «пожар, охвативший вселенную». Описать человеческим языком состояние радикальной Трансформации невозможно. Это – за пределом моего личного опыта и за пределом опыта нашего вида. Можно лишь предугадать саму *диалектику, лежащую в основе высшего восприятия трансформанта*. Суть этой диалектики сводится к тому странному положению, в котором *центр осознания* (*точка сборки*) *полностью освобождается от* «*сделанных*» *им полей, но при этом не прекращает* «*собирать*» *сам себя*.

Данное умение постепенно формируется в длительных блужданиях и превращениях *тела сновидения*. «Огонь изнутри» приводит все Существование в позицию *целостного единства* относительно свободной точки сборки. И в этом смысле Реальность становится нашим телом. Странствуя по ней, мы меняем точку отсчета, выбираем пространства и их метрику, причем это, столь далекое и туманное Непостижимое, это «темное море осознания» становится нашей «плотью». Любые частности и фрагменты создаются (*делаются*) нами по мере необходимости. Нет больше ничего отделённого от постигающего восприятия, и Реальность стоит перед нами во всей своей целостности – просто потому, что мы сами наконец-то пришли к ней *целостными*. Отдельными от нее и – одновременно – неотделимыми.

Думаю, именно так начинается бесконечное плавание «навигатора Бесконечности» по *темному морю осознания*.

Алексей Ксендзюк, *2004 г.*

ПОСТСКРИПТУМ

А теперь я скажу **очень важную** вещь, которая, как может показаться, противоречит всему написанному выше: **отбросьте рационализм!**

После того как вы разъяли свою сущность на элементарные механизмы, подвергли себя всестороннему рациональному анализу, «проработали» все методы *делания* и *не-делания* и прочие психотехнические «рецепты», – вспомните, что *суть дон-хуановской магии не в тонале, а в нагуале*.

Обратитесь к *Иррациональному* и *Безмолвному*.

Все, что написано мной в этой книге и других, – только *необходимая прелюдия*. Она является интеллектуальной и психотехнической тренировкой, которая (я надеюсь) дала вам хотя бы некоторые «щиты», которые помогут сохранить *осознание* в беспощадном тайфуне энергетической Реальности – там, *снаружи*.

Если же вы не готовы, если ваш *разум*, ваше *внимание* и *осознание* слабы, если вы не смогли одолеть даже той незначительной интеллектуальной преграды, которую я построил и предложил вам в виде книжки, исполняющей роль элементарной техники безопасности, – **не переступайте порог Сновидения.**

Там заканчиваются разговоры, предупреждения и объяснения. Там начинается «смертельная игра» со Всемогущей энергией Нагуаля. И хотя там вас ожидает «*новое небо и новая земля*», Смерть, как и наяву, остается «на расстоянии вытянутой руки».

ЭПИЛОГ

«Опыты светоносные» (Experimenta lucifera)

Фрэнсис Бэкон (1561-1626), которого считают родоначальником европейской опытной науки, в свое время назвал «светоносными опытами» (*experimenta lucifera*) те исследования, которые расширяют человеческое знание. Это словосочетание и образ, который за ним стоит, удивительно подходят по настроению к смыслу познавательных усилий нагуализма.

Ведь, как показала история, не всякое исследование, даже если оно расширяет знание, – *несет свет*. Материалистическая наука, направленная на разъятие природы и разложение вещества, наделена двойственной сутью. Она словно иллюстрирует Экклезиаста, на протяжении веков непрерывно подтверждая, что «познание преумножает скорбь». Новый свет погружает человека в новую тьму. А как же иначе? Если сознание не направлено на «просветление», то в каждом своем феномене Мир демонстрирует нам нашу собственную двойственность. Созидание и разрушение, счастье и страдание – они неразрывны, и в каждом опыте со всем свойственным Реальности безразличием Мир предлагает нам лекарство и болезнь.

Предвидел ли Бэкон такие плоды опытной науки Нового времени? Вряд ли. Иначе он нашел бы другой эпитет для экспериментального знания, в котором «свет» всегда отягощен «тьмой».

И все же подлинно «светоносные» опыты возможны. Это опыты, исследующие возможность *усиления нашего осознания*. Здесь каждый эксперимент – шаг в сторону *свободы*.

Странно, что наиболее «светлый» тип познания встречает резкое неприятие сторонников религиозной духовности. Богословы даже сформулировали на этот счет специальную концепцию. Утверждается, что **любая попытка человека улучшить свою природу, открыть принципиально новые поля познания и самопознания –** иными словами, выйти из «ничтожного состояния» – **есть форма лжерелигии,** именуемая «человекобожие», религия **антихриста**[32]. Здесь явно чувствуется отрицание истории, Времени, неприятие изменений и страх перед ними.

Мы – противоречивые существа. Жаждем нового и одновременно страшимся его, монотонное повторение – наша тюрьма и наше убежище. Мы готовы смириться с «*люциферической*» (в мрачном смысле этого слова) *наукой*, которая побеждает и переделывает внешнюю Природу, – с той самой наукой, что «отягощена злом», питает нашу гордыню и способна нас погубить, потому что она как бы не затрагивает нас самих. Мы не желаем понимать, что это иллюзия, – *всякое познание, независимо от его объекта, изменяет человека*. Как раз такие изменения наиболее опасны, поскольку не осознаются. Но стоит человеку коснуться собственной сути, направить внимание на себя непосредственно, и он начинает чувствовать угрозу для своей неизменности. Консерваторы пугаются и вспоминают о «религии антихриста».

Идеологи религиозной духовности утверждают в духе принятого ими креационизма, что человек остается таким же, каким был во время Божественного Откровения. Его потенциал, его резерв – не в будущем, а в прошлом. Он должен реставрировать себя, чтобы заслужить Спасение.

Однако жизнь – это процесс, и в ней нет ничего неподвижного. Отрицать изменение и стремление к самотрансформации – значит проповедовать застой и вечное повторение.

Непредвзятому мыслителю, свободному от религиозного гипноза, очевидно, что желание человека реализовать скрытые в его существе потенции глубинным образом присуще нашей природе. Человек занимается этим с момента своего возникновения. Он может не осознавать смысла своих трудов, но все они так или иначе ведут к самоизменению. Каждый раз, вырабатывая в себе какой-то навык мышления и осознания, человек модифицирует свой психоэнергетический механизм. Здесь нет ни «греха себялюбия», ни самообожествления. Первопричиной человеческого стремления к трансформации является *осознание* и возникшая из него способность к произвольной саморегуляции.

И чем интенсивнее *осознание*, тем меньше человек склонен испытывать гордыню, поклоняться себе, считать себя пупом вселенной. Ибо антропоцентризм – детище той самой ограниченности, которую растущее осознание естественным образом преодолевает.

Крайне важно понять, что человек, как было сказано, меняется независимо от своего сознательного желания. Он – *становящееся* существо. Однако тенденции этих изменений могут быть разными, даже противоположными, могут нести как свет, так и тьму. Это зависит от нас.

Мы медленно, но неотвратимо мутируем. В области биологии это микроскопические сдвиги на уровне метаболизма и гормональной активности. Чуть ярче это выражено в психофизиологии и касается прежде всего реактивности организма. Но самая подвижная часть (что совершенно очевидно) – наша психика. Здесь мы наблюдаем постоянные изменения психологической конституции. Они обусловлены интенсивной перестройкой мыслительных процессов и механизмов, адаптацией второй сигнальной системы к меняющемуся с каждым веком описанию мира. Именно *описание* определяет нашу психодинамику, структуру распределения внимания и все то, что неопределенно называют «духовным миром» человека.

Любой цивилизованный европеец, поживший среди австралийских аборигенов или закрытых африканских племен, находит множество различий между нынешним человеком и человеком древним. И эти различия обусловлены не только количеством знаний, но *самим способом* осознания себя и мира, структурой и качеством мышления, иерархией психологических ценностей и содержаний.

Так, человек нового и новейшего времени позиционирует себя в мире принципиально иначе, чем человек первобытный, античный или средневековый. У него, в частности, заметно снизилась *потребность в поклонении* (Богу, божествам или духам, себе самому). В картине мира современного образованного человека идея поклонения находится на периферии сознания, поскольку все больше распространяется представление об *относительности* оценок, суждений, объектов. В этом ряду человек так же *относителен*, как и все остальное. Как можно поклоняться относительному явлению?

Конечно, всякая сложная система (которой в нашем случае является человек) в момент психологической или иной перегрузки склонна деградировать. Психическое истощение, интенсивное страдание и т. п. могут вернуть человека в то состояние, когда поклонение вновь оказывается актуальным элементом. Для нашей эпохи это – *регрессия*. (Об этом, в частности, писал Л. Леви-Брюль: «Явления «архаической психики» свойственны не только первобытному человеку или «отсталым» народам современности, но и цивилизованному человеку в некоторых индивидуальных и коллективных проявлениях – поведение в ситуации неопределенности, угрозы, в религиозных обрядах, в ситуации толпы».) Кроме того, следует учитывать, что так называемые «цивилизованные» люди пребывают на разных уровнях развития – от самого примитивного до самого сложного.

Когда религиозные мыслители говорят о неизменности *homo sapiens*, они акцентируют узкий круг избранных свойств нашей психики и заявляют, что это и есть *сущность человека*. Но влияние истории заметно повсюду. Тысячу лет назад европеец не знал *любви* в нынешнем смысле этого слова. Его «любовь» была другая – она *иначе* осознавалась, переживалась и выражалась. Грандиозные изменения претерпели почти все фундаментальные понятия: знание, ответственность, долг, служение, нравственность, а более всего – понятие *свобода*.

Обнаружение исторической изменчивости душевного и духовного мира человека вызвало к жизни целый ряд дисциплин – *историческую психологию* (начиная с Мейерсона и даже раньше, со времен В. Вундта), *культурно-историческую психологию* Выготского-Лурия, *палеопсихологию* и, главное, – *историческую психологию личности*, принципы которой впервые также сформулировал Мейерсон. Он определил, что «предметом исторической психологии является процесс развития отдельных психических функций (восприятия, памяти, мышления, личности) в изменяющихся конкретно-исторических условиях человеческой деятельности».

Итак, человек изменяется. А в последнее время изменяется быстро. Между человеком XIX века и нашими современниками – огромная дистанция.

Судя по всему, **сущность и предназначение человека состоит в пере-сотворении не только внешнего мира, но и самого себя.** Его *осознание* – сокровище, дар, позволяющий идти к Реальности.

Это «светлый» взгляд на нашу природу, это перспектива, которую скрывает от человека традиционная религиозность авраамитского комплекса, где человек неизменен, где только непостижимый и всемогущий Бог по собственной Воле, согласуясь с собственным Промыслом, спасает «испорченные» людские души.

Незнание собственной сути, непонимание Пути питает специфическое отчаяние и запредельную надежду. Иногда это психологическое состояние выражается весьма ярко. Например, так: «Это состояние человека, которому вдруг открылось зрение грехов своих и он стал «трезво смотреть на вещи» – осознал реальное положение вещей (а *такие вещи самому, без Божьей помощи, человеку осознать невозможно*) – безнадежную степень своего падения, испорченность своей природы, полную порабощенность греху, свою слепотствующую гордыню, свою недостойность, полную никчемность и ничтожность и невозможную милость и долготерпивость к нему Господа. И тогда ему уже не до наглых рассудочных интеллектуальных рассуждений о пользе или ценности, а некуда деваться от стыда и ужаса за все свои деяния – только и остается пасть ниц, как уже приговоренному преступнику, и повторять: «Горько плачуся дел моих, Господи!», кричать: «Господи, помилуй мя, грешного!»

Это духовное настроение не принадлежит нашему веку и с каждым десятилетием дряхлеет все сильнее. Это – попытка удержать в руках пыль двухтысячелетней давности. К ней сладостно прикасаться, как ко всякой археологической ценности. И всё же – в этом покаянном плаче, перемешанном с умилением, можно прожить жизнь и *умереть* тем же самым – «недостойным», «ничтожным», каким и был с самого начала.

А ведь именно потому, что человек не *ставшее*, а только *становящееся* существо, он не добр и не зол, не праведен и не грешен, не велик и не ничтожен. Он – *делатель*. Он *делает* мир вокруг и *делает* самого себя. Что из этого опыта выйдет, зависит от метода и поставленной цели.

Прогрессисты видят в прошлых временах примитивизм и тьму невежества, консерваторы от духовности верят, что пару тысяч лет назад люди были гораздо ближе к «духу». Мы вообще любим превращать Время в некий однозначный процесс, протекающий в воображаемом духовном пространстве. А ведь в этом нет никакой нужды.

Понимать мировые процессы как эволюцию или как деградацию – одинаково неверно. Происходят *изменения*, вот и все. Никто не знает конечной цели. Тональ изменяется по тем законам, которые *сам же* и сотворил. Любое положение тоналя имеет свои плюсы и минусы.

Две тысячи лет назад люди были не лучше и не хуже, не ближе и не дальше от Духа, чем мы. Они просто были *другими*.

Сегодня, как в прошедшие времена, мы имеем инструменты для достижения Трансформации, соответствующие эпохе. Уверен – они ничем не хуже, чем у древних. Возможно, даже лучше. Надо лишь научиться ими пользоваться.

Не стоит шарахаться от Времени и изменений, тянуться к старине, предаваясь «духовной археологии», чтобы реставрировать человека таким, каким он был две – две с половиной тысячи лет назад.

Необходимо принять сегодняшний мир и найти новую трансляцию универсального намерения. Не вытаскивать на свет Силу Древних (кто знает, хороша ли она для нас теперь?), а обрести Силу Настоящего. Взять этот колоссальный информационный поток и интегрировать его, превратить его в такую систему символов и мета-понятий, чтобы сверхплотные информационные поля не угнетали и не казались разрушающими для нашего духа, а наоборот – давали энергию для трансформации. *Вот настоящий вызов*.

Возвращаться же назад, чтобы воспроизвести мудрость Будды, Иисуса, ведических риши, тибетских визионеров – это хоть и красиво, и подвижничество, но, с точки зрения вечного движения Жизни, – своего рода «дезертирство».

Я полагаю, что подлинный дух – это всегда проекция *настоящего, сегодняшнего*, со всеми присущими ему скоростями и плотностью информации, с динамично меняющимися моделями описания. Сегодня он

такой. И наше место – в *сегодняшнем мире*, а не в древней Индии, Китае, и не в древнем Израиле с его старым Богом Иеговой и новым – Иисусом из Назарета.

Мне кажется, люди, которые ищут и находят духовность в религиозных традициях, бессознательно страшатся «сегодняшнего», а потому скрываются в убежищах. Они просто *не знают, как* им жить сегодня, сейчас, в этом стремительном мире, *как* черпать Силу и Дух из того, что дано Временем (которое ведь не время вовсе, а отражение энергетического *острия* окружающего нас поля). Поэтому они закрывают глаза руками и говорят: «Ничего не знаю, ничего не вижу, живите как хотите, а я *верую и буду верить* в то, что освящено тысячелетиями!» И есть кому авторитетно сказать с амвона: «Правильно, дети, это – Дух, это – Истина. Окружающий же вас мир – скверна, и спастись от скверны поможет только наша древняя мудрость». Главное – не открывать глаза, чтобы не рассеялась благодать.

Некоторые сторонники кастанедовского нагуализма наивно пытаются подражать религиозной духовности. Они не понимают, что принадлежат как бы совсем к «другой породе», что их сущность – не «древние толтеки», которые то ли были великими магами, то ли не были, что у них *нет традиции*, так же как, по словам дона Хуана, «у воина нет родины». Их судьба – быть *сегодня*, отражать и трансформировать *сегодняшний мир* и сегодняшнего себя, а не бежать в Мексику, чтобы найти там секретные «магические линии», раскапывать пирамиды и поклоняться Кетцалькоатлю-Орлу. **Сама природа нагуализма – быть на острие Энергии, которую наш тональ понимает как Время.**

В этой книге мы говорили об одном из путей «великого делания» – о *сновидении*. Как любой путь познания, он только инструмент. Будучи нацеленным на самую сердцевину нашей природы – *осознание*, путь сновидения может преобразить нас и наполнить жизнь новым светом, но может и погубить – запутать, околдовать, взять в плен и погрузить в сумрачные глубины, где обитают лишь призраки деформированного восприятия.

С одной стороны, *сновидение* – пространство, где может воплотиться вся бесконечность человеческих способностей. Это неизведанная целина для странствий и постижений. Это непосредственно данное поле, где работа с вниманием и энергией восприятия разворачивается очевидным образом. Здесь, в сновидении, мы имеем возможность узнать и ощутить силу и мудрость безупречности, внутренней чистоты, которая автоматически понимается как нравственность, «безгреховность». Здесь мы узнаём, что *правильным и естественным* для развивающегося человека является *свобода от зла*.

С другой стороны, *сновидение* – область разрушительных сил, открытые врата, через которые обретают силу и плоть образы, возникшие вследствие искажений и болезней нашего сознания. Если они берут верх, то сновидящий входит в резонанс с энергетическими потоками и структурами, которые не трансформируют, а убивают.

И все же, понимая всю рискованность предприятия, мы не можем игнорировать мир сновидения. Нельзя взять «в работу» только одну, меньшую часть себя и уповать на радикальное изменение своей *целостности*. Неосвещенные поля энергетического тела станут неодолимым грузом, балластом, всегда будут возвращать практика к его прежней ригидности, как бы высоко он ни поднялся. И это не метафора.

Порой сновидящих (как, впрочем, и сталкеров) подозревают в маниакальном стремлении при помощи этой дисциплины обрести магические сверхспособности. Мол, высокие слова «Свобода» и «Трансформация» нужны только для того, чтобы скрыть подлинный мотив нагуалиста – желание стать магом. По мнению этих критиков, трансформации можно достичь, не касаясь опасных областей, где бушует энергия «сомнительной» чистоты. Я считаю такую позицию *идеалистической*.

Человека нельзя разделить на части. Нельзя спасти душу и выбросить тело на свалку, как энергетические отходы, не подлежащие переработке. Тем более нельзя отделить «светлое», управляемое пространство *осознания* и поместить его в Вечную Жизнь. В лучшем случае, это иллюзия, недолговечная греза.

Мы существуем как *целостность* и вынуждены работать с этой целостностью. А потому нам нужен доступ ко всем частям своего существа – доступ, который обеспечивается определенной чувствительностью. И мы узнаём в процессе работы, что многие виды чувствительности человек имел, но давно утратил, а иными не владел никогда.

Практика *сновидения* – способ вернуть утраченную чувствительность или развить ее с нуля. Я убежден, что для целого ряда темных областей энергетического тела никакого другого способа трансформации, кроме *сновидения*, просто не существует. То же самое касается сталкинга, и сверхъестественные способности здесь не причем. Магия, «скрытые силы» – все это лишь побочный эффект.

Но именно побочный эффект более всего смущает представителей «подлинной духовности». При этом магические силы путают с естественным расширением перцептивных возможностей и тем усилением чувствительности, который необходим для трансформации. С точки зрения Церкви, все это – «оккультизм»[33]. Ортодоксальная религия желает видеть человека как *нечто завершённое*, как творение, которое не может и – более того – *не должно* эволюционировать в посюстороннем мире. «Специальная психическая тренировка», направленная на выявление дремлющих потенций («скрытых сил»), несовместима с культивируемым гомеостазисом, ибо человек может быть ведом лишь Господом и без Его помощи на самопознание не способен.

В то же время перцептивные и психоэнергетические способности человека не только не исчерпаны, но и не изучены в должной мере. Мы не представляем себе, где находится граница человеческих возможностей. В любом случае она пролегает очень далеко от наших традиционных представлений, и, следовательно, человек полон скрытых сил, получивших пугающее название «оккультных».

Я нисколько не имею в виду сомнительные откровения, на которых бесконечно спекулируют новейшие мистики и теософы. Для того чтобы задуматься над неосвоенными способностями человеческого восприятия и энергетики, достаточно опираться на экспериментально подтвержденные наблюдения психофизиологов и биологов. Человек является источником сложного спектра излучений и потенциально способен воспринимать их, влиять с их помощью на среду. Это – та часть побочных эффектов психоэнергетической трансформации, которая уже сегодня соприкасается с естественнонаучным описанием. Сюда относится, например, дистантное воздействие психической саморегуляции на неживые и живые объекты (А. Ромен и В. Инюшин), инфранизкочастотные колебания, излучаемые телом человека на большие расстояния[34], которые в результате тренировки внимания могут быть доступны восприятию и нести определенную информацию о состоянии организма, его местоположении и т.д., а также многие другие эффекты и феномены, исследование которых пребывает на начальной стадии.

Все это лишь первые намеки на перспективы психоэнергетического тренинга. Толтекская дисциплина через осознанное сновидение прокладывает путь к целому ряду явлений, о которых мы имеем весьма смутное представление. Если квантовая концепция сознания хотя бы частично соответствует реальному положению дел, то работа по совершенствованию внимания способна кардинальным образом изменить онтологический статус человека. Как полагают некоторые исследователи, сознание, будучи регулятором декогерентных квантовых процессов, способно на практике использовать свойства «запутанных состояний»: «Полный контроль над энергией можно определить как возможность перевода этой энергии в чистое запутанное состояние и проявление ее в произвольном пространстве событий. (...) Рецепт бессмертия (в общепринятом смысле слова) заключается не в том, чтобы поддерживать свое бренное тело различными манипуляциями с его плотной составляющей, а в том, чтобы за время предметной жизни сделать свое сознание полноправным хозяином всей энергетической структуры»[35].

И все равно, несмотря на заманчивость всяких «способностей» и «сил», я настаиваю на том, что они не являются целью предпринятого проекта. Как только интерес практика смещается в их сторону, подлинный прогресс (*усиление осознания*) останавливается и возникает реальная угроза деградации.

Авантюристы, применяющие энергетическое сновидение для конкретных магических влияний, сражений с неорганическими существами, поиска Силы в мире эгоистических манипуляций, не получают от своих опытов ни света, ни свободы, ни Трансформации.

Обретя некоторую интенсивность и энергетичность внимания, осознания, тела сновидения, они вовлекаются в «практическую магию» и забывают об изначальном намерении толтекского Пути. Дальнейшее усиление осознания начинает казаться упражнением, которое можно оставить «на потом».

Это – *ловушка сновидения*. Зачем просыпаться? «Светоносные» опыты превращаются в самозабвенные странствия по бесконечным лабиринтам бессознательного и архетипическим пространствам «мира магов». Они затягивают в себя, гипнотизируют. Вместо перехода на новые уровни, обращения к новым

энергиям и интегрирующим полям сновидец просто эксплуатирует паранормальные способности и наслаждается странными играми собственного воображения.

Другая *ловушка сновидения*, омрачающая опыт, – это погруженность в безмолвное знание о сокровенном смысле человека и универсума. Безмолвного знания не избежать. Оно накатывает могучими волнами и всегда открывает нечто величественное, вызывающее желание склониться и «вдыхать воздух Истины». Это естественная реакция на открывшуюся энергетическому телу Бесконечность.

И здесь возникает сильное искушение *назвать* безмолвное знание, транслировать его через язык в виде формулы Откровения. Формула становится Истиной, Законом, Догмой. Как только это происходит, дальнейшее познание становится невозможным.

Важно понимать, что *в нагуализме нет* «*Откровения*».

«Откровение» – это когда Высшая Сила по Своей воле что-то *открывает* человеку. И если дон Хуан употреблял слово *дух*, использовал выражения вроде «таково было *решение духа*», то это – язык метафоры. Контакт с *духом* – это резонанс с глубинной частью самого себя, это *чувство* безмолвного знания Бытия, а не общение с какой-то сущностью, большей, чем человек.

Чтобы извлечь из опыта подлинное, «светоносное» Знание, нагуа-лизм стремится смотреть на всякое описание мира *снаружи*. Это не значит, что искатель должен встать на позицию какой-то непривычной системы или вероучения. «Снаружи» – это из позиции я *не знаю*, которую еще называют «сократической». Иными словами, вы не становитесь ни на какую позицию, не отождествляете себя ни с какой картиной мира, но *в равной степени все подвергаете сомнению*.

Все поля опыта равны перед аппаратом нашего исследования, все модели и гипотезы – только материал, сослагательное наклонение. Этим методом пользуется наука, благодаря ему возможен переход из одной парадигмы в другую. Только так мы можем *принести свет* – реально расширить свой мир и свое сознание.

Это путь трезвомыслящего сновидца. Он не уносится в мир грез, беспочвенных надежд и упований. Напротив, сновидящий превращает *мир сновидения* в актуальную реальность, где нет метафизических истин, где опыт так же относителен, а критическое мышление так же необходимо. *Мир сновидения* безупречного воина – это энергетическое поле, где происходит Жизнь, бесконечное познание и Трансформация. **Это обретение Реальности.**

Алексей Ксендзюк
октябрь 2004 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Об «объемном сознании» как эффекте определенных психотехнических процедур см. в работе О. Г. Бахтиярова «Деконцентрация». – К.: Ника-Центр, 2002.

[2] А. Н. Кондратьев. Журнал анестезиологии и реаниматологии. – № 10, 1999.

[3] См. Ш. С. Ташаев, Р. Ш. Аджиев. Заметки к освоению опыта надличностных уровней переживаний, возникающих в виде «базовых перинатальных матриц» по классификации С. Грофа. – Институт Психотерапии и Трансперсональной Психологии, Санкт-Петербург. Ссылаясь на эти данные, авторы пишут: «Иными словами, вопрос не в способе и «качестве» анестезии во время дачи наркоза или в физиологическом состоянии человека в какой-то конкретный момент времени (сон, различные уровни бодрствования и даже клиническая смерть), а в отсутствии или недостаточности ретранслирующих это сознание «устройств». Возможно, поэтому в современной медицине нашел широкое практическое применение метод биологической обратной связи, который устраняет недостаточность коммутирующих человека с сознанием устройств техническими средствами. Таким образом, ортодоксальный подход к вопросу о взаимоотношении Человека и Сознания, то есть рассмотрении сознания как «реализации-функции» какой-либо части тела Человека не имеет решения».

[4] Любопытно, что для серединной позиции также есть аналогия в квантовом мышлении о Реальности. Это напоминает «волну вероятности» В. Гейзенберга. «Они [атомы и субатомные частицы. – *А. К.*] образуют мир потенций или возможностей, а не мир вещей и фактов. Волна вероятности... означает тенденцию... Оно [понятие о волне вероятности. – *А. К.}* вводит нечто, стоящее посередине между идеей события и действительным событием, странный вид физической реальности как раз посередине между возможностью и действительностью». (Подробнее см. W. Heisenberg. The Physicist's Conception of Nature. N. Y., 1958, а также В. Гейзенберг. «Физика и философия» в русском переводе.)

[5] Hameroff, S. R. amd Roger Penrose. Orchestrated Reduction of Quantum Coherence in Brain Microtubules: A Model for Consciousness. In S. Hameroff, A. Kaszniak, and A. Scott (Eds.), Towards a Science of Consciousness: The First Tucson Discussions and Debates. – Cambridge, MA: MIT Press. – p. 115. А также:

Hameroff, S. R. Quantum Coherence in Microtubules, a Neural Basis for Emergent Consciousness? – Journal of Consciousness Studies, 1994. – 1 (1), 91.

[6] Если какие-то моменты в этом алгоритме вам неясны, см. А. Ксендзюк. Человек неведомый: Толтекский путь усиления осознания. К. : София, 2004. Там вы найдете разъяснение терминов и описание псхических механизмов, лежащих в основе практики безупречности и сталкинга.

[7] О. Г. Бахтияров. Деконцентрация. – К.: Ника-Центр, 2002. – С. 9.

[8] Если исключить аутогенность состояния (что является техническим преимуществом процедуры), то мы находим здесь сходство с т. н. алертным гипнозом, который, по мнению О. Г. Бахтиярова, включает в себя объемную деконцентрацию внимания – расширение поля внимания, в котором объекты, процессы и явления вовлекаются в перцептивную среду со всей совокупностью их пространственных и локально-детерминативных связей. «Пациентам даются команды на фоне интенсивной физической работы усиливать свое включение в окружающую среду, формировать состояние повышенной активности и бдительности. По нашему мнению, ключевым моментом установления суггестивного контроля здесь становится формирование объемной деконцентрации внимания, при которой введение новых элементов, в частности суггестивных команд, становится частью перцептивной картины и не выделяется в качестве отдельно фиксируемого элемента». (О. Г. Бахтияров. Деконцентрация. с. 35-36.) А также: «Как правило, наблюдается скачкообразное повышение тонуса и возникает переживание интенсивного включения в окружающую среду. В этом состоянии сохраняется возможность перемещения в пространстве без разрушения дКВ (деконцентрации внимания)». (Там же, с. 19.)

[9] Здесь уместно вспомнить слова самого Налимова:«... в современной физике материальный мир рассматривается как проявление потенциальности, заложенной в физическом вакууме. Точно так же в нашей модели семантический мир рассматривается как проявление потенциальности, заложенной в вакууме семантическом». И далее: «Как физический вакуум, так и вакуум семантический – это отнюдь

не пустые пространства, а скорее колыбели Миров, проявляющиеся в одном случае в виде элементарных частиц, в другом – в виде семантических текстов». (В поисках иных смыслов. – М., 1993.)

[10] Пространственная идея (здесь «непосредственная близость») является тональным отражением некоторых элементов перцептивной сборки, которые охватывают пересекающиеся зоны и активизируют этим поля двух тел (физического и сновидческого) с равной интенсивностью. На самом деле никакого расстояния здесь не существует, как и привычного нам пространства.

[11] Ассоциации тоналя, касающиеся формы тела, имеют свой источник в бессознательных и довольно древних идеях. Открытие второго тела напрямую связано с концепцией метаморфозы, превращения. Так что не удивляйтесь, если в этом состоянии обнаружите у своего сновидческого тела крылья, хвост или клюв. Это еще далеко не оборотничество, а лишь реанимация первобытных мифологем.

[12] Органические повреждения мозговой ткани (биофизического субстрата) сами по себе не смещают точку сборки. Я имею в виду иной механизм: нарушения нейронных связей, их реорганизация ведет к изменению условий, в которых осуществляется привычная сборка перцептивных сигналов. Иными словами, мы наблюдаем некоторую разновидность перцептивного и когнитивного диссонанса. Психоактивные вещества вызывают такие диссонансы, влияя на распределение перцептивно-энергетических полей в нейронном поле через химическое давление на него. Психотехники добиваются того же, используя энергетический потенциал произвольного внимания. Травмированный, поврежденный мозг производит разнообразные диссонансы за счет изменений в клеточной организации и вынужденной перестройки синаптических связей. Во всех случаях это лишь предпосылки. Когда сила диссонанса настолько велика, что тональные механизмы не могут ее компенсировать или адаптировать, сдвиг точки сборки становится неизбежной реакцией.

[13] Термин достаточно условный. С ним можно согласиться лишь в том случае, если считать сенсорной перцепцией только те сигналы, которые поступают через специализированные каналы (так называемые «органы чувств»), что не вполне корректно. Ведь любая перцепция по определению – сенсорная, какой же ей еще быть?

[14] О. Г. Бахтияров, поясняя, что такое «рефлексия» в данной модели, в частности, пишет: «Наблюдать за вниманием можно, лишь опираясь на механизм, отличный от самого внимания. Этот механизм мы и будем называть рефлексией... Рефлексия есть наблюдение, не деформирующее объект наблюдения. Рефлексия – это то, что наблюдает «поведение» внимания». И дальше: «...опираясь на нее [рефлексию. – *А. К]*, можно увидеть, отметить и зафиксировать, как внимание искажает свой объект, как работают в поле восприятия перцептивные силы, как формируется и разрушается гештальт... Процесс формирования рефлексивной инстанции технически прост, но весьма «энергоемок». Первый шаг – разделение фокуса взора и локуса внимания». – О. Г. Бахтияров. Деконцен-трация,с.50-51.К.,2002.

[15] В. И. Эванс-Венц. Тибетская йога и тайные доктрины.

[16] Должен признаться, что изначально называл эти перцептивно-энергетические всплески «УЖАСОМ сталкера». Во-первых, выход за границы «человеческого мира» не может не сопровождаться ужасом (этот «ужас» подобен особому трепету, который при наличии самосознания испытывал бы младенец, покинув материнское чрево, – ведь перед ним новый и совершенно чужой мир, где младенческие чувства натыкаются на невыносимый холод взрослого разума, и только материнское тепло кажется ребенку «спасительным убежищем»). Во-вторых, образ мистического иудаизма («князья Величия, Страха и Трепета») показался мне впечатляющей и яркой аналогией.

И все же – называть это высокое прозрение «ужасом» неверно. Лингвисты знают, в какой степени называющее слово может искажать суть называемого явления. Полагаю, что система, в которой описание мира есть важнейший элемент, препятствующий ее конечной цели – Трансформации Человека, должна сторониться любых неоправданно эмоциональных терминов. По-моему, следует избегать тех «способов говорить», которые умножают искажения, которыми и без того переполнен человеческий тональ.

[17] Взято из www. fund-intent. Там же приведена краткая справка об авторах: Спивак Леонид Иванович, профессор, доктор медицинских наук, лауреат государственной премии СССР, ведущий научный

сотрудник Института мозга РАН, С.-Петербург; Спивак Дмитрий Леонидович, старший научный сотрудник группы нейрофизиологии мышления и сознания Института мозга РАН, С.-Петербург.

[18] Например: «Конечно, эти плоскости не находятся в каком-то определенном месте пространства и не расположены по отношению друг к другу в буквальном смысле «наверху» или «внизу». Можно только сказать, что они существуют одновременно в одном и том же месте пространства находясь в различных энергетических состояниях». (The Wiccan Mysteries. Ancient Origins & Teachings, 1997. – p. 60.)

[19] Оккультная метафизика «эфирных», «астральных» и прочих «тел» интенсивно развивалась на протяжении тысячелетий – особенно в восточных мистических системах. Эти идеи индийских метафизических школ сегодня трудно назвать примитивными, но суть их остается неизменной. Например, такой комментарий к древнеиндийской доктрине «тел», или «оболочек»:

«Уровень субъективного восприятия рассмотренных ранее «полей жизни», создающих «энергетический каркас» биологических объектов, относится к ПРАНАМАЙЯ КОШЕ – «покрову дыхания» или «покрову жизни».

Согласно традиционным тантрическим представлениям, этот покров состоит из «жизненной силы» (праны), поглощаемой любыми живыми существами из воздуха в процессе дыхания. (...)

Пранамайя включает в себя два слоя: «грубой» Праны (Стхула Прана) и «тонкой» праны (Сукшма Прана).

Стхула Прана, называемая в оккультной традиции «эфирным двойником» или «эфирным телом», – это уровень восприятия кожно-мышеч-ных, соматических ощущений, связанных с общим физиологическим тонусом. Указанный уровень восприятия несет информацию прежде всего о положении тела в пространстве и переживается как однородная «схема тела».

Это тело, данное нам во внутренних ощущениях, обладает некоторой независимостью от «грубого» физического тела: например, держа руку «грубого» тела неподвижно, мы без труда можем пошевелить «тонкими» («эфирными») пальцами.

Оккультная традиция утверждает, что посредством специальных методов «эфирное тело» может быть полностью экстериоризировано, т. е. выделено из физического тела». (В. Данченко. Принципиальные вопросы общей теории чакр.)

[20] Здесь следует вспомнить о концепции великого «квантового скачка», принятой в теоретической физике. Подробнее см. Fred Alan Wolf. «Taking the Quantum Leap», работы космолога Stephen Hawkings (Напр.: The Universe in a Nutshell) и др.

[21] «Значимость» сенсорного сигнала – это совсем не абстрактное понятие. Экспериментальная психология выяснила, какими конкретными характеристиками должен обладать значимый для человеческого внимания сигнал. Подробнее об этом можно узнать из работ по исследованию внимания в современной когнитивной психологии.

Здесь же достаточно указать самые важные параметры, определяющие значимость сигнала: активность (интенсивность), динамичность (подвижность), новизна. Последний параметр наиболее субъективен и тесно связан как с индивидуальной развитостью ориентировочного рефлекса, так и с личным «семантическим миром», принятым субъектом в качестве привычного (т. е. с особенностями инвентарного списка личностного «описания», тоналя). Параметр «новизны» самый гибкий и легко корректируется через установку и психическую саморегуляцию.

[22] В числе авторов английские и американские ученые Alan Stratchan (автор известной книги «Wisdom of the Dreaming Body» – «Мудрость тела сновидения»), Mitch Stargrove, Antonio Damasio, Lorna Incamala, Pierre Morin, E. Rossi. См. также неплохую работу Jeanne Achterberg «Imagery in Healing: Shamanism and Modern Medicine» («Воображение в целительстве: шаманизм и современная медицина»).

[23] Схожие сюжеты, связанные с исцелением, можно найти в уже упоминавшейся работе Jeanne Achterberg. Imagery in Healing: Shamanism and Modern Medicine, 2001, а также во многих работах, где рассматривается шаманское сновидение.

[24] Мысль эта высказана задолго до появления ленинской «теории отражения». О том же говорил Декарт, а до него ее тысячи раз повторяли на протяжении всей истории человеческого (тонального) мышления – начиная с мыслителей древней Индии, древнего Китая, доколумбовой Америки. Везде мы находим эту метафизику «отражения». Деятельный, творческий характер перцепции мог быть признан только самостоятельными мыслителями и мистиками, которые в любом обществе были маргиналами, непризнанными и подозрительными аутсайдерами. В. Налимов, например, отмечает: «...логика марксистско-ленинского атеизма смыкалась с логикой церковности. Последняя также опиралась на догматы, пренебрегая особенностями человека, который должен их воспринимать. Официальные христианские догматы в первом варианте были созданы еще на Никейском соборе в 325 г. и воспринимались как символ веры. В атеизме русского варианта партией также был провозглашен символ веры. Наблюдатель, творчески воспринимающий происходящее, в обоих проявлениях культуры был исключен». (В. В. Налимов. Разбрасываю мысли, М., 2000.)

[25] Труднее всего приходится читателю, выросшему и воспитанному в ситуации культурного монолога. Это народы Старого Света (той самой «цивилизованной» Европы, что уже столетиями культивируют, прежде всего, собственные плоды) и абсолютное большинство населения современных США, страдающее характерной самовлюбленностью и культурно-мировоззренческим снобизмом. Славянский, и особенно русскоязычный читатель в этом смысле имеет несомненные преимущества – он также поликультурен, как житель Латинской Америки, в меньшей степени отождествляет себя с конкретным этнически традиционным описанием мира. Кроме того, известные исторические события сделали его недоверчивым, что в нагуализме, с его трезвым и критичным духом, считается ценным качеством разума.

[26] Там, где речь идет о концепции «голографической Вселенной», я опираюсь на мысли, которые подробнее изложены в Michael Talbot. The Holographic Universe. Не все физики согласны с данным подходом. Голографи-ческая версия Вселенной по сей день остается предметом научных споров.

[27] См. например: Holonomy and Structure in the Organization of Perception. – Images, Perception and Knowledge, 1977 и др. публикации К. Прибрама.

[28] Один из сновидящих воспринял «предмет силы» как забытую детскую игрушку. Я процитирую небольшой фрагмент его отчета. Обратите внимание, что и в этом случае особое значение имеет сам факт приобретения («схватить» и «признать своим», т. е. частью своего энергетического поля). Цитата: «Я нахожусь в подземном лабиринте. Передо мной лежит какая-то игрушка, похожая на плюшевого зайца. Ее хочет взять какое-то непонятное существо и тянет к ней свои конечности. Но я первый хватаю эту вещь. Она оказывается «магическим артефактом» – взяв его, я приобретаю невероятную силу. Я держу в руке эту игрушку и говорю: у меня огромная Сила, теперь я могу все! Я понимаю, что могу менять все вокруг, подчинять всё своей воле. Взлетаю и оказываюсь в белом сияющем пространстве. Понимаю, что нахожусь в просоночном состоянии и пытаюсь снова войти в сон. Но если в прошлый раз это сопровождалось ревом, теперь я начинаю чувствовать давление и жжение чуть ниже пупка. Чем больше я прикладываю усилий для вхождения в сновидение, тем сильнее боль. Кажется, у меня из живота что-то вытягивают. Несмотря на это, я продолжаю прикладывать усилие, чтобы войти в сон. Вновь вижу себя в подземном лабиринте. Кто-то преследует меня, и я бегу. Но поскольку я теперь всесилен, мне нет нужды бегать по коридорам – я просто прохожу через стены, иду напрямик через любые препятствия. Прохожу сквозь толщу стен. После чего попадаю в новый коридор и смотрю на руки. Они выглядят настоящими». (Из отчета К.)

[29] Здесь, между прочим, заключена угроза «исчезновения» для Субъекта. Если мы возвысим безмолвное знание и приравняем его к Абсолютному Бытию, эта фиксация аннигилирует перцептивно-энергетические силы, хранящие нашу отдельность. По сути, это когнитивный путь достижения паринирваны – необратимого отождествления с Пустотой, с вечным и нерожденным.

[30] Цитируется по: Лу Куань Юй. Даосская йога. Алхимия и бессмертие.

[31] Думаю, сама возможность построения качественно новых перцептивных гипотез – эмерджентна. Понятно, что простое указание на эмерджен-тизм не объясняет механизма явлений; он лишь указывает

на то, что все изменяющиеся системы, которые мы наблюдаем, склонны порождать новые качества, как нам кажется, совершенно «беспричинно».

[32] В. Алексеев и А. Григорьев в книге «Религия антихриста» (Новосибирск, «Посох», 1994) пишут по этому поводу следующее: «В Библии упоминаются две основные формы лжерелигий: язычество, которое в скрытой форме является поклонением духам зла (Втор 32:17; Пс 105:37; 1 Кор 10:20) и человекобожие (Быт 3: 5; 2 Фес 2: 4): Эта религия не должна отрицать Бога, но понимание Его природы будет таким, что человек поклонится себе самому. Этой цели удовлетворяет лишь представление о Боге как о безличном духе. Человек может концентрировать его в себе и таким образом становиться единственной божественной личностью во Вселенной». И далее: «Таким образом, «Спаситель» является продуктом восходящей эволюции человека. Это вполне соответствует библейскому образу антихриста – если Христос есть Богочеловек, то антихрист будет человекобогом».

[33] Это видно из следующего определения: «Оккультизм – общее название учений, признающих существование скрытых сил в человеке и космосе, недоступных для обычного человеческого опыта, но доступных для «посвященных», прошедших через особую тайную инициацию (посвящение) и специальную психическую тренировку с целью достижения высшей ступени сознания, открывающего доступ к так называемым «тайным знаниям», лежащим в основе колдовства, магии, экстрасенсорики, биоэнергетики, уфологии и т. п». (Н. Кривельская, А. Алексеевский. Религиозная безопасность России: термины и определения. Москва – Белгород: миссионерский отдел Русской Православной Церкви, 1997,23 с.)

[34] Дистантные воздействия в результате психической саморегуляции открыты в биофизической лаборатории Алма-Атинского университета А. С. Роменом и В. М. Инюшиным в 1968 г. Результаты их опытов открыто изучались до 1984 г. и были неоднократно подтверждены как отечественными, так и зарубежными учеными. Инфранизкочастотные колебания человеческого организма открыты в 1982 г. Ю. В. Тарнуевым (Институт физиологии АН СССР).

[35] С. И. Доронин. Магия запутанных состояний (Интернет-издание «Физика магии», 2002).

ДРУГИЕ КНИГИ АЛЕКСЕЯ КСЕНДЗЮКА

После Кастанеды: дальнейшее исследование

Предлагаемая читателю книга посвящена уникальному магическому знанию американских индейцев – наследников древней толтекской традиции, – которое стало доступным благодаря книгам всемирно известного антрополога и оккультиста Карлоса Кастанеды. Используя мировоззренческие подходы, установки и методы дона Хуана Матуса, проводника Кастанеды в мир толтекской магии, автор анализирует совокупность фундаментальных идей, которые могут лечь в основу мировоззренческой и научной парадигмы, радикально отличающейся от принятой сегодня в нашей цивилизации.

Первая часть книги рассматривает историю формирования специфического для человека осознания, генезис жестко зафиксированного режима восприятия, который мешает нашему виду полноценно использовать свои энергетические возможности. Во второй части предлагается альтернативное описание вселенной и человека, формулируется новое направление исследований для достижения трансформации его природы и поиска нетехнологических путей развития. В центре внимания автора – энергетическая модель восприятия, позволяющая понять до сих пор необъяснимые феномены психики. Рассматриваются практические методы самоизменения, которые дают возможность читателю на собственном опыте постичь многие эффекты дон-хуановской магии.

Книга обращена к тем, кто исследует теорию и практику психофизической трансформации человека.

Тайна Карлоса Кастанеды

Анализ магического знания дона Хуана: теория и практика

Данная работа посвящена систематическому описанию и анализу магического знания дона Хуана, изложенного в книгах известного американского антрополога и оккультиста Карлоса Кастанеды. Читатель познакомится с философскими и психологическими предпосылками этого оригинального учения, а также с практической методикой, позволяющей достичь удивительных результатов.

Книга рассчитана на всех, интересующихся проблемами духовного развития и современным состоянием мировой оккультной мысли.

Видение нагуаля

Эта книга посвящена толтекскому *сновидению* и *видению* – уникальным методам развития восприятия, которые позволяют невообразимо расширить способности человека к познанию Реального Мира и действию в нем. Именно эти методы в значительной мере определяют успешность толтекской магии и являются ключевым инструментом тотальной трансформации человеческой природы. Основы данной дисциплины изложены в книгах великого мистика и антрополога конца XX века Карлоса Кастанеды. Здесь же предлагаются детализированные инструкции и технические приемы, разработанные и на практике проверенные автором, а также подробные описания измененных режимов восприятия («миры второго внимания»), с которыми имеет дело идущий по пути Трансформации.

Методология дисциплины и ее теоретические предпосылки изложены в книгах «Тайна Карлоса Кастанеды» (1995) и «После Кастанеды: дальнейшее исследование» (2001).

Данная работа является составной частью общей технологии Трансформации Энергетического Тела (ТЭТ). Другие важнейшие методы нагуализма – *безупречность, сталкинг* и *намерение* – станут предметом отдельных исследований.

P. S. Название книги не следует понимать буквально. Разумеется, увидеть *нагуаль* невозможно – ни обычными способами, ни с помощью толтекского *видения*. Всегда и везде мы можем говорить лишь о

максимально возможном приближении нашего восприятия к подлинной Реальности нагуаля. Однако в случае толтекского пути знания «прорыв» к нагуалю настолько значителен, что, давая название книге, автор решил позволить себе некоторую поэтическую вольность.

Человек неведомый

Толтекский путь усиления осознания

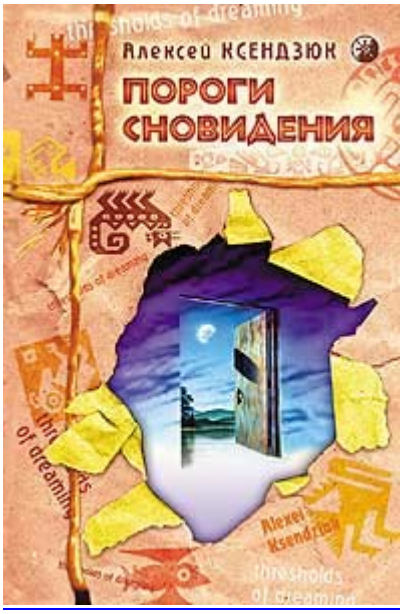
Это книга о двух фундаментальных дисциплинах толтекского знания, принципы которых описаны у Карлоса Кастанеды, – о безупречности и сталкинге. Безупречность и сталкинг – это совокупность психоэнергетических приемов, которые могут использоваться в повседневной жизни. Они не требуют транса или медитативного погружения – напротив, они предусматривают активное участие практика в социальных взаимодействиях, поскольку именно там человек получает и накапливает энергию при помощи специального контроля над осознанием. Здесь, в дневной жизни, жизни наяву, толтеки находят мощные источники Силы, контролируемое применение которой влечет за собой непостижимые эффекты и феномены.

Управление собственной судьбой, использование энергий планетарного поля и взаимодействие с ними, влияние на пространство и время, на причинно-следственные связи – плоды безупречности и сталкинга, необходимая и неотъемлемая часть трансформации энергетического тела. Безупречность высвобождает такой объем энергии, что вы можете непостижимым образом оказаться перед остановкой мира или сновидением-наяву, – феноменами, радикально меняющими вашу природу.

http://books.sleepline.ru/articles62.html

Алексей Ксендзюк

«ПОРОГИ СНОВИДЕНИЯ» («София», 2005)



Способен ли человек в сновидении воспринимать какие-то области реального мира? Можно ли во сне познавать внешний Мир и воздействовать на него?

Индейские шаманы, о которых писал Кастанеда, утверждали, что при помощи специальной дисциплины мы можем этому научиться.

Толтекская практика сновидения – ключ к древней магии и путь превращения человека в более могущественное и свободное существо. Эта книга о том, как научиться посещать иные миры в состоянии сновидения, влиять на Реальность, изменять собственное энергетическое тело. Автор раскрывает суть таких явлений, как внимание сновидения и тело сновидения, предлагает технологическое описание практики их достижения и отвечает на многие вопросы, возникающие по мере исследования миров сновидения.

http://www.nagualism.ru/newcycle/press.html

http://nag.maluke.com/apk/

Алексей Ксендзюк

«ПОРОГИ СНОВИДЕНИЯ» («София», 2005)

Презентация книги и лекция автора

На протяжении 16 лет Алексей Петрович Ксендзюк исследует возможности философско-практического учения, основное содержание которого изложено в книгах выдающегося антрополога Карлоса Кастанеды (1925-1998). Наука о восприятии и осознании, которую сам Кастанеда со слов своего учителя (Нагваля Хуана Матуса) называл «толтекской», направлена на целостную Трансформацию человеческой природы – обретение Свободы восприятия всего диапазона Реальности. Максимальное расширение способности воспринимать и познавать Мир неразрывно связано с изменением структуры Энергетического Тела человека и возрастанием его потенциала – «личной силы».

Автор предпочитает называть науку «толтекских магов», оставленную нам в книгах американского антрополога, – нагуализмом.

Поскольку американский антрополог в конце жизни утверждал, что «старый цикл развития учения завершён», и «Правило», им управляющее, больше не работает, А. П. Ксендзюк исходит в своих исследованиях из того, что состояние человека сегодня изменилось, а потому мы имеем право говорить о «нагуализме Нового Цикла».

Таким образом, перед человеком, стремящимся реализовать свой «магический» потенциал, возникает новый вызов – задача перестроить науку «толтекских видящих» так, чтобы она соответствовала нашей эпохе. Это касается как философии (языка описания энергетической Реальности), так и психотехнических методов – сталкинга (самовыслеживания), достижения безупречности, не-делания, остановки внутреннего диалога, внимания сновидения и проникновения в иные миры восприятия.

Уникальное знание Хуана Матуса, опирающееся на представления древних индейских шаманов, более не является закрытой традицией, неизменной в своём консерватизме. Оно открыто для новых интерпретаций и модернизации подходов к Трансформации человеческого восприятия и энергетики.

А. П. Ксендзюк посвятил пять книг разработке системного подхода к учению и «проекта Трансформации Человека», исследуя различные его аспекты на собственном опыте. Результаты многолетней работы убеждают автора в том, что этот подход может быть реализован современным человеком в условиях нашей технологической цивилизации. Возможно, именно нагуализм, впервые описанный Карлосом Кастанедой, переосмысленный и адаптированный, станет эффективной альтернативой дальнейшей эволюции человеческого вида.

Презентацию пятой книги Алексея Ксендзюка «Пороги сновидения» сопровождает ЛЕКЦИЯ самого АВТОРА, где будут рассмотрены основные аспекты данного направления трансформационной работы – как философские, мировоззренческие (концепция «описания мира»), так и практические (главные психотехнические приемы и направления дисциплины).

СОДЕРЖАНИЕ ЛЕКЦИИ

I ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ОПИСАНИЕ МИРА

1.1. Как работает осознание и почему оно делает нас рабами «человеческой формы» – биологии, психологии и социальных стереотипов.

1.2. Внимание – восприятие – энергия.

1.3. Освобождение от «описания мира» – путь к энергетической свободе тела и осознания.

II МЕТОДЫ И ПРАКТИКИ

2.1. Очищение тоналя: безупречность и сталкинг.

2.2. Проникновение в «Иное»: не-делание, остановка внутреннего диалога, сновидение.

2.3. «Семантический вакуум».

2.4. Внимание.

2.5. Внимание и восприятие как энергообменные процессы.

2.6. Внимание внимания.

2.7. Психотехнические навыки:

(1) не-делание

(2) четыре уровня остановки внутреннего диалога

(3) накопление энергии через перенос внимания на энергетическое тело, планетарное поле и другие (обычно неиспользуемые) источники: дыхание, энергия стихий, «места Силы» и т.п.

III СНОВИДЕНИЕ

3.1. Установка на энергетическое сновидение (намерение):

(1) Неразделение модусов «явь» – «сновидение». Интеграция внимания и осознания.

(2) Интенсивность и непрерывность намерения и практики.

(3) Восприятие реальности энергетического тела.

(4) Восприятие внимания как силового процесса.

3.2. Проникновение в сновидение (внимание сновидения).

3.3. Два способа «вхождения» в сновидение:

(1) верхний сдвиг точки сборки,

(2) прямой сдвиг точки сборки.

3.4. Схемы ежедневных занятий для сновидения.

IV ВНИМАНИЕ СНОВИДЕНИЯ

4.1. Отличие внимания сновидения от второго внимания.

4.2. Точки психоэнергетической стабильности («проекция места»).

4.3. Пульсирующая природа внимания сновидения и второго внимания. Методы работы с »пульсацией».

V ТЕЛО СНОВИДЕНИЯ И ЕГО РАЗВИТИЕ

5.1. «Сборка» – «разборка» воспринимаемого материала («энергетических эманаций»).

5.2. «Сборка» тела сновидения наяву посредством физического тела в трех специальных состояниях – на первом уровне ОВД, на фоне не-делания (тело – среда, части тела – тело), на фоне чувствования энергетического тела.

5.3. Усиление тела сновидения в процессе сновидения.

VI МИРЫ ВТОРОГО ВНИМАНИЯ

6.1. «Первый мир» второго внимания и его особенности.

6.2. «Территория сновидения». Зоны ясной перцепции (восприятия) и зоны «архетипической спутанности».

6.3. Область сигналов, где возможно стабильное и адекватное восприятие. «Правые» и «левые» области, ведущие сновидца к зонам архетипической и иной «спутанности». Как «пройти» по «зоне ясного восприятия» как можно дальше и вернуться в наш мир.

6.4. Перцептивные феномены и контакты с энергетическими «сущностями».

VII «ПРОБУЖДЕНИЕ» (ДУБЛЬ И ТЕЛЕПОРТАЦИЯ)

VIII ВИДЕНИЕ: ДОСТИЖЕНИЕ, ОПИСАНИЕ, МЕХАНИЗМ ВИДЕНИЯ.

Ответы на вопросы слушателей.

Книги и статьи Алексея Ксендзюка, отрывки из еще не опубликованного (пополняется)

Пороги сновидения:

http://books.sleepline.ru/

Качественная копия "Тайна Карлоса Кастанеды"

http://www.fund-intent.ru/pubs_p.asp

http://castaneda.dzr.ru/cc/books.htm

Качественная копия "Человек неведомый" в виде doc:

http://www.e-puzzle.ru/view.php?w=all

Скачать:

http://www.e-puzzle.ru/getfile.php?f=Ksendzuk-ChelovekNevedomiy.rar

http://www.koob.ru/ksendzuk_aleksej/